

НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН

Гуманитарные науки

Казань 2012

Научный рецензируемый журнал
Учредитель – Академия наук Республики Татарстан

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
29 октября 2009 года. Регистрационный номер ПИ № ФС77-37866

Журнал ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным
направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 10.00.00 (филологические науки),
12.00.00 (юридические науки)

Главный редактор – президент АН РТ, академик **А.М. Мазгаров**
Заместитель главного редактора – директор Института истории АН РТ,
академик АН РТ **Р.С. Хакимов**

Выпускающий редактор, ответственный секретарь –
главный редактор издательства «Фэн» АН РТ,
кандидат исторических наук **Б.Л. Хамидуллин**

Редакционная коллегия:

Багаутдинов Ф.Н., доктор юридических наук (Казань),
Бальдауф Ингеборг, доктор исторических наук, профессор (Берлин),
Васильев Д.Д., кандидат исторических наук, профессор (Москва),
Вашари Иштван, доктор исторических наук, профессор (Будапешт),
Ганиев Ф.А., доктор филологических наук, профессор (Казань),
Девлет Надир, доктор исторических наук, профессор (Стамбул),
Загидуллин И.К., доктор исторических наук, доцент (Казань),
Кляшторный С.Г., кандидат исторических наук, профессор (Санкт-Петербург),
Миннуллин К.М., доктор филологических наук, профессор (Казань),
Мухаметшин Р.М., доктор политических наук, профессор (Казань),
Мухаметшина Р.Ф., доктор педагогических наук, профессор (Казань),
Саликов М.С., доктор юридических наук, профессор (Екатеринбург),
Трепавлов В.В., доктор исторических наук, профессор (Москва),
Фаткудинов З.М., доктор юридических наук, профессор (Казань),
Хайрутдинов Р.Р., кандидат исторических наук, доцент (Казань),
Хасанова Г.М., кандидат филологических наук (Казань),
Хузин Ф.Ш., доктор исторических наук, профессор (Казань),
Шамильоглу Юлай, доктор исторических наук, профессор (Мадисон).

Адрес редакции:

420111, Казань, ул. Баумана, 20

Телефоны:

Гл. редактор – 292-40-34

Зам. гл. редактора – 292-84-82

Ответ. секретарь – 292-15-64

E-mail: anrt@rambler.ru

(для редакции «НТ»)

Редактор *В.П. Лашенова*

Технический редактор

В.Н. Галкина

Переводчик *Д.К. Вахитова*

Компьютерная верстка

В.В. Калинин

Подписано в печать 11.09.2012.

Формат 70x108 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Печ. л. 15,0. Усл. печ. л. 21,0.

Тираж 500 экз.

Заказ 09-12/07-2.

Отпечатано в типографии «Логос».

420108, г.Казань, ул.Портовая, 25 а

Тел.: (843) 231-05-46, 231-05-61

Факс (843) 231-08-71

E-mail: citlogos@mail.ru

www.logos-press.ru

© Коллектив авторов, 2012

© Издательство «Фэн» АН РТ, 2012

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

- 7 **Хакимов Р.С.** Евразия: история будущего (отрывки)

ИСТОРИЯ

- 23 **Габдрафикова Л.Р.** «Товарищ Апанаев! – обращаются к нему рабочие...» (о потерянном поколении татарской молодежи начала XX века: на примере биографии Абдулхамида Апанаева)
- 31 **Мухамедьяров Ш.Ф.**, **Хамидуллин Б.Л.** «Казанское взятие»: взгляд из XXI века
- 41 **Пилипчук Я.В.** О «Татарских известиях» одной саги
- 62 **Рахимов И.С.** Абдурахман Умеров и становление медресе «Низамия» в г. Астрахани (конец XIX – начало XX вв.)
- 66 **Столярова Г.Р.** Татарско-марийские отношения в Среднем Поволжье в XIX – начале XX вв.
- 75 **Таймасов Л.А., Исхаков Р.Р.** Миссионерско-просветительская система Н.И.Ильминского и народы Волго-Уралья
- 87 **Файзрахманов И.З.** Лашманы
- 92 **Хамидуллин Б.Л., Измайлов И.Л., Измайлов Б.И.** История Казанского ханства в трудах отечественных историков (1920–1950-е гг.)
- 114 **Хамидуллин Б.Л., Измайлов И.Л.** Нарративные источники по истории Казанского ханства
- 130 **Хамитбаева Н.С.** Социально-сословный состав и общественное разделение труда в татарских общинах городов Поволжья и Приуралья в конце XIX века

ФИЛОЛОГИЯ

- 141 **Аmineва В.Р., Ибрагимова Л.Г.** Типы субъектных ситуаций в романе А.Белого «Петербург» и повести Г.Рахима «Идель»
- 154 **Вахитова Д.К.** Об определении понятия «инвективная лексика»
- 163 **Загидуллина Д.Ф.** Внутрилитературный синтетизм (первая треть XX века)
- 176 **Ибрагимов М.И.** Модернизм в творчестве Гали Рахима
- 181 **Михаэль Фридерих.** Габдулла Тукай – высококочтимый поэт на службе татарской нации и советского социализма
- 208 **Небольсина М.В.** Диалог между татарской и русской культурами как основа творческой индивидуальности Рустема Кутуя

ВОПРОСЫ ЭКОЛОГИИ

- 212 **Латыпова В.З.** Уровненный режим Куйбышевского водохранилища: экологические и экономические аспекты
- 217 **Нигматуллина Э.Ф.** Проблемы зонирования территорий городов в современных условиях

НОВЫЕ КНИГИ. РЕЦЕНЗИИ

- 223 **Елена Ретфалви.** Критическое осмысление культуры как диалог с читателем (отклик на книгу Ю.Г. Нигматуллиной «Татавангард и современный цивилизационный процесс»)

- 226 ХРОНИКА ЖИЗНИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

HISTORICAL LEGAL ASPECTS OF STATE FORMATION

- 7 **Khakimov R.S.** Eurasia: the history of the future (fragments)

HISTORY

- 23 **Gabdrafikova L.R.** «Comrade Apanaev – workers apply to him ...» about the lost generation of the Tatar youth at the beginning of the XX century: on the example of Abdulkhamid Apanaev's biography
- 31 **Mukhamedyarov S.F.**, **Khamidullin B.L.** «The conquest of Kazan»: view from the XXI century
- 41 **Pylypchuk Ya.V.** About «Tatar data» of one saga
- 62 **Rakhimov I.S.** Abdurakhman Umerov and the establishment of «Nizamiya» in Astrakhan (the end of the XIX – the beginning of the XX centuries)
- 66 **Stolyarova G.R.** Tatar-Mari relations in the Middle Volga region in the XIX – the beginning of the XX centuries
- 75 **Taimasov L.A.**, **Iskhakov R.R.** Missionary educational system of N.I. Ilminsky and peoples of the Volga-Ural region
- 87 **Faizrakhmanov I.Z.** Lashmans
- 92 **Khamidullin B.L.**, **Izmailov I.L.**, **Izmailov B.I.** The history of the Kazan Khanate in the works of local historians
- 114 **Khamidullin B.L.**, **Izmailov I.L.** Narrative sources on the history of the Kazan Khanate
- 130 **Khamitbaeva N.S.** Social and caste composition and the social division of labor in the Tatar communities in the cities of the Volga and Ural regions at the end of the XIX century

PHILOLOGY

- 141 **Amineva V.R.**, **Ibragimova L.G.** Types of subjective situations in the novel by A. Bely «Petersburg» and in the story by G. Rakhim «Idel»
- 154 **Vakhitova D.K.** The problem of the definition of the term «invective»
- 163 **Zagidullina D.F.** Intraliterary synthesization (the first third of the XX century)
- 176 **Ibragimov M.I.** Modernism in the creative activity of Gali Rakhim
- 181 **Michael Friderich.** Gabdoullah Tukay (1886–1913) – highly honoured poet at the service of the Tatar nation and the Soviet socialism (fragments)
- 208 **Nebolsina M.V.** Dialogue between Tatar and Russian cultures as the basis of creative personality of Rustem Kutuy

PROBLEMS OF ECOLOGY

- 212 **Latypova V.Z.** Level regime of Kuibyshev reservoir: environmental and economic aspects
- 217 **Nigmatullina E.F.** Problems of zoning of cities in modern conditions

NEW BOOKS. REVIEWS

- 223 **Elena Retfalvi.** Critical interpretation of the culture as a dialogue with the reader

ACTIVITY CHRONICLE OF TATARSTAN ACADEMY OF SCIENCES

226

УДК 321; 323

ЕВРАЗИЯ: ИСТОРИЯ БУДУЩЕГО* (отрывки)

Р.С. Хакимов, академик, доктор исторических наук

Идегей – герой «замятни»

В образе Йусуфа представлен сугубо положительный герой, посвятивший свою жизнь торжеству ислама. Не менее популярный эпос «Идегей» демонстрирует нам образ противоречивой личности Идегея, причастного к распаду Золотой Орды. Что же он символизирует? Чем объясняется популярность этого эпоса, ведь народ в принципе не называет разрушителя героем?

Любой герой в мифологии, эпическом сюжете, а также в современных романах движется по аналогии с солнцем: восходит как заря, движется к полудню, переступает полдень и склоняется к вечеру, затем погружается в ночь, чтобы наутро в своем потопстве воскреснуть для нового круговорота жизни. Герои растут не по дням, а по часам, поскольку они рождаются не в собственном смысле, а возрождаются из прошлого с тем, чтобы в новой жизни донести новые символы, выражающие человеческие страсти.

Идегей в два года начал «словом своим исцелять», в три года начал книги читать и дальше столь же стремительно удивлял своими способностями: стал ловким ездоком, метким стрелком, знаменитым силачом. Затем появляется намек на одну из центральных тем эпоса – защиты бедных людей:

*В одиннадцать лет –
словотворцем стал,
За бедных людей –
ратоборцем стал.
Мужем стал в двенадцать лет,
Во всем народе славен был
И Алпамышу равен был.*

Позиция Идегея как героя, т.е. алпа, очень естественна для татарских легенд. Характерно, что предания о героях заканчиваются, как правило, тем, что главный персонаж становится ханом**. Мешэк Алп после жизненных перипетий женился и сел на ханский трон¹. В другом повествовании о Йестэ Мунке точно такой же эпилог². Кадыш Мерген победил врагов и стал ханом³. Алтаин Саин Сум в конце истории со счастливым концом тридцать дней праздновал, сорок дней справлял свадьбу и затем народ его избрал ханом⁴. В следующем дастане отец женит сына и отдает ему свой трон, и т.д.

Хан олицетворяет нечто «божественное», надежду на справедливость, благополучие, осмысленность жизни. Поэтому было естественным видеть героя на троне. Но ханом мог быть только чингизид. Никакие выдающиеся качества не могли сделать личность ханом. В этом отношении характерен исторический эпизод с Тохтамышем. После Куликовской битвы Мамай бежал в Крым и Тохтамыш преследовал его с тем, чтобы оконча-

* Продолжение. Начало см.: Научный Татарстан. – 2011, №№ 1, 2, 3, 4; 2012, № 1, 2.

** Не существенно то, что иногда персонаж называется падишахом или эмиром. Для рассказчика важно, что это символ «божественного» на земле.

тельно добить. Воины Мамая, узнав, что их преследует сам хан, перешли на его сторону без боя, т.е. в общественном сознании чингизид воспринимался как законный наследник трона в отличие от любого князя или мурзы.

Эпос «Идегей» с первых строчек намекает на основную сюжетную линию – потерю ханом трона. Эмир Тимур посылает письмо хану с требованием отдать ему черного сокола по имени Тюкли Аяк*, тем более он помог Тохтамышу в молодости сесть на престол:

*«Черный сокол Тюкли Аяк,
Если вблизи и вдалеке
Славой он стал девяти стран,
Славой, гремящей из края в край,
Сокола мне передай!»⁵.*

Сокол и орел символизируют державность, а потому требование Тимура означает подчинение его власти. Возмущенный хан отвечает, что он из рода Чингиза, а хромоногий Тимур всего лишь из рода эмира Бырласа. Для Тимура это слабый аргумент, поскольку он уже захватывал владения чингизидов в Азии, не считаясь с их родословной. Не обсуждая вопрос политических интриг в ту эпоху, отметим моменты, характерные для героических эпосов.

Существенно, что потомство сокола оказывается у Тимура, с чего и начинается вся интрига эпоса. А это явный намек на то, что в конце повествования Тохтамыш потеряет власть. Образ птицы в легендах всегда несет в себе особое значение как знак, как предупреждение, и подобная символика была понятна жителю средних веков. Не случайно в эпосе в конце повествования вновь всплывает образ державной птицы. Теперь уже во сне Тохтамыш видит, как его орел улетел от него, из чего мудрый старец делает вывод: «Значит, – не приведи Ал-

лах, – не удержишь державу в руках, – ту, что тебе оставил Чингиз». Предсказание сбылось и наследственное право не стало гарантией сохранения власти. Эмир Тимур и бий Идегей победили чингизида, хотя и ценой разрушения государства.

Хан, независимо от своих родовых корней, в случае неспособности обеспечить благоденствие страны, теряет свое «божественное» лицо и становится рядовым участником драмы. В следующих словах выражена квинтэссенция всего сюжета эпоса «Идегей»:

*– Владыка мой хан, великий мой хан!
Что останется, если земля уйдет?
Народ без земли останется!
Что останется, если уйдет народ?
Страна без людей останется!
Что останется, если страна уйдет?
Матери молоко останется!
А если и молоко пропадет?
Язык, сосавший белую грудь,
Язык сладкогласный останется!
Язык пропадет, уйдут слова –
Письмо мудреца останется!
Погибнет мудрая голова,
Но кровь в потомстве останется!
А если потомство погубить,
Все поколение перебить,
Чужеземец в стране останется!
Судьбою сраженный навсегда,
Потомства лишенный и гнезда,
Блеющий, как дурной баран,
Хан одинокий останется!»⁶.*

Поэма написана в период распада страны, смуты, междоусобицы, бесконечных дворцовых переворотов, разрушения экономики. Любое художественное произведение – это ответ на появившуюся проблему, а проблема возникает из-за отклонения от нормы. В стабильном состоянии все негативные тенденции сбалансированы позитивными, нормы и ценности стягивают как обручи общество в целостность. Но любое сопротивление норме разбивает

* Имя сокола можно перевести как Легкая Нога, что намекает на хромоту Аксак Тимура.

гармонию, и сознание расщепляется на противоположности, выражаясь на поверхности как борьба «божественного» и «демонического». Серьезная проблема неизбежно ведет к регрессии общественного поведения, выходом из которого является возникновение ценностей, способных трансформировать общество в иное состояние.

Раздвоение сознания и поведения достаточно ясно видно в эпосе, но более разительный пример демонстрирует реальная судьба Ногайской Орды, в которой противоречивость натуры Идегея вылилась в трагедию, завершившуюся полным уничтожением государства. Это происходит несколько позже событий, описываемых в эпосе, но для понимания самого явления важно, отступив от хронологии, обратиться к последующим историческим событиям.

В эпосе Тимур спрашивает у Идегея: «Кто ты такой?», и он отвечает:

*«Нугая лучезарный дом –
Вот откуда мой приход,
Вот каким я прибыл путем!»*

Исторически после распада Золотой Орды в Ногайской Орде возникают различные «партии», по-разному относящиеся к экспансии Москвы. В период активных наступательных походов Ивана Грозного отношения бея Юсуфа, отца Сююмбике, сторонника защиты Казани и Астрахани от посягательств Московии, и его брата Исмаила, настроенного промосковски, обострились до предела. Бей Юсуфа возмутило то, что Исмаил собирался поддержать русских при взятии Астрахани. Распря закончилась убийством Юсуфа* и провозглашением беим Исмаила. Москва торжествовала, а степная цивилизация агонизировала. Русский посол писал царю: «А нагаи, го-

сударь, изводятца, людеи у них мало добрых [т.е. зажиточных], да голодны, государь, необычно нагаи и пеши. Много з голоду людеи мрет... Земля, государь, их пропала, друг друга грабит... Взяла их нужда великая, в Нагаех люди голодни»⁷. Обращения Исмаила к Москве за помощью не нашли отклика. Ногайцы стихийно устремились в Астрахань в надежде на своего союзника – русского царя, но там к ним отнеслись довольно коварно: «Многих из оставшихся в живых русские продали в рабство, а остальных прогнали...»⁸. К вымиравшим «бусурманам» сочувствия не было. Исмаил жаловался царю: «Ото всех людеи тебя для есми отстал. Изначальные наших четырех царев дети и нашего отечества дети, братья наши, отстали от меня, потому что яз от тебя не отстал... Отец и брат был стареишеи Юсуф князь, и от тово тебя для отстал есми, и от племени есми отстал тебя же для, и от сынов своих отстал тебя ж для. А молвили мне: ты деи будешь русин! – да потому от меня отстали. Учинил еси меня в укор недругом моим». Бей Исмаила начали покидать не только враги, но и соратники и даже двое сыновей откочевали в Крым к родственнику хану Девлет-Гирею. Там их ограбили и братья еле унесли ноги, причем один из них попал в плен к донским казакам. В конце концов, они вернулись к отцу, приведя из многочисленных подданных пятнадцать человек. С.М.Соловьев по этому поводу пишет: «Так дорезывали кочевники друг друга в приволжских степях, приготавливая окончательное торжество Московскому государству»⁹. Это яркий пример того, как потерявшее гармонию сознание выливается в противостояние, а отсутствие лидера, способного выдвинуть новые интегративные цели, приводит к доминированию «демониче-

* Ирония судьбы заключается в том, что сыновья антимосковски настроенного Юсуфа оказались в Московском царстве и стали известны как князья Юсуповы. Этот род был одним из богатейших в России и активно влиял на политику страны.

ского» начала в поведении, а вслед за этим и быстрой деградации народа.

Герой – символ человеческих страстей, а в переломные эпохи – выражение всех противоречий, из которых он должен предложить выход. Герой – страстное желание достичь света, праведного сознания и поведения. Время смуты – время, потерянных дорог, которые могут завести в глухой лес. В такое время легко сбиться с пути, стать странником, ищущим свои корни.

Идегей несет в себе противоречия раздвоившегося мира. Традиционно герой в мифологии имеет не только человеческое, но и «божественное» или же «демоническое» начало. В сцене смерти Кара-Тиин-Алып есть строки о демоническом рождении Идегея:

*Поводов для гордости нет:
И я родился от пэри на свет.
И ты родился от пэри на свет:
Старшего брата ты убил!
Не уходи, Идегей, подожди,
Не выслушав, не уходи,
Слишком вина твоя тяжка!
Если бы досыта ты всосал
Материнского молока,
Ты б тогда милосердным был¹⁰.*

Символика материнского молока очень важна в легендах. В эпосе имеется в виду не физическая мать, а причастность к родине, к своим корням. У Идегея отсутствует милосердие к своей собственной стране – вот источник проблем. Умиравший Кара-Тиин-Алып предсказывает, что Тимур, к которому бежит Идегей, не станет избавителем, а разорит страну, поработит народ, используя его силу. И к этому добавляет:

*Из приказов твоих ни один
Не исполнит твой сын Нурадын.
Ссориться ты будешь с ним,
И, поспорив, станешь кривым,
Окривеешь на правый глаз!¹¹.*

Разрыв с сыном – это тяжелое предсказание, означающее, что Идегей не

может найти выхода из ситуации в стране. Внутрисемейные отношения одновременно отражают и политические интриги, тем более в эпосе они носят дополнительно символический характер – его сын не становится продолжателем дела отца. Нет наследника, нет преемственности, нет новых отношений, выводящих народ из кризиса. В этом же контексте следует понимать слепоту Идегея на один глаз, что означает односторонний взгляд на жизнь.

Идегей вначале пути оказывается обделенным родовым наследием. Спасший невинного ребенка от смерти Джантимир напутствует его: «Вступай, без роду, без племени в мир!» Идегей оказывается необычайно способным и благодаря его энергичной деятельности страна начала процветать:

*Казну Тохтамыша утроил он:
Было в ней озеро серебра,
Золота поднималась гора.
Благоденствовал народ:
Ел он мясо и пил он мед.
Приходил из далеких стран
За караваном караван¹².*

У Идегея возникал естественный вопрос: «Чем я ниже тех, кто свой род от самого Чингиза ведет?».

Всякий герой выражает общие идеи, соединяющие индивидов в коллектив. Идегей это выразил так: «Свояк – не свояк, земляк – не земляк, разве не все мы – одно?». В то же время Идегей изначально оказывается в двойственной позиции. С одной стороны, он служит Тохтамышу, с другой – он изначально обделен «материнским молоком», «без роду, без племени», без поддержки сородичей и все по вине этого хана. Он по рождению оказался в другой категории социальной стратификации, поэтому для него естественно быть сторонником социального равенства и справедливости.

Тема справедливости во все времена играла заметную идеологическую

роль. Парадигма власти в Тюркском каганате выражалась так: Бодун-Эль-Тора («Народ-Государство-Закон»). Орхонские надписи гласят, что главные цели «эля» заключены в обеспечении безопасности, порядка и справедливости. Причиной падения государства Бумына стал отход беков от принципа справедливости – так записано на камнях. И в последующие столетия идея справедливости была одной из ключевых в тюркских государствах. Уйгур Юсуф Баласагуни в 1069–1070 гг. написал в книге «Кутадгу билиг» («Благодатное знание») о должном и недолжном в государственном управлении, опираясь на принцип справедливости:

*Для власти во всем
справедливость – основа,
И власть лишь во правде
жива и здорова.*

Власть хана никогда не была безграничной, он не был абсолютным монархом. Ханы обязаны были с должным уважением относиться к традициям, вере и воззрениям народа. Хан не мог принимать законы (торы) вопреки традициям. Во время выборов хана четыре человека из ведущих родов, взявшись за концы золотой кошмы, поднимали его под радостные возгласы присутствовавших при обряде и говорили: «Смотри вверх и познай бога, и смотри вниз и увидишь войлок, на котором сидишь. Если ты будешь хорошо управлять своим царством, будешь щедр и будешь поступать справедливо и почитать каждого из князей соответственно его рангу, то будешь царствовать во славу, весь мир преклонится перед твоим правлением и господь пошлет тебе все, что ты пожелаешь в сердце своем. Но если ты будешь делать противное, то будешь несчастен, отвержен и беден так, что этот войлок, на котором ты сидишь, не будет оставлен тебе». После этих слов сажали на войлок, также жену коронуемого принца и вместе с ними обоими, сидящими там,

поднимали войлок вверх несколько раз и громогласными криками провозглашали: «Император и императрица всех татар»¹³. Как пишет Плато Карпини, побывавший в 1246 г. на выборах Гююка, церемония интронизации великого хана происходила в специально возведенном по такому случаю шатре, который назывался «Золотой Ордой».

Справедливость – принцип, присущий всем мировым религиям. Это едва ли не главная смысловая и нормативная категория. Добро для людей предполагает справедливость, а справедливость не бывает без равенства.

В татарских легендах и дастанах идея справедливости выражается в самых различных вариантах. Весьма любопытны случаи социального продвижения бедных, но смысленных юношей.

В одной из легенд Алпамша много лет пас скот. Повествование о нем довольно длинное и подробное, но мы отметим только одну сюжетную линию, связанную с дочерью хана. Однажды пастуху встречается старик, который уговаривает его участвовать в соревнованиях силачей. Падишах постановил, что тот, кто сумеет три жернова мельницы поднять на гору, получит в жены его дочь по имени Сандугач (Соловей). Недолго думая, Алпамша бросает стадо и отправляется на майдан участвовать в состязаниях. Над бедным пастухом все смеются. Однако он разбивает один жернов на два куска и их зажимает под мышками, два других надевает на руки и забирается на гору, где его ожидает падишах с подарками. Затем устраивают свадьбу, отец отдает за него дочь и полцарства в придачу¹⁴. Дальнейшие перипетии судьбы весьма любопытны, но для наших целей сказанного достаточно. Мы здесь видим сюжет «Золушки» наоборот, т.е. не бедная девушка находит принца и тем самым приближается к «божественному», а бедный юноша оказывается рядом с тронном благодаря удачной женитьбе. Подобный сюжет далеко не единичный. В баите

«Ханская дочь» юноша обращается к дочери хана:

– Дочь хана, открой дверь,
взгляну на тебя,
Говорят, у тебя стан стройный,
взгляну на тебя.
– Какая тебе польза смотреть
на мой стан?
Ты разве не видел камыш
на берегу реки?
– Дочь хана, открой дверь,
взгляну на тебя,
Твой лик, говорят, лучезарный,
взгляну на тебя,
– Какая тебе польза смотреть
на мой лик?
Ты разве не видел вечерами
полную луну?¹⁵

Весь дастан построен на восхищении ее прекрасным обликом и запрете на их соединение. Юноша пытается найти пути к ней, а девушка рассказывает о препятствиях, которые надо преодолеть.

В легенде «Алтынчеч» («Златовласка») бедный юноша повстречал дочь падишаха и они вдвоем убегают из дома. За ними организована погоня. Она бросает гребень и вырастает лес, который преодолевают преследователи. Затем Алтынчеч бросает зеркальце и появляется река. Наконец, она бросает золотое кольцо и вырастают непроходимые горы. Девушка с юношей спасаются. В конце длинного повествования юношу за находчивость, чему способствует умная Алтынчеч, министры избирают новым падишахом¹⁶.

Во всех этих случаях мы видим стремление рассказчика уравнивать бедного с ханом (падишахом, эмиром) и не столько за силу, сколько за находчивость и достоинство. При этом умные дочери ханов, обладая не только красотой, но и некими волшебными достоинствами, всячески способствуют его восхождению на «вершину». В их лице «божественное» начало, лучезарный свет идет навстречу бедному, но честному и смелому юноше. Это тот кон-

текст, в котором автор дастана «Идегей» излагает свое повествование.

Вернемся к сюжету эпоса. Идея справедливости становится принципом, разделяющим Идегея с Тохтамышем, что выражено во многих строках:

«Хан судьбу бедняка не поймет,
Недруг тайну врага не поймет,
Знатный безродного не поймет,
Сытый голодного не поймет»¹⁷.

Следование принципам справедливости подтачивает наследственное право чингизидов, а вслед за этим неизбежно рождается идея бунта:

«Если Сарай, если Булгар,
Если Чулман, если Нукрат,
Дети нугаев, дети татар
Свергнуть Тохтамыша хотят,
Если ждет меня мой народ, –
Будем там, где народ живет!
Мы внемлем зову родной страны»¹⁸.

Бунт – это отход от устоявшегося, переход за пределы сложившихся норм и ценностей, но бунт сам по себе не гарантирует трансформации общества. Идегей ясно выразил идею превосходства интересов народа и страны над наследственным правом. Эта коллизия требовала своего позитивного выхода, иначе она остается чистым бунтом с непредсказуемыми последствиями. Выходом из ситуации может быть только народовластие.

Всех собрав подневольных людей,
Освободил рабов Идегей.
Юношей запретил продавать,
Золото начал он раздавать.
...
Прежде был беспорядок, разброд,
Пребывал без совета народ.
Выбрал опытных, мудрых мужей
Учредил диван Идегей¹⁹.

Старые порядки подтачивались задолго до Идегея. «Яса Чингизхана» во многом определила успехи Монгольской империи и ее наследников, но

со временем в разных частях Евразии «Яса» подвергалась корректировке в соответствии с особенностями страны. Это коснулось не только Китая, Персии или Центральной Азии, но и Золотой Орды. Среди заметных реформ можно назвать объявление Узбекханом ислама государственной религией вместо традиционного равенства всех религий. Сама государственность Улуса Джучи чем дальше, тем больше отходила от характера степных империй. Развивались города, торговля по рекам, в культуру проникали новые идеи исламского мира. Все это делало оседлую цивилизацию доминирующей. Волга и другие реки начали играть не меньшую роль, чем караванные пути азиатской части или Крыма. Причем значительная доля пшеницы в экспорте неуклонно усиливала роль земледельческой культуры. Урбанизация вела к росту ремесленников, торговцев. Вместе с этим менялись ценности и нормы поведения.

Роль степных улусов, прежде всего, Ногайской Орды, кочевых узбеков, а затем и казахов всегда была значительной в Золотой Орде, но кочевая цивилизация неумолимо уходила в прошлое. Не только шариат занял место «Великой Ясы», но и нравственный кодекс Чингизхана во многом оказался забытым, что видно из характерного исторического эпизода. Отец Идегея Балтычак состоял беклерибеком и он вместе с ханом потерпел поражение от Тохтамыша в 1378 г. Победитель предложил Балтычаку перейти к нему на службу, но встретил гордый отказ. Бек был казнен. Чингизхан в таких случаях отпускал с миром. Эпоха рыцарства багатуров заканчивалась. Все это имело далеко идущие последствия, поскольку на политической арене столкнулись интересы талантливых полководцев и политических лидеров

с наследственным правом чингизидов. Среди наиболее ярких личностей мы видим Ногая, Мамай, Идегея, практически расставлявших по своему усмотрению ханов, но не имевших права на престол.

Ногай хитростью посадил ханом Тохту и отдал дочь свою за него. Он вел иностранные дела, поддерживая отношения с мамлюками Египта и Византией. Он даже женился на дочери Мануэля VIII Палеолога. Дочь Ногая была мусульманкой, ее притесняли и муж, и окружение. Разгневанный Ногай послал гонца и сообщил: «Люdiam известно, сколько я понес трудов и тягот, самого себя я сделал причастным к вероломству и коварству, чтобы хитростью освободить для тебя трон Саин-хана». По этой причине с обеих сторон запылало пламя смуты и вражды²⁰. Хан с трудом справился с Ногаем.

Еще более заметной фигурой был Мамай, который в русских летописях появляется в связи с заговором против Тимур-Хаджи в 1361 г., хотя много раньше Ибн-Халдун назвал его «одним из старших эмиров Бердибека». Мамай был талантливым полководцем и опытным политическим интриганом. Его возвышению способствовала женитьба на дочери хана Бердибека и он, таким образом, стал ханским зятем (гургеном)* и вместе с тем получил большие права, кроме одного – права на трон. Он жаждал трона настолько, что даже начал чеканить монету с титулом: «Мамай – царь правосудный» и так же, как Ногай или Идегей, правил через своих ставленников – чингизидов. Затем он предпринял поход на Москву. В случае успеха Золотая Орда фактически оказалась бы разделенной. Его союзниками выступили рязанский князь Олег, литовский князь Ягайло, генуэзцы Крыма, предоставившие в

* В политике такое явление встречается довольно часто. Идегей взял в жены дочь Тохтамыша – Джанике. Борис Годунов возвысился и впоследствии стал царем благодаря женитьбе на дочери Ивана Грозного.

его распоряжение хорошо обученную пехоту. Однако на Куликовом поле он был разгромлен, что положило конец его деятельности и содействовало возвышению Тохтамыша.

Об Идегее говорили, что «султаны при нем носили только имя, но не имели никакого значения». Все три выдающиеся личности были представителями Великой Степи. Именно там сохранялась доблесть воинов и политических мужей. Государственная система не могла выработать механизмов естественной инкорпорации амбициозных лидеров в структуру верховной власти, а потому раздиралась противоречием между династическим принципом, выдвигавшим слабых ханов, и реальной властью эмиров, бекклербеков, беков. Нужны были политические реформы. Их требовала торговля и финансовая система, развитая культура. Золотая Орда вплотную подошла к этапу политических преобразований, но качественной метаморфозы не произошло.

Власть хана не была безграничной. Лидеры четырех «правлящих кланов» участвовали в делах государства через систему коллективного правления, они представляли доминирующую часть населения, известного как «земля» в отличие от дивана, назначаемого самим ханом. Четыре бея-карачи составляли «государственный совет», выполнявший важную роль в управлении, – снятие, выборы и введение в должность хана, участие в иностранных и военных делах государства²¹. Именно эти четыре карачи при выборах хана выполняли ритуал его возвышения, поднимая три раза на кошке за четыре угла, затем несли хана вокруг палатки и помещали на трон и вкладывали в его руку золотой меч. Главный из четырех беев носил титул бекклербек – «бей беев» («бейлербеи»). Он отвечал за дела в армии или, по крайней мере, управлял частью армии. Декреты хана одобряли четыре карачи. Тем не менее это не представительный орган и народ в данном случае оказывался всего

лишь послушной толпой, какой он не хотел быть в силу возникших экономических проблем в Золотой Орде. Из ведущих родов в эпосе упоминаются Барын и Ширин, которые сыграли роковую роль в судьбе Идегея.

В конце пути герой, как и солнце с зарей, должен возродиться в своем потомстве. Отсутствие ясной позиции по дальнейшему государственному устройству страны приводит к тому, что сын Идегея Нурадын оказывается в оппозиции к отцу и, не находя выхода из сложившейся ситуации, выражает желание уехать на чужбину со словами: «Найду я лучший народ!». Для его матери это трагическая ситуация:

*«Ты подумай, сыночек, ты ль
Переплыть сумеешь Идиль?
Иль тебе для пути не трудна
За его берегами страна?»²².*

Переплыть Идиль и Яик означает перейти границу, грань, которая отделяет твой народ и других, оторваться от родной почвы, от могил своих предков, силы духа народа, которая хранится в отечестве. Чужбина горька. Нурадын избрал удел изгнанника.

*Он пристал к толпе кочевой,
Он кочевников стал главой,
Степь да степь – вот его удел,
Успокоить душу хотел.*

По тем временам уйти в степь, в казачьи означало стать разбойником, быть вне законов и ханской власти. Идегей страдал-горевал и решил послать за сыном послов. Однако сын, вернувшись, заявил:

*«Хочешь быть мне добрым отцом?
Или ханом себя утверди,
Иль меня на престол возведи!
Или жизнь отними ты мою,
Или сам я тебя убью.
Уходи от моей руки,
Уходи, уходи в казаки!»²³.*

По сути дела это означает катастрофу всего, что предпринял Идегей

в своей жизни, по его же собственным словам: «Это страшной войны страшной». Он жил, казалось бы, для народа, убил своего хана, привел в страну Тимура, который разорил города на Волге, в том числе священный Булгар, и в конце жизни остался без наследника. В этой ситуации важно отметить не человеческие мотивы вероломства Идегея, что обернулось ему непримиримой позицией сына. Существенно отметить отсутствие принципа государственного устройства. По сути дела Нурадын прав, когда упрекает отца в отсутствии ясной позиции. Идегей должен или сломать систему престолонаследия чингизидов и утвердить новый принцип, или же уступить место тем, кто готов нарушить старые порядки. Идегей не решается или же не способен ввести новые порядки, а потому страна раздирается противоречиями.

Любой герой – жертва, иначе он остается простым персонажем, как дровосек в сказке «Шурале», или Алпамша. Алпы как постоянные персонажи эпосов не символические герои, а богатыри. У символических героев в конце повествования наступает смерть, причем во имя народа, высших целей, они жертвенные фигуры. Идегей – жертва, но чего? Почему народ воспринимает его как эпического героя? В дастане «Идегей» нет того восхваления героя, которое мы постоянно слышим у Кул Гали о Йусуфе. Напротив, слышно явное осуждение, например, в следующих словах:

*Ты, Идегей, – свет моих глаз,
Почему же в богатый Сарай,
Почему же к вратам дворца
Ты привел Тимира-Хромца,
Чтобы он разрушил наш край?*

Идегей стал жертвой обстоятельств, т.е. принципа престолонаследия, который уже не обеспечивал благополучие страны. Символично, что добивают Идегея в последней сцене повествования Барын-бий, который саблей обезглавил его, и Шырын-бий, нацепив-

ший на копье голову Идегея. Два бия, которые сажали хана на трон, убивают Идегея – символа справедливости в раздираемом противоречиями обществе. Отсеченная голова «Идегея», повернувшись к солнцу, произнесла последние слова:

*«К свету будущий день не придет,
Если сами к нему не придем».*

Голова покатилась, солнце закатилось, а заря, которая символизирует божественное начало, возвышенные ценности и нормы, не взошла. Бунтарь Идегей стал жертвой обстоятельств, но не символом трансформации общественных отношений. Он всего лишь герой бунта, но не новых представлений в организации государства и общества. Золотая Орда распалась, татарские ханства лишь по инерции продолжали золотоордынские традиции вплоть до появления в Евразии новой империи – России.

«Долгое средневековье»

После распада Золотой Орды история Казанского и других ханств была интересной не только с точки зрения судьбы татарского этноса, но и формирования Московии и России. Но этот вопрос стоит в стороне от нашей главной темы – судьбы этноса в исторической перспективе. И здесь мы сталкиваемся с проблемой периодизации истории, которая ориентирована на европейские подходы. В Европе переход от средневековых норм и представлений к современным связывают с развитием капиталистических отношений и отходом от схоластики. В России аналогичные процессы наступили много позже – в XVIII–XIX вв. Российское средневековье, включая татарскую историю, не совпадает хронологически с европейским. Как пишет Хайек, «мышление большинства цивилизованных наций подвержено в основном одним и тем же влияниям, но проявляются они в разное время и с различной скоростью»²⁴. Аналогичная ситуация

складывалась в экономике и социальных процессах, которые трансформируются вместе с ментальностью.

Эволюция татарского мышления и общественных отношений со времени распада Золотой Орды и до XIX в. предстает как период с охранительной исламской идеологией. Затем у татар наступает «реформация», повторяющая некоторые черты европейских процессов: критику священнослужителей и богословских авторитетов, отход от схоластики в образовании и рост обучения светским предметам, появление чисто светских институтов, открытость культуры, массовое распространение книг, активное вмешательство бизнеса в общественную жизнь и др. Конечно, после падения Казанского, Астраханского, Сибирского и Крымского ханств и до XIX в. татары прожили долгую в исторических масштабах жизнь, насыщенную множеством событий, побед и поражений. Однако с точки зрения трансформации этнической жизни в новое качество необходимо обозначить XIX в. как ключевой. Причем основным толчком для трансформации послужила не столько великая русская культура, вставшая на путь европеизации, сколько капиталистические отношения, потребовавшие от татар развития конкурентоспособности в условиях заведомо худших, нежели у русских и в целом у православных подданных империи.

XIX столетие традиционно относят к Новому времени, что стало общепринятым взглядом на периодизацию истории. Вместе с тем существует другая точка зрения, исходящая из внутренней логики общественных процессов. Ле Гофф пишет: «Я предлагаю ввести понятие длительного, очень долгого средневековья, базовые структуры которого развиваются крайне медленно, с III в. и до середины XIX в., то есть до того момента, когда промышленная революция, доминирующее положение Европы в мире, реальное развитие и распространение демократии (отдаленным прообразом ко-

торой являлся античный город) породили действительно новый мир, пусть даже еще не полностью свободный от наследия и традиций прошлого»²⁵. Время большой длительности не обязательно означает продолжительный отрезок времени. Ле Гофф речь ведет о том пласте истории – пласте структур, который эволюционирует и изменяется медленнее всего. Этот пласт скрывается под историей событийной, под среднесрочным стечением обстоятельств. «Период средневековья, – продолжает Ле Гофф, – также можно определить исходя из доминирующей идеологии; не отражая материальную инфраструктуру общества и не являясь духовным двигателем его истории, идеология тем не менее представляет собой одну из существеннейших деталей функционирования общественного механизма. Долгое средневековье – это эпоха господства христианства, являющегося одновременно и религией, и идеологией и находящегося в чрезвычайно сложных отношениях с феодальным миром, который оно оспаривает и утверждает одновременно. Разумеется, это не означает, что сегодня христианство умерло или умирает; однако начиная с XIX столетия оно стало утрачивать ту ведущую роль в обществе, которую исполняло с IV по XIX в., а именно роль творца идеологии, принадлежавшую ему почти монопольно»²⁶. Парадигма, предложенная Ле Гоффом, позволяет иначе взглянуть не только на европейскую, но и российскую. Несмотря на все различия между христианством и исламом, Европой и Россией, методологию «долгого средневековья» можно применить к исследованию социальных процессов среди татар XIX – начала XX вв.

Конечно, возникает очень существенный для историков вопрос о том, почему капитализм среди татар не возник раньше, но он настолько сложен, что требует самостоятельного исследования. Ирония судьбы заключается в том, что Генуя и Венеция, где зародился капитализм, начали укрепляться

как морские державы в эпоху расцвета Золотой Орды, причем именно за счет торговли с ней. Бродель пишет: «Главное богатство Генуи заключалось в колониях, основанных ею далеко от Константинополя, на границах Византийской империи, в Каффе, Тане, Солдае и Трапезунде... Это были торговые фактории»²⁷. Речь идет о городах черноморского побережья, через которые вывозились многие товары с территории Золотой Орды. Они имели особый статус. В качестве иллюстрации можно привести один из множества документов, связанных со сбором налогов с венецианских и генуэзских купцов. Уведомление Кутлуг-Тимура венецианским купцам от 20 сентября 1358 г., написанное в ставке Ахтуба на Волге, гласит:

«Слово Кутлуг-Тимура, правителя Крыма, венецианским послам господину Джованни Квирини и господину Франческо Бону, послам к хану, венецианцам.

Если ваши корабли будут приходить в Провато, Калитру или Солдаю, то внутри этих трех городов и портов, в какой бы порт им не понадобилось войти, при покупке необходимого вам надлежит платить мне сообразно тому, что вы платили Рамадану. Если их купцы будут производить торговлю, то должны платить три процента; если они не будут торговать, то не должны ничего платить; пусть не взимается с них больше ничего. Кто бы ни был не должен несправедливо наносить им ущерб и притеснение; и если кто-либо захочет их нанести, мы не допустим. Мы должны охранять и защищать иностранцев, чтобы они могли чувствовать себя спокойно и производить свою торговлю.*

Так что тому, кто этим [документом] владеет, он дан нами. Дата: [на-

писано в год собаки], хиджры [759-го], в ставке, в месяце шавваль, дня пятнадцатого»²⁸.

При торговле с иностранцами содержались специальные «сборщики коммеркий», что включало в себя ввозную пошлину, налог с оборота и таксы за взвешивание товара. Ввозная пошлина взималась в виде точно фиксированной суммы с любого тюка ввозимых товаров вне зависимости от их цены. Налог с оборота составлял 3% (иногда – 5%) от стоимости данного товара, если сделка совершалась между иностранцами и ордынцами. Такса при взвешивании на государственных весах составляла 1,5% от его стоимости. Причем таксу за взвешивание полагалось платить контрагентам даже в случае, если сделка совершалась между иностранцами. Налог с оборота назывался «тамга» и собирал ее «тамгачи», т.е. таможенник. Такса за взвешивание товаров называлась «тартанак», ее взыскивал «тартанакчи», т.е. весовщик. При этом с обеих сторон выделялись уполномоченные (от ханского таможенника и иностранного консула), которые следили за точностью взвешивания и уплаты продавцом и покупателем в казну по закону торгового налога и весового сбора²⁹. С торговли драгоценными камнями, жемчугом, золотом, серебром, золотой канителью торговый налог не брали, чтобы стимулировать поступление этих предметов в Орду. На некоторые товары налог мог быть очень высоким. В ярлыке хана Джанибека, данном венецианским купцам Азова, есть следующие строки: «Также, если окажется, что какой-либо венецианец присвоит или купит невыделанную шкуру, ему надлежит уплатить нам коммеркий: больший – пятьдесят за сотню и меньший коммеркий – сорок, как делают генуэзцы»³⁰. Такой высокий налог вводил

* Порт Провато находился в непосредственной близости от Каффы (нынешней Феодосии) и назывался по-тюркски Янгишехр. Порт Калитра (нынешний Коктебель) находился в десяти километрах к юго-западу от Провато. Далее на юго-запад в 35–37 км от Калитры находился порт Солдая (нынешний Судак).

ся для поддержки внутреннего производства. Иностранцы, содержавшие таверны в выделенных для них кварталах Крыма или Северного Причерноморья, не должны были платить ни «айлык» («месячный сбор»), ни ясак («ежегодный налог»).

Анализ экспорта Золотой Орды через порты Крыма в итальянские государства показывает, что торговля была важной составной частью экономики страны. Главным экспортным товаром было зерно, прежде всего, пшеница, особенно ценная в Европе, где голод в те времена был обычным явлением. С конца XIII в. генуэзцы покупали также осетра и другую рыбу. Важной статьёй торговли с итальянцами была соль. В XIV в. через Каффу шла торговля шелком, воском, кожей, мехами, хлопком, мастикой, металлом и полезными ископаемыми. Рабы также были ходким товаром, на них был спрос повсюду – на Ближнем Востоке, в Средиземноморье и Западной Европе. Эта торговля началась задолго до возникновения Золотой Орды и продолжилась после ее распада. Среди рабов были черкесы, турки, лазы, венгры, русские, половцы, татары и др. В 1381 г. от 4 до 10% населения Генуи состояло из рабов, купленных в основном на рынках Крыма.

Затраты на перевозку по воде были гораздо меньше, чем сухопутным транспортом, поэтому в торговле доминировали итальянские морские государства, имевшие в Крыму собственные города и колонии. Так, Каффа, по словам Ибн Баттута, чудная гавань, где он застал «до 200 судов военных и грузовых, малых и больших. Это одна из известных гаваней мира»³¹. Каффа в те времена была крупнейшим портом мира. Золотая Орда торговала и с другими европейскими государствами, а также с Индией, куда продавали в большом количестве лошадей.

Для стимулирования торговли проводились денежные реформы. Вес серебряного дирхама, чеканившегося в Булгаре, в течение правления Берке

понижился с 1,56 до 1,365 грамма. Токта ввел монеты, весящие 1,485 грамма. При Узбеке дирхам весил 1,47–1,49 грамма. Монеты Джанибека весили 1,52–1,56 грамма. Шесть дирхамов приравнивались золотой монете, называвшейся алтын (или в арабском языке динар), весившей 9,12 грамма. Сто двадцать дирхамов равнялись сот – 182,4 грамма, и 300 дирхамов равнялись кадак или фунту – 456 граммов³². Сарайский дирхем стал господствующей монетой не только в Золотой Орде, но и в сопредельных странах.

Важную роль в стимулировании международной торговли играли города, чье количество стремительно росло со времен Бату-хана. Столица государства – Сарай, он насчитывал 75 тыс. жителей и был красивейшим и крупнейшим городом своего времени, сравнимым с Генуей, Миланом, Парижем. Города обеспечивали безопасность купцов, предоставляли необходимую инфраструктуру – рынки, помещения, склады, таможенные пункты, тем самым увеличивали оборот в торговле, а значит, вели к росту налоговых поступлений. Не случайно столицы Сарай и Новый Сарай были расположены на стратегических перекрестках международной торговли и выполняли функцию коммерческих центров. Города строились вдоль торговых маршрутов. Они стали также центрами ремесла. Л.Ю.Якубовский писал даже о «металлургической промышленности» Сарая-Берке, который обслуживал нужды как «городской, так и сельской местности всеми металлическими изделиями: лопатой, топором, пилой, серпом, гвоздями и разнообразным холодным оружием»³³. В золотоордынских городах действовали водопровод из керамических труб и канализация, сделанная из деревянных труб, были многочисленные фонтаны и восточные городские бани.

Ко всему следует добавить наличие средств коммуникации, которые обеспечивали хорошее управление государством и развитие торговых отно-

шений. Персидский историк Мирхонд писал, что при Чингисхане «города и большие дороги стали свободны и открыты купцам всякого рода. Он хотел обеспечить их такой безопасностью и спокойствием, чтобы каждый в пределах его господства мог нести на голове своей золото без всякой опасности [быть ограбленным], так, как люди носят простые горшки»³⁴. Для эффективного управления была создана сеть почтовых станций (ямов), которая служила для доставки сообщений и приказов, обслуживания дипломатов, торговцев и просто путешественников. Марко Поло, который пользовался почтовой службой во время своего путешествия, свидетельствует: «Через каждые 25 миль посланцы великого хана находят станцию, которая по-монгольски называется “ям”, т.е. “станция с почтовыми лошадьми”. В некоторых ямах было по 400 коней. Всего великий хан содержал до 400 000 коней»³⁵. Ям был снабжен также фуражом, кормом и питьем для проезжающих. Ибн Арабшах вспоминает: «Выезжают, бывало, караваны из Хорезма и едут себе на телегах спокойно, без страха, без опаски, вдоль до [самого] Крыма, а переход [этот] около 3 месяцев... Караваны не возили с собою ни продовольствия, ни корма для лошадей, и не брали с собою проводника вследствие многочисленности [тамошних] народов, да обилия безопасности, еды и питья у [живущих там] людей...»³⁶. Каждый участок управлялся особым «дорожным губернатором», который полностью отвечал за порядок и безопасность в пределах своего участка. Была специальная повинность по охране дорог, которая называлась «караулом». Все приезжие люди и провозимые товары регистрировались и собиралась специальная дорожная пошлина. В особых случаях, когда известие или лицо должно было быть доставлено срочно, едущему выдавалась табличка с изображением сокола; каждая станция, как только услышит колокольчик скачущих, тотчас обязана была приготовить лоша-

дей так, чтобы перепряжка могла быть незамедлительной. Обладая такой табличкой мог, в случае падежа лошади в пути, отобрать коней у любого встречного. При таком способе передвижения можно было проехать в день до 250 миль. Эти дороги великий хан приказал обсадить большими деревьями; в пустынных местностях дорога обозначалась столбиками, камнями и т.п. Для переправы через реки жители окрестных селений должны были иметь паромы. В XIII–XIV вв. русские беспрепятственно ездили не только в Орду, но и в Каракорум, а купцы из Европы могли проследовать в Китай.

Для того чтобы понять историческую значимость этой системы, нужно представить Европу того времени. Ле Гофф пишет: «Средневековый люд шел по тропам, дорожкам, по запутанным путям, которые блуждали между несколькими фиксированными пунктами: ярмарочными городами, местами паломничества, мостами, бродами или перевалами. Сколько препятствий нужно было преодолеть: лес с его опасностями и страхами... бандиты, будь то рыцари или вилланы, засевшие в засаде на краю леса или на вершине утеса; бесчисленные пошрины, взимаемые с купцов, а иногда и просто с путешественников у мостов, на перевалах, на реках; скверное состояние дорог...»³⁷. В те времена не было системы коммуникаций, сравнимой с почтовой службой Золотой Орды. К XIX в. эта система была полностью разрушена и, например, Пржевальский и другие путешественники с трудом ходили этими же путями. Остались только воспоминания в фольклоре в виде песен о ямщике и его непременно атрибуте – колокольчике.

Этот небольшой экскурс в прошлое Золотой Орды показывает, что там существовали все предпосылки для появления капиталистических отношений: развитые города, высокая профессиональная культура, наука, совершенная по тем временам финансовая система, развитое земледелие, средства комму-

никации, сравнимые по масштабу с морскими путями Средиземноморья, значительные объемы торговых операций и т.д. Чего же не было из того, что появилось в Генуе и позже в Венеции?

В качестве догадки назовем одну из причин – это возможность получения займа, что сдерживалось запретом на получение процента, как ростовщичество. Кредит был необходимостью для земледельческих экономик, подверженных катастрофам и повторяющимся случайностям погоды. С ускорением денежной экономики, у которой никогда не хватало золотой или серебряной монеты для функционирования, стало неизбежным признание за «осуждаемым» ростовщичеством права действовать в открытую. Борьбу с ростовщическим займом вели папство и церковь со всей суровостью – нераскаявшегося ростовщика не допускали к причастию и он не мог быть погребен в освященной земле. Средневековая мысль в этом вопросе опиралась на Аристотеля, считавшего, что ростовщичество присутствует всякий раз, когда заем приносит доход. «Но мысль схоластов пробила брешь, – пишет Бродель. – В чем она пошла на уступки? Процент-де становился законным, когда для заимодавца возникал либо риск (*damnum emergens*), либо невозможность получить прибыль (*lucrum cessans*). Эти тонкости открывали множество дверей. Так, “обмен” (*cambium*) представлял собой перевод денег; вексель, который был его конкретной формой, мог спокойно циркулировать с рынка на рынок, поскольку выгода, которую он обычно приносил, не была обеспечена заранее, имелся риск. Как ростовщический рассматривался лишь “сухой обмен” (*cambio seco*), с фиктивными векселями, не перемещавшимися с одного рынка на другой; и к тому были основания, поскольку “сухой обмен” в действительности служил для того, чтобы маскировать заем под проценты. Точно так же церковь разрешала займы государю и государству; равно как и прибыли торговых това-

риществ (генуэзской *commenda*, венецианской *colleganza*, флорентийского *societas*). Даже помещение денег у банкира (*depositi a discrezione*), которое церковь осуждала, станет разрешенным, коль скоро доходы от них скрывались под названием участия в предприятии. Дело в том, что в эпоху, когда экономическая жизнь стала вновь стремительно развиваться, пытаться запретить деньгам приносить доход было пустым делом»³⁸. Экономический подъем во многом проистекал из большей легкости получения займа, а следовательно, из большей дешевизны денег, что стало отличительным признаком капитализма. В ряде стран юга, а затем и севера Европы произошла трансформация ментальности, но многие страны как христианского, так и мусульманского мира оставались во власти канонического запрещения процента.

Золотая Орда находилась под доминирующим влиянием ислама, особенно после его объявления Узбек-ханом государственной религией. Для Золотой Орды не были присущи те политические и идейные свободы, которые утвердились в Генуе и Венеции, а потому богословская мысль придерживалась жестких норм шариата, запрещавших взимание процента. К внутренним политическим распрям Золотой Орды добавилась черная смерть (чума), опустошившая города, через которые и шла основная торговля³⁹. Ле Гофф пишет о ситуации в Европе, которая была характерна и для Золотой Орды: «Все чаще и чаще великим переломным моментом европейской истории ученые называют эпидемию бубонной чумы, разразившуюся в 1347–1348 гг.; после этого бедствия история начинает делиться на время “до чумы” и “после”, на время процветания и время кризиса, время уверенности и время сомнений. Таким образом, эпидемия чумы является “временем большой протяженности”; игнорируя Ренессанс, чума влияет на демографическую, биологическую и психологическую историю Запада вплоть до 1720 г., когда в Мар-

селе была зафиксирована последняя ее вспышка»⁴⁰. Можно назвать и другие причины распада Золотой Орды, кроме чумы, для нас важно отметить, что дальнейшее существование тюрко-татарских ханств не сопровождалось модернизацией экономики. Эта задача стала миссией поколения людей XIX в.

Исторические шаги народа не идут размеренной походкой. Их нельзя описать взлетами и падениями, опираясь на важные, шумные, значительные события. Некоторые из величайших революций совершаются незаметно и для понимания хода истории важны периоды трансформации народа на иной качественный уровень, т.е. уровень более сложной экономики, мировоззрения, ценностей и норм поведения. Периодизация, принятая в научной литературе, важна в процессе преподавания истории с тем, чтобы можно было сравнивать жизнь различных народов и стран, но в сугубо исследовательских целях она плохой помощник. Синхронизация периодов исто-

рии татарского народа с другими имеет смысл, если можно проводить реальное сравнение, за которым следуют обоснованные выводы. Бесспорно, интересно и важно синхронизировать историю русских и татар, которые практически одновременно вступают в капиталистические отношения, но такое сравнение с Европой того времени не несет дополнительной информации. Сравнение татарской и русской культур Нового времени имеет смысл с точки зрения влияния русской литературы и культуры на татарскую, но мало имеет смысла проводить аналогию эволюции мусульманских и православных структур. Гораздо больший интерес представляет сравнение русского богоискательства и татарского джадидизма. Синхронизация истории татар с исламским миром не ведет к каким-либо научным открытиям, но зато имеет смысл сравнивать реформирование татарского ислама с европейским средневековьем, особенно с эпохой Реформации.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Татар халык ижаты. Дастаннар. – Казан, 1984. – 35 б.
- ² Там же. – С. 40.
- ³ Там же. – С. 45.
- ⁴ Там же. – С. 60.
- ⁵ Идегей: татарский народный эпос. – Казань, 1990. – С. 7.
- ⁶ Идегей... – С. 17.
- ⁷ Цит по: *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. – М., 2001. – С. 285.
- ⁸ Трепавлов В.В. История Ногайской Орды... – С. 287.
- ⁹ *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. III: История России с древнейших времен. Т.5–6. М., 1989. – С. 470.
- ¹⁰ Идегей... – С. 99.
- ¹¹ Идегей... – С. 101.
- ¹² Идегей... – С. 29.
- ¹³ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. – М., 1957. – С. 219.
- ¹⁴ См.: *Борыңгы татар әдәбияте...* – 37 б.
- ¹⁵ Бәетләр. – Казан, 1960. – 53 б.
- ¹⁶ *Борыңгы татар әдәбияте...* – 173 б.
- ¹⁷ Идегей... – С. 115.
- ¹⁸ Идегей... – С. 125.
- ¹⁹ Идегей... – С. 167.
- ²⁰ Золотая Орда в источниках. Том первый. – М., 2003. – С. 423–424.
- ²¹ См. История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань, 2009. – С. 689.
- ²² Идегей... – С. 197.

- ²³ Идегей... – С. 207.
- ²⁴ Фридрих Август фон Хайек. Дорога к рабству. – М., 2010. – С.38.
- ²⁵ Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. – М., 2001. – С. 16.
- ²⁶ Там же. – С. 36.
- ²⁷ Фернан Бродель. Средиземное море... – С. 466.
- ²⁸ См. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. – СПб., 2002.
- ²⁹ См. Там же. – С. 15, 27.
- ³⁰ Там же. – С. 59.
- ³¹ Золотая Орда в источниках... – С.126.
- ³² См. Мөхәммәдиев Ә.Г. Гомуми һәм төрки-татар нумизматикасы. – Казан, 2003, 124–142 б. См. также Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. – М., 2003.
- ³³ Якубовский Л.Ю. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности в Сарае Берке//Изв. ГАИМК. VIII. Вып. 2–3. – Л., 1931. – С. 15.
- ³⁴ Цит. по: Вернадский Г.В. О составе Великой Ясы Чингиз Хана. – Брюссель. 1939. – С. 22.
- ³⁵ Марко Поло.
- ³⁶ Золотая Орда в источниках... – С. 208.
- ³⁷ Жак Ле Гофф. Цивилизации средневекового Запада. – М., 1992. – С. 128–129.
- ³⁸ Фернан Бродель. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. – С. 355.
- ³⁹ См. История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III... – С. 686–690.
- ⁴⁰ Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого... – С. 33.

Аннотация

В статье евразийство рассматривается с точки зрения этничности татар, корни которой восходят к Первому Тюркскому каганату. Анализируются верования тюркских, финно-угорских народов, а также дохристианские религиозные традиции в Киевской Руси, выражающиеся, в частности, в поклонении деревьям.

От культа деревьев автор переходит к тенгрианству, которое вплотную приблизили к монотеизму. На примере рунических текстов он раскрывает сакральный смысл таких символов, как Солнце и Луна, который подтверждается традициями, сохранившимися у крышен и мишарей (праздник Нардуган).

Кроме того, в статье уделяется значительное внимание тюркской мифологии и вопросам изменения самосознания татар в связи с принятием ислама 922 г.

Ключевые слова: евразийство, Первый Тюркский каганат, верования, дохристианские религиозные традиции, культ деревьев, тенгрианство, Нардуган, тюркская мифология, ислам.

Summary

In the article Eurasianism is considered in terms of ethnicity of the Tatars, whose roots date back to the First Turkic khanate. The author of the article analyzes the beliefs of Turkic, Finno-Ugric peoples, as well as pre-Christian religious tradition in Kievan Rus, expressed in particular in the worship of trees.

From the cult of trees, the author proceeds to Tengrianism, which came close to monotheism. On the example of the runic texts, he reveals the sacred meaning of such symbols as the Sun and the Moon, which is confirmed by the traditions, preserved by Kryashens and Mishars (holiday Nardugan).

In addition, the article pays considerable attention to the mythology of the Turkic and Tatar self-change with the adoption of Islam in 922.

Keywords: Eurasianism, the first Turkic Khanate, beliefs, pre-Christian religious tradition, the cult of trees, Tengrianism, Nardugan, Turkic mythology, Islam.

УДК 94(47)

«ТОВАРИЩ АПАНАЕВ! – ОБРАЩАЮТСЯ К НЕМУ РАБОЧИЕ...»
 (о потерянном поколении татарской молодежи начала XX века:
 на примере биографии Абдулхамиды Апанаева)

Л.Р.Габдрафикова, кандидат исторических наук

Рассуждая о тенденциях развития любого общества в любом временном промежутке, говорят также о движущей силе этих изменений. Как правило, носителями новых идей является молодежь, наиболее восприимчивая и гибкая часть социума. В татарском обществе начала XX в. такую роль играли представители поколения 1980-х гг. Самые яркие фигуры данного периода – это родившиеся в 1880-е гг. молодые люди. Они росли уже в эпоху джадидских преобразований, получали образование в новометодных медресе, а некоторые вовсе в русских школах, читали не только газету «Тарджеман», но и различные книги светского характера, а также русскую и турецкую периодику, первые татарские повременные издания. Поэтому сформировались как люди, свободные от многих стереотипов. Кажущийся эпатаж стал для них не просто формой протеста, а образом жизни. Они оказались слишком «окультуренными», если можно так выразиться, и, к сожалению, были очень далеки от джадидских идеалов. Уместнее будет обозначить такую татарскую молодежь как продукт русского влияния. Достаточно хорошо изучены биографии писателей и общественных деятелей, родившихся в 1880-е гг.: Фатыха Амирхана, Галимджана Ибрагимова, Сагита Рамиева, Газиза Губайдуллина и других. Но гораздо интереснее взглянуть на судьбу человека непубличного, который оказался далек от общественных вопросов и жил своей жизнью, интересами личного характера.

Одним из таких людей был Абдулхамид Апанаев — сын казанского предпринимателя Исхака Апанаева, представитель известного купеческого рода. Его дед, купец 1-й гильдии Хасан Мусич Апанаев, еще в 1834 г. получил звание потомственного почетного гражданина. Потомки дорожили этим обозначением. Несмотря на то, что в начале XX в. значение сословного деления в общественной жизни сильно уменьшилось, в 1908 г. Апанаевы вновь нотариально заверили верность данного свидетельства. Но в это время звание потомственного почетного гражданина скорее являлось лишь напоминанием о былой коммерческой успешности рода. Многие представители известных фамилий по уровню жизни не отличались от мещан средней руки. Иногда у них не было даже собственных домовладений и жили они на съемных квартирах. Но это не относилось к Хамиду Апанаеву: он родился в доме деда Хасана, под №96 налевой набережной озера Кабан. Двухэтажный каменный дом в конце 1920-х гг. стал причиной различных имущественных претензий к Абдулхамиду Апанаеву со стороны ярких приверженцев нового советского порядка. Хотя к тому времени бывший потомственный почетный гражданин занимал там лишь одну комнату, а ему все напоминали о «блестящем прошлом». Так что же там было «блестящего»?

Этот человек, вероятно, так и остался бы неприметным современником известных татарских деятелей начала XX в. Например, на одной из дач-

ных фотографий, где запечатлены Газиз Губайдуллин, Гафур Кулахметов и другие люди, есть и Хамид Апанаев. Увековечили его имя родственники, передав в Музей национальной культуры при Национальном культурном центре «Казань» личные вещи, документы и другие экспонаты из семейного архива, отражающие жизнь и деятельность этого человека. Так здесь появилась коллекция Абдулхамиды Апанаева, многие предметы из которой заняли достойное место в экспозиции, некоторые документы и фотографии хранятся в фондах музея¹.

Интересно, что на рубеже XIX–XX вв. в Казани было несколько Абдулхамидов Апанаевых. Этот род был очень многочисленным. Поэтому неудивительно, что встречались и тезки. Один из Абдулхамидов Апанаевых, тоже потомственный почетный гражданин, был известен тем, что вел праздный образ жизни. Впоследствии его дочь – Гайша Шарипова в автобиографическом романе «Семья Гафура» так описала отца: «Сорить деньгами Хамид был великий мастер. Газетная хроника чуть не каждый день сообщала об очередном дебоше, учиненном единственным сыном богобоязненного Абсаляма»². Хамид Апанаев был женат на сестре Гафура Кулахметова – Шамсикамар. Прожив вместе совсем недолго, в 1902 г. супруги развелись, не помогло даже рождение дочери Гайши.

Герой данной статьи – Абдулхамид Исхакович Апанаев кардинально отличался от своего скандального тезки. Во-первых, он был моложе его, родился в 1885 г. Во-вторых, торговый капитал отца сумел вложить в собственное образование. Тем самым он обеспечил себе, прежде всего, определенный жизненный ориентир. Если Абдулхамид Абсалямович стал заложником соблазнов буржуазной эпохи, то Абдулхамид Исхакович, наоборот, успешно адаптировался в новом времени. Возможно, в этом велика была роль его родителей. Кстати, мать Абдулхами-

да – Биби-Гайша тоже являлась представительницей рода Апанаевых, она была дочерью потомственного почетного гражданина Юсупа Мухаммедовича.

Опасения, что сына постигнет судьба многих богатых отпрысков – вечно пьяных, своим бесцельным существованием ведущих семью к неминуемому разорению, вероятно, неслужили основным аргументом в пользу более конкурентоспособного образования. Если раньше татарский купец мечтал видеть своего сына муллою, то новые реалии предлагали другие идеалы. Помимо привычных для татар торговли и богослужения появились дополнительные возможности для получения доходов. Но они требовали специальных знаний и навыков. После учебы в медресе 16-летний Абдулхамид направляется в Казанское реальное училище. Там он проучился с 1901 по 1907 г. В реальном училище Хамид проявлял особую склонность к рисованию, его отличные успехи в этой области ежегодно отмечались ученическими наградами³. Как известно, рисование являлось одним из недоступных или скорее запретных областей для поволжских мусульман. Только в начале XX в. появились первые робкие попытки изображения живых существ. К сожалению, рисунки Хамида Апанаева не сохранились. Но, скорее всего, увлечение рисованием значительно расширило горизонты его «картины мира» и способствовало окончательной трансформации традиционного сознания.

Русское образование было в то время идеалом многих татарских юношей и девушек. Однако не у всех получалось осуществить эту мечту. Очень часто желанию детей противились отцы, лишали их материальной помощи. Конечно, некоторые все же убеждали родителей в собственной правоте и необходимости получения именно иноверного образования. Например, так было в семье Газиза Губайдуллина. Его отец купец Салих Губайдуллин,

в конце концов, разрешил всем троим детям продолжить учебу в гимназиях. Как обстояло дело в семье Абдулхамид Апаанаева, мы не знаем. Но дальнейшая поддержка Исхаком Апаанаевым образовательных порывов сына дает основание думать, что действовали они вполне согласованно. Как отмечал уже в советские годы сам Хамид, до 28 лет он учился. «Я ровно ничем не виноват в том, что мой отец до революции имел небольшое поместье, но за то я никогда ничего не имел, за исключением полученного мной образования за средства отца», – писал бывший купеческий сын в 1930 г.⁴

В 1907 г. Абдулхамид Апаанаев становится вольнослушателем математического отделения физико-математического факультета Казанского университета. После сдачи экзамена по латинскому языку за 8 классов гимназического курса его вскоре зачислили в студенты. Вероятно, изначально у него были способности к точным наукам. Но молодой человек не собирался останавливаться на достигнутом и спокойно доучиваться на этом факультете. Он продолжал искать себя, его интересовали разные области знаний. Иначе как объяснить, что уже летом 1908 г. Апаанаев стал студентом юридического факультета Казанского университета? К слову, как математики, так и юристы в это время среди татар были большой редкостью. Хотя устоявшаяся судебная система, с адвокатской практикой, открывала широкие профессиональные возможности и для специалистов из инородцев. Получение высшего образования давало им звание личного дворянина. Если в русском обществе, особенно среди интеллигенции, все реже обращали внимание на сословные звания, то для татар они еще не были пустым звуком.

Потомственный почетный гражданин Абдулхамид Апаанаев в 1909 г., оставив учебу в Казанском университете, отправился в столицу. Там он поступил на факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета.

Наверное, для человека, учившегося в медресе, знающего арабский, турецкий и фарси, а также с базой реального училища и прекрасным владением русского языка учеба здесь не составила большого труда. В 1913 г. он получил диплом I степени факультета востоковедения. Это свидетельство понадобится ему уже в советские годы, в 1925–1926 гг. он работал преподавателем персидского языка в Восточно-педагогическом институте РСФСР в Казани⁵. Ну а в 1913 г. молодой специалист еще не спешил заниматься ориенталистикой, в том же году вернулся в родной город и восстановился на юридическом факультете Казанского университета. Может быть, родители настаивали на более надежном образовании. Ведь мусульманские присяжные поверенные вызывали больше доверия у своих единоверцев, к ним охотно обращались с разными вопросами. Примером для многих стала карьера адвоката Саид-Гарейя Алкина. Показательно и то, что в Казани в 1913 г. издавался юридический журнал на татарском языке «Хокук вэ хяят» (Право и жизнь). В начале XX в. татары, вместо традиционных казыев Магометанского собрания, все чаще предпочитали обращаться с имущественными и бракоразводными делами в гражданские судебные органы. Однако диплом перспективной профессии юриста Абдулхамид Апаанаев так и не получил. В дальнейшем он и сам этот период обучения нигде не указывал. Для него время учебы закончилось в 28-летнем возрасте, в 1913 г. По каким-то соображениям он скрывал этот факт. Например, среди его личных дел имеется справка о том, что «Хамид Исхакович Апаанаев служил в кокандском отделении Торгового дома Братья Казаковы и К^о в должности заведующего отделением с 1913 по 1916 г., потом был мобилизован в действующую армию». При этом справка дана в 1930 г., когда уже не было никакой фирмы Казаковых⁶. Оставалась лишь корпоративная дружба между бывшими купе-

ческими детьми. В университетском свидетельстве от 10 ноября 1916 г. говорится о том, что в это время с 1913 по 1916 г. Апаанаев учился на юридическом факультете, «на полукурсовых испытаниях показал успехи: по энциклопедии права – весьма удовлетворительные...», «ни в чем предосудительного не замечался и аттестовался поведению отличного»⁷. Конечно, более убедительным кажется именно это свидетельство.

Начавшаяся летом 1914 г. Первая мировая война внесла значительные коррективы в жизнь россиян. Какая бы справка ни была действительной, в любом случае в 1916 г. Хамид Апаанаев оказался на военной службе. Солдат-призывник в татарском обществе конца XIX – начала XX в., несмотря на военную реформу, считался человеком обреченным, потерянным. Все семьи как огня боялись осмотра призывников и надеялись, что парня оставят хотя бы на год или вовсе навсегда. Весьма иллюстративен в этом плане эпизод осмотров будущих солдат в романе Галимджана Ибрагимова «Молодые сердца». К слову, писатель сам избежал военной службы. Абдулхамид Апаанаев, как человек уже получивший высшее образование, не мог рассчитывать на студенческую отсрочку в Казанском университете, поэтому вполне логично, что «в 1916 году по мобилизации был принят во флот»⁸. Здесь он сливается с обезличенными героями «потерянного поколения», мечтавшими о карьере, спокойной жизни, стабильных доходах, о семье и детях, а получивших в итоге войну и разруху.

Судьба оградила Абдулхамида от ужасов действующей армии. Уже

в 1917 г. он был принят на учебное судно, которое отправляется в заграничное плавание. Курсировали они в основном в водах французского Индокитая – между Индийским и Тихим океанами. В память о периоде дальнего вояжа «корабельного гардемарина» (именно так называлась должность Апаанаева) на крейсере «Орел»⁹ в экспозиции музея имеются огромный кожаный дорожный чемодан, деревянная шкатулка с замком для хранения документов и разные экзотические сувениры: панцирь морской черепахи, зуб акулы, миниатюра из слоновой кости с изображением обезьян и другие предметы. Путешествовать Абдулхамид Апаанаев любил и раньше*. Так, в коллекции имеется альбом «На память о Париже» об архитектурно-художественных и исторических достопримечательностях города на французском языке с пометкой Апаанаева «1905 год». Есть такой же альбом на русском языке о Самарканде¹⁰. Эти издания напоминают туристические путеводители. Возможно, и справка о работе Абдулхамида в Самарканде у Казаковых была связана именно с этим путешествием.

Результатом активной интеграции татар в российское общество являлись изменения в их внешнем виде, в повседневных привычках, стереотипах поведения и мировоззрении. В традиционной среде это выглядело вызывающе, среди русских – будто так и положено. Учеба в реальном училище и университете изменила мировосприятие Хамида Апаанаева еще в юности. Так, у него нет ни одной фотографии с головным убором. Внешний облик его полностью соответствовал об-

* В начале XX в. путешествия, особенно заграничные, среди состоятельных и интеллигентных татар становятся обязательной частью саморазвития. Так же, как раньше это вошло в моду у русских дворян. Некоторые отправляли своих отпрысков учиться за границу, кто-то ограничивался ознакомительными поездками. Например, такого рода целенаправленное путешествие в 1910 г. совершил купеческий сын Ахмет-Гарай Хасани. Мы не можем утверждать окончательно, что Абдулхамид Апаанаев бывал в Париже или других европейских столицах. Однако косвенные источники указывают на это. К примеру, рассказывая о знаменитом чемодане Апаанаева, его родственники подчеркивали, что с ним он объездил весь мир.

шим городским стандартам, из одежды и аксессуаров ничто не выдавало его национально-конфессиональную особенность. К примеру, есть среди экспонатов кожаный ремень с серебряной отделкой. Для Апанаева, вероятно, это была незначительная деталь, постоянно присутствующая в его быту. Между тем для татарского солдата из деревни ремень – непривычный и инородный аксессуар, подчеркивающий его вероотступничество. «Взяли на войну,/ дали мне ремень...», — говорится в одном из байтов времен Первой мировой войны¹¹ и в этом простом замечании на самом деле обозначено глубокое противоречие в душе человека с традиционными воззрениями. Ведь он носил обычные народные штаны, которые не нужно подпоясывать ремнем. Как представителю татарской городской молодежи – Абдулхамиду Апанаеву были уже чужды подобные стереотипы. Вообще многие его личные вещи указывают на поведение, свободное от известных религиозных запретов: графин для коньяка, несколько серебряных мундштуков для сигар и сигарет, портсигар... В начале XX в. курение получило особое распространение среди татарской молодежи. Конечно, при старших старались не курить, но за это никто уже не осуждал. Более того, например, если верить воспоминаниям шакирдов, в медресе «Галия» в Уфе имелась даже отдельная комната для курения¹². Среди народных поверий, бытовавших на рубеже веков у казанских татар, встречаются и наивные суждения о том, что, покурив, можно унять зубную боль¹³. Употребление спиртного хоть и было под запретом, многими данное табу обходилось стороной¹⁴. Вероятно, и Абдулхамид Апанаев не придавал этому особого значения. Интересно, что среди экспонатов коллекции нет никаких предметов, указывающих на его религиозность. Например, намазлыки, молитвенники, четки и т.д. Возможно, они были специально уничтожены в советское время, чтобы избежать соответствующих

обвинений. Но многим семьям, несмотря на материалистическую идеологию, удалось сохранить и религиозные реликвии. Это зависело от внутреннего ощущения самого человека.

Мировоззрение молодых людей, родившихся в конце XIX в., было очень часто далеко не религиозным. К примеру, о своем родном брате Ибрагиме писатель Фатих Амирхан в 1908 г. в письме к другу Исмаилу Аитову иронично заметил, что тот, возможно, станет муллой-атеистом исключительно из меркантильных соображений – «для собственного прокорма и это сгодится»¹⁵. При этом отец братьев – Зариф Амирхан был известным казанским муллой, руководителем медресе в Ново-татарской слободе. Молодые люди, поколение родившихся в 1880-х гг., не связывали себя ни с джадидами, ни с кадимистами. Стремление к русским, западным новациям смывало их мусульманскую идентификацию. Но они так и не сумели слиться с общеимперской культурой. Они оставались теми же инородцами, что и татары XIX в. Возможно, поэтому у них возникало национальное самосознание. Например, даже то, что Абдулхамид Апанаев, оставив в 1909 г. юридический факультет, решил получить все-таки востоковедческое образование, указывает на мотивацию этнического характера. Но это был атеистический национализм.

«Образование, науки, искусство... все это нужно, но без религии они служат лишь к ухудшению нашего положения», — писал журнал «Дин вь магишат» в 1913 г.¹⁶ Однако перемены в сознании поколения, родившегося в 70–80-х гг. XIX столетия, произошли не только благодаря развитию науки и искусства. Огромную роль сыграли и расширившиеся буржуазные услуги (новая городская мода, формы досуга и т.п.), которые противоречили основным положениям ислама. Здесь во главу угла ставилась лишь экономическая выгода. «Крепкая стена религии, которую некогда отгородили себя татары,

не могла теперь выдерживать напора изнутри и извне, татарская жизнь зашаталась на одном месте, не зная куда бы повернуть», — такую оценку дал 80-м гг. XIX в. автор-татарин в журнале «Современник» в 1911 г.¹⁷

«Я не европеец, и не азиат. Остался между ними», — писал о себе Фатих Карими в письме дяде Ризе Фахретдину¹⁸. Эта двойственность сознания была характерна для многих образованных молодых людей. Колебание между разными мирами — блеском Запада и неспешностью Востока — отражалось и на устройстве личной жизни. Получившие определенное духовное развитие татары искали для себя таких же думающих девушек, сведущих как в вопросах культуры, так и вообще в городской жизни. Конечно, среди татарок было довольно трудно найти подходящую пару. И дело даже не в малом количестве «окультуренных» девушек, просто межполовое общение молодежи в состоятельных кругах было практически невозможно. Такое допускали лишь редкие образованные семьи. Договориться между собой могли парни и девушки из крестьянской среды, во время вечерних игр.

Между тем молодые люди, начитавшиеся различных рассуждений на этот счет, уже не хотели полагаться на судьбу в выборе супруги. В это время появляются первые эпизоды смешанных браков. Весьма выпукло данную дилемму татарской молодежи изобразил Гаяз Исхаки в рассказе «Он еще был не женат»¹⁹. Альтернативой смешанным бракам в некоторых случаях становились матримониальные союзы с литовскими татарками. Эти девушки ничем не отличались от образованных русских барышень, кроме своего мусульманского вероисповедания. Например, Исмагил Аитов — сын купца Сулеймана Аитова был женат на такой девушке. Вот и женой Хамида Апанаева стала Софья Юнусовна Ра-

децкая, литовская татарка. Источники из музейного фонда не дают полной картины частной жизни Абдулхамида Апанаева. Мы не знаем, когда именно поженились Хамид и Софья, где познакомились. Возможно, встретились они еще в Санкт-Петербурге. Но нельзя исключать и знакомства уже на Дальнем Востоке. Например, имеются фотографии супругов в Сайгоне в 1919 г. В семье рос сын — Надир. Кстати, именно Надир Апанаев и передал материалы из архива отца в Музей национальной культуры.

С таким дореволюционным багажом поколение 1980-х гг. вступило в советскую действительность. Многими новая власть была воспринята с большим воодушевлением. В Казань Абдулхамид Апанаев вернулся в 1923 г. К этому времени отца — Исхака Апанаева уже не было в живых, его не стало в 1918 г. Мир вокруг сильно изменился. Ему надо было подтвердить свое право на жизнь в новой системе координат. В 1924 г. Апанаева восстановили в правах, он занимал разные должности. Преподавал в Восточно-педагогическом институте*, но вскоре предмет его убрали из программы. Затем он устраивается в Рыночный комитет, выполняет в том числе и обязанности юриста (вот где понадобились царские дипломы). Однако с 1928 г. начинается его «систематическая травля». Все началось с выхода статьи «Хорошо тому живется, кто устроиться сумел» в газете «Красная Татария». «Нами получен ряд рабкорских писем, преисполненных негодования по поводу превращения бывшего помещика в советского служащего и профактивиста. И в один голос утверждают они, что деятельность Хамеда Апанаева в качестве управляющего базаркома сводится к всемерному обережению интересов частных торговцев, не только в ущерб интересам рабочих и служащих, но и в ущерб

* Там же в это время работал и другой купеческий сын — Гали Рахим.

общей налоговой политике советского государства. Кроме того, все заметки упирают на чрезвычайную грубость Апанаева, на его помещичье-хамское обращение и требуют точного и ясного ответа:

– Долго ли еще бывший помещик Хамед Апанаев будет членом союза, членом РКК и нарзаседателем?

– Нет ли для этого дела более подходящих людей, у которых бы прошлое было менее блестящим, но зато более соответствующим интересам трудящихся?!», – жаловался на «товарища Апанаева» аноним, назвавшийся С.Мирским²⁰.

В это время реорганизовывали рыночный комитет и значительно сократили штат служащих. Сам Апанаев считал, что фельетон – это «личная месть со стороны увольняемых или их вдохновителей», только увольнение рабочих было не в его компетенции. Как юрист он подает иск в суд. В ходе следствия приведенные в газете факты

не подтвердились. Абдулхамид Апанаев обращался несколько раз и в судебные органы, и в саму редакцию, просил дать в газете опровержение²¹. Но его просьбу оставили без внимания.

В 1930 г. бывшего потомственно почетного гражданина выселили из дома. В то время в родовом гнезде на набережной Кабана вместе с семьей он занимал одну комнату. Претензии такого «неблагонадежного элемента», как Апанаев (да еще с такой громкой фамилией), неизбежно могли привести только к одному – Молоху репрессий. В 1933 г. его осудили на три года исправительно-трудовых лагерей. В коллекции имеется справка от 20 июля 1935 г. о том, что Апанаев Абдулхамид Исхакович «по окончании срока с зачетом 146 рабочих дней из Сибирского лагеря освобожден»²². Умер он в 1937 г. Таков итог жизни многих представителей поколения людей, рожденных в 1880-х гг. По крайней мере, тех татар, которые остались в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Музей национальной культуры при НКЦ «Казань». КП-13470.
- ² Шарипова Г. Семья Гафура. – Алма-Ата: Жазушы, 1969. – С.32.
- ³ Музей национальной культуры при НКЦ «Казань». КП- 13470/282, 283.
- ⁴ Там же. КП- 13470/235.
- ⁵ Там же. КП-13470/263.
- ⁶ Там же. КП-13470/236.
- ⁷ Там же. КП-13470/284.
- ⁸ Музей национальной культуры при НКЦ «Казань». КП-13470/292
- ⁹ Там же. КП-1370/254.
- ¹⁰ Там же. КП-13470/39, 40.
- ¹¹ Татар халык ижады. Бәетләр. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1983. – Б.84.
- ¹² Центральный исторический архив Республики Башкортостан. Ф.Р-4767. Оп.1. Д.2. Л.77.
- ¹³ Научный архив Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Ф. 18. Оп.1. Д. 34. Л.68.
- ¹⁴ Губайдуллин К., Губайдуллина М. Пища казанских татар (этнографический очерк) // Вестник научного общества татароведения. – 1927. – № 6. – С.49.
- ¹⁵ Амирхан Ф. Әсәрләр 4 томда. – Т. 4. – Казан, 1986. – Б.245.
- ¹⁶ Мир ислама. – СПб., 1913. – Том II. Выпуск 1. – С.35.
- ¹⁷ Неджибъ. Пробуждение русских татар и их литература // Современник. – 1911. – Кн.4. – С.171.
- ¹⁸ Шәраф З. Фатыйх Кәрим / Фатих Карими. Научно-биографический сборник. – Казань, 2000. – С.89.
- ¹⁹ Исхакый Г. Ул эле өйләнмәгән иде // Зиндан. Сайланма әсәрләр. – Казан, 1991. – Б.320–374.

²⁰ Хорошо тому живется, кто устроиться сумел... // Красная Татария. – 1928. – 26 апреля. – № 96(3069).

²¹ Музей национальной культуры при НКЦ «Казань». КП-13470/295.

²² Там же. КП-13470/231.

Аннотация

Буржуазные изменения пореформенного времени и джадидские преобразования оказали значительное влияние на формирование личности молодых людей, родившихся в 1880-е гг. Они были первым поколением «европеизированных» татар, которые с детства оказались в центре новой городской культуры. Абдулхамид Апаев – один из ярких представителей этой молодежи, становление и зрелые годы которого пришлось на начало XX века.

Ключевые слова: татары, ислам, джадидизм, повседневность, реформы.

Summary

Bourgeois changes of the post-reform time and Jadid transformation had a significant influence on the personality of young people born in the 1880s. They were the first generation of «westernized» Tatars, who found themselves in the centre of the new urban culture since childhood. Abdulakhamid Apanaev is one of the brightest representatives of this youth, whose mature years are related with the beginning of the XXth century.

Keywords: Tatars, Islam, Jadidism, everyday, reforms.

УДК 94"04/14"

«КАЗАНСКОЕ ВЗЯТИЕ»: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА*

Ш.Ф. Мухамедьяров, профессор, заслуженный деятель науки РТ,**Б.Л. Хамидуллин,** кандидат исторических наук

Безусловно, это событие, независимо от конкретных политических и военных обстоятельств XVI в., послужило поворотным пунктом в исторической судьбе народов Поволжья и всего Российского государства. При этом характер присоединения ханства (*завоевание*) отнюдь не позволяет допуска околонучной политизации и мифологизации данного события. Только взвешенная оценка падения ханской Казани с сугубо научных, объективных позиций будет способствовать росту интереса к общей истории народов России, и в конечном итоге их сплочению, и, несомненно, окажется полезной на современном этапе укрепления межнациональных отношений в государстве...

В 1445 г. правителем зародившегося в недрах Улуса Джучи Казанского государства становится сын золотоордынского хана Улуг-Мухаммада Махмут. По этому поводу в Никоновской летописи написано: «Царь Мамутяк пришед из Курмыша Казань взял, а казанского князя Азя убил, а сам на Казани воцарился, и оттоле нача царство быти казанское». В Воскресенской летописи это событие изложено чуть иначе: «Тое же осени [1445 г.] царь Мамутяк, Улу-Магметов сын, взял город Казань, вотчича казанского князя Либя убил, а сам в Казани сел царствовать». Анонимный автор «Казанской истории» середины XVI в., считавший первым ханом Казани Улуг-Мухаммада, отмечая приход сюда его орды, сделал многозначительное дополнение:

«И рады ему бысть изо оставшихся от плена худые болгары. И молиша его казанцы быти ему заступника бедам их, и помощника от насилия, воевания русскаго, и быти царству строителя».

Казанское ханство занимало большую территорию северной части Золотой Орды. На западе ее границы проходили по реке Сура, на севере достигали Средней Вятки и Камы, на востоке – предгорий Урала, на юге они смыкались с владениями ногайских татар, где-то между Саратовом и Волгоградом. Территория ханства во многих отношениях выгодно отличалась наличием множества полноводных рек, плодородных полей и лугов, богатых лесов и просторных степных пространств на границе с Ногайской Ордой, что создавало удивительное удобство для жизни местного полиэтничного населения, включавшего в себя, наряду с татарами, башкир, марийцев, мордву, удмуртов и чувашей. По сообщению казанского летописца, ханство было «место пренарочито и красно велми, и скотопажитно, и пчелисто, и всяцеми земными семяны родимо, и овощи преизобилно, и зверисто, и рыбно, и всякого угодыя много, яко не мощно обрести другаго такова места во всей Русской нашей земли нигдеже таковому подобно месту красотою и крепостию и угодием человеческим», а по мнению князя Андрея Курбского (непосредственного участника завоевания ханства), «понеже в земле той поля великие и зело преизобильныя и гобзующия на всякие плоды; такоже и

* Статья была написана в 2002 году. Публикуется с сокращениями. – Б.Х.

дворы княжат и вельможей зело прекрасны и воистину удивления достойны, и села часты; хлеб же всяких такое там множество, воистину вере ко исповеданию неподобно: аки бы на подобие множества звезд небесных; также и скотов различных стад безчисленное множество, и корыстей драгоценных, наипаче от различных зверей, в той земле бывающих: бо тамо рождаются куны дорогие, и белки и прочия зверия ко одеждам и ко ядению потребные; и мало за тем далее соболей множество, такожде и мехов: не вем, где бы под солнцем больше было».

Детализируя этнический состав населения ханства, князь отметил, что «кроме татарского языка, в том царстве пять различных языков: мордовский, чувашский, черемисский [т.е. марийский], воитецкий, або арский [т.е. удмуртский], пятый башкирский». Очень характерно, что ни один источник периода XIV–XVI вв. не дает нам даже повода говорить о насильственном включении нетатарских народов в состав ханства. По всей видимости, здесь сложился своеобразный добровольный политический союз местного тюркского и финно-угорского населения. Ни один источник периода Казанского ханства не сообщает нам также и о каких-либо проявлениях национально-освободительной борьбы периферийного населения государства против татар. В этом плане интересны мысли русского дворянина Михаила Каратеева (1904–1978), автора исторической трилогии «Русь и Орда» и очерка «Казанское царство»: «Подвластных им народов – черемисов, башкир, чувашей и иных, – татары не притесняли, и поэтому никаких мятежей и восстаний против них тут не было. Наоборот, – все эти народы, по-видимому, были довольны порядком, который установили казанские цари, и поддерживали их в борьбе с внешними врагами». Очевидно, что местное полиэтничное население довольно четко осознавало свою принадлежность к единому политическому целому и признавало это целое своей Родиной, о чем

неоспоримо свидетельствует совместная война за независимость народов Среднего Поволжья в середине XVI в.

Развитыми отраслями хозяйства ханства, несомненно, являлись земледелие, скотоводство, лесные промыслы, рыбная ловля, бортничество, различные виды ремесел (кожевенное, ювелирное, кузнечное, гончарное), большой размах приобрела внутренняя и внешняя торговля. Венецианский путешественник XV в. Иосафат Барбаро писал: «Казань – торговый город; оттуда вывозят громадное количество мехов, которые идут в Москву, в Польшу, в Пруссию и во Фландрию. Меха получают с севера и северо-востока, из области Дзугатаев и Мордовии». А вот как описывает Казанскую ярмарку автор «Казанской истории»: «На той же день [24.06.1505] съезжахуся в Казань [на Гостинный остров на Волге] изо всея Руския земля богати купцы и многие иноземцы далныя и торговаху с Русью великими драгими товарами».

Довольно высокого уровня в ханстве достигли градостроительство и архитектура. Говоря об архитектуре, в качестве примера приведем современную стихотворную обработку слов казанского летописца, описывающего въезд Ивана IV в завоеванную Казань:

*«...И когда Казань-город очистили,
В нее сам самодержея
наш выехал...
Он приехал на площадь великую,
У царева двора с коня доброго
Соскочил, удивляясь бывшему...
Не напрасно казанцы противились
И сражались со славою до смерти,
Ибо царство сие стоит этого!
И вошел он во двор, в сени царские,
И пошел в златоверхие теремы,
И палаты, любуясь, осматривал,
Хоть была красота их разрушена
От стрельбы непрестанной
от пушечной...».*

Серьезное развитие в период Казанского ханства получила и духовная культура местного населения. На территории государства функционирова-

ли многочисленные начальные и средние школы, высшее учебное заведение в Казани, библиотеки, включая богатое книгохранилище ханского дворца.

Суннитский ислам ханифитского мазхаба, несомненно, играл одну из ключевых ролей в духовной жизни населения страны, так как представлял собою религию государствообразующего народа, политической элиты страны. При этом не менее важно подчеркнуть, что в Казанском ханстве, при главенстве исламской религии, существовала полная веротерпимость, что было связано с традициями, унаследованными от Хазарии, Волжской Булгарии и, конечно же, от Золотой Орды. В самой Казани находился христианский храм – армянская церковь, а большая часть финно-угорского и некоторая часть тюркского населения страны продолжали исповедовать языческие верования предков. Ислам распространялся ненасильственно, добровольно, большей частью в результате усиления этнокультурных контактов внутри полиэтничного государства на пути этнокультурной интеграции.

Организация государства после 1445 г. приобрела некоторые специфические черты. Создался новый слой землевладельцев, который в основном формировался за счет представителей «орды Улуг-Мухаммада». Несомненным доказательством этого служит пребывание в Казанском ханстве золотоордынских родов-кланов Ширин, Барын, Аргын и Кипчак. В административном отношении ханство делилось на Алатскую, Арскую, Атызскую, Галичскую/Якийскую, Крымскую, Ногайскую, Окречскую, Чувашскую даруги и земли «Камскою», «Сыплинскою», «Костятцскою», «Беловолжскою», «Вотяцкою» и «Башкырскою».

Верховная власть в стране принадлежала хану. Однако решения он мог принимать лишь с согласия дивана – совета при хане, состоявшего из наиболее представительных феодалов и высшего духовенства. Наиболее авторитетные члены этого совета носили название «карачи» – смотритель. Для

решения наиважнейших государственных вопросов собирался съезд землевладельцев, военных и духовенства, известный под именем «курултай» или «вся земля Казанская». Вслед за феодальной верхушкой государства шли беки, хакимы, мирзы, огланы, казаки и знать подвластных народов. В целом феодалы, духовенство и чиновничество назывались «ак сояклэр» – *белая кость* или «зур кешелэр» – *большие люди*, в противоположность *черному люду, меньшим людям* («кара халык», «кешелэр»).

Политическая история Казанского ханства была очень многогранной и насыщенной, что подтверждается большим количеством зафиксированных в письменных источниках фактов. Однако, к сожалению, основной корпус этих сведений отражает преимущественно лишь взаимоотношения Казани и Москвы, отчасти – Казани и Ногайской Орды, и очень мало информирует о политике ханства в отношениях с Крымом, Астраханью, Сибирью и Средней Азией. В целом эта тема довольно хорошо исследована в работах Хади Атласи, Михаила Худякова, Саяма Алишева, Дамира Исхакова, Александра Бахтина и других ученых.

Что же нам сообщают письменные, фольклорные источники и историография о завоевании Казани?

«...Великий князь [Иван IV] вновь собрал великую силу и подошел опять к Казани; вел подкопы и взорвал их. Так взял он город, а хана-царя Шигалея [следует читать: Едигера] взял в плен и отдал воинским людям город как добычу. Город был разграблен. Жителей убивали, выволакивали и обнаженные трупы складывали в большие кучи. Затем убитым связывали вместе ноги внизу у щиколоток; брали длинное бревно, насаживали на него трупы ногами и бросали в Волгу по 20, 30, 40 или 50 [трупов] на одном бревне. Так и спускались вниз по реке эти бревна с трупами. Они висели на бревне под водой, и только ноги оттуда, где они были связаны вместе, торчали вверх над бревнами...», – так коротко

и ясно описывал завоевание русскими войсками столицы Казанского ханства немец Генрих Штаден, около 12 лет (1564–1576 гг.) проживший в Московии периода правления Ивана Грозного. Подробное описание «Казанского взятия» имеется и в записках князя Андрея Курбского, и в «Казанской истории», автор которой, вполне возможно, тоже был очевидцем завоевания. А вот как описывает эти события Новгородская летопись, редко цитируемая по данному случаю: «*О Казанском взятии, како взята бысть Казань, бесерменский град, благоверным государем великим князем Иваном Васильевичем всеа Руси*. В лето 7061, месяца октября во 2 день... Князь же великий скоро посылает ко граду Казани, повелевает отволочити от града Казани снаряд стенобитный, от обоих подкопов больших, пушки единой имя Колцо, а другой имя Ушатая, и огненные пушки и весь снаряд, также и Змей летячей, и Змей свертной и прочий снаряд весь отволокоша. И повеле князь великий знамя развертети. Бе бо на нем образ Господа Бога Спаса нашего, князь же великий государь слезно зряще глаголаше: «Хранителю мой и избавителю наш! Сохрани нас имени твоего ради святого». И тако прекрестив лице свое крестообразно и поиде ко граду, и брат его князь Володимер Одреевич и все воинство... И тако поиде ко граду Казани. Перешед Булак и взыде к горе и ста полком, и повеле в набаты бити и в накры многи, и в сурны играти, и в трубы трубити; яко гром велик возшуме, не бе слышати что глагола друг другу. И став противу Арских ворот, ныне же именуются Спасские, идеже ныне стоит храм Господа Бога нашего Иисуса Христа Нерукотворенного образа, и вскоре посылает к туром князя Михайла Ивановича Воротынского, да велит размыслу Немчину подкоп зажечи в дву местех, и повеле приступити ко граду со всех стран. И абие загореся подкоп в первый час дни в неделю, вырваше стены много во едином месте, и после в другом месте потомуже, и нача метати стрелни и городни и

древеса граднии и с землею, яко до небес меташе, и с людьми, иже бе на граде стояще, готовящеся к приступу; меташе же людие Казанстии овии во град, иных на иную страну. Егда вырваша подкоп, и в той час учиниша приступ со всех стран, христианстии же людие кликнуша вси единогласно: «О Владыко! Не остави нас, буди помощник». И тако великим звуком приступиша в первый час дни, мно яко земли колебаться от обоих шума и от трескоты деревяного, овии в полы места полезоша, инии же по лестницам, иные же по прислоном, а иные на обломки полезоша; и тако чрез стену скоро взлезоша во град, бьюще по улицам Татар и катун, мужен и жен, по двором, иные же в ямы валячися из мизгитей и с полат, и секуще их и одираху до последния наготы. И тако вскоре, премудраго Бога промышлением, неколико тысящ побиша людей Казанских; и тако, Божию милостию и его крепкою десницею, ни един Татарин Казанцов не возмогоша битися противу людей христианских, бежаша вси градом, и также туто побиша их и прогониша их ко цареву двору. Они же стаха о цареве дворе, хотяще битися, и абие христианстии людие со всех стран много множество приидоша, и тако биющеся и секуще их, яко крови их по удолиям течаше и телеса их невместимо по улицам проити, и также по улицам людие на земли лежаху. Людие же Казанские восхотеша о цареве дворе битися, и видевше они окаяннии, что невозможно стати против хрестьянских людей, и абие побегоша с царева двора за град, с стены валяющеся, за Казань за реку к лесу по Галицкой дороге побегоша; и абие ту стояше великого князя правая рука, князь Петр Михайлович Щенятев да князь Андрей Михайлович Курбской и с ними многие люди Московстии, и Ноугородцы, и Псковичи, тех всех людей Казанских на голову побиша, от них мало тех которые на лес утекоша. Во граде же бяше хрестьянстии людие много множество безчислено княинь, и мурзинных жон, и девок и детей взяша, также рку вско-

ре от великих и до простых людей. И также начаша царя Казанского искасти Аидигеря, по всем странам града: занеже бе его искаху и не обретоша, и в цареве дворе языков много пытающе, не ведяху никтоже его; и абие устремишася Палецкого князь Дмитриевы слуги на левую страну града Казани, идеже зовутся у них Збойливые ворота, ныне же зарушены, и также на стене взяша царя Аидигеря, Касым Салтанова сына, и Астороханского царевича, и вневеды хотяше убити его, и абие ту с ним некии Татарове бяше сказаша о нем, яко царь есть. О предивное чудо и великое Божие милосердие! На толикое малое время, на един час, толико тысящ побили Казанских людей, и царя из града взяша, и царство его плениша...». Так был разрушен один из цветущих центров средневековой татарской цивилизации, так погибли его защитники, героически противостоявшие пятикратно преобладающему числу противника. Драматические события 2 октября 1552 г., а чуть позднее – завоевание русскими войсками другого татарского ханства (Астраханского) положили конец многовековой традиции государственности тюркского населения Поволжья, непрерывно функционировавшей как минимум со времен возникновения Великой Болгарии и Хазарского каганата, то есть с середины VII в.

Вполне естественно, что тема завоевания Казанского ханства нашла серьезное отражение в татарском фольклоре. В качестве примера можно назвать народные предания «Соембикэ»/«Сююмбике», «Патша хэйлэсе»/«Царская хитрость», «Зоя каласы»/«Свияжск», «Иван Грозный ничек Казанга сугыш ачкан»/«Как Иван Грозный начал войну с Казанью», «Казан алынган»/«Завоевание Казани», «Шэрифкол»/«Кул-Шериф» и др.

В предании «Сююмбике» речь идет о якобы первопричине завоевания Казани. Правитель Московского государства влюбляется в царицу Сююмбике и посылает своих послов просить ее вы-

йти за него замуж. Ответом был отказ. На что русский царь восклицает: «Не хочешь миром, возьму войною!»... Второе предание «Царская хитрость» повествует о том, что Иван Грозный, устав воевать с царицей Сююмбике, идет на хитрость: «Дайте мне, – говорит он, – землю размером с бычьей шкурой – прекращу войну». Сююмбике соглашается. Слуги русского царя закалывают быка, а из его шкуры кроют длинную ленту, которой опоясывают огромную территорию ханства, где позднее возводят крепость Свияжск... О поисках же удобного места и о возведении форпоста оккупации Казанского ханства города Свияжска в 1551 г. нам сообщает предание «Свияжск». Легенда «Как Иван Грозный начал войну с Казанью» красноречиво сообщает: Царь Иван целыми днями ломает себе голову, он удручен одной мыслью, как завоевать Казань. Один из приближенных говорит ему: «Пошли меня в Казань, устрою скандал, а ты затем войну начнешь». Понравилось это царю, отправил он слугу в Казань, который по прибытии к татарскому хану попросил земли размером с бычьей шкурой. Хан дал свое письменное разрешение на это. Москвич тут же пошел на базар, скупил все шкуры, скроил их между собой и разложил в самом центре Казани. В результате – скандал, а за скандалом – война. Легенда же «Завоевание Казани» описывает походы Ивана IV на Казань с акцентом, естественно, на поход 1552 г. и ожесточенное сопротивление казанцев, которое на примере сеида Кул-Шерифа по прозвищу «Предводитель святых» («Изгелэр житэкчесе») более подробно изложено в баите «Кул-Шериф»...

Взаимоотношения Казанского ханства и Руси стали предметом серьезного изучения уже начиная с XVII в. («Казанскую историю» в данном случае мы относим в разряд письменных источников). К числу первых исследователей названной проблемы можно отнести А.И.Лызлова, В.Н.Татищева, П.И.Рычкова, М.М.Щербатова, Н.М.Карамзина, К.Ф.Фукса, М.С.Ры-

бушкина, Н.С.Арцыбашева, Н.К.Баженова и некоторых других.

Так, А.И.Лызлов, автор «Истории Скифийской», «прилежными трудами сложенной и написанной лета от Сотворения Света 7200, а от Рождества Христова 1692», уделяет большое внимание русско-татарским взаимоотношениям. У него подробно описываются события, предшествовавшие завоеванию Казани в 1552 г., когда Москва «непрестанно посылала многия воинства воевати Казань и областей ея», и само покорение столицы татарского государства, являвшееся, по мнению автора, наказанием за непрерывные опустошительные набеги татар на русскую землю. Во многом голословное упоминание «непрерывных опустошительных набегов татар», как и мнение, что «казанский юрт от начала наш юрт» (цитируем Ивана Грозного), «Казанское царство и город Казань основаны татарами на земле, Российскому государству принадлежащей» (цитируем Петра Рычкова), перекочевали из русских церковных сводов XV–XVII вв. практически во все дореволюционные издания русских авторов.

Однако мы прекрасно знаем, что историческая наука XVII – первой половины XIX в. оставляла желать лучшего, так как практически еще были неразработанными многие ее направления (в частности, методика анализа и использования письменных источников), а археологические и этнографические изыскания фактически находились лишь в стадии зарождения. Поэтому и выводы упомянутых исследователей, как правило, носили довольно условный характер. Сильна была приверженность трафаретным идеям, заложенным еще составителями русских летописей...

Более серьезное изучение взаимоотношений Казанского ханства и Руси началось только со второй половины XIX в., когда существенно расширился круг введенных в научный оборот источников и значительно усовершенствовалась методология историче-

ских исследований. В первую очередь необходимо назвать С.М.Соловьева. Он восхвалял завоевания Русью восточных от нее земель, считая это показателем прогресса, и отмечал, что русская колонизация способствовала поступательному развитию экономики Руси и распространению «европейской, христианской цивилизации» на «магометанский» Восток. Н.И.Костомаров тоже считал «покорение татарской расы славянскою, присоединение к себе ее территорий» «первым условием возможности благоденствия и процветания Руси». Так, к примеру, существование Крымского ханства, по мнению этого ученого, «было одной из главнейших причин медленности расселения русского народа на огромном материке». Такой же точки зрения придерживался и автор книги «Поволжье в XV и XVI вв.» Г.И.Перетяткович. В его работе дается большое количество интересной информации об этнокультурных и внутриполитических процессах в Казанском ханстве. Основными причинами падения Казани Г.И.Перетяткович считал слабость внутреннего политического устройства ханства и этноконфессиональную пестроту его населения.

В XIX в. появились и первые серьезные работы татарских историков, исследовавших различные стороны русско-татарских взаимоотношений и конкретно «Казанского взятия». В первую очередь, это труды Шигабутдина Марджани, Хусаина Фаизханова, Каюма Насыри. В начале XX в. появились труды Мурада Рамзи, Гайнетдина Ахмерова, Хади Атласи, комплекс статей в журнале «Шура» Ризаэтдина Фахретдина и ряда других авторов. Естественно, работы этих ученых в какой-то мере ставили заслон субъективной великорусской идеологии в освещении фактов истории татар и Среднего Поволжья. Фактически их публикации оказались гораздо более объективны и научны, так как в них использовалась вся совокупность и русских, и татарских источников с соответствующим

критическим анализом. Примечательно, что татарские авторы всегда уделяли пристальное внимание внутреннему расколу татар не только Казанского ханства, но и всего содружества постзолотоордынских татарских ханств, который и привел некогда процветавшее татарское общество к печальному результату. В то же время колониальная политика Москвы оценивалась ими всегда однозначно отрицательно.

В первые годы после революции свет увидели интересные работы Н.В.Никольского и Н.Н.Фирсова. Определенный социальный заказ предопределил то, что в этих книгах серьезное внимание было уделено именно завоеванию Казани и войне за независимость народов Поволжья в середине XVI в. Ученые правильно подметили сугубо экономическую сторону проблемы – стремление Ивана IV установить контроль над Великим волжским путем, о чем наглядно свидетельствовало и осуществленное в 1556 г. завоевание Астрахани. Острую нехватку земель и рабочей силы в Московском государстве XVI в. и вытекающие из этого «последствия» отметил М.Н.Покровский. Он выступил с резким осуждением реакционной завоевательной и национально-колониальной политики русских правителей и назвал Россию «тюрьмой народов». Основываясь на сведениях источников, ученый отверг агрессивный характер развития Казанского ханства и назвал войну народов Среднего Поволжья против Ивана Грозного «народной войной за независимость». Последователи взглядов М.Н.Покровского критиковали дореволюционную русскую историографию за тенденциозность и «патриотический фанатизм, который доводит изложение фактов до карикатурного искажения».

Первым серьезным послереволюционным татарским исследователем, в чьих трудах нашло отражение завоевание Казани, следует назвать Газиза Губайдуллина. В нескольких своих работах (монография «Татар тарихы»/«История татар», 1922,

1924, 1925; статья «Идел буе очен корэш тарихыннан»/«Из истории борьбы за Поволжье», 1923) он довольно тщательно проанализировал развитие политической ситуации в Среднем Поволжье в XV–XVI вв. В работу «Татар тарихы» автором были даже включены два раздела под характерными названиями «Идел буендагы татар дэулэт-лэренен инкыйразы»/«Исчезновение татарских государств Поволжья» и «Идел очен сонгы корэш»/«Последняя битва за Волгу». Здесь он обстоятельно рассматривает московскую политику «разделяй и властвуй» по отношению к постзолотоордынским татарским ханствам, раскрывает причины их падения (в том числе внутренние), экономические мотивы агрессии Москвы и т.д. По мнению историка, исход событий был предрешен заранее, так как население Казанского ханства не воспринимало территорию этого государства своей единственной и настоящей Родиной.

В историографии истории Казанского государства особое место занимают «Очерки по истории Казанского ханства» 1923 г. издания, написанные М.Г.Худяковым. Книга явила собой значительный шаг вперед в изучении истории ханства и казанско-московских взаимоотношений. Впервые читатель получил систематизированный материал по истории государства казанских татар. Ее появление было даже отмечено официальной правительственной газетой «Известия ТЦИК», которая писала: «Это книга, которой недоставало. Татарская республика должна иметь историю того государственного союза, из которого она вышла через длинный период тяжелой зависимости от другого государственного союза». Учитывая тот факт, что многие прекрасно знакомы с работой Михаила Георгиевича, мы приведем здесь всего несколько небольших цитат из нее, которые во всей полноте отражают точку зрения этого незаурядного русского ученого.

Завоевательная политика Руси.
«До конца 1540-х гг. русская поли-

тика по отношению к Казанскому ханству не имела территориально-завоевательного характера. В конце 1540-х гг. совершается перелом, и русское правительство приходит к мысли о территориальном завоевании Казанского ханства, о включении его в состав Русского государства. Соответственно этому, изменяется вся схема русско-казанских взаимоотношений, и для русских начинается настоящая завоевательная, империалистическая война»; «завоевательная политика была результатом совпадения интересов дворян-помещиков, духовенства и торгово-промышленного капитала». *Последствия завоевания Казани.* «Чудовищное избиение жителей взятой Казани составляет одну из самых тяжелых страниц русской истории. Такою колоссальною гекатомбою человеческих жертв закончился «крестовый поход» христоролюбивого воинства Русского государства на путь территориальных завоеваний. Кроме огромного количества человеческих жизней, насильственно унесенных в могилу, кроме бесчисленных слез, страданий и горя, пережитых казанским народом, печальный день 2 октября знаменовал собою гибель материального благосостояния, накопленного целыми поколениями, и утрату культурно-бытовых ценностей, которые теперь были безжалостно извлечены из укромных уголков, где они бережно сохранялись, без сожаления были изломаны, изуродованы, потеряны, уничтожены. Тысячи драгоценностей, ювелирных украшений, тканей, произведений высокого мастерства и искусства безвозвратно погибли. Богатству народа был нанесен страшный удар, от которого он едва ли мог бы оправиться»...

Начиная с середины 1930-х гг., в советской историографии вновь начали ощущаться великодержавные нотки изложения истории, присущие до-революционным историкам. В первую очередь, это было связано с политикой укрепления центральной власти при И.В.Сталине, во вторую – с необходи-

мостью противостоять «здоровым национализмом» угрозе нацистской Германии, в третью очередь – с закрепившимся в годы войны 1941–1945 гг. стереотипом о «русском народе – освободителе». Именно итоги Великой Отечественной войны явились сильнейшим толчком к очередному пересмотру российской истории. Стал возмечиваться образ русских великих князей и царей, в частности Ивана Грозного, переосмысливались содержание и сама необходимость гипотезы о завоеваниях Руси–России, как «наименьшем зле», научная историческая терминология «обогадилась» термином «расширение», используемом при описании завоеваний Руси–России. Так, завоевание Казани Иваном Грозным называлось «одним из важнейших средств укрепления и дальнейшего развития русского национально-государства» и «начальным этапом становления многонационального централизованного Российского государства». В частности, в одном из выступлений И.И.Смирнов говорил: «Актуальность восточного вопроса во внешней политике Московского государства определяется фактом наличия системы татарских государств, возникших на развалинах Золотой Орды и стремившихся к гегемонии в Восточной Европе... Стремясь не допустить разгрома Казанского ханства, Турция активно вмешивается в казанский вопрос и выступает в роли организатора коалиции турецко-татарских ханств против Московского государства... Разгром Казанского и Астраханского ханств Московским государством является относительно прогрессивным явлением в двояком отношении: а) он укреплял политическую независимость русского национального государства, устранял угрозу воссоздания турецко-татарской гегемонии на востоке Европы... б) включение народов Поволжья в состав Московского многонационального государства – меньшее зло, чем существование их в Казанском ханстве, с точки зрения исторических перспектив»... Все эти идеи

настойчиво внедрялись в сознание советских людей не только посредством печатной продукции, но и через такие виды массового искусства, как кино и т.п.

Говоря в целом об историографии завоевания Казани 1950–1980-х гг., хотелось бы выделить работы К.В. Базилевича, С.О.Шмидта, Г.Д. Бурдея, И.И.Смирнова, А.А.Зими́на, И.Б. Грекова, А.М.Сахарова, М.Н. Тихомирова и Р.Г.Скрынникова. Искренне уважаемый нами Михаил Николаевич Тихомиров, смело выступивший в 1946 г. на московской сессии по проблемам этногенеза казанских татар с поддержкой золотоордынской составляющей истории последних, против агрессивного булгаризма, явился также одним из тех, кто ввел в научный оборот довольно противоречивый и странный тезис о «добровольном вхождении народов Поволжья и Приуралья в состав России». Так, в 1950 г. в докладе на сессии по проблемам истории чувашского народа, а также на страницах «Советской этнографии» он конкретно отмечал факт «добровольного присоединения Чувашии к России», что якобы означало «спасение от грабительских казанских набегов» и «возможное облегчение повинностей и ясака». Наиболее агрессивную позицию в оценке событий 1552 г. занял некий К.Я.Наякшин, чье письмо «К вопросу о присоединении Среднего Поволжья к России» было опубликовано в №9 журнала «Вопросы истории» за 1951 г. Именно его перу принадлежат такие «сенсационные открытия», цитируем: «Борьба в Поволжье была, прежде всего, борьбой против султанской Турции и ее крымско-казанских и астраханских холопов»; «Основные массы населения Казанского ханства испытывали тяжелый гнет со стороны золотоордынских ханов. Этот гнет особенно усилился с середины XV в., когда Казань заняли отряды хана Улу-Махомеда... Основные массы населения Казанского ханства с ненавистью относились к своим золотоордынским поработителям. Перед населени-

ем Среднего Поволжья, находившимся под ярмом феодалов, – выходцев из Золотой Орды, – стояла прямая угроза оказаться под властью турецкого султана»; «Игнорировать турецкую опасность было непозволительно»; «Ясно, что присоединение народов Поволжья к России было, по существу, единственным выходом, единственным средством спасения для них»...

Оригинальностью и смелостью мысли в названный «доперестроечный период» отличался довольно узкий круг ученых. В качестве одного из них можно назвать М.Г.Сафаргалиева, который в 1964 г. в статье «Присоединение мордвы к Русскому централизованному государству» поставил под сомнение тезис о турецкой опасности. В 1970 г. в своем выступлении в стенах Института языка, литературы и истории Казанского научного центра Академии наук СССР С.Х.Алишев (в то время – кандидат исторических наук) обратил внимание на тенденциозность трактовки завоевания Среднего Поволжья, как чуть ли не «добровольного присоединения». Позднее эти же мысли были им изложены в 1975 г. в статье «Присоединение народов Среднего Поволжья к Русскому государству», изданной в составе сборника «Татария в прошлом и настоящем».

Процессы демократизации общества, затронувшие страну в процессе распада СССР, значительно усилили интерес ученых к ранее табуированным проблемам. В русле нашей темы в качестве примера можно назвать научные публикации С.Х.Алишева, Р.Г.Фахрутдинова, И.Р.Тагирова, И.Л.Измайлова и материалы научной конференции «Цивилизационные, этнокультурные и политические аспекты единства татарской нации» (Казань, 7–8.06.2002), объективно отражающие события середины XVI в.

Актуальность изучения истории Казанского ханства заключается в том, что оно стало после распада Золотой Орды национальным государством казанских татар, созданным ныне существующим татарским народом, а не

его этническими предками, и возникло в системе целого созвездия татарских государств. Наряду с Казанским ханством, в рамках Астраханского, Касимовского, Крымского и Сибирского ханств, Большой и Ногайской орд шло, до поры до времени, формирование по существу самостоятельных татарских этнополитических общностей, которые сохраняли между собою обширные и довольно тесные не только политические, но и этнокультурные контакты. При этом единство происхождения всех этих общностей, имевших и сохраняющих ныне этноним «татары», восходит именно к этносу средневековых татар, сложившихся в рамках Золотой Орды. Определение значения клановой структуры постзолотоордынских татарских государств позволило конкретно описать единство феодального класса во всех этих политических общностях.

В связи с этим надо обратить внимание и на такой немаловажный аспект: Татарстан в системе Российской Федерации является единственным субъектом, коренное население

которого еще на заре русской истории не только имело несколько государств, но и активно было вовлечено в административное и политическое строительство Российской империи. Даже сам процесс инкорпорации Казанского ханства и других татарских государств в состав России не имеет аналогов в мире по своим историческим последствиям. Достаточно обратить внимание на герб Российского государства, три короны которого над двуглавым орлом символизируют Казанское, Астраханское и Сибирское ханства. Как писал князь Н.С.Трубецкой, «Москва стала мощным государством лишь после завоевания Казани, Астрахани и Сибири».

Сегодня Республика Татарстан представляет собою единственный политически организованный центр татар в мире, единственную государственность современных татар. К Казани закономерно тяготеют татары всего мира. И очень отраднo, что потомки некогда противостоявших друг другу этносов живут ныне в мире и взаимопонимании...

Аннотация

В статье рассматривается история Казанского ханства, взаимоотношения Казани и Москвы в XV–XVI вв., источниковедение и историография этих научных тем. Актуальность изучения истории Казанского ханства заключается в том, что оно стало после распада Золотой Орды национальным государством казанских татар, созданным ныне существующим татарским народом, а не его этническими предками, и возникло в системе целого созвездия татарских государств.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, Казанское ханство, татары, русские, источники, историография, Иван Грозный, завоевание, демократизация общества, мир и взаимопонимание.

Summary

The article deals with the history of the Kazan Khanate, relationship between Kazan and Moscow in the XV–XVI centuries, historiography of these research topics. The urgency of studying the history of the Kazan Khanate can be explained by the fact that after the collapse of the Golden Horde it became the national state of the Kazan Tatars created by the existing Tatar people, not by the ethnic ancestors, and emerged in the system of constellation Tatar states.

Keywords: Middle Volga, Kazan Khanate, Tatars, Russian, sources, historiography, Ivan the Terrible, the conquest, democratization of the society, peace and understanding.

УДК 94(4)

О «ТАТАРСКИХ ИЗВЕСТИЯХ» ОДНОЙ САГИ

Я.В. Пилипчук, кандидат исторических наук

Освещение эпохи монгольских завоеваний в скандинавских сагах является одним из белых пятен мировой истории. Не каждый исследователь возьмется за это исследование, принимая во внимание эпический и иногда даже фантастический характер этих источников. П. Диакону, В. Спинеи, О. Прицак проанализировали сведения саг относительно кыпчаков¹. Русские и скандинавские исследователи же больше обращали внимание на «русские известия» скандинавских саг. Почти незамеченными оставались сведения «Саги о Хаконе Хаконарсоне». Анализ отдельных отрывков этого источника были посвящены исследования Т. Джексона и О. Прицака². Целью данной статьи является анализ сведений о татарах в этой саге. Его невозможно успешно решить, не принимая во внимание сведений скандинавских саг о кочевниках и бьярмах, и поэтому сведения «Саги о Хаконе Хаконарсоне» будут рассмотрены в контексте скандинавской исторической традиции о Бьярмаланде и кочевниках.

В «Саге о Хаконе Хаконарсоне» сказано, что «король Хакон заботился об укреплении Божьей христианской веры в Норвегии более, чем какой-то другой король, с того времени как умер король, [который стал потом] Олафом Святым. Он позволил построить церковь в Тромсё (на Северном Мысе) и крестил людей во всех этих парафиях. К нему пришло (1264 г.) много бьярмов, которые бежали с востока от войны с татарами, он крестил их и подарил им земли около залива, который называется Маланг»³.

Для начала нужно определить, что такое Бьярмаланд и где он находился. Ключевым вопросом является этническая принадлежность бьярмов. Очень часто Бьярмаланд ассоциируют с «Великой Пермью». А. Стрингольм считал Бьярмаланд «Великой Пермью». Первым предположил тождество Перми и Бьярмаланда Ф. Страленберг. Потом ее переняли финские ученые шведского происхождения⁴. Но насколько правомерно это отождествление? Термин «Великая Пермь» позднего происхождения. Пермь упомянута у Епифания (автора «Жития Стефана Пермского»)⁵. Как новгородская волость Перемень упомянута в договорных грамотах Ярослава Ярославича с Новгородом. Но вопрос еще в том, какая это была Пермь, поскольку русские источники знали две Перми – Вычегодскую и Великую⁶. Кроме них была еще и Колоперемь⁷. Столица Перми Вычегодской находилась в городище Усть-Вымь. Север Западной Сибири предки коми-зырян называли йёгра (jóggra), что на их языке обозначало лесную местность с болотами⁸. По стопам коми в Западную Сибирь пришли новгородцы и уже в середине XIII в. Перемень, Югра, Печора были волостями Новгорода, как и Заволочье, Колоперемь и Тре⁹. Регулярные походы новгородцев на северо-восток начались еще с XI в. Пермь как народ зафиксирован Нестором между «Заволоцкой чудью» и Печорой. Освоение просторов коми-пермяцких земель русскими должно было начаться со времени основания Устюга¹⁰.

В. Татищев называл Карелию Беормией. В исландском «Описании Зем-

ли I» Бьярмаланд упомянут на восток и северо-восток от Норвегии и Финнмёрка. Америка, Гренландия и земли крайнего северо-востока Европы в представлении скандинавов были одной незаселенной территорией и наиболее близкими к этим территориям были квены (финны), финны (саамы) и бьярмы. Таким образом Бьярмаланд локализован в одном ряду с землями финнов (саамов), квенов и карел. В «Истории Норвегии» средневекового автора и «Деяниях датчан» Саксона Грамматика сказано о двух Бьярмиях¹¹.

Для того чтобы прояснить политические и этнические реалии времени саги о Хаконе Хаконарсоне, необходимо проанализировать данные скандинавских саг. О бьярмах упомянуто в «Таттре о Гауке Высокие штаны». Гаук был вассалом норвежского короля Гарольда. Он некоторое время был в Голмграде (Новгороде). Норвежские викинги пришли в Бьярмаланд с севера через Белое море (Гандвик) обычным норвежским путем. Шведы же пришли в Бьярмаланд через Сурцдаль (Суздаль), то есть с юга. В Бьярмаланде норвежцы столкнулись со шведами Бйорном и Сальгардом. В «Таттре о Эймунде» есть фантастические данные о том, что король Бурицлейв (польский король Болеслав по версии А. Ляшенко, Святополк по версии О. Прицака) жил некоторое время в Бьярмаланде и собирал там войско. А. Ляшенко предполагал тождество бьярмов с печенегами, но при внимательном рассмотрении сведений саг становится ясно, что это было не так, поскольку Бьярмаланд был достаточно хорошо известен скандинавам¹².

В «Таттре о Торире Собаке и братьях Карли и Гунстейне» указано, что Карли происходил из Халогаланда. Карли собирался в Бьярмаланд. К нему потом присоединились Гуннстейн и Торир гунд из Бяркея. Сначала норвежцы торговали с бьярмами. Когда они прекратили торговать, скандинавы огласили конец перемирия с местными жителями и вышли в Вину (Дви-

ну). Потом скандинавы ограбили капище около идола бога Йомалы. После этого Торир напал на Карли и убил его. Он хотел убить и Гуннстейна, но это ему не удалось. Гуннстейн рассказал о событиях в Бьярмаланде королю Олафу. Торир заплатил штраф королю Олафу и родным Гуннстейна. Торир потом участвовал в войне между Кнудом Великим и Олавом «Святым». Он убил Олафа «Святого» и получил от Кнута право на дань с саамов. Эта история также упоминалась в «Легендарной саге» и «Древнейшей саге» о Олафе Святом, а также в сочинении «Красивая Кожа»¹³.

В «Саге о Харальде Серая Шкура», «Красивой коже», «Большой саге о Олаве Трюггвасоне» сказано, что Гаральд ходил в поход в Бьярмаланд, убил многих людей на берегах Вины и захватил много серебра¹⁴. В «Саге о Кормаке» указано, что Гаральд «Серая Шкура» Эрикссон из Норвегии готовился к походу на Бьярмаланд. Во время этого похода командир одного из кораблей – Кормак напал на Торвальда¹⁵. В «Саге о Эгиле» также упомянуто о проникновении скандинавов в Бьярмаланд¹⁶. В «Саге о Ньяле» сказано, что Галлвард бывал даже в Бьярмаланде¹⁷. В «Книге о заселении Исландии» указано, что Гйор напал на Бьярмаланд и похитил оттуда дочь короля бьярмов Льювину¹⁸.

В «Саге о Орваре Одде» сообщается, что главный герой саги со своими людьми вошел в реку Вину (Двину). С местными жителями он заключил перемирие и торговал. Потом он их ограбил и взял драгоценности, которые были на одном из курганов. Бьярмы попробовали их отбить, но, понеся большие потери в людях, Орвар Одд все же добрался до кораблей и отплыл в Финнмёрк. Бьярмами в то время управлял Гарек. О. Прицак предполагал, что Орвар Одд это Оттере из Халогаланда. Данные плавания Оттере в Бьярмаланд были записаны в английском источнике «Орозии короля Альфреда»¹⁹.

В «Саге о Ане» упомянуто о потомках Кетиля генга Галльбярнарсона, которые жили во времена Гаральда Светловолосого. Сын Ана Торир галегг ходил походом на Бьярмаланд и захватил там большую добычу²⁰. В «Саге о Боси» упомянуто, что скандинавы попали из восточного Гаутланда через Аустрвег и шли Двинским лесом. Боси и Геррауд ограбили святилище с идолом Йомалы во время правления короля Гарека. Они сожгли храм Йомалы и отплыли в Гаутланд²¹. В «Саге о Гальвдане, приемыше Браны» сказано, что Торвид был приемным отцом детей короля Дании Гринга. Чтобы спасти от расправы Ингиборгу и Гальвдана, он отправил их под опеку ярла Бьярмаланда Отара²². В «Саге о Гальвдане сыне Эйстейна» сказано, что скандинавы напали на Бьярмаланд. На море Гандвик (Белом море) Гальвдан и Сигмунд встретились с войсками сыновей Гарека Ракнара и Ватта. Скандинавы победили и Сигмунд стал править в Бьярмаланде²³. В «Саге о Стурлявге» сказано, что главный герой саги искал волшебный рог в храме в Бьярмаланде. Описан путь героя: Свитйод – Гундингяланд – Бьярмаланд. Множество фантастических деталей, включая храм, в котором находились Тор и волшебный рог, указывает на фантастичный характер сведений саги. Бьярмаланд в ней – это фантастическая страна наподобие «Эльдорадо» для испанских конкистадоров²⁴.

В «Саге о Гальве и его витязях» указано, что король Гёрдаланда и Рогаланда (в Западной Норвегии) Гйорлейв Инн квенсами совершил набег на Бьярмаланд. Он вошел в Двину. Одна треть его людей сражалась с бьярмами, вторая треть охраняла корабли, а третья треть раскопала курганы бьярмов и похитила сокровища. До Гйорлейва в походе на Бьярмаланд участвовал его отец Гйор²⁵. В «Саге о Гаральде Светловолосом» и «Большой саге о Олаве Трюгвассоне» указано, что Эрик «Кровавый Топор» воевал в Финнмёрке и Бьярмаланде. В Бьярмаланде, по све-

дениям этой саги, произошла битва. В «Саге о Эгиле» местом битвы указана река Вина²⁶. В «Красивой Коже» также указано, что Эрик воевал в Бьярмаланде²⁷.

В «Деяниях Данов» Саксона Грамматика есть несколько рассказов о Бьярмаланде. Викинг из Швеции Тунинг собрал отряд из бьярменов (бьярмов) и был готов выступить против Хаддинга. В столкновении со скандинавами по данным Саксона Грамматика бьярмы колдовали, вызвав непогоду²⁸. Король Гельго сватался к дочери военачальника финнов (саамов) и бьярмов. Не получив желаемого, он осуществил поход против военачальника Кусо. Мужчина из Швеции Арнгрим, который был близок Эрику, воевал с бьярмами и финнами (саамами) и пришел в их страну по суше. Противостоял ему Эггер (правитель саамов). Другой герой – Старкард приходил в землю бьярмов через Ладогу, Свирь и Онегу. При этом он воевал против короля финнов (саамов) Флоккуса (Флоки). Король Рагнар также, по сведениям Саксона Грамматика, совершил поход в Бьярмаланд. Король бьярмов не назван, но указано, что он призвал на помощь короля Финнмёрка Маттула. Войско Маттула нанесло викингам значительные потери. Рагнар, только прибегнув к хитрости, убил короля бьярмов. Финны Саксона Грамматика – это саамы, а Финнмёрк – это современная норвежская часть Лапландии. В «Деяниях датчан» саамы упомянуты как соседи бьярмов, которые приходили им на помощь²⁹.

Последнее вторжение скандинавов в Бьярмаланд, по данным «Саги о Хаконе Хаконарсоне», произошло в 1222 г. Его совершили Андрес Скъльдабранл и Ивар Утвик. До этого эти скандинавы торговали в Бьярмаланде. Этому вторжению предшествовала война между вождем бьярмов и скандинавами в 1217 г. Эти скандинавы после войны в Бьярмаланде пришли в Судрдаларики (Суздальское княжество). Андрес и Ивар, пришедшие со сторо-

ны Халогаланда (через Норвежское и Белое моря), нанесли бярмам урон и потом отступили назад в Норвегию³⁰.

Большинство походов датировано VIII–X вв. Только некоторые экспедиции осуществлены в XI в. Скандинавы ходили на бярмов в то время, когда Новгороду не были подвластны «Чудь Заволоцкая» и Карелия. Только сведения о походах скандинавов в «Саге о Хаконе Хаконарсоне» датированы временем, когда Пермь, Колоперемь, Карелия и «Заволоцкая Чудь» были под властью Новгорода. Набеги были совершены через Белое море и были обусловлены личной враждой с бярмами. Подавляющее большинство походов скандинавов на Бярмаланд были набегами пиратов и преследовали цель ограбить святилища, в которых были сокровища. Среди сокровищ упоминались монеты, что свидетельствует о контактах бярмов с развитыми государствами. Бярмы – это народ купцов, а путь к ним лежал через Белое море³¹.

Исследователи локализовали Бярмаланд абсолютно в разных местностях. А. Росс считал бярмов карелами³². Т. Джаксон придерживается мнения, что Бярмаланд это Колоперемь, которая, по новгородским источникам, находилась между Тре и «Заволоцкой Чудью». Исследовательница утверждает, что Бярмаланд находился между рекой Стрельна и Онегой³³. Е. Мельникова считает, что Бярмия занимала большие пространства на территории современной Карелии³⁴. О. Прицак и Д. Бубрих сделали предположение, что бярмы это вепсы³⁵.

Бярмы рассказывали иноземцам о своей стране. Это свидетельствует о том, что они были заинтересованы в торговле. Арабские и персидские источники сообщали о двух народах – ису (вису) и йура. Вису (ису) арабских источников можно отождествить с народом вепсов (весью восточнославянских источников)³⁶. Вепсы были язычниками. Бярмы также были язычниками. Божеством бярмов был Jomalī. Бог с похожим именем был у

финнов и карелов и назывался Jumala. У финно-угорских народов Поволжья и Крайнего Севера он был известен как Jumal, Juma, Jumal, Jimel, Immel, Ibmel, Jibmel, Jummel, Juppel, Jubmel, Jupmele, Jume, Jon, Jondol³⁷.

Благодаря вепсам скандинавы узнали о стране волжских булгар. Через Бярмаланд и Волгу в Булгар должны были прибыть русы, о которых упоминал Ибн Фадлан. Описание быта этих русов арабским путешественником не оставляет сомнений в их скандинавской принадлежности³⁸. Нужно сказать, что народы Центральной России были достаточно хорошо известны германцам еще в VI в. Йордан упоминал о галиндах (Coldas), мере (Merens) и вепсах (Vasinabroncas или Vas in Abroncas). Этому же хронисту принадлежит упоминание о двух этнонимах, которые будут впоследствии широко использоваться в славянской исторической традиции – мордва (Mordens) и чудь (Theudos)³⁹. Скандинавы открыли миру только те земли, которые находились на крайнем северо-востоке Европы – страны карелов, саамов, «Заволоцкую Чудь». Проникновение еще далее на северо-восток уже осуществили новгородцы, которые открыли Западу и Руси Печору, Пермь и Югру⁴⁰. Параллельно через волжских булгар мусульманский мир узнал о народе вепсов (вису, ису), удмуртах (ару) и сибирских уграх (Йура)⁴¹.

Политоним Perä-маа («Задняя Земля») прибалтийскими финнами использовался для обозначения колонизируемых земель. Вполне правдоподобны предположения Д. Бубриха и О. Прицака о том, что «Заволоцкая Чудь» была областью расселения вепсов⁴². Так как это была не их коренная территория, то для ее обозначения они могли употреблять определение «Задняя Земля». У новгородцев это название прижилось в форме «Заволоцкая Чудь». В топонимии и антропонимии Двинского края широко представлены прибалтийско-финские названия⁴³. В Двинском регионе к

пермско-финским народам принадлежали «тоймичи». В бассейне Пинеги обнаружены топонимы мерянского происхождения⁴⁴. Также в районе Пинеги обнаружены топонимы карельского и вепсского происхождения⁴⁵. Саамский компонент также присутствовал в топонимии региона⁴⁶. Население Заволочья было полиэтничным и включало прибалтийско-финский, пермско-финский, мерянский и саамский компоненты.

«Заволоцкая Чудь» – это общее наименование территории, населенной народами уральской языковой семьи. Позже славянскую форму обозначения этой территории переняли скандинавы. Она ими употреблялась в форме *Sauloke*⁴⁷. Информация про два Бьярмаланда указывает на еще одну местность, где могли жить бьярмы. По предположению Т. Джаксон, это была Колоперемь между Онегой и Стрельной⁴⁸. Именно эта страна вместе с Карелией служила связующим звеном между «Заволоцкой Чудью» и центральными землями Новгородской республики. Информация о двух Квенландах также указывает на возможность двух мест расселения предков современных финнов. Это земли летописной суми (самоназвание финнов *Suomalaiset*, а их страны – *Suomi*) и земли финнов в Норвегии, которые приняли экзоэтноним «квеньи». Из данных нарративных источников хорошо известно, что до шведского завоевания предки современных финнов сами совершали набеги на Халогаланд. Ботнический залив в русских источниках, наверное, не зря назывался «Каяно Море». Оттере не мог плавать во время своего путешествия в Бьярмаланд через Балтийское море, поскольку исходной точкой его путешествия был Халогаланд (самая северная часть Норвегии)⁴⁹.

Относительно данных скандинавов о близости языков терфиннов и бьярмов мы можем сделать предположение, что путешественники имели в виду то, что языки этих народов родственны. Саамы и вепсы относятся к

семье финно-угорских народов, но к разным ее группам. В «Орозии Короля Альфреда» были упомянуты терфинны. Это саамы терского берега Белого моря. Их земли в новгородских документах упомянуты как волость Тре⁵⁰. Спорами за саамскую дань были обусловлены столкновения между карелами, финнами и норвежцами⁵¹. Вероятно, экспедиция Оттере имела целью установить, существует ли какая-либо населенная страна на восток от Финнмёрка.

Но насколько реальны данные о вторжении татар на земли Бьярмаланда? Прибалтийские финны переселились в округ Маланг провинции Халогаланд вследствие какой-то неблагоприятной причины, но имела ли она отношение к Улусу Джучи? Насколько правдивы сообщения о северных экспедициях Джучидов? Что вообще знали скандинавы о народах степи?

Дать ответы на хотя бы часть из этих вопросов невозможно, не проанализировав всех сведений о народах степи в сагах. Скандинавские саги это очень специфический источник. В сагах имена участников событий очень часто заменялись на скандинавские и представление о географии и хронологии событий являлось не совсем четким. Иллюстрацией сложности работы с этой группой источников является «Сага о Грольве Пешеходе». В этой саге сказано, что Эйрик, король Гардарики, воевал за остров Гединсей против короля Таттарарики Менелауса. О. Прицак предполагал, что Таттарарики это Аварский каганат в Центральной Европе⁵². При этом нужно учесть, что из китайских известий известно имя вождя жужаней Датаня. Это имя С. Яхонтов реконструирует как Татар, а как известно, часть жужаней в эпоху тюркютских завоеваний мигрировала на запад и основала Аварский каганат⁵³. Гардарики, по предположению О. Прицака, тут не Русь, а одна из держав западных славян. Алуборг и Йотунгейм заместили Белоозеро и страну вепсов. Война между Таттарарики и

Гардарики это война между Аварским каганатом и западными славянами. В общем, чем более древними были события, тем больше они обрастали фантастическими деталями и тем менее они были реальными⁵⁴.

В «Саге о Эгиле Одноруком» сказано, что два брата из Блокуманналанда убили Родиа, короля Таттарии. Двое братьев из Блокуманналанда были сыновьями ярла Горма и имели 12 кораблей и 2 дракара. Асмунд был другом Родиа. Он убил двух дядей Аррана Гререка и Сиггейра. Сведения саги интересны еще тем, что в ней сказано, что Арана похоронили в кургане вместе с конем, собакой, ястребом, оружием, штандартом. Сам Аран сидел на табуретке, а вместе с ним был Асмунд. Описание погребального обряда в «Саге о Эгиле Одноруком» очень похоже на описание погребения знатного кыпчака в сочинении Жана де Жуанвиля⁵⁵. Определенно в «Саге о Эгиле Одноруком» описывались события эпохи монгольского завоевания Дешт-и-Кыпчак, правда, в очень измененном виде и с множеством деталей, характерных уже для скандинавов, а не для тюрков. Относительно локализации Блокуманналанда, то тут сложно сказать что-то точное. О. Прицак в комментариях к «Саге о Эгиле Одноруком» указывал, что это страна Дешт-и-Кыпчак⁵⁶.

В комментариях к Саге о «Ярлманне и Германе» и «Саге о Вильмунде Наблюдателе» Блокуманналанд О. Прицаком отождествляется с Болгарией. Румынский исследователь В. Спией отождествляет Блавкуманналанд с «Черными Куманами» венгерских хроник⁵⁷. В «Таттре о Эймунде» упомянуты блокумены и тюрки. Сообщается, что Бурицлейв некоторое время прожил в Тюрккланде и привел войско оттуда⁵⁸. Е. Мельникова предполагает, что тюрки – это общее обозначение кочевых народов Восточной Европы, а блокуменов она сопоставляет с влахами⁵⁹. Скорее всего, Блокуманналанд это земли и кыпчаков, и печенегов, и вла-

хов. «Черной Куманией» в венгерских хрониках также назывались Молдавия и Валахия, на степных просторах которых кочевали кыпчаки, а в горах жили влахи⁶⁰. Это позволяет устранить неопределенность сведений источников, поскольку из арабских и персидских источников известно, что мусульмане называли Болгарию Улакут или Улак⁶¹.

В «Саге о Флёресе» упомянуто о Флёресе, который был царем Трактии, всей Таттарии и всего Аустрвега (Восточной Европы). Брат его матери Рикард был князем Голмгарда. Флёрес совершил поход в страну Картагия в поисках Елены, дочки короля Кастуса. Очевидно, к скандинавским деталям прибавились детали из «Энеиды» Вергилия, «Иллиады» и «Одиссеи» Гомера. Упоминание Таттарии, Голмгарда и Аустрвега в этом контексте призвано показать, что события происходили на востоке. Указание на родство между правителем Таттарии и Голмгарда является отображением политической близости Александра Ярославича и Бату⁶².

В «Саге о Вальдимаре» упомянуто, что жена короля Аркистрата, который правил в Рисаланде, была дочерью короля Таттарии. Она родила сына Блабуса и дочь Флориду. Представители этой королевской династии женились на потомстве короля Саксланда Филипуса⁶³. В «Саге о Вильгельме Кошельке» упомянут конь под седлом и попоной. Он принадлежал королю Блавкуманналанда Юбину. Была упомянута также тройная кольчуга, изготовленная для короля Голмгарда Керигута. Король Англии Рикард был назван в саге потомком Энея, а его жена происходила из династии правителей Саксланда. Герой саги Вильгельм «Кошелек» путешествовал по территориям от Англии до Кавказских гор⁶⁴.

Рядом с совсем фантастическими и полухисторическими сагами встречались саги с вполне реальным историческим наполнением. В «Саге о Вильмунде Наблюдателе» упомянут Бурис, сын короля Родиа, который правил

в Блавкуманналанде. Он являлся претендентом на руку Гульбры, дочери короля Гольмгардарики Висивальда. Вильмунд Наблюдатель пришел на помощь брату Гульбры Гяранди, который воевал с Бурисом. Бурис погиб в битве, а его войско было разбито. Очевидно, в этой саге в иносказательной форме рассказывалось о войнах Руси с кыпчаками во второй половине XI в. Бурис может быть адаптацией тюркского Буртч (Бортц), а Висивальд адаптацией славянского Всеволода. Буртч жил в XIII в. и не имел отношения к Руси. Он принял католичество от венгров и был фактическим правителем тех земель, которые в венгерских источниках назывались «Черной Куманией». Бурис является персонализацией всех кыпчакских правителей, в то время как Вильмунд «Наблюдатель» является обобщенным образом наемников-варягов на службе у Руси⁶⁵.

В одной из саг в цикле о «Чудесах Святого Олафа» упомянута битва при Печинавеллире. Противники скандинавов там не указаны, зато зафиксировано, что противником Киралякса был поганский король (то есть язычник). Балтийские и северные язычники были слишком далеко, чтобы воевать в долине Печинавеллира. Само название места битвы указывает на противника ромеев. Этот противник был кочевым и являлся печенегами. Страна, где произошла битва, – это Блавкуманналанд. Киралякс это император Алексей, то есть Алексей Комнин. Алексей Комнин воевал против печенегов в 80–90-х гг. XI в. на территории современной Болгарии⁶⁶.

Решающая битва произошла при Левунионе, в которой союзные ромейско-кыпчакские войска победили печенегов. В саге указано, что перед тем как бросить в бой скандинавов, Киралякс отправлял в атаку франков и фламандцев, которые не добились результата. Исход боя был решен, как только в бой вступили скандинавы. В этом нет ничего удивитель-

ного, поскольку варанги (так называли скандинавов в Византии) были элитным подразделением в составе войск императора. Алексей Комнин жертвовал бы ими в последнюю очередь. Помощь скандинавов нужна была, чтобы разомкнуть ряды стены из возов, которые окружали лагерь печенегов. В битве не упомянуты кыпчаки, но скандинавы не сражались в их рядах и могли передавать только ту информацию, к которой имели доступ⁶⁷.

В «Саге о Хаконе Хаконарсоне» под 1250 г. упомянуто о нападении татар на земли новгородского короля, вследствие чего пришлось повременить со свадьбой Кристины (дочери короля Норвегии Хакона Хаконарсона) с Александром Ярославичем. В описании событий 1251 г. упомянут король Андрей Суздальский, брат Александра Новгородского. Андрей Суздальский вместе со шведскими ярлами в войске Биргера воевал против норвежцев. В саге сказано, что Андрей бежал в Швецию с востока от татар. Крещение бьярмов было не менее реальным⁶⁸. Вопрос только в хронологии. Войско Неврюя напало на владения Андрея Ярославича не в 1250 г., а в 1252 г. Война шведов с норвежцами происходила не в 1251 г., а в 1253 г. Следовательно, 1264 г. в саге должен соответствовать 1266 г. в славянских летописях. В Ипатьевской летописи упомянуто о смуте в Монгольской империи в это время. Очевидно, летописец имел в виду войны между Империей Юань, Чагатайским Улусом, Хулагуидским Ираном (державой ильханов) и Улусом Джучи⁶⁹.

Вторжение монголов в земли бьярмов разные исследователи датировали по-разному. А. Стрингольм считал, что вторжение монголов произошло около 1236 г. О. Йонсен датировал эти события 1238 г. Юлиан сообщал, что монголы покорили Фулгарию, Сасцию, Меровию, Пойдовию, Ведин и царство морданов. Фулгария – это Волжская Булгария, Сасция – Саксин, Меровия – земли марийцев, Пойдовия – земли уд-

муртов, Ведин – земли буртасов, морданы – мордвины (мокшане и эрзяне)⁷⁰.

В письменных источниках есть обозначение двух этнических групп мордвы – эрзи и мокши. Рашид ад-Дин называл их арджанами и мокшой⁷¹. Вильгельм Рубрук упоминал о народах мердас и моксель. Один из мордовских князей погиб в борьбе с монголами⁷². Логично предположить, что это был эрзянский правитель, который был союзником волжских болгар и врагом мокшан. В русских летописях сохранилось описание вражды между правителем эрзян Пургасом и правителем мокшан Пурешем⁷³. Центр княжества эрзян находился на Понетаевском (Пургасовом) городище⁷⁴. Мордовским князем, который сотрудничал с монголами, мог быть Пуреш или его сын⁷⁵. Центром власти Джучидов в этом регионе был город Мухши. Вследствие монгольского завоевания земли эрзян и мокшан оказались в составе Улуса Джучи⁷⁶. Ю. Зеленева, В. Напольских, В. Чураков отождествляют этноним Ведин с чувашами⁷⁷. Ведин упомянут как страна Вяда в «Слове о гибели Русской земли»⁷⁸. Влияние волжских болгар в регионе, очевидно, осуществлялось через Наровчатское городище, которое принадлежало буртасам⁷⁹. Город Бунда (Бундаз?) в стране сарацинов Вела, очевидно, был одним из поселений буртасов в стране язычников чувашей. Только так можно объяснить информацию Рихарда и Юлиана⁸⁰.

Легко локализовать Пойдовию и Меровию⁸¹. Ю. Зеленева отождествляет ее с землями удмуртов⁸². В Марий Эл есть много топонимов с формантом одо⁸³. Относительно Меровии, то С. Аннинский, Ю. Зеленева, Х. Гокеньян отождествляли ее с землей марийцев⁸⁴. До монгольского вторжения марийцы проживали по обоим берегам Волги от реки Суры до реки Казанки, по нижнему и среднему течению Ветлуги, правобережным притокам Вятки. После монгольского завоевания марийцы отошли на север, в бассейн

Ветлуги и Вятки, где власть Джучидов ощущалась намного меньше, чем в Волжской Булгарии. В татарскую эпоху городища марийцев превратились в военные и административные центры, которые были укреплены деревянными фортификациями и земляными валами⁸⁵. Марийцы жили в приграничной зоне и играли роль буфера между Улусом Джучи и Русью. Они тесно не интегрировались с тюрками, хотя и торговали с ними. В Хазарском каганате, Волжской Булгарии и Улусе Джучи они были воинственным населением, которое охраняло границы на далеких окраинах державы⁸⁶.

Присутствие Samogeti (Samogedi) в списке покоренных монголами народов случайно⁸⁷. Ц. де Бридиа при описании похода монголов в страну самоедов описывает много фантастических деталей. Вместе с этим есть и описание самоедов, составленное по шаблону описания северных народов. Самоеды охарактеризованы как дикий народ, который умеет только охотиться⁸⁸. Русские ученые считают, что о самоедах францисканцам сообщили русские⁸⁹. Сведения Джиованни де Плано Карпини о самоедах, видимо, из того же источника. Он только добавил, что палатки и одежда у самоедов из звериных шкур⁹⁰. Но даже сибирские летописи не сообщают о настолько далеком продвижении монголов на север. Они сообщали только о войнах с остяками. Под этим термином могут скрываться многие народы, но, вероятнее всего, летописцы имели в виду сибирских угров⁹¹. Именно угорские народы Сибири описывал Марко Поло, рассказывая о «Стране Мрака»⁹². Его сведения похожи на описания народа Йура у ал-Бируни и ал-Гарнати⁹³.

Вряд ли монголы располагали достоверной информацией о народах Крайнего Севера Европы. Этноним «керел» не имел никакого отношения к карелам, а был еще одним обозначением венгров⁹⁴. Венгерский доминиканец Рихард сообщил о стране Вела и городе Бунда⁹⁵. Vet'ke или Ved'en' на одном

из мордовских языков обозначает чувашей⁹⁶. Город Бунда в стране Ветьке – это город Буртас, упомянутый в арабских источниках. Возможно, это один из городов на границах Волжской Булгарии⁹⁷. Кроме того, венгерские доминиканцы Рихард и Юлиан упоминали о «восточных венграх». Таким образом, у венгерских доминиканцев были информаторы среди волжских финнов и угров Волжско-Уральского региона. А это значит, что Юлиан и Рихард знали точную информацию о событиях «Великого Западного похода», которые произошли в Волжско-Уральском регионе в это время⁹⁸. Народов Крайнего Севера Европы не было среди покоренных монголами, а вот народы Среднего Поволжья и Прикамья вошли в состав Улуса Джучи.

В историографии существуют гипотезы о возможности похода монголов на бьярмов в 1238, 1245–1247 гг. или 1264 г.⁹⁹. В 1246 г. противостояние между Гуюком и Бату чуть не завершилось гражданской войной в Великой Монгольской империи¹⁰⁰. Ситуацию разрядила смерть Гуюка, но до 1251 г. ситуация не была стабильной¹⁰¹. В 1245–1247 гг. не было даже теоретической возможности того, чтобы в условиях внутренней напряженности монголы могли отправить на север какие-то силы. Единственной теоретической возможностью был именно 1264 г. Эта гипотеза укладывается в хронологическую последовательность событий, описанных в «Саге о Хаконе Хаконарсоне». Но, как мы уже установили, вероятным временем событий был срок на два года позже, чем это указано в сагах. То есть события происходили не в 1264 г., а в 1266 г. К тому же в 1264 г. войска Джучидов были заняты войной сразу на трех фронтах. Они воевали против Чагати-дов в Мавераннахре, против Хулагуидов на Северном Кавказе и против ромеев на Балканах¹⁰². Кроме того, нужно было поддерживать власть Джучидов над вассальными территориями. В условиях, когда войска были заняты

Болгарией и Русью, сил на далеких жителей Севера просто могло не хватить. К. Тиандер предполагал, что норвежский автор заменил новгородцев татарами¹⁰³. О том, что Бьярмаланд был данником Новгорода, сообщает норвежский источник XIV в. «Грипла»¹⁰⁴.

Сопоставляя данные о походе Джучидов на бьярмов с известными фактами по истории Улуса Джучи, исследователь рискует еще больше запутаться. Может, бьярмов атаковали вовсе не войска Джучидов? В атмосфере страха много того, чего монголы не делали, все равно приписывалось им. В «Великих Шефтларских анналах» им приписано нападение на Дацию (Данию)¹⁰⁵. Матфей Парижский приписал им опустошение Фризии¹⁰⁶. Возможно, война с бьярмами такой же исторический фантом. Это не означает, что сведения о переселении бьярмов не соответствуют действительности. Составитель «Саги о Хаконе Хаконарсоне» мог узнать о большой войне среди Чингизидов на востоке от славянских информаторов и связал этот факт с переселением и крещением бьярмов¹⁰⁷. Норвежский автор мыслил в категориях своего времени и допускал соседство бьярмов с татарами. На скандинавских картах бьярмы изображались на границах обитаемого мира¹⁰⁸. В исландском «Описании Мира II» упоминалось, что Русаланд находится на востоке от Норвегии, а на север от Русаланда Таттаррики. По представлениям исландцев, бьярмы жили рядом с финнами (саамами) на окраине обитаемого мира. Также представлялось, что земли Бьярмаланда и Гренландии были соединены сушей, которая была необитаемой¹⁰⁹.

Влияние Джучидов на севере вряд ли простиралось далее северных владений Сибирского ханства. Йохан Шильтбергер, описывая земли на севере, упоминал о стране сибирских угров¹¹⁰. Сложение государственности у этих народов произошло довольно поздно. Первый известный мансийский князь Пельма – Асыка воевал с князем «Великой Перми» в XV в.¹¹¹ В

пермской легенде о Кудым-Оше сказано, что этот пермский богатырь женился на дочери мансийского князя. Также в сказаниях упоминалось о войнах с врагами¹¹². Врагов коми нельзя однозначно отождествить с каким-то одним этносом. Для сравнения образ татарина как врага четко выражен в мордовском фольклоре. В удмуртском фольклоре враг уже не татары, а народ пор¹¹³. Как известно, фратрия пор есть у манси, которые были соседями коми¹¹⁴. Если обратить внимание на сведения местных пермских летописей, то становится ясным, что этими врагами могли быть названы манси. Асыка ходил походом на Усть-Вымь. Он был врагом христиан-коми и убил епископа Питирима. Асыка взял Покчу, убил великопермского князя, осадил столицу «Великой Перми» Чердынь. Кроме того, порами удмурты называли марийцев¹¹⁵. Таким образом, у финно-пермских народов противоречия с татарами отступали на задний план по сравнению с войнами с финно-угорскими соседями.

В марийском фольклоре упоминался Тукан-шур, персонаж которого можно связать с казанскими татарами. Влияние казанских правителей на марийцев было более ощутимым, чем власть ханов Улуса Джучи. Следовательно, противоречия между народами обострились именно в XVI в. Впрочем, это относилось только к горным марийцам, поскольку луговые марийцы были более лояльны Казани¹¹⁶.

Ограниченность скандинавских знаний о северных землях и минимальное влияние Джучидов на севере не исключали торговых контактов. Земли сибирских и уральских угров были богаты серебром. На протяжении многих столетий они импортировали серебряные изделия из Ирана через Волжскую Булгарию и западноевразийские степи¹¹⁷. К уграм через Волжскую Булгарию поступали оружие и ремесленные изделия болгарского и западноевропейского производства. Через Семиречье и Иртыш в Сибирь поступали то-

вары иранского и центральноазиатского (в русской терминологии – среднеазиатского) производства. Из Нижнего Прикамья в Западную Сибирь поступали гривны и подвески. По мнению Ю. Худякова, в Сибири до XIII в. бывали даже скандинавы¹¹⁸.

Но монголам к богатствам сибирских угров нужно было еще добраться через необозримые пространства тайги и не заблудиться в лабиринте сибирских рек. Даже на окраинах относительно хорошо известных владений енисейских кыргызов поиски монголами серебра окончились неудачей. Когда у монгольской экспедиции закончились припасы еды, ее участники начали охотиться и, конечно, наиболее часто убивали медведей. Съев медвежье мясо, они заболели и умирали. Смерть своих товарищей они приписывали дурным качествам местного воздуха, а на самом деле они были обусловлены паразитами, которые обитали в организме медведей. Потеряв многих, монголы вернулись домой, так и не добравшись до сокровищ Югры¹¹⁹. К тому же сибирские угры были неплохо вооружены, а их городища были хорошо укреплены¹²⁰. Нельзя сказать, что угры совсем не контактировали с тюрками. Они взаимодействовали еще с эпохи раннего средневековья¹²¹. Существовал Иртышский меридиональный путь, упадок которого пришелся на эпоху доминирования кыпчаков. Он восстановил свое значение только во время существования Сибирского ханства¹²².

Джучиды не расширяли свое присутствие на север вследствие ряда причин: 1) отдаленности земель сибирских угров; 2) затраты на осуществление кампаний в тайге потребовали бы больших усилий. Чтобы эффективно управлять регионом, необходимо было наладить систему коммуникаций и строить города в тайге. Выгоды от покорения этих территорий и близко не покрыли бы затраты на их управление; 3) Рашид ад-Дин указывал, что в войске Джучидов служат много маджар, Восточных венгров, о которых упо-

минали Юлиан и Рихард, было не настолько много. Значит, правители Улуса Джучи привлекали угров Приуралья и Сибири на военную службу. Было гораздо выгоднее торговать с уграми, чем воевать с ними¹²³.

Ханты и манси перенимали от сибирских татар государственную организацию. Угорские князья платили ясаки и предоставляли войска на помощь татарам¹²⁴. На территории Чияликской культуры язычники-угры жили рядом с мусульманами. Именно об этой территории рассказывал монах Иоганка. Он называл эту территорию Баскард и занимался там проповедью христианства¹²⁵. Эта земля находилась в зависимости от Улуса Джучи, а местное языческое население охотно заимствовало вещи булгаро-золотоордынского круга. Урало-камские угры ассимилировались с мусульманами башкирами и татарами в XIV в. как в культурном, так и в этническом отношении¹²⁶.

Соседство с тюрками ощущалось и на территории Удмуртского и Пермского Предуралья. Монгольское завоевание принесло разрушение Иднакара, Редикара, Анюшкара (Рождественского) и прочих городищ Чепецкой культуры, но с нормализацией межэтнических отношений в Улусе Джучи и после восстановления экономики региона торговые связи местного населения были возобновлены. На городищах Кудымкар, Анюшкар и Иднакар находили золотоордынскую керамику. В землях Пермского и Удмуртского Предуралья находили бусы и медальоны, изготовленные в золотоордынском Поволжье. На Рождественском городище обнаружена мусульманская мечеть, что свидетельствует о присутствии на Чепце сборщиков дани. В Удмуртском Предуралье найдены золотоордынские монеты. Татарское влияние ослабло только в середине XIV в., когда Среднее Поволжье и связанные с ним регионы были затронуты эпидемией чумы. «Великая Замятня» и походы Тимура нарушили существующую экономическую ситуацию и вынудили мест-

ное население в плане торговых, а потом и политических связей переориентироваться на Новгород и Москву¹²⁷. В булгарскую эпоху Камский торговый путь был оживленной торговой магистралью. Кама была известна арабам как Джулман (у В. Тизенгаузена Чулыман, от татарского названия Камы Чулман) и именно об этой реке упоминал ал-Умари. Благодаря существованию торгового пути по Каме богатею население Родановской и Чепецкой археологических культур¹²⁸. В этот же регион начали проникать и славяне. В XII в. на Среднюю Вятку пришли новгородцы. В преддверии монгольского завоевания Прикамье стало ареной булгаро-русского противостояния. В золотоордынскую эпоху на «Великую Пермь» имел виды московский князь. Вследствие славянской миграции в этот регион возникли города Анфаловский, Соликамск, Чердынь, Искор. По мнению Л. Макарова, знать коми имела влияние на политику великопермских князей¹²⁹.

Вопрос интеграции финно-угорских народов в систему торговли и политики Улуса Джучи чрезвычайно сложен вследствие недостатка сведений письменных источников, но «белые пятна» позволяет заполнить археология. Из сведений Юлиана и Вильгельма Рубрика нам известно, что вождь мокшан перешел на сторону монголов¹³⁰. Исследователи обнаружили присутствие на территории столицы буртасов (Наровчата) золотоордынского города и монетного двора Мохши¹³¹. Мокшане переселялись в бассейн реки Медведица и на территорию Самарской Луки. Мокша также заняла территории в Примокшанье, на которых раньше жили эрзя. Прекратило существование городище в Сарове, а в междуречье Мокши и Теши исчезли многие поселения. Мокша проникла от Краснослободского до Темниковского течения Мокши. Также в регион пришли тюрки, которые обосновались на Итяковском городище¹³². Благодаря Улусу Джучи в землях мокшан развивались

металлургия и ювелирное дело. От татар мокшанами была перенята соха для земледелия. Мокшанские земли были включены в систему международной торговли, и в них можно было найти много золотоордынских вещей. Но активная интеграция в Улус Джучи не привела к ассимиляции мокшан, которые сохранили религию и многое из культуры своих предков¹³³. Таким образом, на примере волжских финнов и приуральских угров можно увидеть одну интересную тенденцию. Чтобы ассимилироваться с тюрками, местные элиты должны были сами этого захотеть. Даже плотная интеграция мокшан с Улусом Джучи не привела к их ассимиляции.

Сведения «Саги о Хаконе Хаконарсоне» о бегстве бьярмов от татар не соответствуют исторической действительности, а являются отображением представления скандинавов о монголах и их роли в истории Евразии. Всякое событие, которое могло привести к переселению людей, в середине XIII в.

связывалось с монголами. Джучиды в 60-х гг. XIII в. были слишком заняты на других фронтах, чтобы еще атаковать бьярмов. Бьярмы – это не финно-пермские народы, а полиэтническое финно-угорское население, живущее в Карелии и Двинской земле. Два Бьярмаланда скандинавских источников – это Колоперемь и Заволочье русских источников. Скорее всего, бьярмы добровольно переселились в Халогаланд, а автор саги, зная от славянских информаторов о событиях в степях, составляя сагу, просто добавил эту информацию, считая причиной миграции какие-то бурные события на востоке. Сведения саг и скандинавских географических источников о кочевых народах очень туманны. Блукманналанд (Блокманналанд) отождествлялся то с Болгарией, то с Дешт-и-Кыпчак. То же самое характерно и для сведений о Таттарики и Татарики, в которых нашли отражение события и эпохи монгольских завоеваний, и времен существования Аварского Каганата.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Diaconu P.* Les Petchenegues au Bas-Danube. Bucharest, 1970; *Diaconu P.* Les coumans au Bas-Danube aux XI' et XII' siecles. – Bucureşti, 1978 –P. 72-77; *Spinei V.* The Romanians and the Turkic nomads North of Danube Delta from tenth to the Mid-Thirteenth Century. – Leiden-Boston, 2009; *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія – К., 2003. – Т. 2.

² *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). – М., 1994; *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI – начало XIII в.). – М., 2000; *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія – К., 2003. – Т. 2.

³ *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія – С. 145.

⁴ *Стрингольм А.* Походы викингов. – М., 2002. – Глава 10; *Туандер К.* Поездки скандинавов в Белое Море. Санкт-Петербург, 1906. – Глава VII.

⁵ *Епифаний премудрый,* Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, епископа Пермского http://krotov.info/acts/14/3/perm_rus.html

⁶ *Вершинин Е.* Пермь Великая. Как Москва пришла на Урал // Родина. – № 11. – М., 2001. http://www.istrodina.com/rodina_articul.php?id=196&n=14; *Семенов О.В.* Великопермская уставная наместничья грамота 1553 г. // Проблемы истории России. – Екатеринбург, 2008. – Вып. 7: Источник и его интерпретации. – С. 295–333. <http://elag.usu.ru/bitstream/1234.56789/3415/1/pristr-07-18.pdf>; *Семенов О.В.* О времени вхождения в состав Московского государства Перми Великой // Известия Уральского государственного университета. – Екатеринбург, 2004. – № 31 http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0031%2801_07-2004%29&doc=../content.jsp&id=a03&xsl=showArticle.xslt; *Напольских В., Чураков В.* Финно-угорские народы Среднего Поволжья и Предуралья к началу XIII в. // История татар. – Т.3. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – сере-

дина XV в. – Казань, 2009. – С. 473, 476; *Ross Alan S. C.* The Terfinnas and Beormas of Othere. Reprinted with an additional note by author and an afterword by Michael Chesnutt. London, 1981. – P. 59.

⁷ *Ross Alan S. C.* The Terfinnas and Beormas of Othere. – P. 59.

⁸ *Напольских В.В.* Географическая привязка и этноязыковая идентификация летописной Югры <http://udmurt.info/pdf/library/napolskikh/jugra.pdf>

⁹ *Напольских В.В.* Йӱгра (ранние обско-угорские-пермские контакты и этнонимия). http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/003/03_05_napolskikh_k.pdf

¹⁰ Повесть временных лет. Перевод с древнерусского *Лихачева Д.С.* <http://www.hrono.info/dokum/1000dok/povest1.php>

¹¹ *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). – С. 198; *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. – М., 1986. – Глава 1. Общие описания земли, Описание земли 1; A History of Norway and the Passion and Miracles of the Blessed Óláfr/ Translated by D. Kunin, introduction and notes by C. Phelpstead. – University College London, 2001. <http://ulfdalir.ru/sources/42/480/483>

¹² *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. – С. 153–157, 174; *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). – С. 110, 163–164, 166–167; *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). – М., 1993. – С. 91.

¹³ *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. – С. 201–207; *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). – С. 37, 43, 52, 75–78, 173–177; *Hoffstra T., Samplonius K.* Viking Expansion Nortwards: Medieval Sources // Arctic. – Vol. 48. –№ 3. – Calgary, 1995. – P. 240–241.

¹⁴ *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). – С. 107–108, 112–113, 116.

¹⁵ *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. – С. 279–280.

¹⁶ *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. – С. 292; *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). – С. 241.

¹⁷ *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. – С. 311.

¹⁸ *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. – С. 267.

¹⁹ *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. – С. 335–337, 343; *Hoffstra T., Samplonius K.* Viking Expansion Nortwards: Medieval Sources – P. 239; *Valtonen I.* An Intrepretation of the Decription of the Northermost Europe. in the old English Orosius. Pro Gradu Thesis. Oulu, 1988. – P. 74–83, 164–166; Орозий короля Альфреда // *Матузова В.И.* Английские средневековые источники IX–XIII вв. – М., 1979. <http://ulfdalir.ru/sources/43/588/590> <http://ulfdalir.ru/sources/43/588/591>

²⁰ *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. – С. 346–347.

²¹ *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. – С. 348–350.

²² *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. – С. 364.

²³ *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. – С. 365–367.

²⁴ *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. – С. 370.

²⁵ *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. – С. 376.

²⁶ *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. – С. 409–410; *Hoffstra T., Samplonius K.* Viking Expansion Nortwards: Medieval Sources –

Р. 240; *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). – С. 81, 88, 91

²⁷ *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). – С. 76–77.

²⁸ *Саксон Грамматик.* Деяния датчан. Перевод Т. Гимранова. Электронная версия 2007. Книга 1. <http://ulfdalir.ru/sources/42/501/502/504>

²⁹ *Туандер К.* Поездки скандинавов в Белое Море. – Глава XXXVIII.

³⁰ *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. – С. 142–143; *Hoffstra T., Samplonius K.* Viking Expansion Nortwards: Medieval Sources – P. 243–244.

³¹ *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. – С. 142–143, 335–337, 343, 376; *Напольских В.В.* Йӧгра (ранние обско-угорско-пермские контакты и этнонимия). http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/003/03_05_napolskikh_k.pdf

³² *Ross Alan S.C.* The Terfinnas and Beormas of Othere. – P. 57–58.

³³ *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). – С. 198.

³⁴ *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). – С. 198.

³⁵ *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. – С. 567–568; *Бубрих Д.В.* Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947. <http://www.kirjazh.spb.ru/biblio/bubrih/bubrih0.htm>

³⁶ *Ал-Гарнати.* Выборка воспоминаний о чудесах стран // История татар. –Т.2. Волжская Булгария и Великая Степь – Казань, 2006.– С. 778–789; Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Публикация *О.Г.Большакова и А.Л.Монгайтма.* – М., 1971. <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Garnati/frameset1.htm> <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Garnati/frameset2.htm>; *Беговатов Е.* Абу-Рейхан ал-Бируни о Волжской Булгарии, стране ису, йура // *Finno-Ugrica.* – № 1 (3). – Казань, 1999. – С. 30.

³⁷ *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. – С. 145; Головнев 2000; *Ross Alan S.C.* The Terfinnas and Beormas of Othere. – P. 49–50.

³⁸ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / [Перевод и комментарии *А.П.Ковалевского.*] Под редакцией *И.Ю. Крачковского.* – М. –Л., 1939. <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/fadlan.htm>

³⁹ *Иордан.* *Getica.* О происхождении и деяниях гетов. Введ., пер. с лат и коммент. *Е.Ч. Скржинской.* М., 1997. – Примечание 367 <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Iordan/text1.phtml?id=576>, <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Iordan/primtext4.phtml>

⁴⁰ *Напольских В.В.* Йӧгра (ранние обско-угорско-пермские контакты и этнонимия). http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/003/03_05_napolskikh_k.pdf

⁴¹ *Беговатов Е.* Абу-Рейхан ал-Бируни о Волжской Булгарии, стране ису йура // *Finno-Ugrica.* – №1 (3). – Казань, 1999. – С. 30; *Ал-Гарнати.* Выборка воспоминаний о чудесах стран // История татар. – Т.2. Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань, 2006.– С. 778–789; Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Публикация *О.Г.Большакова и А.Л.Монгайтма.* – М., 1971. <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Garnati/frameset1.htm> <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Garnati/frameset2.htm> *Ross Alan S. C.* The Terfinnas and Beormas of Othere. – P. 60

⁴² *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія – С. 567–568; *Бубрих Д.В.* Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947. <http://www.kirjazh.spb.ru/biblio/bubrih/bubrih0.htm>

⁴³ *Saarikivi J.* Substrata Uralica. Studies on Finno-Ugric Substrate in Northern Russian Dialects. –Tartu, 2006. – P. 151–168 (нумерация страниц в статье в с. 136-148).

⁴⁴ Слово про погибель Руської землі <http://litopys.org.ua/oldukr/pohybel.htm>; *Saarikivi J.* Substrata Uralica. Studies on Finno-Ugric Substrate in Northern Russian Dialects. – P. 135, 136–137 (p. 51, 52–53 в статье).

- ⁴⁵ *Saarikivi J.* Substrata Uralica. Studies on Finno-Ugrian Substrate in Northern Russian Dialects. – P. 132–135 (p. 48–51 в статье).
- ⁴⁶ *Saarikivi J.* Substrata Uralica. Studies on Finno-Ugrian Substrate in Northern Russian Dialects. – P. 129–132 (p. 45–48 в статье).
- ⁴⁷ *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. – С. 567–568.
- ⁴⁸ *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). – С. 198.
- ⁴⁹ *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). – С. 198; *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. – С. 554–555.
- ⁵⁰ *Ross Alan S.C.* The Terfinnas and Beormas of Othere. – P. 24–28.
- ⁵¹ *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. – С. 554; *Кочкуркина С.И.* Западноевропейские письменные источники и новгородские берестяные грамоты о древних карелах. <http://www.kirjazh.spb.ru/biblio/kochkur/kochkur0.htm>
- ⁵² *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. – С. 362.
- ⁵³ *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. – СПб., 2005. – С. 55–60.
- ⁵⁴ *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. – С. 362–363.
- ⁵⁵ *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. – С. 354–355; *Жан де Жуанвиль.* Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика. – СПб., 2007. – С. 118; *Гузев Ю.К.* Половецкий пассаж Жана де Жуанвиля // *Жан де Жуанвиль.* Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика. – СПб., 2007. – С. 372–377.
- ⁵⁶ *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. – С. 354.
- ⁵⁷ *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. – С. 447–448; *Spinei V.* The Romanians and the Turkic nomads North of Danube Delta from tenth to the Mid-Thirteenth Century. – Leiden-Boston, 2009. – P. 105–107; *Spinei V.* The Great Migrations in the East and South East of Europe from the Ninth to the Thirteenth Century –Cluj-Napoca, 2003. – P. 234.
- ⁵⁸ *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). – С. 112–113.
- ⁵⁹ *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). – С. 168.
- ⁶⁰ *Lăzărescu-Zobian M.* Cumania as the name of thirteenth century Moldavia and Eastern Wallachia: some aspects of Kipchak-Rumanian relations // *Turks, Hungarians and Kipchaks. A Festschrift in Honor of Tibor Halasi-Kun/Journal of Turkish Studies.* Harvard, 1984. – Vol. 8. – P. 265–272; *Spinei V.* The Romanians and the Turkic nomads North of Danube Delta from tenth to the Mid-Thirteenth Century. –Leiden-Boston, 2009. – P. 105–107; *Spinei V.* The Great Migrations in the East and South East of Europe from the Ninth to the Thirteenth Century –Cluj-Napoca, 2003. – P. 234; *Vasary I.* Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365. – Cambridge, 2005. – P. 139.
- ⁶¹ *Григорьев А.П., Фролова О.Б.* Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // *Тюркологический сборник, 2001/ Золотая Орда и ее наследие.* – М., 2002. – С. 290; *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – М.;Л., 1941. –Т. II: Извлечения из персидских сочинений, собранных В.Г. Тизенгаузенем и обработ. А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным (далее СМИЗО. – Т. 2; сборник материалов с арабскими источниками СМИЗО. – Т.1). – С. 38.
- ⁶² *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. – С. 445.

- ⁶³ *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. – С. 460–461.
- ⁶⁴ *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. – С. 461–462.
- ⁶⁵ *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. – С. 462–464; *Голден П.* Религия кыпчаков средневековой Евразии // *Степи Европы в эпоху средневековья.* – Донецк, 2008. – Т.6.: Золотоордынское время. – С. 326; *Осіп'ян О.* Поширення християнства серед половців XI–XV ст. // *Київська старовина.* – К., 2005. – № 2. – С. 4–5; *Голубовський П. В.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Монография – К., 1884. – С. 169; *Князький И.О.* Половцы в Днестровско-Карпатских землях и Нижнем Подунавье в конце XII – первых десятилетиях XIII в. // *Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма.* – Кишинев, 1988. – С. 26–27; *Spinei V.* The Cumanic Bishopric: genesis and evolution: Genesis and Evolution // *The Other Europe in the Middle Ages. Avars, Bulgars, Khazars, and Cumans /* Ed. F. Curtea, cu asist. lui R. Kovalev. – Leiden-Boston, 2008. – P. 413–456.
- ⁶⁶ *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. – С. 84–85; *Diaconu P.* Les coumans au Bas-Danube aux XI' et XII' siecles. – P. 72–77; *Анна Комнина.* Алексиада / Пер., вступит. стаття, комм. Любарского Я.Н. – М., 1965. – Книга 8, Параграфы 4–6.
- ⁶⁷ *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія – С. 83–85; *Анна Комнина.* Алексиада – Книга 8, Параграфы 4–6; *Diaconu P.* Les Petchenegues au Bas-Danube. – P. 133.
- ⁶⁸ *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. – С. 143–145.
- ⁶⁹ *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. – С. 145.
- ⁷⁰ *Стрингольм А.* Походы викингов. – *Глава 10*; *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. – С. 979, прим. 356; *Аннинский С.А.* Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и Восточной Европе // *Исторический архив.* – Т. III. – М., 1940. – С. 85; *Dörrie H.* Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen: Die Missionreisen des fr. Julianus O.P. ins Uralgebiet (1234/1235) und nach Rußland (1237) und der Bericht des Erzbischofs Peter über Tataren // *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen.* – I. Philologisch-historische klasse. – №6. – Göttingen, 1956. – S. 172-173.
- ⁷¹ СМІЗО. – Т. 2. – С. 36.
- ⁷² *Джиованни де Плано Карпини.* История монгалов. *Вильгельм де Рубрук.* Путешествие в Восточные страны / Пер. с лат. *А.И. Малейна.* Ред., вступит. ст. и примеч. *Н.П. Шастиной.* – М., 1957. – С. 110.
- ⁷³ *Белорыбкин Г., Зеленцова О.* Мордва и Волжская Булгария // *История татар.* – Т.2. Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань, 2006. – С. 432.
- ⁷⁴ *Напольских В., Чураков В.* Финно-угорские народы Среднего Поволжья и Предуралья к началу XIII в. – С. 471.
- ⁷⁵ *Мокшин Н.Ф.* Тайны мордовских имен. Исторический ономастикон мордовского народа. – Саранск, 1991. – С. 38–41.
- ⁷⁶ *Зеленев Ю. А.* Мордва в составе Улуса Джучи // *Восток.* – № 6. – М., 2000. – С. 20–21.
- ⁷⁷ *Джиованни де Плано Карпини.* История монгалов. *Вильгельм де Рубрук.* Путешествие в Восточные страны. – С. 109–110; *Göckenjan H., Sweeney J. R.* Der Mongolensturm. – Band. 3. – Graz, 1985. – S. 88, n. 21-23, 115, n. 21, 23; *Зеленев Ю.А.* Мордва в составе Улуса Джучи. – С. 19; *Напольских В., Чураков В.* Финно-угорские народы Среднего Поволжья и Предуралья к началу XIII в. – С. 471–472.
- ⁷⁸ Слово про погибель Руської землі. <http://litopys.org.ua/oldukr/pohybel.htm>
- ⁷⁹ *Белорыбкин Г., Зеленцова О.* Мордва и Волжская Булгария – С. 432; *Белорыбкин Г.* Мордовские земли в составе Золотой Орды // *История татар.* – Т.3. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань, 2009. – С. 478.

⁸⁰ Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и Восточной Европе – С. 80, 85.

⁸¹ Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и Восточной Европе – С. 85.

⁸² Зеленева Ю.А. Мордва в составе Улуса Джучи. – С. 19.

⁸³ Бельх С., Макаров Л. Население Вятско-Камского края в болгарское время // История татар. – Т.2. Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань, 2006. – С. 391–392.

⁸⁴ Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и Восточной Европе – С. 85–86; Göckenjan H., Sweeny J.R. Der Mongolensturm. – S. 115, n. 18; Зеленева Ю.А. Мордва в составе Улуса Джучи. – С. 19.

⁸⁵ Зеленева Ю.А. Мордва в составе Улуса Джучи. – С. 19; Никитина Т. Население Марийского Поволжья в болгарское время // История татар. – Т.2. Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань, 2006. – С. 433–450.

⁸⁶ Напольских В., Чураков В. Финно-угорские народы Среднего Поволжья и Предуралья к началу XIII в. – С. 471; Никитина Т. Население Марийского Поволжья в болгарское время. – С. 433–450.

⁸⁷ Христианский мир и Великая Монгольская империя. Материалы францисканской миссии 1245 года. Материалы францисканской миссии. – СПб., 2002. – С. 89, 114; *Джиованни де Плано Карпини*. История монгалов. *Вильгельм де Рубрук*. Путешествие в Восточные страны. – С. 57.

⁸⁸ *Ц. де Бридиа*. История тартар / пер. С.В. Аксенова и А.Г. Юрченко // Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. – М., 2002. – Параграфы 21, 34. http://www.vostlit.info/Texts/rus17/de_Bridia/text2.phtml?id=9127

⁸⁹ Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. – М., 2002. – Параграф 51. «Список покоренных народов» (НТ, §34) – http://www.vostlit.info/Texts/rus17/de_Bridia/frames8.htm

⁹⁰ *Иоанн де Плано Карпини*. Книга о тартарах / пер. С.В. Аксенова // Историческая география политического мифа. Образ Чингиз-хана в мировой литературе XIII–XV веков. – СПб., 2006. – Параграф 31. – <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Karpini/otryv2.phtml?id=1498>; *Плано Карпини*. История монгалов/ пер. А.И. Малеина // Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, XIII–XVII вв. Новосибирск. Сибирское отделение Российской академии наук. 2006. Сетевая версия Thietmar. 2007. – <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Karpini/otryv1.phtml?id=3425>

⁹¹ *Фишер И.Б.* Сибирская история съ самага открытия Сибири до завоевания сей земли русским оружием. – СПб., 1774. – С. 91–94.

⁹² *Марко Поло*. Книга о разнообразии мира. – М., 2005. – С. 389–390.

⁹³ *Беговатов Е.* Абу-Рейхан ал-Бируни о Волжской Булгарии, стране ису, йура // *Finno-Ugrica*. – № 1 (3). – Казань, 1999. – С. 30; *Ал-Гарнати*. Выборка воспоминаний о чудесах стран // История татар. – Казань, 2006. –Т.2. Волжская Булгария и Великая Степь –С. 778–789; Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Публикация *О.Г.Большакова* и *А.Л.Монгайта*. – М., 1971. <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Garnati/frames1.htm> <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Garnati/frames2.htm>

⁹⁴ СМАЗО. – Т. 2. – С. 23, 35; Сокровенное сказание монголов /Перевод *С.А. Козина*. – М., 2002. – С. 141, 146; *Aalto P.* Swells of the Mongol-Storm around the Baltic // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Tomus XXXVI. (1-3). – Budapest, 1982 – P. 5–15.

⁹⁵ Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и Восточной Европе. – С. 80.

⁹⁶ *Мокшин Н.Ф.* Тайны мордовских имен. Исторический ономастикон мордовского народа. – Саранск, 1991. – С. 33–34; *Мокшин Н.Ф.* Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. – Саранск, 1993. – С. 47; *Напольских В.В.* Булгарская эпоха в истории финно-угорского населения Поволжья и Предуралья. <http://udmurt.info/pdf/library/napolskikh/napolsk-bulgarskaya-epokha.pdf>

⁹⁷ *Измайлов И.Л.* Походы в Восточную Европу 1223–1240 гг. // История татар. – Т.3. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань, 2009. – С. 137; *Ал-Идриси*. Развлекение истомленного в странствии по областям // История татар. – Т.2. Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань, 2006. – С. 769; *Коновалова И.Г.* Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий. – М., 2006. – С. 121; *Белорыбкин Г.Н.* Монголы в землях обулгаризованных буртасов // Волжская Булгария и монгольское нашествие. – Казань, 1988. – С. 82–87; *Моця А.П., Халиков А.Х.* Булгар–Киев. Пути, связи, судьбы. – К., 1997. – С. 167–169

⁹⁸ *Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и Восточной Европе – С. 80–81, 85; *Dörrie H.* Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen: Die Missionreisen des fr. Julianus O.P. ins Uralgebiet (1234/1235) und nach Rußland (1237) und der Bericht des Erzbischofs Peter über Tataren. – S. 156.

⁹⁹ *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. – С. 979, прим. 356.

¹⁰⁰ *Романив В. Я.* Бату-хан и центральное монгольское правительство: от противостояния к соправительству // Тюркологический сборник, 2001/ Золотая Орда и ее наследие. – М., 2002. – С. 90–94.

¹⁰¹ *Романив В. Я.* Бату-хан и центральное монгольское правительство: от противостояния к соправительству. – С. 95–98.

¹⁰² *Параска П.Ф.* Внешнеполитические условия образования молдавского феодального государства. – Кишинев, 1981. – С. 38–39; *Мыськов Е. П.* Политическая история Золотой Орды. – Волгоград, 2003. – С. 96–108; *Почекаев Р. Ю.* Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. – СПб., 2010. – С. 50–51; *Порсин А.А.* Политика Золотой Орды в Восточной и Южной Европе в 50-х – 70-х годах XIII века // Золотоордынская цивилизация. – Вып. 3. – Казань, 2010. – С. 158–159, 162; *Spinei V.* Moldavia in the 11th-14th Centuries. – Bucureşti, 1986. – P. 120; *Vasary I.* Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365. – Cambridge, 2005. – P. 72–79; СМАЗО. – Т. 1. – С. 152–153, 380, 509; СМАЗО. – Т. 2 – С. 72, 99.

¹⁰³ *Тиандер К.* Поездки скандинавов в Белое Море. – Глава L.

¹⁰⁴ *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). – С. 199; *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. – Глава 4, Географические заметки, Грипла.

¹⁰⁵ Латински извори за българската история – Т.IV/ Съставили Гюзелев В., Лишев С., Петрова М., Примов Б. / Под ред. Гюзелев В., Лишев С., Петрова М., Примов Б. – София, 1981. – С. 155.

¹⁰⁶ *Матузова В.И.* Английские средневековые источники IX–XIII вв. – М., 1979. http://www.vostlit.info/Texts/rus/Matthew_Par/frametext1.htm

¹⁰⁷ *Ипатьевская летопись* // Полное собрание русских летописей. – М., 1962. – Т.2. – Стб. 863.

¹⁰⁸ *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. – Глава 2, Карта № 1.

¹⁰⁹ *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. – Глава 1, Общие описания Земли, Описание Земли II; *Hoffstra T., Samplonius K.* Viking Expansion Nortwards: Medieval Sources. – P. 245.

¹¹⁰ *Шильтбергер И.* Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год / пер. с старонем. *Ф.К. Бруна*; издание, редакция и примеч. *З.М. Буниятова* – Баку, 1984. – Параграф 25, <http://www.vostlit.info/Texts/rus3/Schiltberger/frametext1.htm>; *Шильтбергер И.* Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке, с 1394 года по 1427 год / пер. *Ф.К. Бруна* // Записки императорского Новороссийского университета. – Том 1. – 1867 – Глава XXV. http://www.vostlit.info/Texts/rus3/Schiltberger_3/frametext1.htm

Шильтбергер И. Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке, с 1394 года по 1427 год / пер. *М. П. Алексеева* // Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, XIII–XVII вв. – Новосибирск, 2006. http://www.vostlit.info/Texts/rus3/Schiltberger_2/text.phtml?id=2010

¹¹¹ *Вершинин Е.* Пермь Великая. Как Москва пришла на Урал http://www.istrodina.com/rodina_articul.php3?id=196&n=14; *Семенов О.В.* О времени вхождения в состав Московского государства Перми Великой http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0031%2801_07-2004%29&doc=../content.jsp&id=a03&xsl=showArticle.xslt; *Викторова В. Д.* Древние угры в лесах Урала. – Екатеринбург, 2008.

¹¹² *Конаков Н.Д.* Кудым-Ош <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/mifolog/myth/234.htm>

¹¹³ *Напольских В.В.* Батыр пезьдэт: кто есть ху? <http://udmurt.info/pdf/library/napolskikh/batyrjos.pdf>

¹¹⁴ *Гемуев И.Н.* Народ манси (воплощение мифа). – Новосибирск, 2003. – Глава 1, параграф 1, Манси. <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/Home/pub/index.html?id=710>

¹¹⁵ *Вершинин Е.* Пермь Великая. Как Москва пришла на Урал http://www.istrodina.com/rodina_articul.php3?id=196&n=14; *Семенов О.В.* О времени вхождения в состав Московского государства Перми Великой http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0031%2801_07-2004%29&doc=../content.jsp&id=a03&xsl=showArticle.xslt; *Напольских В., Чураков В.* Финно-угорские народы Среднего Поволжья и Предуралья к началу XIII в. – С. 476; *Напольских В.В.* Батыр пезьдэт: кто есть ху? <http://udmurt.info/pdf/library/napolskikh/batyrjos.pdf>

¹¹⁶ *Ситников К.* Предание о жестоком князе Тукаш-Шуре и его названном брате Амазике http://www.kukarka.ru/mari/aeos/sitnikov_tukan.shtml; *Свечников С.К.* Присоединение Марийского края к Русскому государству // Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Специальность 07. 00. 02. – Отечественная история. – Казань, 2002. <http://dissertation2.narod.ru/avtoreferats/7/aa25.htm>; *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. Издание 3-е, дополненное. Воспроизведено по тексту первого издания (Казань. Комбинат изд-ва и печати, 1923). – М., 1991. – С. 133.

¹¹⁷ *Маршак Б.И.* Серебро за меха // Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов. – СПб., 2006. – С. 72–82. <http://kronk.narod.ru/library/marshak-bi-2006.htm>; *Маршак Б.И.* Сокровища Приобья // Сокровища Приобья. [каталог выставки]. – СПб., 1996. – С. 6–44. <http://kronk.narod.ru/library/1996-priobie-marshak.htm>; *Федорова Н.В.* Западная Сибирь и мир средневековых цивилизаций: история взаимодействия на торговых путях // Археология, этнография и антропология Евразии. – 4(12). – 2002. – С. 91–101.; *Бауло А.В.* Иранские и среднеазиатские сосуды в обрядах обских угров // Проблемы межэтнического взаимодействия народов Сибири. – Новосибирск, 2002. – С. 12–27.

¹¹⁸ *Худяков Ю.* Путь из Булгара в Сибирь // История татар. – Казань, 2006. – Т.2. Волжская Булгария и Великая Степь. – С. 331–334.

¹¹⁹ *Худяков Ю.С.* Сабля Багыра: Вооружение и военное дело средневековых кыргызов. – СПб., 2003. – С. 151.

¹²⁰ *Мельников А.* Военное дело таежных народов Западной Сибири // Para Bellum. – № 8. – СПб., 1999. http://www.vzmkh.ru/parabellum/n8_s3.shtml; *Соловьев А.И.* Военное дело коренного населения Западной Сибири (эпоха средневековья). – Новосибирск, 1987. <http://www.nsu.ru/aw/bookDownload.do?id=291>; *Соловьев А.И.* Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. – Новосибирск, 2003.

¹²¹ *Арсланова Ф.Х.* К вопросу о связях племен Павлодарского Прииртышья с населением Западной Сибири (VII–XI вв.). // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. – Томск, 1983. – С. 105–117. <http://kronk.narod.ru/library/arslanova-fh-1983.htm>

¹²² *Матвеев А.* Опыт локализации участка Иртышского средневекового меридионального пути // Средневековая археология евразийских степей. – Т. 1. – Казань, 2007. – С. 96–103.

¹²³ *Аннинский С.А.* Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и Восточной Европе. – С. 77–91; *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. – Т. 1. Кн. 2. – М., 1952. – С. 274–275.

¹²⁴ *Бахрушин С.В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. – М., 1935. – I–III. – http://sbiblio.com/biblio/archive/bahrushin_ost

¹²⁵ *Аннинский С.А.* Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и Восточной Европе. – С. 91–94; *Кзаков Е.П.* Угры Восточного Закамья в составе Улуса

Джучи // История татар. – Т.3. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII– середина XV в. – Казань, 2009.– С. 484–485.

¹²⁶ Казаков Е.П. Угры Восточного Закамья в составе Улуса Джучи. – С. 484–485.

¹²⁷ Белавин А. Предуралье в XIII – XV вв. // История татар. – Т.3. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань, 2009. – С. 482–484.

¹²⁸ Белавин А. Камский торговый путь // История татар. – Т.2. Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань, 2006. – С. 326–330; Белавин А. Народы Верхнего Прикамья и Волжская Булгария // История татар. – Т.2. Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань, 2006.– С. 395–407.

¹²⁹ Макаров Л.Д. Особенности раннего периода славяно-русской колонизации Прикамья // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. Материалы научного симпозиума. Материалы научной конференции. – Ижевск, 2006. – С. 325–330.

¹³⁰ Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и Восточной Европе. – С. 85–86; *Джиованни де Плано Карпини*. История монгалов. *Вильгельм де Рубрук*. Путешествие в Восточные страны. – С. 108–109.

¹³¹ Белорыбкин Г. Мордовские земли в составе Золотой Орды// История татар. – Т.3. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань, 2009.– С. 478–480.

¹³² Зеленева Ю.А. Нижнее Примокшанье в XIII–XV вв. (о золотоордынско-рязанской границе) // Золотоордынское наследие. – Выпуск 2. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М.А. Усманова». Казань, 29–30 марта 2011 г. – Казань, 2011. – С. 136–138.

¹³³ Белорыбкин Г. Мордовские земли в составе Золотой Орды// История татар. –Т.3. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань, 2009.– С. 479–482.

Аннотация

Данная статья посвящена анализу сведений «Саги о Хаконе Хаконарсоне» о бьярмах и татарах. Данные этой саги о бегстве бьярмов от татар не соответствуют исторической действительности, а являются отображением представления скандинавов о монголах и их роли в истории Евразии. Всякое событие, которое могло привести к переселению людей, в середине XIII в. связывалось с Улусом Джучи. Джучиды в 60-х гг. XIII в. были слишком заняты на других фронтах, чтобы еще атаковать бьярмов. Бьярмы – это не финно-пермские народы, а полиэтническое финно-угорское население, живущее в Карелии и Двинской земле. Два Бьярмаланд скандинавских источников это Колоперемь и Заволочье русских источников. Скорее всего, бьярмы добровольно переселились в Халогаланд, а автор саги, зная от славянских информаторов о событиях в степях, составляя сагу, просто добавил эту информацию, считая причиной миграции какие-то бурные события на востоке. Сведения саг и скандинавских географических источников о кочевых народах очень туманны. Блавкуманналанд (Блокуманналанд) отождествлялся то с Болгарией, то с Дешт-и-Кыпчак. То же самое характерно и для сведений о Татариики и Татарии, в которых нашли отражение события и эпохи монгольских завоеваний и времен существования Аварского каганата.

Ключевые слова: сага, Бьярмаланд, бьярмы, татары, монголы, Улус Джучи, Заволочье.

Summary

This article focuses on the analysis of information about Bjarmians and Tatars in «Saga about the Nakone Hakonarson». The data in this saga about the flight of Bjarmians from the Tatars do not correspond to historical reality, and are the reflection of Scandinavians' view on the Mongols and their role in the history of Eurasia. Any event that could lead to the displacement of people in the middle of the XIII century was associated with Ulu Jochi. Jochids

in the 60's of the XIII century were busy on other fronts. Bjarmians is not Finnish-Permian nation, but Finno-Ugrian peoples that lived in Karelia and Dvina region. Two Bjarmalands of Scandinavian sources are Koloperem and Zavolochye of Russian sources. Most likely, Bjarmians voluntarily moved to Halogaland, and the author of the saga knew from the Slavic informants about events in the steppes of and just added this information, considering the cause of migration some dramatic events in the east. Information from Scandinavian sagas and geographical sources about the nomadic people are very vague. Blavkumannaland (Blokumannaland) is identified either with Danube Bulgaria, or with Dasht-i-Qipchaq. The same can be applied for information on the Tartar and Tattariki which reflected the events and the era of the Mongol conquests and the times of the Avar Khaganate.

Keywords: Saga, Bjarmaland, bjarmians, tatars, mongols, Ulus Jochi, Zavolochye.

УДК 94(47)

АБДУРАХМАН УМЕРОВ И СТАНОВЛЕНИЕ МЕДРЕСЕ «НИЗАМИЯ» В г. АСТРАХАНИ (конец XIX – начало XX вв.)

И.С. Рахимов, аспирант

В конце XIX – начале XX в. астраханское медресе «Низамия» стало известным образовательным центром для мусульманских народов Нижнего Поволжья. Официально годом открытия школы считается 1895 г. Однако учебное заведение существовало и раньше.

Основатель медресе «Низамия» – Абдурахман Умеров (Габдрахман Гумари, 1866–1933 гг.) был уроженцем города Астрахани. Его родители были простыми мещанами, жили тем, что выращивали и продавали фрукты. Но, увидев у сына особую склонность к учебе, они решили дать ему высшее духовное образование. Так юный Абдурахман оказался в Казани, в медресе выдающегося татарского богослова, историка и просветителя Шигабутдина Марджани. Он был широко известен своей реформаторской деятельностью, в том числе и в педагогической сфере. Именно в стенах медресе «Марджания» Абдурахман Умеров приобрел первый опыт преподавательской работы. Так, в 1887 г. мугаллим медресе Сафиулла Абдуллин, уезжая на кумысолечение, оставил вместо себя наставником над шакирдами хальфу Абдурахмана. В начале 1888 г. ученик Шигабутдина Марджани получил свидетельство Оренбургского магометанского духовного собрания на звание имама-хатыба и мугаллима¹. В 1889–1892 гг. Абдурахман Умеров являлся казыем медресе «Марджания» – школьным судьей, который должен был разрешать различные споры между учениками.

Как признавался спустя многие годы сам А.Умеров, преподавание

было его самым любимым занятием. Он не просто учил детей основам мусульманской религии, арабской грамматике и другим предметам, но и писал специальные учебники для медресе, которые пользовались большим успехом². Так, в 1896 г. в Казани была опубликована его первая книга по морфологии арабского языка «Могаллиме сарф лисан ль-гараб». Это учебное пособие потом переиздавалось еще восемь раз³. Арабский язык был любимым предметом самого Абдурахмана Умерова. По замечанию Я.Коблова в 1916 г., «хотя среди магометан считается весьма важным, желанным говорить на арабском языке, но достигают этого очень немногие»⁴. Вероятно, здесь большую роль играло то, что учителем Абдурахмана Умерова был Шигабутдин Марджани, который получил прекрасное образование в Средней Азии и был большим знатоком арабского языка и литературы.

Продолжением научных изысканий Умерова стала книга «История великих пророков и исламских государств» («Кыйссас ль-энбия аль-агзам вэ терджмэи эхваль дуэлие ль-ислам»), вышедшая в 1900 г. в Казани. В дальнейшем она переиздавалась еще четыре раза. Последний пятый раз была выпущена в Астрахани в 1912 г. Это издание также являлось учебным пособием для медресе. Под названием «Кысасу ль-амибия» Н.Ф. Катановым оно было отнесено к группе учебников по священной истории мусульман⁵.

В 1903 г., в Казани, А.Умеров издал монографию по синтаксису араб-

ского языка «Могаллиме няху лисан ль-гараб». Всего книга издавалась три раза. Еще одна книга Абдурахмана Умерова, получившая широкое распространение, – «Задет талиб терджемэте ль-кафия ли Ибн ль-Хаджиб». Это был перевод с арабского языка на турецки сочинения египетского ученого-филолога Ибн Хаджиба (1175–1249) «Кафийа» по синтаксису арабского языка. Книга была опубликована в Казани в 1906 г. По этой арабской книге в татарских медресе многие годы изучался арабский язык. За эти десятилетия к ней было написано немало комментариев, старые примечания дополнялись новыми поправками к ним. Однако отсутствие нормального перевода сочинения на татарский язык (турецки) мешало освоению этого предмета. Абдурахман Умеров перевел не только сам текст сочинения, но и многочисленные комментарии. Поэтому выход татарского варианта «Кафийи» стало значительным событием для тюркоязычного сообщества⁶.

Таким образом, своей научно-педагогической деятельностью Абдурахман Умеров охватил основные науки, помогающие осмыслить ислам. Это арабский язык, необходимый, прежде всего, для понимания священного Корана, и история пророков, также раскрывающая смысл мусульманской веры.

По словам потомков талантливого педагога и автора популярных учебников, в родную Астрахань 25-летний выпускник казанского медресе Умеров вернулся в 1892 г. К самостоятельной жизни шакирд «Марджани», вероятно, готовился еще с 1888 г. В 1891 г. он получил свидетельство на знание русского языка. Документ, выданный Астраханским городским четырехклассным училищем астраханскому мещанину Абдурахману Измаиловичу Умерову, датируется 12 апреля 1891 г.⁷ Такие экзамены сдавались кандидатами на должности городских ахунов и хатыпов, т.е. высшего приходского духовенства. Исходя из этого документа, можно предположить, что Умеров вернулся в Астрахань не в

1892 г., а чуть раньше – в 1891 г. Его преподаватель Сафиулла Абдуллин, после конфликта в медресе «Марджани», покинул свой пост в Казани и в 1890 г. переехал в Астраханскую губернию⁸. Возможно, Абдурахман Умеров вернулся в Астрахань почти сразу же после отъезда уважаемого им учителя.

Но сразу после приезда в родном городе он не сумел найти работу для себя. По словам его сына Абделхамид Умерова, первое время Абдурахман просто помогал отцу Измаилу Умерову в его фруктовом саду⁹. Абдурахман Измаилович потом вспоминал, как в это время торговал огурцами из собственного огорода на астраханском рынке Большие Исады. «Я два года был без работы», – говорил он о себе в 1921 г.¹⁰

Молодого человека посещали разные мысли. Например, один из его сокурсников Габдулгаллям Фаизханов призывал продолжить обучение в Турции, «астраханцы слишком темны и неграмотны, чтобы ценить твои знания», – писал он в письме ему¹¹. Но после долгих раздумий А. Умеров решил остаться в родном городе. Он вынашивал идеи об открытии нового учебного заведения. По словам самого Абдурахмана Умерова, он открыл собственное медресе еще 3 января 1894 г. в доме Хади Хужаева, при содействии Габделгазиза муллы. Никаких разрешений от представителей государственной власти на то не имелось. Но прихожанам объявили о том, что школа работает на законных основаниях. Почти сразу после открытия в медресе появились старшие шакирды, с их помощью наладили полноценный учебный процесс. Однако о неофициальном учебном заведении узнали завистники и сообщили об этом губернским органам. Медресе в доме Хади Хужаева закрыли. Но к этому времени весть о молодом талантливом преподавателе уже распространилась на всю округу и прихожане 6-й соборной мечети Царевской слободы уже сами начали ходатайствовать о том, чтобы Абдурахман Умеров учил детей их прихода¹².

Семья Умеровых также относилась к данному приходу. Все метрики детей Измаила Умерова, кроме старшего ребенка – Абдурахмана, были выданы муллой 6-й мечети г. Астрахани¹³. В 1895 г. в приходе при 6-й мечети было 250 мусульман. По словам жителей махалли, приходское медресе существовало уже около ста лет. Имамхатыб Нажмутдин Кутеев 6-й соборной мечети был в почтенном возрасте, поэтому часть своих обязанностей, а именно преподавание в школе, согласился передать Абдурахману Умерову¹⁴. Прихожане купили для медресе большой дом, и теперь это уже было не то старое столетнее медресе, а новое учебное заведение. В дальнейшем оно стало известно по всей России как медресе «Низамия». Именно так гласила надпись на воротах здания¹⁵.

Открытие официальной новометодной школы в Царевской слободе г. Астрахани произошло в 1895 г., до этого времени почти год учебное заведение работало без документального разрешения. Абдурахман Умеров преподавал здесь арабский язык, литературу, восточную философию вплоть до 1909 г.

В медресе обучались татары, ногайцы, казахи, туркмены, авары, чеченцы, ингуши, лезгины, кумыки, а также представители других национальностей. Уже в первый год обучения число шакирдов достигло 70 человек. Тесное помещение вмещало не всех желающих, что «дети сидят даже в передней на полу, у входной двери в здание»¹⁶. Постепенно число учащихся «Низамии» увеличилось. В медресе все было устроено по строгому учебному порядку: проведение занятий, перемены, учебные программы, экзамены и каникулы проводились в определенное время. Имелась необходимая школьная мебель, характерная для новометодных учебных заведений, черные классные доски, низкие парты (без стульев), для приезжих шакирдов было построено общежитие¹⁷.

Руководитель этого учебного заведения – Абдурахман Умеров отличался не только новыми приемами преподавания,

но и демократичным отношением к ученикам. В отличие от кадимистских медресе того времени, где шакирды тайком читали различную литературу и периодические издания, в «Низамии» мударрис лично выписывал для старших шакирдов газеты из Константинополя – «Таракки» («Прогресс»), «Иттихадуль-муслимин» («Единение ислама»)¹⁸.

Самым первым учеником молодого педагога, ставшим имамом в одном из сел Астраханской губернии, был Садретдин Ахмедзян. Абдурахман Умеров переживал за каждого шакирда и гордился тем, что они успешно сдавали экзамены на звание мулл и мугаллимов в Оренбургском магометанском духовном управлении. Например, уже в 1898 г. в письме Гильману ахуну Карими он с радостью сообщил ему о том, что два его шакирда прошли экзамены и получили свидетельства в Уфе¹⁹. По словам самого Абдурахмана Умерова, к 1921 г. больше тридцати его бывших учеников стали имамами. Вместе с муэдзинами и мугаллимами их число доходило до ста человек²⁰. Выпускники медресе «Низамия» сыграли значительную роль в культурном развитии не только Нижнего Поволжья, но и других регионов Российской империи, а в дальнейшем и Советского Союза. Среди его учеников – просветитель, автор одной из первых азбук ногайского языка Абдулхамид Джанибеков, первый ногайский романист Басир Габдуллин, поэт Бадретдин Мустафаев-Килячи, ученый Пулат Салиев и многие другие талантливые люди.

Таким образом, становление крупнейшего новометодного медресе «Низамия», развитие конфессионального и светского образования г. Астрахани в конце XIX – начале XX в. связаны с именем известного татарского педагога, ученого и просветителя Абдурахмана Умерова. Будучи учеником Шигабутдина Марджани, он в своей деятельности стремился реализовывать новаторские идеи своего наставника и, впоследствии, стал одним из видных деятелей джадидского движения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Прощение А.Умерова на имя инспектора народных училищ Астраханской губернии // Габдрахман Гомэри. Фэнни-биографик жыентык / Төз. С.Рэхимов. – Казан: Рухият, 2002. – Б.259.
- ² Каримуллин А.Г. Татарская книга начала XX века. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1974. – С.176.
- ³ Рахимов С. Габдрахман Гумари // Духовная культура и татарская интеллигенция: исторические портреты. – Казань, 2000. – С.102.
- ⁴ Коблов Я.Д. Конфессиональные школы казанских татар // Медресе г. Казани XIX – нач. XX вв.: Сборник документов и материалов. – Казань, 2007. – С.285.
- ⁵ Обзор учебников, принятых к употреблению в татарских конфессиональных школах (мектебах и медресе) и изданных большею частью за последние 3 года (1911–1913). – Казань, 2002. – С.8.
- ⁶ Валиди З. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. (Пер. с турец.). – М., 1997. – С.51.
- ⁷ Государственный архив Астраханской области (ГА АО). Ф.13. Оп.1. Д. 54183. Л.4.
- ⁸ Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р. Исторические мечети Казани. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2005. – С.34–35.
- ⁹ Гомаров Г. Габдрахман Гомэринен кыскача тәржемәи хәле // Габдрахман Гомэри. Фэнни-биографик жыентык / Төз. С.Рэхимов. – Казан: Рухият, 2002. – Б.17.
- ¹⁰ Г.Гомэринен мәжлестә сөйләгән сүзе (3 нче август 1921 ел) // Габдрахман Гомэри. – Б.110–111.
- ¹¹ Гомаров Г. Күрс. хезм. – Б.18.
- ¹² Г.Гомэринен мәжлестә сөйләгән сүзе... – Б.110.
- ¹³ Из решения Астраханского окружного суда, по гражданскому отделению от 3 июня 1897 г. // Габдрахман Гомэри. ... – С.265.
- ¹⁴ Копия обращения прихожан № 6 на имя инспектора народных училищ Астраханской губернии от 28 апреля 1895 г. // Там же. – С.258.
- ¹⁵ Г.Гомэринен мәжлестә сөйләгән сүзе... – Б.110.
- ¹⁶ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф.92. Оп.1. Д. 19936. Л.26-об.
- ¹⁷ Гомаров Г. Күрс. хезм. – Б.18.
- ¹⁸ ГА АО. Ф.1. Оп.2. Д.1294. Л.4.
- ¹⁹ НА РТ. Ф.1370. Оп.2. Д.3. Л.4.
- ²⁰ Г.Гомэринен мәжлестә сөйләгән сүзе... – Б.113.

Аннотация

В статье речь идет об известном астраханском просветителе Абдурахмане Умерове и о созданном им в конце XIX в. мусульманском учебном заведении. Это новометодное медресе стало центром подготовки как национальной светской интеллигенции, так и религиозных служителей во всем Нижнем Поволжье. Огромную роль в организации «Низамии» и продвижении реформаторских идей в этом регионе сыграл Абдурахман Умеров.

Ключевые слова: реформа, джадидизм, история образования, медресе, ислам, Абдурахман Умеров, Астрахань.

Summary

The article deals with the famous Astrakhan educator Abdurakhman Umerov and the Muslim school established by him at the end of the XIX century. This newmethodological madrassa became the training centre for both national secular intelligentsia, and religious ministers around the Lower Volga region. Abdurakhman Umerov made a great contribution to the organization of «Nizamiya» and promoting reform ideas in this region.

Keywords: reform, Jadidism, history of education, madrassa, Islam, Abdurakhman Umerov, Astrakhan.

УДК 39(=511.151)+39 (=512.145)

ТАТАРСКО-МАРИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Г.Р. Столярова, доктор исторических наук

Тюркоязычные татары и финно-язычные мари́йцы были близкими соседями и активными партнерами по межэтническому взаимодействию. На востоке Республики Марий Эл и на северо-западе Татарстана практически невозможно провести границу этнических ареалов мари и татар: здесь наблюдается наложение этнических территорий и, как результат, – наличие старожильческих татарских, мари́йских и смешанных населенных пунктов (Арский, Балтасинский районы РТ; Параньгинский, Мари-Турекский, Моркинский районы РМЭ). Контакты татар и мари́йцев в этом регионе наиболее ранние. Исследователи отмечают, что среди татарского населения северной полосы Закавказья значителен финно-угорский элемент: по данным топонимии, во многих татарских деревнях имеется «*чирмеш ягы*» (черемисская сторона)¹.

Другой ареал расселения мари́йцев среди татар – камско-уральский – образовался в результате переселения части мари в XVI–XVIII вв. в Закамье и Приуралье, где в окружении иноэтнического большинства, главным образом татар и башкир, к середине XIX в. оформилась этнографическая группа восточных мари́йцев (*эрвел мари́й*)².

Таким образом, наибольшее влияние татары оказали на луговых и восточных мари́йцев, тогда как горные мари, проживавшие на правобережье Волги в окружении чувашей и русских, имели более тесные контакты именно с этими народами.

Результаты исторических контактов татар и мари прослеживаются на

многочисленных материалах в языковой и культурной сферах.

На территории Татарстана мари́йские топонимы охватывают весьма обширную территорию и свидетельствуют о том, что здесь обитали древнемари́йские племена. В Елабужском р-не РТ, например, мари́йский пласт выделяют в следующих топонимах: с.Айталан, д.Атиаз (населено татарами-кряшенами), ойконимы Актазик, Ахтиял, Дюм-Дюм (Татарский и Русский), Кокшан, Куклюк, Эльнет, Юраш (населенные пункты, включающие топоним – татарские), д.Псеєво, Тжэш (Текашево), оз.Пинэрэ, р.Шурминка, д.Анзирка³. Кроме того, названия некоторых населенных пунктов объясняются языковыми данными мари́йского языка. Кук мари, Кук-мари – мари́йские деревни Кукморского р-на РТ. К Кукмари себя относят и мари́йцы с.Русско-Мари́йские Ковали (мари́йское название Марий Кавал, татарское – Рус-Мари Ковалы) в Высокогорском районе, по-татарски Зур Кавал и Кече Кавал, а также 6 деревень Волжского района Марий Эл (расположенные ближе к границе Татарстана). У звениговских мари «кук мари» означало «чуваш». Возможно, «кук мари» имело значение «(на)горные мари, люди нагорной стороны». В Республике Марий Эл несколько ойконимов Кукмор (мар. Кукмара) и Кук-мари́й. Кня-Баш – татарская деревня в Кукморском р-не – первоначально была мари́йской. Вочарма – официально с.Березняк Кукморского района РТ, проживают татары. Татарское название Бучирма, удмуртское – Чалтай-

гурт. Марийцы д.Починок-Кучук полагают, что их предки были вытеснены оттуда. Вочкаш памаш – родник (и местность вокруг него) у д.Старая Кня Кукморского р-на РТ. Марийское название – Вочкаш «дерево, годное для изготовления бочки»; д.Байданкино (Нижекамский р-н РТ) носит неофициальное название «Ширмеш авылы», т.е. марийское село, в названии д. Большие Аты слово Аты сближается с марийским *ото* (роща). Население некоторых чувашских и марийских сел, находясь в близком соседстве с татарами, утратило свои национальные черты: оно восприняло язык, быт и обычаи татар. К числу таких сел относится с.Старое Азмеево (*Иске Әжми*) Бакалинского района Башкортостана. Население с.Старое Азмеево смешанное. Основателями его были марийцы-язычники, которые в середине XIX в. переселились сюда из Мензелинского у. Судя по архивным материалам и рассказам местных жителей, почти в это же время стали прибывать крещеные татары и чуваша. В записях Уфимской епархии говорится, что в с. Старое Азмеево – 35 дворов язычников-черемисов ...постепенно они совершенно отатарились, разговаривают только по-татарски (даже старики не знают марийского языка). Их говор мало чем отличается от говора крещеных татар, с которыми они долгие годы жили вместе. Однако у этих марийцев имена в отличие от крещеных татар древнетюркские или заимствованные (арабо-персидского происхождения): Гөлбикә, Балбикә, Гөлжимеш, Гөлшикәр, Миннегол, Карлыгач, Сандугач, Асылый, Чәнкә, Миннекәй, Тимеркәй, Алмыш, Тәңкә, Сатый, Сатыбал, Татлый, Баллый и др. Интересны также названия одежды: шарпан – тастар 'головное покрывало'; кикча 'платок', изү – муйса 'нагрудное украшение' и др.⁴

Основателями некоторых татарских деревень являлись удмурты и марийцы, которые впоследствии были вытеснены или отатарились в ре-

зультате совместной жизни с татарами. Марийские названия татарских деревень Заказанья – Бимер, Битаман, Илнет, Кенер, Мэмер, Мэнгэр, Пимер и т.д. – свидетельство этнической ассимиляции марийцев татарами⁵. К селениям, которые в прошлом были марийскими, но с принятием ислама стали татарскими, относятся д.Маскара, д.Адаево (Кукморский р-он), с.Иж-Бобья (Агрызский р-он), д.Мари Ямалы (Актанышский р-он) и др. В Татарстане есть марийские деревни, население которых практически утратило свой родной язык, говорит по-татарски, но сохраняет свое самосознание, так как исповедует свою традиционную религию (д.Терпеле Актанышского р-на, д.Бикмесь Муслюмовского р-на и др.)⁶. В числе селений Казанского ханства на Зюрейской дороге (Заказанье) были Черемыш (татарский), Черемыш-Апакаево, Черемышево (на речках Нурме и Ушне). По данным первого топонимиста Казанского края И.А.Износкова, с.Черемыш-Апакаево называлось Черемышево Поганое, Малое Черемышево, Апакаево, по-татарски – Апакай Чирмеш, Чирмеш иле. Относительно названия с.Черемышево И.А.Износков писал: «По названию села можно предполагать, что первоначальными обитателями в нем были черемисы. В Козьмодемьянском уезде есть черемисское село Черемышево»⁷. В деревнях Пермского края (Оттуз, Чистяково, Теш Баш, Солянка) татары смешались с марийцами. Так же и в д.Агафонково (там, например, основателем рода «кэбэч нэсел» считается мариец). Такое смешение объясняется тем, что в прошлом в этих краях население было малочисленным, поэтому татары и марийцы селились в одних деревнях и смешивались между собой⁸.

В татарском и марийском языках обнаруживается большое количество языковых параллелей, взаимных влияний. Как отмечал один из основателей урало-алтайского языкознания Страленберг, марийский язык весьма бли-

зок к финскому языку, но в то же время очень смешан, причем татарское влияние выражено сильнее, чем русское. Практически то же отмечал Г.Миллер: «Черемисский язык имеет некоторое сходство с финским, а по жительству их близ татар и русских есть в нем много татарских и небольшое число русских слов»⁹. В результате тесных контактов с тюркскими языками в марийском языке произошли разного рода изменения: под влиянием татарского и чувашского языков развилась губная гармония и появились сходные тенденции в расстановке словесного ударения; были заимствованы типы спаренных глаголов, многие суффиксы и аналитические формы прошедшего времени. Из четырех диалектов марийского языка (горного, северо-западного, лугового и восточного) наибольшее влияние татарского языка испытали луговой и восточный диалекты, причем это влияние обнаруживается как на фонетико-грамматическом, так и на лексико-семантическом уровне. В целом в марийском языке насчитывается до 4 тыс. слов татарского происхождения в различных лексических блоках. Это, например, лексика, связанная со свадебной обрядностью – арчи: свадебный поезд (в тат.яз.: арчи); аулаки – дом, где собирается молодежь на посиделки в отсутствие старших (также татарский термин); башкыда – сват и сваха (в тат. яз.: башкода); кайнеш – младший брат жены (кайнаш); калаш – новобрачная (кэлэш); кийау – зять (кияу); балдыз – свояченица (у татар – балдыз); бича – супруга (у татар бичэ); акча – женское украшение в свадебной одежде («деньги» у татар – акча). Имена многих марийских народных героев несут отпечаток тюркизма: Болтуш (от слова «балта» – топор), Ак патыр, Ак парс и т.д.¹⁰.

В татарском языке марийское влияние намного слабее, но тоже присутствует; исследователями выделено около 100 лексических единиц – мариизмов, в основном в говорах среднего диалекта татарского языка. Напри-

мер, в заказанском говоре среднего диалекта употребляются *алабай* – ромашка (непахучая) (тат. ала + мар. вуй «голова», «колос»); *бэлчэ* – кисть, гроздь, плодоножка, колос овса или проса (мар. велше «осыпавшийся»); *эцен* – сухожилие, пищевод (мар. г. шун «жила», «резинка», удм. сон «жила, сухожилие»); *лыбы* – сумка, сделанная из липовой коры (мар. лупо «куча хвороста, валежника»); *нэште* – слой красноватой глины (мар. нэнчэ «грязь, глина, ил»; ср. коми, няша «илистое отложение на лугах»); *онго* – кольцо серпа или косы (мар. онго «кольцо, петля», удм. угы «серьга»; ср. фин. onki «удочка»); *тэнкел* – стул, табуретка (мар. тенгыл «скамейка; шуйэк «шутник; обманщик» (мар.г. шая «речь», «молва», «рассказ», «предложение, краткое сообщение», «пустой разговор, вымысел», мар.л. шоя «небылица, вымысел», шояче «лгун, врун, лжец»); *шылан* – хвощ иловатый (мар. шылан, удм. шилан «хвощ болотный»); *ыштыр* – онуча, обмотка, портянка (мар. ыштыр, удм. ыштыр) и др. Необходимо отметить также активность употребления некоторых мариизмов в говорах крещеных татар: *бутыш*; *суржэ*; *шыльгыц* и др. Большое количество марийских заимствований употребляется также в периферийных (маргинальных) приуральских говорах среднего диалекта татарского языка: *мже*; *цугыл*; *цыбры*; *цийшаннац*; *лабра*; *лэпжэ*; *лытыш*; *нор*; *печтер*; *поший*; *терке*; *шэмкэ*, *шэмкэлек* и др. В говорах мишарского диалекта мариизмы встречаются реже¹¹.

Языковые контакты и языковая совместимость татар и марийцев способствовали успешному освоению ими языков друг друга. Краеведы и исследователи XIX в. отмечали факты свободного владения марийцами татарским языком. Как отметил краевед Н.А.Спасский, казанские марийцы знали и русский, и татарский языки, тогда как мамадышские – только татарский язык. «Не в меньшей степени, если не в большей степени, чем чу-

ваши, подвержены влиянию татар черемисы Казанской губернии: восточной части Царевококшайского уезда, Казанского и Мамадышского уездов, черемисы Бирского и Мензелинского уездов Уфимской губернии и частью Малмыжского уезда Вятской губернии. Черемисы означенных местностей очень близки с татарами и перенимают от них, вместе с языком, татарские обычаи и нравы. Многие черемисы носят татарские имена, стараются быть похожими на татар и по костюму, и считают для себя за величайшую честь, если их трудно отличить от татар. Речь черемиса этих местностей разнообразится татарскими словами, пословицами и прибаутками... В других местах Казанской губернии, хотя дело отатаривания черемис так далеко не зашло, но все же нужно сказать, что черемисы вышеупомянутых уездов значительно утратили свои национальные черты, и настолько освоились с татарскими обычаями, нравами и языком, что иногда совершенно невозможно бывает отличить их от татар»¹².

Языковые контакты татар и мари в XIX в. были подкреплены и тем обстоятельством, что именно в Казани была создана мари́йская письменность и получили образование многие мари́йские просветители. В 1817 г. архиепископ Амвросий (Протасов) предписал Казанскому академическому правлению составить алфавит и грамматику мари́йского языка. Священник А.Альбинский сделал попытку совершенствования алфавита и систематизированного изложения грамматики мари́йского языка. Его «Черемисская грамматика» вышла в свет в 1837 г. Заслуживает внимания то, что в своем сочинении он впервые в истории мари́йской письменности привел алфавит в полном виде. Первый букварь на мари́йском языке был составлен И.Кедровым и издан в Казани в 1867 г. В 1870 г. вышел букварь на луговом наречии, составленный Г.Яковлевым и переиздававшийся в 1873, 1892 гг. В 1892 г. в Казани были

изданы «Букварь для горных черемис» И.Удюрминского; С.Нурманского «Букварь для начального обучения черемисских детей русской грамоте» и т.д. Вторая половина XIX в. стала временем бурного развития письменности на мари́йском языке: с 1867 по 1905 г. было издано более 80 книг. В 1732 г. архиерейская школа была преобразована в духовную семинарию, которую в 1906 г. окончил первый ученый-мари́йский лингвист, фольклорист и этнограф В.М.Васильев. Учителей для мари́йских школ готовила Казанская центральная крещено-татарская школа, официально открытая Н.И. Ильминским в 1864 г., где мари́йцы, кроме прочего, обучались опыту перевода на родной язык¹³. В деле массового просвещения мари́йцев (как и удмуртов) значительную роль сыграли крещенные татары, которые назначались в качестве священнослужителей в их селения.

Влияние татар на мари́йцев прослеживалось в этноконтактных зонах в конфессиональной сфере. Еще Г.Миллер отмечал, что «некоторые из черемис держат магометанский закон и по рождении вскоре обрезаются: и сие может быть от того произошло, что как черемисы, так и прочие языческие народы, равно с магометанами, празднуют пятницу яко великий день в неделе, в которой они и никакой работы не отправляют. В сей день не служат у них никакой службы, и не знают причины, для чего они в пятницу паче прочих дней в неделе празднуют; и сие кажется мне таки мирское обыкновение, которое вошло к ним от их соседей татар»¹⁴. А П.Ерусланов писал в конце XIX в.: «Черемисы Уфимской губернии, вследствие долговременного совместного жительства с магометанами и скрытой неразборчивой в средствах пропаганды ислама, подверглись сильному влиянию магометанства. Ислам проникает во все стороны жизни черемис, вытесняя все самобытное, черемисско-языческое как во внешней бытовой обстановке, так рав-

но в религиозно-нравственных, правовых воззрениях и понятиях». Так, под влиянием ислама языческих жрецов луговые мари́йцы стали называть «картами» (тат. *карт* – старик), а восточные мари́йцы во второй половине XIX в. – «молами». У последних любая молитва начиналась с татарского возгласа «Бисмилла – Господи, благослови». До настоящего времени как обязательный атрибут сохранилась на голове у жреца – моллы шапка из белого войлока. Часть мари́йцев, проживавших в окружении татар и башкир, постепенно переходила в ислам. Прошения в Магометанское Духовное собрание с просьбами от мари́йцев-язычников о принятии ислама, как правило, поступали в двух случаях: при заключении смешанных браков с мусульманами или по причине фактической приверженности исламу¹⁵. В мари́йских селениях Татарстана сохранилось немало культовых мест, где в прошлом совершались моления и жертвоприношения различной иерархии. Например, хорошо сохранились мари́йские священные рощи в Кукморском районе¹⁶. По одной из версий, слово «кереметь» возникло в мари́йском язычестве под влиянием татар. В источниках встречаются упоминания о явлении духа кереметя в виде татарина; приношение мари́йцами жертвы кереметю по имени Султан (Солтан) и т.п. Влиянием ислама объясняется бытовавший до конца XIX в. у мари́йцев обычай праздновать пятницу вместо воскресенья¹⁷.

В дореволюционной литературе имеется немало свидетельств татарско-мари́йских культурных взаимодействий, в которых явно преобладали татарские компоненты. «У сих народов (мари и удмуртов. – Г.С.), – писал Г.Миллер на рубеже XVIII–XIX вв., – двory построены так, как и у татарских мужиков, и тем разнятся от деревенского строения русских мужиков; ибо у них нет черных изб, но над печами и очагами сделаны дымовые окошки и комли. В избах везде делаются у них, как и у татар, широкие лавки или

полки так, что поперек оных протянувшись человеку лежать можно, токмо оныя лавки не по всей избе шириной одинаковы»¹⁸.

В мари́йских избах сохранялись севернорусские традиции планировки: печь размещалась возле входной двери на рубленном основании, красный угол находился от нее по диагонали. В прикамских мари́йских избах, по свидетельству путешественников первой половины XIX в., наблюдались черты татаро-башкирского жилища. В большей степени это выразилось в наличии нар¹⁹. В татарском окружении мари́йская изба имела другой интерьер: печь со вмазанным котлом, широкие нары вдоль передней стены, занавес вместо кухонной перегородки, малые занавески на стенах и других частях жилища. Мари́йские деревни в западных и северных районах Башкортостана мало отличались от башкирских и татарских поселений. Однако по сравнению с последними они были сравнительно небольшими. Печь располагалась справа у входа и была повернута топкой к передней стене. Вдоль этой стены возвышались широкие нары. Небольшие нары были и слева от входа. В старых домах был ориентирован вход на юг.

Татарское влияние отмечалось и в мари́йской одежде, как мужской, так и женской. Штаны были такого же покроя, как чувашские и татарские, и держались на талии с помощью завязок. Жители деревень, расположенных вблизи татарских селений, носили круглые восточные шляпы с довольно широкими и загнутыми кверху полями, похожие на татарские. Рубахи восточных мари́йцев несколько отличались от рубах луговых и горных мари́йцев. Так, женские рубахи у них часто шились не только из белого холста, но и из пестряди, а рукава – из фабричных тканей. На покрое женской рубахи также отразилось влияние татар и башкир. Ее разрез обшивали дугообразно несколькими полосками цветной материи и разноцветными лентами, как у рубах татарских и башкирских женщин. Вос-

точные маришки также носили штаны, но шили их из пестряди на вздержке, как и их соседи, башкиры. У восточных маришек летние кафтаны напоминали башкирские и татарские камзолы; шили их в талию с клиньями, иногда без рукавов. Встречались кафтаны из белого, черного и зеленого сукна. Зеленые кафтаны являлись свадебной одеждой для невесты и свахи. Женский остроконечный головной убор *инашобычо* постепенно вышел из повседневного употребления и надевался только по большим праздникам, а в быту его чаще называли заимствованным у татар термином «шлык»²⁰.

В традиционном костюме маришцев присутствуют, как в башкирских и татарских костюмах, прямоспинные кафтаны с боковыми разрезами и штаны с широким шагом. В некоторых черемисских селениях Бирского у., например, в деревнях Черлак, Сахазь, Торгемдурь, все мужчины носили тюбетейки. У них даже установился обычай: во время свадьбы тесть в знак уважения дарит своему зятю парчовую тюбетейку. На новые формы одежды, головных уборов и обуви в основном переходили маришцы пригородных и притрактовых селений, занимавшиеся лесными и другими отхожими промыслами (зажиточная верхушка и, особенно, молодое поколение). Наряду с русской одеждой – рубашками-косоворотками и штанами из фабричных тканей, широкополыми шляпами, фуражками и картузами, шапками-ушанками и кубанками, сапогами «в гармошку» – среди маришцев стали распространяться татарские кафтаны и безрукавки, тюбетейки. Последние встречались у восточных маришцев. И в языке сохранилось немало слов-заимствований, связанных с костюмом и его деталями: *такия* – девичья шапка прибельских и приуфимских маришцев, *пешмет* – верхняя одежда, *чачкап* – шлемовидный убор наподобие *кашпау*, его надевали на белое покрывало (*тастар*).

Среди восточных мари получили распространение блины с кашей или

пюре внутри *кыстыви* (*кыстыбий*), пирог с начинкой из мяса и сала с крупой – *пальши* (*бәлеш*). На зиму запасали вяленую конскую колбасу (*казы*), делали айран (*йыра*). Еще Г.Миллер упоминал, что маришцы «великие охотники до лошадиного мяса, а напротив того по татарскому обыкновению свиней у себя не держат»²¹. Во время молений применялась только деревянная посуда, за исключением котлов, в которых варилось жертвенное мясо (в бульоне или в каше). В прошлом использовались также кожаные сосуды для хранения мяса и молочных продуктов, как у тюркских соседей. Так, еще в начале XX в. во время свадебного обряда в кожаную суму главы свадьбы укладывали по обычаю в качестве гостинцев для родни невесты обрядовые кушанья (хлеб, блины, творожный сыр, яичница-омлет). Через татар у мари получили распространение чай и ряд кисломолочных напитков²².

Исследователи обнаружили ряд особенностей в обрядах семейного цикла, заимствованных маришцами у татар. Так, у маришцев, наряду с распространением старинных маришских имен, были популярны татарские имена. Когда после умершей девочки вновь рождалась дочь, ей давали имя Алмашбика (Ташбика), чтобы девочка не умерла²³. Г.Миллер упоминал, что у маришцев «родители или вместо них ближние сродники девок даром замуж не выдают, но по татарскому обыкновению за вывод ее платит жених несколько денег... у черемис Олон называется... Как скоро жених придет в ту деревню, где живет невеста, то ездит... с дружкою несколько раз вокруг двора, причем дружка громким голосом по-татарски поздравляет: Солом малико!»²⁴. В свадебном обряде восточных мари отмечены такие элементы, как умыкание невесты (при традиционном заключении брака маришцами путем сватовства); наличие большого размера калыма и приданого невесты, часть которого выплачивалась скотом; добрачное посещение жени-

хом невесты; локализация некоторых кульминационных элементов свадьбы в доме невесты; обязательное одаривание невестой как своих родственников, так и родственников жениха; упрощение весьма значимой в традиционном свадебном обряде мари процедуры – смены головного убора невесты с девичьего на женский – и перенос ее в послесвадебный период; необычное для мари в целом явление послесвадебного цикла, при котором невеста после собственно свадьбы возвращалась в родительский дом, где ее имел право посещать муж, а в дом мужа переходила после передачи ее родителями оставшейся части приданого²⁵. В похоронно-поминальной обрядности марийцев татарским элементом считают «обычай похорон умерших в лубке в нишах *ляхет*, с головой, обращенной в сторону Каабы»²⁶. Место на маленьких нарах по-татарски у марийцев-язычников было почетным: здесь устанавливались свечи, выставлялось угощение для умерших во время семейно-родовых поминок.

Описывая культуру и быт черемис, Г.Миллер останавливается на их понятиях о месяцах и неделях: «Равным образом они не имеют никакого понятия о месяцах, однако недели они

знают, считая каждый по семи дней, и каждый день называют собственным именем, что они по большей части от татар приняли». Упомянул он и о марийских музыкальных инструментах: гусях – *кюсель* (считая термин заимствованным у татар – «гусли»), татарскую волынку (сурнай), по-черемисски «шюббер»²⁷. Татарско-марийские связи, безусловно, просматриваются в музыке (наличие пентатоники) и песенной поэзии. Каюм Насыри в своих трудах осветил вековую дружбу татар и марийцев. В 1900 г. была опубликована его статья «Сказки казанских татар и сопоставление их со сказками других народов», в которой им подробно освещаются и сказки народа мари. Татарский ученый воспользовался марийскими сказками, представленными ему известным марийским литератором-этнографом Т.Семеновым.

Таким образом, можно констатировать наличие веками формировавшихся между татарами и марийцами традиций добрососедства и сотрудничества. Трудно не согласиться с мнением, что исторические параллели дают основание говорить о социальной, этнокультурной и языковой совместимости этих народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Галимзянов А. Татаро-марийское родство и в языке, и в генах. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ayratgalim.narod.ru/stat/tatarmari.htm>. Дата обращения: 21.05.2012.

² Сенева Г.А. История расселения марийцев. – Йошкар-Ола, 2006. – С.126.

³ Арсланов Л.Ш. Марийский пласт в топонимии Елабужского района Татарской АССР. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elabuga.egpu.ru/nmzegpu/material/m1/arslanov4.aspx>. Дата обращения: 21.05.2012.

⁴ Баязитова Ф.С. Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bakalycbs.ru>. Дата обращения: 21.05.2012.

⁵ Галимзянов А. Татаро-марийское родство и в языке, и в генах. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ayratgalim.narod.ru/stat/tatarmari.htm>. Дата обращения: 21.05.2012.

⁶ Молотова Т.Л. Об особенностях культуры марийцев Татарстана // Музейный вестник. №5. – Йошкар-Ола, 2011. – С.172.

⁷ Саттаров Г.Ф. Финно-угорский пласт ойконимии Татарстана. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kls.ksu.ru/boduen/bodart_1.php?id=9&num=24000000. Дата обращения: 21.05.2012.

⁸ *Мухаметшин Ю.Г.* Материалы по истории деревень пермских татар. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://barda-perm.narod.ru/kitaplar/permtatar/prill1.htm>. Дата обращения: 21.05.2012.

⁹ *Миллер Г.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов яко то черемис, чуваш и вотяков. – СПб., 1791. – С.38.

¹⁰ *Галимзянов А.* Татаро-марийское родство и в языке, и в генах. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ayratgalim.narod.ru/stat/tatarmari.htm>. Дата обращения: 21.05.2012.

¹¹ *Насипов И.С.* Финно-угорские заимствования в татарском языке: синопсис и таксономия. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-filologiya/a279.php>. Дата обращения: 21.05.2012.

¹² Цит. по: *Хафизов Г.Г.* Братские узы народов Поволжья. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tatworld.ru/article.shtml?article=898§ion=0&heading=189>. Дата обращения: 21.05.2012.

¹³ *Исламов Ф., Баширова Н.* Татарско-марийские культурные и педагогические связи. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.tataroved.ru/publicat/fu_3.pdf. Дата обращения: 21.05.2012.

¹⁴ *Миллер Г.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов яко то черемис, чуваш и вотяков. – СПб., 1791. – С.53.

¹⁵ *Молотова Т.Л.* Религиозный фактор в сохранении идентичности восточных марийцев // *Этнографическое обозрение*. 2010. №6. С.86, 88.

¹⁶ *Молотова Т.Л.* Об особенностях культуры марийцев Татарстана // *Музейный вестник*. №5. – Йошкар-Ола, 2011. – С.171–183.

¹⁷ *Зеленева Г.С.* Исторический обзор межконфессиональных отношений в Марийском крае дореволюционного периода // *Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: Материалы Всерос. науч. конф. «Исторический опыт этноконфессионального взаимодействия в Среднем Поволжье и Приуралье (XVI – начало XX вв.)»*. Казань, 5–6 октября 2011 г. Вып. 2. – Казань, 2011. – С.325–330.

¹⁸ *Миллер Г.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов яко то черемис, чуваш и вотяков. – СПб., 1791. – С.19–20.

¹⁹ Быт населения Урала. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://protown.ru/information/hide/4706.html>. Дата обращения: 21.05.2012.

²⁰ Этнография марийского народа. – Йошкар-Ола, 2001. – С.66–79.

²¹ *Миллер Г.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов яко то черемис, чуваш и вотяков. – СПб., 1791. – С.34.

²² Этнография марийского народа. – Йошкар-Ола, 2001. – С.79–88.

²³ *Молотова Т.Л.* Об особенностях культуры марийцев Татарстана // *Музейный вестник*. №5. – Йошкар-Ола, 2011. – С.180.

²⁴ *Миллер Г.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов яко то черемис, чуваш и вотяков. – СПб., 1791. – С.80, 87.

²⁵ *Белевцова В.О.* Свадебная обрядность восточных марийцев в контексте межкультурного взаимодействия в Восточном Закамье // *Этнографическое обозрение*. 2010. №6. С.94–96.

²⁶ *Садиков Р.Р.* Взаимодействия в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья: история и современные тенденции развития // *Этнографическое обозрение*. 2010. № 6. С.14.

²⁷ *Миллер Г.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов яко то черемис, чуваш и вотяков. – СПб., 1791. – С.41, 91.

Аннотация

В статье на основе литературных источников рассматриваются основные направления взаимодействия ближайших соседей на Средней Волге – татар и марийцев. Показано, что давние контакты и общность исторических судеб привели к восприятию марийским населением значительного числа тюркских элементов в языке, материальном

быту (жилище, одежде, пище), духовной культуре (верования, обрядность, фольклор). На основании различных источников выявлены случаи ассимиляции (частичной и полной) марийцев татарами. Отмечено, что взаимодействие было обоюдным, и татары, в свою очередь, переняли ряд компонентов этнической культуры марийцев (в частности, в языке), а также являются наследниками марийцев в ряде мест их прежнего проживания.

Ключевые слова: Республика Татарстан, татары, марийцы, языки, культуры, конфессии, взаимодействие.

Summary

On the basis of literary sources the main directions of cooperation between neighbors in the Middle Volga – the Tatars and Mari are considered in the article. It is shown that long-standing contacts and common historical destinies brought to the Mari's perception of a significant number of Turkic elements in the language, the material life (housing, clothing, food), the spiritual culture (beliefs, rituals, folklore). Based on the various sources the cases of assimilation (partial or complete) of the Mari by the Tatars are identified. It is noted that the interaction was mutual, and the Tatars adopted a number of components of the ethnic culture of the Mari (especially in language), and are the heirs of the Mari in a number of places of their former residence.

Keywords: The republic of Tatarstan, Tatar, Mari, languages, cultures, religions, interaction.

УДК 271.2:2-76-051 (470.40/.43)

МИССИОНЕРСКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ СИСТЕМА Н.И. ИЛЬМИНСКОГО И НАРОДЫ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

*Л.А. Таймасов, доктор исторических наук,
Р.Р. Исхаков, кандидат исторических наук*

Вся многовековая история нерусских народов в составе царской России сопровождалась теми или иными мерами унификации поликонфессионального населения на основе христианских (русско-православных) ценностей. На территории Среднего Поволжья проходили апробацию многие новые миссионерские идеи, которые в последующем широко использовались для распространения и утверждения православия на восточных окраинах Российской империи и за ее пределами. В разные исторические эпохи менялись задачи, формы и методы работы православной миссии. Самодержавие в условиях масштабных перемен в многонациональном обществе продолжало рассматривать православие как важный фактор формирования общероссийской идентичности. Активизация православного миссионерства во второй половине XIX в. внесла существенные коррективы в характер и ход этнокультурных процессов в Среднем Поволжье. Каждая эпоха выдвигает своих героев. В истории православной миссии рассматриваемой эпохи особое место занимает Николай Иванович Ильминский (1822–1891), разработавший и внедривший в практику новую концепцию религиозного просветительства, известную как «система Ильминского».

Становление системы Ильминского было тесно связано с поиском государством оптимальных форм всеобщей и прочной интеграции местных народов в социальное, правовое и культурное

пространство империи. Другим важным фактором, сыгравшим важную роль в разработке новых подходов к миссионерской и школьной практике, принятии их в качестве одного из направлений официальной политики в регионе, стала необходимость выработать эффективные меры противодействия культурному и религиозному влиянию ислама. Рост «отпадений» от православия в мусульманство в первой половине XIX в., затронувший наряду с крещеными татарами представителей других нерусских народов края, проживавших в контактных зонах, несмотря на свой локальный характер, не мог не вызывать опасения у церковной и светской администрации, стремившейся сохранить доминирующее положение православия, которое могло нарушиться при дальнейшем территориальном расширении границ влияния ислама. Было санкционировано привлечение деятелей православной миссии к разработке новых методов борьбы с ростом влияния ислама, в 1856 г. в стенах КДА было создано специальное противомусульманское отделение. С 1840-х гг. казанские миссионеры стали активно заниматься изучением положения православия и ислама среди местных народов, научной разработкой новых подходов в своей деятельности, направленных на усиление влияния православия среди нерусских народностей, результатом чего и стала выработка новой просветительской идеологии Н.И.Ильминского. Во многом благодаря тому, что ее ав-

тор, создавая свою систему, полностью отказался от грубых форм русификации и христианизации, показавших полную неэффективность, учел социокультурные особенности нерусских народов, использовал их стремление к духовному и культурному развитию, его теоретические разработки оказались наиболее верным и последовательным путем к прочному и отнюдь не быстрому продвижению православной идеологии и русской культурной идентичности в среду нерусских народов Восточной России. С этим были связаны безоговорочная поддержка Н.И.Ильминского как на местном (попечитель КУО П.Д. Шестаков, архиепископ Казанский Антоний (Амфитеатров)), так и на высшем государственном уровне (министр народного просвещения, обер-прокурор Св.Синода Д.А.Толстой (1865–1880), обер-прокурор Св.Синода К.П.Победоносцев (1880–1905)), принятие его идей в начале 1870-х гг. в качестве основного направления школьной и религиозной политики имперского руководства в отношении крещеных нерусских народов региона.

Буржуазные реформы 1860-х гг. и некоторая демократизация общественной жизни в России пробудили у нерусских народов интерес к истории, культуре, образованию. Большое воздействие на развитие школьного дела оказала педагогическая система К.Д.Ушинского, в основе которой лежала идея народности. С учетом происходивших в стране социально-экономических процессов Н.И.Ильминский верно оценил этноконфессиональную ситуацию и предложил идеи обновления и развития «инородческого образования», послужившие основным каналом продвижения православия и русской культуры в среду нерусского населения. В 1864 г. Н.И.Ильминский писал, что среди крещеных народов пробудилось стремление к образованию. Он призывал воспользоваться этим движением: «направить его в свою сторону, доказать на

опыте превосходство нашего образования и нашей религиозности»¹. Считая, что школа влияет на «образ мысли», он ратовал за создание новой школы, которая не отталкивала бы крещеных, а была для них «понятной и притягательной». Предлагал осуществлять обучение в «инородческой школе» на родном языке, для чего считал «самым лучшим средством образовательные книги, полезные и назидательные для простого народа, изложить на собственном языке инородцев»². Утверждение нерусских народов в православии при помощи родного языка являлось, по мнению Н.И.Ильминского, первым этапом на пути их духовного обрусения. «Религиозное движение сердца несравненно сильнее и глубже возбуждается, когда христианские истины слышатся инородцами на языке родном, нежели на русском... Как скоро в инородцах утвердились посредством родного языка христианские понятия и правила, они уже обрусели», – утверждал он³. При этом как духовное обрусение представлялось не как превращение «инородцев» в русских, а духовное единение российских народов на основе православия.

Долгие размышления и опыт миссионеров привели Н.И.Ильминского к пониманию того, что привычные религиозные образы новокрещеных «составляют сущность их мышления и основу их нравственности»⁴. Он писал: «Простой человек мыслит и чувствует цельно, в одном органически последовательном направлении и дорожит своими какими ни на есть религиозными убеждениями, потому что он живет ими. Станем ли смотреть на инородцев свысока и попирают их понятия как глупость? Чтобы преподаваемые истины глубоко укоренились в сознании простолюдина, надобно войти в его мирозерцание, принять его понятия за данное и развивать их. Архаически простые и немногосложные понятия шаманствующих инородцев могут быть ассимилированы христианством...»⁵. Решение сложных

миссионерско-просветительских задач Н.И.Ильминский считал возможным только на основе родного языка. «Кто говорит с инородцем на их родном языке, – писал он, – того они легко понимают и могут убеждаться его доказательствами, потому что вместе со словами он употребляет их же элементы мысли»⁶. Н.И.Ильминский лаконично выразил основную суть своей системы в широкоизвестной триаде, сформулированной в его письме к К.П.Победоносцеву: «Мои снаряды – инородческие книги, инородческое богослужение, инородческий причт церковный со священником во главе»⁷.

Первым шагом в развитии новых подходов к миссионерской и просветительской практике стало открытие учебного заведения, взявшего на вооружение теоретические разработки Н.И.Ильминским. В 1863 г. первый православный деятель из крещеных татар и ученик Н.И.Ильминского Василий Тимофеевич Тимофеев начал обучать десятки кряшенских детей на татарском языке. В следующем году Казанская центральная крещено-татарская школа стараниями Н.И.Ильминского получила официальный статус. Она стала образцом, по которому стали создаваться подобные школы в других местах Казанской губ. и за ее пределами. После официального внедрения системы Ильминского преподавание в народной школе (одноклассной четырехлетней) на первом отделении (2 года) осуществлялось исключительно на родном языке, а русский язык изучался как учебный предмет. На втором отделении русский становился языком преподавания. Лучшие учителя нерусских народных школ, по Н.И.Ильминскому, – люди одной национальности с учениками. От русских учителей он требовал знания родного языка учащихся, использования его в учебно-воспитательной работе. Учебники, по мнению Ильминского, должны печататься на родном для учащихся языке с использованием русской графики. Он стремился при-

способить организационную структуру русских школ, формы и методы их учебной работы к национальным особенностям населения.

Несмотря на поддержку видных представителей политической элиты, система Ильминского всегда имела многочисленных оппонентов среди общественных деятелей и государственной бюрократии. Наиболее жесткое противостояние между сторонниками и противниками новых подходов развернулось во второй половине 1860-х гг. Острая дискуссия между противниками должна была дать ответ на вопрос, какими методами следует проводить интеграцию коренных народов Восточной России – путем культурно-языковой унификации или христианского просвещения. От решения этого вопроса во многом зависели векторы национальной политики государства и миссионерского движения РПЦ.

Одним из первых против внедрения системы выступило консервативно настроенное православное духовенство, оценившее попытки перевода богослужения на «инородческие» языки как принижение авторитета православия⁸. Их недовольство вызывало стремление сторонников новой системы привлечь в духовное сословие представителей местных народов, что приводило к ломке традиционной системы наследования приходов, способствовало росту конкуренции.

Обсуждение системы Ильминского, кроме чисто миссионерских вопросов, затрагивало проблему методики образования национальных меньшинств. Камнем преткновения стал вопрос обучения на родном языке. Даже друзья и сподвижники Николая Ивановича не всегда положительно относились к его педагогическим экспериментам. Так, Е.А.Малов, который долгие годы работал с Н.И.Ильминским и курировал КЦКТШ, был противником обучения крещеных татар на родном языке. В его дневнике есть любопытное замечание по данному вопросу: «Зачем при-

нуждать детей обучаться на татарском языке, когда родители желают, чтобы обучение производилось на русском? Надобно этому желанию родителей радоваться и поставить дело так, чтобы инородцы совершенно забыли свой язык, обрусели; иначе они всегда будут нам врагами»⁹.

Наряду с Н.И.Ильминским вопрос об образовании коренных народов Восточной России был поставлен председателем Буинского училищного совета священником А.И.Баратынским. В 1864 г. им были представлены в МНП две записки: «Проект об устройстве сельских училищ Буинского уезда» и «Записка о введении русского языка и русской грамотности в татарских училищах»¹⁰. А.И.Баратынский предлагал вести весь образовательный процесс в миссионерских школах на русском языке, считая, что с усвоением языка усваивается и народность. Развитие культуры и письменности у нерусских народов, по его мнению, могло привести к появлению у них интеллигенции, созданию культуры, а в конечном счете – к росту национального самосознания и «сепаратизма»¹¹. Само «искусственное усиление татарского элемента на восточной окраине России (посредством развития школьного образования), слияние различных инородческих групп в одну инородческую массу, даже при серьезном христианском просвещении», по мнению А.И.Баратынского, «никаким образом не могло быть желательным»¹².

Мнение А.И.Баратынского поддержали чиновники МНП во главе с членом ученого комитета, профессором Санкт-Петербургского университета В.В.Григорьевым. На внеочередном собрании комитета, состоявшемся 20 февраля 1867 г., большинство его членов высказалось против дальнейшего расширения применения системы Ильминского. По мнению чиновников, образование нерусских народов должно было стать основным каналом проведения политики по их русификации: «хотя преподавание может быть введе-

но с успехом лишь на том языке, который дети в состоянии понимать, но отсюда не следует, что языком преподавания в школе должен быть инородческий язык. Если допустить последнее и составить на этом языке особые книги, написанные русскими буквами... то это может послужить к пробуждению племенного самолюбия и уважения к своему языку, что нежелательно для русского правительства и общества»¹³. Как альтернативу идеям Н.И.Ильминского предлагалось использовать «обрусительные» методы воспитания, которые широко применялись на практике и до появления системы Ильминского и являлись ведущим направлением в педагогической деятельности среди нерусских народов империи. Широкое распространение эта методика получила на Кавказе, где она была введена в общую практику обучения в 1850-х гг. распоряжением попечителя Кавказского учебного округа барона Николаи. Предлагалось распространить этот опыт и на Среднее Поволжье, добавив в учебный план создаваемых «инородческих» училищ один дополнительный год, который будет направлен на изучение русского языка¹⁴.

Против такого решения открыто выступили члены казанского «Комитета по образованию инородцев» во главе с П.Д.Шестаковым, председателем училищного совета священником М.М.Зефировым, инспектором чувашских школ П.И.Золотницким, которые в начале 1868 г. представили в МНП особое мнение по данной проблеме.

Сложность и «высокий накал» дискуссии вокруг системы Ильминского, в которую были вовлечены многие государственные и общественные деятели, не имевшие непосредственного отношения к этой проблеме, были связаны также с тем, что она затрагивала важный вопрос, который обозначился в пореформенный период и был связан с ростом русского национального самосознания и поисками культурно-идеологических основ «русскости»:

что является ее важнейшей, основополагающей характеристикой в условиях модерных и секулярных изменений в обществе – принадлежность к культурно-языковой среде (владение русским языком) или православной конфессии? Оживленная литературная полемика сторонников первого подхода (редактор «Московских ведомостей» М.Н.Катков)¹⁵ и публицистов славянофильского направления (Ю.Ф.Самарин, И.С.Аксаков)¹⁶ вызвала широкое общественное обсуждение и имела важное значение для выработки государственного отношения к этому вопросу. Однозначная позиция Н.И.Ильминского и его сторонников, видевших в православии «краеугольный камень и русской народности, и русского государства», с восприятием которой «инородцы» в культурном и духовном плане становятся «русскими»¹⁷, не устраивала сторонников проведения курса на всеобщую культурно-языковую унификацию, представленных в МНП чиновниками, получившими управленческий опыт в Западном крае и на Кавказе*. Поляризация мнений среди деятелей народного просвещения и различие идеологических и концептуальных подходов вынудили руководство МНП пойти на широкое обсуждение этого сложного вопроса. Были собраны отзывы 36 училищных советов семи губерний с полиэтническим составом населения, вышедшие в 1869 г. отдельным изданием¹⁸. Собранные сведения стали предметом обсуждения расширенного собрания совета МНП, состоявшегося 8 февраля 1870 г. под председательством Д.А.Толстого, в присутствии попечителей Казанского и Одесского учебных округов.

Система Ильминского была официально признана основным методом обучения крещеных нерусского населения восточной окраины России. Несмо-

тря на позицию многочисленных противников применения родных языков в миссионерской и образовательной деятельности, восторжествовало мнение сторонников Н.И.Ильминского. Большая роль в этом принадлежала руководству Синода и МНП, сделавших ставку на усиление христианско-просветительской деятельности среди коренных народов региона посредством развития миссионерских школ с преподаванием на родном для учеников языке. Духовные и светские власти, понимая «опасность» широкого внедрения системы Н.И.Ильминского, которая могла привести к росту национального самосознания «инородцев», в то же время осознавали, что без ее применения нельзя рассчитывать на качественный сдвиг в утверждении их в православии и интеграции в русское культурно-цивилизационное пространство.

Применение системы Ильминского в школьной и миссионерской практике законодательно было закреплено в «Правилах о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» от 26 марта 1870 г.¹⁹ В них, в частности, отмечалось: «а) орудием первоначального обучения для каждого племени должно быть родное наречие его; б) учителя инородческих школ должны быть из среды соответствующих племени инородцев и притом хорошо знающие русский язык, или русские, владеющие соответствующим инородческим наречием... Учебными книгами служат буквари, необходимые молитвы, краткие рассказы из Священной истории Ветхого и Нового завета и религиозно-нравственные книги. Для облегчения инородцам перехода к изучению русского языка... книги печатаются на инородческом наречии русскими буквами, с переводами на русский язык или без перевода, за исключени-

* Одним из таких деятелей был творец политики деполонизации и насаждения «русского начала» в Западном крае, попечитель Виленского учебного округа (с 1868 г. член совета МНП) И.П.Корнилов [См.: РГИА, ф.970, оп.1, д.99].

ем, впрочем, молитвенников и вообще богослужебных книг, которые должны быть с переводами на русский язык»²⁰.

Совершенно другую образовательную модель предлагалось применить в отношении мусульманских народов. В этом вопросе оппоненты оказались солидарны. Понимая невозможность широкого использования христианского просвещения в деле продвижения «русских начал» среди представителей этого конфессионального сообщества, они предлагали всемерно развивать школы с преподаванием на русском языке, открывать русские классы при мусульманских конфессиональных учебных заведениях (мектебе и медресе), было запрещено открытие новых татарских школ без русских классов²¹.

Окончательное оформление система получила после создания в 1872 г. в Казани Учительской (инородческой) семинарии (КУС), директором которой был назначен Н.И.Ильминский. По мысли авторов проекта, семинария должна была способствовать «соединению инородческих племен с коренным русским народом путем (христианского) просвещения»²². В семинарии, представлявшей собой закрытое учебное заведение, обучались русские и представители коренных народов Среднего Поволжья. Большое количество русских должно было обеспечить прочное обрусение остальных учеников, привитие им православной традиции и культуры. При КУС были организованы четыре начальных училища (для чувашей, мордвы, удмуртов, мари), в которых проходили педагогическую практику семинаристы. Н.И.Ильминский оставался ее директором до своей кончины. При его участии были открыты Уфимско-Оренбургская татаро-башкирская (1872 г.), Бирская марийско-чувашская (1882 г.), Орско-Оренбургская казахская (1883 г.) учительские школы.

Н.И.Ильминский был одним из основателей миссионерского Братства святителя Гурия (1867 г.), он возгла-

вил его Переводческую комиссию. Необходимость «донести истины христианского вероучения на родном языке» привела к созданию алфавитов «бесписьменных» народов Восточной России на основе кириллической традиции. Эта работа проходила при активном участии казанских миссионеров во главе с Н.И.Ильминским, разработавшим теоретическую и научную базу составления новых алфавитов, переводов православных текстов на местные языки. Он делал переводы не только на татарский, но и чувашский, марийский, удмуртский и другие языки, которые осваивал удивительно быстро. Деятельность Н.И.Ильминского была направлена на «прочное сближение инородцев с коренным населением путем просвещения», под которым в первую очередь понималось православное христианство. Проповедуя Евангелие всем народам, он стремился приобщить нерусские народы к русской, а через нее и к общечеловеческой культуре и одновременно сделать доступными для русских культурные ценности других народов России. К переводческой деятельности он активно привлекал представителей зарождающейся национальной интеллигенции. Корректуру и доработку татарских переводов осуществляли В.Т.Тимофеев и ученики КЦКТШ, над марийскими работали Г.Я.Яковлев, И.М.Кедров, П.И.Ерусланов, над удмуртскими – К.Андреев, а с 1890-х гг. И.С.Михеев, над мордовскими – А.Ф.Юртов, М.Е.Евсеев и др. Благодаря развитию народного образования в региональной периодической печати стали чаще публиковаться произведения о культуре и религии поволжских народов, активизировалась работа по составлению переводов текстов Св. Писания.

Основные принципы педагогической системы Ильминского, изложенные им в ряде сочинений, заключались в следующем: 1) обучение детей на родных языках; создание комплексов учебных пособий – букварей,

книг для чтения, учебников арифметики, Закона Божия – на родных языках; 2) изучение русского языка как одного из основных предметов на родном языке с использованием качественных учебников, отдельных для каждого народа; к концу четырехлетней начальной школы учащиеся должны изучить русский язык в таком объеме, «чтобы быть способными дальше учиться на русском языке»; 3) высокие требования к учителям, которых он предлагал готовить из лиц той же национальности или лиц, свободно владеющих языком учащихся и являющихся православными; 4) огромное значение Ильминский придавал обучению девочек, вопреки российским законам считая возможным совместное обучение юношей и девушек в средних и высших учебных заведениях. Миссионерские начальные школы, по мнению просветителя, должны были взять на себя некоторые семейные функции, так как «инородческая» семья не могла дать христианского воспитания. Система Н.И.Ильминского противопоставляла традиционному языческому или мусульманскому воспитанию в семье христианское воспитание в школе. Поэтому в процессе обучения должны были непременно учитываться национальные традиции, обычаи, образ жизни, психология данной народности. Учителями должны были быть люди, хорошо владевшие языком учащихся, но лучше всего – представители той же народности, знавшие русский язык. Первоначальное обучение предлагалось вести на родном языке с одновременным изучением русского языка, только после достаточного его усвоения детьми все преподавание должно было переводиться на русский язык. По замыслу Н.И.Ильминского программа воспитания и обучения в школах должна была носить исключительно религиозно-миссионерский характер. Он откровенно заявлял, что добивается развития религиозного чувства, а не ума, стремится, чтобы ученик, прежде всего, «набрался христи-

анского духа, уразумел догмы православия»²³.

Наряду с педагогической, не менее значимой составляющей системы Ильминского был ее церковно-миссионерский аспект – применение родного языка в богослужбной практике, привлечение в духовное сословие представителей местных народов, которые наряду с учителями-миссионерами должны были стать опорой церкви в среде не укрепившегося в православии населения. Сам Н.И.Ильминский особо подчеркивал, что глубокое проникновение христианства в сознание «инородцев» было возможно лишь при условии, когда они начали бы понимать его внутреннее содержание, могли полноценно участвовать в религиозной жизни прихода. Для этого было необходимо сделать доступным богослужение, перевести его на понятный для прихожан язык. Главным реализатором реформы церковной жизни в национальных приходах должен был стать духовный пастырь, знавший язык прихожан, могущий вести на нем миссионерскую и просветительскую деятельность. При этом наиболее подходящей кандидатурой на этой должности, по мнению Н.И.Ильминского, было лицо той же национальности, что и его паства, так как «кроме знания языка, весьма важно еще племенное сродство в лицах, на которых возможно будет удовлетворять духовным, т.е. умственным, нравственным и церковно-христианским потребностям народа. Русские священники и учителя поэтому, даже при отличном знании языка, не могут так успешно действовать на инородческое население, как природные инородцы»²⁴.

Законодательно право назначать представителей местных нерусских народов в священники было закреплено в 1867 г., когда по инициативе Н.И.Ильминского Д.А.Толстым было внесено в Синод предложение о назначении в крещено-татарские приходы священников из числа их соплеменников. Синод согласился с мнени-

ем обер-прокурора, разрешив указом от 19 июля 1867 г. комплектовать церковный причт национальных приходов за счет воспитанников миссионерских школ при следующих условиях: зрелый возраст (не менее 30 лет) кандидата, знание основных догматов православной веры, церковного богослужения, русского языка²⁵. Позднее, указом Синода от 15 января 1883 г., было официально разрешено «совершение богослужения на языках нерусских народов Восточной России», de facto ставшее широко внедряться в миссионерскую практику казанскими и алтайскими миссионерами в конце 1860-х гг. В этом законодательном акте указывалась сфера применения нерусских языков в церковном богослужении: а) «где есть более или менее значительное число» представителей крещеных нерусских народов, допускать церковное богослужение, общественное и частное на их родном языке; б) при богослужении «должны быть употребляемы переводы Переводческой комиссии» ПМО при Братстве св. Гурия, при этом разрешались временно и рукописные тексты, одобренные ею; в) если при богослужении присутствуют русские, оно должно совершаться как на «кинородческом», так и на русском языке²⁶.

Постепенно благодаря стараниям Н.И.Ильминского и его сторонников нерусские языки стали шире применяться в церковной практике, увеличивалось количество национальных православных духовных лиц. В частности, в 1904 г. в Казанской епархии служило 68 священников из числа представителей нерусских народов, что составляло 9,1 % от общего количества священнослужителей по этой епархии²⁷. Для представителей зарождающейся в регионе национальной интеллигенции (кроме татар-мусульман и башкир), благодаря внедрению системы Ильминского, РПЦ стала одним из «социальных лифтов», позволявших им повысить свой статус в обществе, образовательный уровень и улучшить

свое материальное благосостояние. Деятельность большинства представителей национальной интеллигенции, особенно второй половины XIX в., была тесно связана с православной церковью. Многие из них начинали свой путь в стенах созданных православными миссионерами учебных заведений, где получали первоначальное образование в христианском духе, впоследствии сами становились учителями конфессиональных учебных заведений и посвящали свою жизнь культурному и религиозному просвещению соплеменников и, наконец, переходили в духовное сословие. Наиболее талантливые и деятельные лица из чувашей, мари, удмуртов, крещеных татар, мордвы получили «дорогу в жизнь», смогли реализовать себя в деле образования и просвещения соплеменников, сформировали интеллектуальную элиту нерусских народов. В их лице православные миссионеры получили энергичных деятелей христианского просвещения. Благодаря системе Ильминского христианство и институты РПЦ стали важнейшими факторами культурной мобилизации крещеных нерусских народов; на основе православных ценностей формировались основы их «высокой» культуры, литературной традиции. Из числа первых воспитанников и сподвижников Н.И. Ильминского сформировались лидеры национального православно-миссионерского движения: И.Я.Яковлева и Д.Ф.Филимонова из чувашей, А.Ф.Юртова и М.Е. Евсеева из мордвы, С.Чавайна и В.М.Васильева из марийцев, Г.Е. Верещагина, К.Андреева из удмуртов, В.Т.Тимофеева из крещеных татар и т.д. Это была сильная команда профессионалов, считавших себя учениками Н.И.Ильминского и ставших наиболее активными защитниками его идей.

В последние годы в исторической науке, прежде всего среди зарубежных авторов, развернулась дискуссия вокруг таких понятий, как «ассимиляция», «обрусение», «русификация»²⁸.

Большинство авторов склонны рассматривать обрусение нерусских народов как процесс сложный, противоречивый, требующий изучения внутренних механизмов его динамики. Как заметил А.Каппелер, «обобщающее понятие «русификация» не в силах раскрыть все аспекты сложной действительности...»²⁹. В этом вопросе он солидарен с М.Славинским, считающим, что имперская политика в национальном вопросе так же «пестра и многообразна в своих проявлениях», как само население этой империи «пестро и многообразно». Привести это многообразие в последовательную систему, а тем более в некое единство невозможно, ибо такого единства в действительности просто не существует. «Обрусение» Н.И.Ильминский рассматривал как изменение конфессиональной ориентации нерусских народов, восприятие ими православия, языка, а затем и обычаев русских. Только в далекой перспективе он видел этнокультурное единение православных народов. Будучи противником жестких сиюминутных мер, которые, по его мнению, никогда не приводили к успеху, он настаивал на духовном обрусении, чем, видимо, притягивал к себе лидеров зарождавшейся национальной интеллигенции и духовенства. И.Я.Яковлев вспоминал, что Николай Иванович в первую же неделю их знакомства дал ему прочесть свое письмо министру народного просвещения и обер-прокурору Синода графу Д.А.Толстому, в котором говорилось, что «русским инородцам надо привить все то хорошее, что есть у русских, сохранив у них все их хорошее, историческое, национальное»³⁰. Однако попечитель Казанского учебного округа П.Д.Шестаков отговорил Ильминского посылать письмо, чтобы не раздражать Д.А.Толстого, так как в среде высокопоставленных чиновников в то время были сильны русификаторские идеи прямого насаждения православия, русского языка и культуры. Важное значение при формировании толерантных

отношений Н.И.Ильминский придавал совместному обучению детей. В КУС совместно обучались дети разных народов Волго-Уральского региона. За годы директорства Н.И.Ильминского ее окончили 554 чел., из них русских было 332 чел., представителей других народов – 222 (56 татар, 68 чувашей, 47 марийцев, 12 удмуртов, 30 мордвин, 2 калмыка, 4 алтайца)³¹. В семинарии стремились воспитывать учащихся в духе гуманизма и высокой нравственности. Большое внимание преподавательский коллектив уделял межэтническим отношениям среди учащихся. Опыт работы КУС широко использовался в других учебных заведениях. Например, И.Я.Яковлев практиковал совместное обучение чувашей с русскими и мордвой, считая, что это позволяет ученикам быстрее усвоить языки и культуру других народов. В сочинениях И.Я.Яковлева можно найти много примеров сотрудничества чувашей, русских и представителей других национальностей в решении просветительских задач.

Н.И.Ильминский считал необходимым добиться внутреннего религиозного перерождения нерусского человека: «Мы обрусение понимаем глубже. Мы берем русского человека в идеале, и этот идеал стараемся усвоить инородцам. Русский идеал есть – по преимуществу – православие, вот почему на православии мы и настаиваем. Коль скоро инородец усвоил себе православие сознательно и убежденно, умом и сердцем, он уже обрусел»³². В то же время не следует забывать, что обрусение нерусских народов во второй половине XIX – начале XX вв. зависело не только и не столько от применения более или менее эффективных форм и методов христианского просвещения, сколько от происходивших в стране масштабных социально-экономических преобразований, которые ломали патриархальные устои, разрушали монолитность крестьянского общества, втягивали его в новые экономические и культур-

ные контакты. Справедливо замечание А.Каппелера о том, что «унификация требовала внедрения русского языка в систему управления и образования, что ставило нерусских в невыгодное положение по отношению к «государственному народу»³³.

«Обрусевший инородец» ставился на более высокую социокультурную ступень как своими соплеменниками, так и представителями других народов, поэтому стремление к «обрусению» многие крещеные нерусской национальности воспринимали как прогрессивное явление. Однако следует добавить, что русский язык в условиях буржуазной модернизации все более становился средством межнационального общения. Сама жизнь заставляла российские народы учить и осваивать русский язык и русскую культуру.

Таким образом, Н.И.Ильминский создал миссионерско-просветительскую систему, которую следует рассматривать как результат многолетних поисков наиболее оптимальных форм и методов воздействия на религиозное сознание «киноверческого» населения, вектор конфессиональной ориентации крещеного нерусского населения. Теоретик просветительского миссионерства внедрял свои идеи в практику через созданные им миссионерско-просветительские институты: КЦКТШ, КУС, Братство св. Гурия с сетью миссионерских школ.

Деятельность Н.И.Ильминского воспринималась неоднозначно. Становление и утверждение миссионерско-просветительской системы происходили в ожесточенных баталиях. Несмотря на нападки «справа» и «слева», система Н.И.Ильминского действовала вплоть до революции 1917 г., в чем, несомненно, следует видеть ее достаточную основательность.

Разброс мнений о системе Н.И.Ильминского в наши дни обусловлен объективными и субъективными факторами: политической конъюнктурой, идеологическими установками, этноконфессиональными пристрастиями авторов и т.д. Например, в совет-

ское время освещение деятельности Н.И.Ильминского и его миссионерско-просветительской системы было негативным, хотя идеологи народного образования, подчас сами того не ведая, пользовались его идеями. Мусульмане Волго-Уральского региона справедливо критикуют систему Ильминского, так как она была направлена против ислама и во многом способствовала расколу татарского этноса по конфессиональному принципу, сужала его этнокультурную сферу. Приверженцы традиционных верований столь же категоричны в своих оценках: они обвиняют Н.И.Ильминского и его соратников в разрушении традиционной религии, национальной культуры «языческих» народов. Русские патриоты обвиняют Н.И.Ильминского в порождении сепаратизма и антирусского национализма. Чувство глубокой благодарности к миссионеру-просветителю сохраняет православное население региона, считающее, что его идеи и деятельность позволили нерусским народам сблизиться с русскими, усвоить достижения христианской и мировой цивилизации, создать свою письменность, профессиональную культуру. Н.И.Ильминский действовал в рамках идеологии, моральных, нравственных и этических норм своего времени ради прогресса всех российских народов, на который у него был свой взгляд. Обрусение крещеных народов он воспринимал как духовное единение на основе православной общности и рассматривал его как неизбежный и прогрессивный процесс.

Несмотря на антимусульманскую направленность, система Н.И. Ильминского оказала позитивное воздействие на этнокультурную мобилизацию татар. Некоторые элементы просветительской системы использовались в обновлении мусульманского образования, а затем в советской школьной системе. Выравнивание образовательного, культурного уровня российских народов, несомненно, следует рассматривать как важный фактор межкультурного диалога.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Ильминский Н.И.* Еще о школе для первоначального обучения детей крещеных татар // Православное обозрение. 1865. Т.XVI. С.89.
- ² *Ильминский Н.И.* Еще о школе для первоначального обучения детей крещеных татар // Православное обозрение. 1865. Т.XVI. С.7.
- ³ *Знаменский П.В.* На память о Н.И. Ильминском. К двадцатипятилетию Братства святителя Гурия. – Казань, 1892. – С.204.
- ⁴ *Ильминский Н.И.* Материалы для истории христианского просвещения татар. – Казань, 1864. – С.30.
- ⁵ *Ильминский Н.И.* Материалы для истории христианского просвещения татар. – Казань, 1864. – С.8.
- ⁶ *Ильминский Н.И.* Материалы для истории христианского просвещения татар. – Казань, 1864. – С.8.
- ⁷ Письма Н.И. Ильминского к обер-прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву. – Казань, 1898. – С.178.
- ⁸ *Григорьев А.Н.* Христианизация нерусских народностей как один из методов национальной политики царизма в Татарии. Со второй половины XVI в. до февраля 1918 года // Отдельный оттиск из сб. ст. «Материалы по истории Татарии». – Казань, 1948. – С.263.
- ⁹ *Малов Е.А.* Крестом и мечом. Дневник миссионера // Идель. 1993. №5–7. С.41.
- ¹⁰ РГИА, ф.733, оп.170, д.143, л.1–28 об.
- ¹¹ Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. – СПб., 1869. – С.16.
- ¹² Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. – СПб., 1869. – С.15.
- ¹³ НА РТ, ф.10, оп.2, д.1119, л.138.
- ¹⁴ *Исхакова Р.Р.* Педагогическое образование в Казанской губернии в середине XIX – начале XX в. – Казань, 2001. – С.170.
- ¹⁵ Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1866. – М., 1897.
- ¹⁶ *Самарин Ю.Ф.* Статьи. Воспоминания. Письма / Сост. Т.А. Медовичева. – М., 1997.
- ¹⁷ *Ильминский Н.И.* Из переписки по вопросу о применении русского алфавита к инородческим языкам. – Казань, 1883. – С.34.
- ¹⁸ Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. – СПб., 1869.
- ¹⁹ Свод главнейших законоположений и распоряжений о начальных народных училищах и учительских семинариях. Ч.1. – СПб., 1882. – С.42–45.
- ²⁰ НА РТ, ф.92, оп.1, д.9940, л.57 об.–58.
- ²¹ НА РТ, ф.92, оп.1, д.10464, л.1.
- ²² *Воронец Е.* Казанская учительская семинария по отношению к местному населению // Отдельный оттиск без библиографических данных. 1873. – С.319.
- ²³ *Яковлев И.Я.* Моя жизнь. – М., 1998. – С.301.
- ²⁴ *Машанов М.А.* Обзор деятельности Братства св. Гурия за двадцать пять лет его существования (1867–1892 гг.). – Казань, 1892. – С.174.
- ²⁵ РГИА, ф.797, оп.36, отд.2, д.251, л.17–20 об.; Извлечения из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода за 1866 год. – СПб., 1867. – С.46–47.
- ²⁶ О церковном богослужении на инородческих языках // Отдельный оттиск из «Православного собеседника» за март 1883 г. – Казань, 1883. – С.14–15.
- ²⁷ *Бобровников Н.А.* Инородческое духовенство и богослужение на инородческих языках в Казанской епархии // Православный собеседник. 1905. Ч.2. – С.178.
- ²⁸ *Мацузато К.* Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу. (Рукопись.) С.5.
- ²⁹ *Кантелер А.* Россия – многонациональная империя. – М., 2000. – С.204.

³⁰ Яковлев И.Я. Моя жизнь. – М., 1998. – С.179.

³¹ Беззубов В.И. Научно-педагогическая деятельность М.Е.Евсевьева. Саранск, 1960. – С.23; Рогачев В.И. Истоки (К проблеме историко-культурного и филологического наследия М.Е.Евсевьева). – Саранск, 2002. – С.28–29.

³² Знаменский П.В. На память о Н.И. Ильминском. К двадцатипятилетию Братства святителя Гурия. – Казань, 1892. – С.204; Денисов П.В. Религиозные верования чувашей. – Чебоксары, 1959. –С.302.

³³ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. – М., 2000. – С.204.

Аннотация

Статья посвящена истории становления и развития миссионерско-просветительской системы Н.И.Ильминского во второй половине XIX – начале XX в. В работе предпринята попытка анализа роли данной религиозно-просветительской идеологии в развитии культуры местных нерусских народов Волго-Уральского региона, укреплении у них православной конфессиональной идентичности. Авторы отмечают неоднозначный характер деятельности православных миссионеров и их роли в развитии национальной политики имперского руководства в отношении нерусского населения Восточной России. В то же время подчеркивают важную роль Н.И. Ильминского и его сторонников в становлении литературной традиции, образования и просвещения местных народов, формировании у них прослойки национальной интеллигенции, создании начальной школы с обучением на родном языке.

Ключевые слова: просвещение и христианизация народов Волго-Уралья, межконфессиональные отношения, история образования, национальная политика.

Summary

The article is devoted to the history and development of missionary educational system of N.I.Ilminsky in the second half of the XIX – the beginning of the XX centuries. In the given article the attempt is made to analyze the role of the religious and educational ideology in the cultural development of local non-Russian peoples of the Volga-Ural region, strengthen their Orthodox religious identity. The authors note the ambiguous nature of the activity of the Orthodox missionaries and their role in the development of the national policy of the imperial management concerning non-Russian population of Eastern Russia. At the same time they emphasize the important role of the N. Ilminsky and his supporters in the development of the literary tradition, and education of local peoples, the formation of the layer of the national intelligentsia, the establishment of the primary school with teaching the same language.

Keywords: Education and the Christianization of the peoples of the Volga-Ural region, inter-religious relations, history of education, national policy.

УДК 94

ЛАШМАНЫ

И.З. Файзрахманов, кандидат исторических наук

Составной частью жителей казенной деревни являлись лашманы. Появление социальной группы лашман связано с деятельностью Петра I по созданию военно-морского флота России. Судостроительная верфь, основанная Петром I в 1718 г. в Казани, успешно развивалась. С 1722 по 1829 г. в Казанском адмиралтействе (упразднено в 1831 г.) было построено 342 судна различной величины, в том числе 7 бомбардирских кораблей, 12 гребных фрегатов, 24 катера, 57 баркасов и т.д.

Подготовка строительных материалов для строительства судов в Казанском адмиралтействе и для других верфей была возложена на группы сельского податного сословия в Волго-Камье – бывших мурз и служилых татар. Термин «лашман» (нижненемецкое наречие от *laschen* – обрубать, обтесывать, обдeldывать и *mann* – человек) на русский язык переводится как «человек, занимающийся обрубкой, обтесыванием, обделкой дерева»¹.

Управление лашманами по всем вопросам, не касавшимся лесозаготовительных работ, осуществлялось через губернские и уездные органы управления и суда, низшим звеном которого выступали органы крестьянского самоуправления. Двойное подчинение лашман Казанскому адмиралтейству и местным властям продолжалось с небольшими перерывами до 1817 г.

«Положением о лашманах и их повинностях по заготовлению и хранению корабельных лесов» от 25 августа 1817 г. корабельные леса страны оказались в ведении трех правлений, соответственно количеству окру-

гов: Северного, Низового и Балтийского. Лашманы 8 губерний² во всем, что касается корабельной работы, поступали в ведение Правления Низового округа (подчинялось Морскому министерству), а в остальном – подведомственны губернской администрации. Были учреждены лашманские волости. Правление Низового округа корабельных лесов находилось в Казани, в Адмиралтейской слободе³.

Система крестьянского самоуправления лашман была как в казенной деревне.

Динамика численности и расселение. В течение первой половины XIX в. количество лашман неоднократно изменялось как в сторону увеличения, так и уменьшения. По данным V ревизии, в 1795 г. их численность составила 112357 чел.⁴. Для уменьшения дальних переходов и переездов лашман от мест жительства на места вырубок с 1800 г. на заготовку и вывозку корабельных лесов было определено еще 609664 ясачных крестьянина, преимущественно татар, чувашей, мордвы, марийцев и удмуртов⁵. По VI ревизии (1811 г.) всех приписных к адмиралтейству работников насчитывалось всего 943139 душ м.п., в т.ч. 133192 служилых татарина⁶.

«Положением» 1817 г. численность лашман была сокращена почти в 8 раз, до 120 тыс. чел.⁷. Территория, на которой проживали лашманы, была ограничена 32 уездами 8 губерний. В Казанской губ. проживала почти половина лесозаготовщиков. В 1821 г. к лашманской повинности были приписаны еще 15832 служилых татарина Саратовской губ., что было вызвано необ-

ходимостью охраны корабельных лесов этой губернии⁸.

Лишнее число лашман от ревизии к ревизии зачисляли в государственные крестьяне. Так, по VIII ревизии (1834 г.) их оказалось 160460 душ, из которых в 1837 г. «лишних» 40324 души было перечислено в удельные (11361 чел. по Симбирской губ.) и казенные (28963 чел. по другим губерниям) крестьяне⁹.

По IX ревизии в 1850 г. число лашман оказалось 146798 душ, которых по «Положению» 7 августа 1856 г. снова сократили до установленного в 1817 г. количества¹⁰ (см. табл.).

Лашманская повинность. Лашманы были обязаны производить работы в корабельных лесах в порядке феодалной повинности: заготавливать корабельные деревья «сколько когда потребуется по нарядам, заниматься рубкой, обделкой, вывозкой из лесов к пристаням и на поляны», а также мачтовые сосны, штуки (деревянные заготовки) для артиллерии и строительный лес для адмиралтейских построек¹².

Работы по заготовке корабельного леса были сопряжены с многочисленными трудностями: это и проживание зимой в лесах, и опасности при срубке и свалке деревьев. Рубка и вывозка огромных кряжей, прокладывание дорог для вывозки леса (т.н. «сабанные дороги») требовали большого напряжения и недюжинных сил от работника. Рубить нужно было самые толстые

и крепкие деревья – вековые дубы, сосны, ясень, клен и др. Это делало работу лесорубов еще более тяжелой. При рубке им приходилось обходиться одним топором – пилы не были распространены. На работах гибли люди и лошади. В большинстве случаев лашманы проводили ночь в шалашах из древесных ветвей. Конные работники в продолжение суток имели не более 7 часов свободного времени для кормления и отдыха лошадей¹³.

В первой половине XIX в. работа лашман делалась все более трудоемкой, т.к. с сокращением количества корабельных деревьев усложнялись их прииск, рубка и вывозка. Среднее расстояние от мест вырубок и до пристаней, куда надо было вывозить корабельный лес, увеличилось до 51 версты, сама перевозка деревьев уже производилась на расстоянии от 25 до 250 верст¹⁴. Из-за отдаления мест вырубок от мест жительства лашманам приходилось преодолевать расстояния в 300–500 верст. По «Положению» 1799 г. пешие лашманы должны были заготавливать леса вместо прежних двух рабочих месяцев (октябрь, ноябрь), в которых за вычетом праздников выходило всего 46 рабочих дней, в течение 60 полноценных рабочих дней, т.е. с 1 октября по 18 декабря¹⁵. Чтобы обеспечить флот необходимым количеством корабельного леса, было ужесточено нормирование труда: за

Численность лашман, определенных к заготовке и вывозке корабельных лесов по «Положению» от 25 августа 1817 г.¹¹

№	Губернии	Лашманы (душ м.п.)			
		Общее число (1821 г.)	в %	Общее число (1856 г.)	в %
1	Казанская	57850	48,1	59589	49,6
2	Нижегородская	8631	7,2	9427	7,8
3	Симбирская	27550	23	29966	24,9
4	Вятская	6173	5,1	10719	8,9
5	Пензенская	3967	3,2	2916	2,4
6	Саратовская	2722	2,6	–	
7	Оренбургская	1172	1	–	
8	Тамбовская	11925	9,8	7597	6,4
	Итого	119990	100	120214	100

день конный работник должен был доставить бревно весом до 15–18 пудов на расстояние в 25 верст. Двум пешим работникам устанавливался норматив за день срубить и очистить не менее 10 бревен длиной в 4 сажени. За невыполнение норм могли не только понизить плату, но и вообще не заплатить¹⁶. Обычно при начале вывозки (в декабре и до середины января) каждой лошадей ежедневно могло вывозиться до 12 и 13, иногда до 14 пудов. С середины января обессилевшие лошади едва вывозили по 8–10 пудов в день¹⁷.

«Положением» 1817 г. в два раза, по сравнению с 1799 г., была увеличена плата: при выполнении нормы пешим лашманам в день полагалось по 40 копеек на человека, конным – по 80 коп., была также санкционирована практика найма на работу вместо себя, получившая широкое распространение¹⁸.

Непосредственно на лесозаготовительные работы лашманские селения обязаны были выставлять в среднем в год по 8 тыс. работников, мужчин в возрасте от 18 до 55 лет. По исчислению 1817 г. ежегодный наряд для пеших лашман в среднем составлял 2576 чел.¹⁹.

В 1818–1843 гг. пешие лашманы в среднем составляли 28%, а конные – 72% от общего числа работников²⁰. Таким образом, число конных лашманов, по сравнению с XVIII в., когда их численность была примерно равна пешим работникам, имело тенденцию к увеличению, что объяснялось отдалением мест заготовок корабельного леса от пристаней.

Распространенными были случаи самовольного ухода от работ конных лашман, что часто вызывалось недостатком кормов для лошадей. Комиссионеры нередко сами отпускали лашман по домам до окончания работ за определенную плату, которая достигала 6–12 руб. с человека. При этом часть лашман под названием ямщиков, чьими лошадьми комиссионеры пользовались для переездов, были свободны от корабельных работ. За такую

льготу комиссионер брал с них денежный побор в размере 15–17 руб.²¹.

Налоги. Лашманы боролись за облегчение своего положения и за полную отмену своей повинности. Письменным выражением их нужд были челобитные, в которых они просили облегчить их положение вплоть до полного освобождения от лесозаготовок²². Как верно подметил А.В.Клеянкин, «вся история лашманов – это история их непрестанной борьбы против «лашманства»²³.

Система оплаты лашманского труда в XIX в. не претерпела больших изменений. Все суммы, определяемые на выдачу лашманам, засчитывались в подати с них в казну. Помощь государства в обеспечении лашман лошадьми, продовольствием, кормом для лошадей была минимальной²⁴.

Были предприняты попытки изменить способ оплаты труда лашман, что было вызвано все большим накоплением недоимок в казну²⁵. Основными причинами накопления недоимок были: недостаток земельных наделов, низкие урожаи хлеба, упадок цен на крестьянские изделия, которыми они занимались, карантинные меры по случаю холеры²⁶.

В первой половине XIX в. власти попробовали вместо прежних зачетов в подати выплачивать реальный заработок, а налоги взыскивать обычным порядком. Однако у новой системы оказалось немало изъянов²⁷.

Нами подсчитано, что за период с 1818 по 1843 г. собственные издержки лашман во время работ превысили засчитываемую им в подати зарплату в 7 раз²⁸. Расходы пешего лашмана шли на одежду и обувь, на 2 топора с починками и наварками, на свое содержание во время работ и во время переходов, каждый не менее 19 руб. 17 коп. Траты конного лашмана за сезон работ составляли 59 рублей 60 копеек²⁹.

В отличие от губерний, входящих в Низовый округ корабельных лесов, в Балтийском, Северном округах, Западных и Остзейских губерниях, где так-

же производились заготовка и доставка к пристаням корабельных лесов, все работы производились наймом. Учитывая близость этих губерний к Петербургу и Архангельску, доставка лесов от пристаней к верфям обходилась на порядок дешевле, чем доставка из губерний Низового округа. За 1836–1845 гг., в течение 10 лет, по Низовому округу лашманам за вырубку и вывозку корабельных лесов к рекам было заплачено 335248 рублей, доставка лесов к портам обошлась в сумму 1643715 рублей (соотношение примерно 1 к 5). По Балтийскому, Северному округам, Западным и Остзейским губерниям это соотношение было примерно 1 к 1,4³⁰. Следовательно, одной из основных причин продолжения существования принудительного лашманского труда в губерниях Низового округа является нежелание правительства нести дополнительные расходы при заготовке и вывозке к пристаням корабельных лесов.

Таким образом, несмотря на ряд предпринимаемых правительством

мер по улучшению положения лашман, сущность их работы – его принудительный характер – так и не изменилась. Улучшения носили ограниченный характер: их эффективность падала вследствие большого количества злоупотреблений в отношении лашман. Выполняя заготовку, первичную обработку и вывозку до пристаней корабельных лесов, лашманы сыграли важнейшую роль в создании флота России. 28 марта 1860 г. последовал указ о переводе лашман в разряд государственных крестьян³¹. Основной причиной отказа российского правительства от лашманского труда была сложившаяся в стране социально-экономическая ситуация, характеризовавшаяся ростом рынка наемной рабочей силы и т.п. элементов капиталистического развития, при которых сохранение прежних крепостнических институтов государства, таких как лашманство, было невозможно. С этого времени заготовки корабельного леса стали осуществляться наймом.

Сокращения

РГА ВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота
 ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
 РГИА – Российский государственный исторический архив

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ основополагающим документом системы заготовок корабельного леса был указ от 31 января 1718 г., по которому нерусское служилое население Казанской, Нижегородской, Воронежской губерний и Симбирского уезда было приписано к адмиралтейству. (См. ПСЗ. – Собр. 1-е. – СПб., 1830. – Т.5. – № 3149).

² Казанская, Нижегородская, Симбирская, Вятская, Пензенская, Саратовская, Оренбургская и Тамбовская губернии.

³ ПСЗ-1, т.44, ч.1, с.109–110.

⁴ ПСЗ-1, т.24, № 17772.

⁵ По Нижегородской губ. – 13308 душ м.п., по Вятской – 143804, по Симбирской – 94551, по Казанской – 219083, по Саратовской – 47969, по Оренбургской – 90949). (См. ПСЗ-1, т.25, № 19224).

⁶ РГА ВМФ, ф.159, оп.1, д.24, л.47 об.–50.

⁷ ПСЗ-1, т.34, № 27023.

⁸ ПСЗ-1, т.37, № 28791.

⁹ РГИА, ф.383, оп.30, д.416, л.45–45 об.

¹⁰ *Вешняков В.И.* Исторический обзор происхождения разных названий государственных крестьян // Журнал Министерства государственных имуществ, 1857, № 4, с.33.

¹¹ РГА ВМФ, ф.159, оп.1, д.26, л.317–320; РГИА, ф.383, оп.22, д.32226, л.28..

¹² ПСЗ-1, т.34, № 27023.

¹³ РГА ВМФ, ф.159, оп.1, д.411, л.80.

¹⁴ РГА ВМФ, ф.159, оп.1, д.411, л.63 об., 65 об.

¹⁵ ПСЗ-1, т.25, №19224.

¹⁶ ПСЗ-1, т.25, №19224.

¹⁷ РГА ВМФ, ф.159, оп.1, д.411, л.76 об.–77.

¹⁸ ПСЗ-1, т.34, №27023.

¹⁹ Для лучшей организации работ лашманы делились на 6 партий: 4 партии (2000 чел.) находились на заготовлении лесов, одна партия (336 чел.) занималась обделкой деревьев на полянах, и еще одна партия распиловщиков (240 чел.) распиливала и готовила к отпуску корабельный лес. (См. ПСЗ-1, т.44, ч.1, с.109–110). Около 5,5 тыс. конных лашман ежегодно работали на вывозке корабельных лесов.

²⁰ РГА ВМФ, ф.159, оп.1, д.411, л.73 об.

²¹ РГИА, ф.383, оп.22, д.32226, л.5–5 об.

²² *Гилязов И.А.* Татарское население Среднего Поволжья во второй половине XVIII века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – 1982. – С.167.

²³ *Клеянкин А.В.* Лашманы // Вопросы истории, 1978, № 6. – С.213.

²⁴ РГА ВМФ, ф.159, оп.1, д.411, л.59 об. –60.

²⁵ В 1832 г. в 7 губерниях, входящих в Низовый округ корабельных лесов, состояло 117707 лашман, с которых ежегодно на выплату государственных податей причиталось 1596000 рублей. За прежние годы у них накопилось недоимок на сумму 1076700 рублей.

²⁶ РГИА, ф.560, оп.1, д.809, л.8–9.

²⁷ РГИА, ф.560, оп.1, д.809, л.3–4.

²⁸ РГИА, ф.383, оп.22, д.32226, л.12 об.

²⁹ РГА ВМФ, ф.159, оп.1, д.411, л.71–72.

³⁰ РГА ВМФ, ф.159, оп.1, д.689, л.111 об.–112.

³¹ ПСЗ-2, т.35, ч.1, №35611.

Аннотация

В данной статье изучается социально-экономическое положение лашман – одной из категорий казенных крестьян, основной обязанностью которых была заготовка корабельного леса для нужд Казанского и Санкт-Петербургского адмиралтейств. Автор рассматривает систему управления этой группой государственных крестьян, динамику численности и их расселение, основные обязанности и налоги, систему оплаты лашманского труда. Внимание акцентируется на том, что лашманская работа носила принудительный характер.

Ключевые слова: Казанское адмиралтейство, лашманы, система заготовок корабельного леса, формы организации труда, судостроительная промышленность.

Summary

In this article the author considers the social and economical position of so-called «lashmans» – one of the categories of government peasants. Their main duty was wood harvesting for Kazan and Saint-Petersburg Admiralties. The author investigates the control system of this specific group of government peasants, their population changes and settlement, main duties and taxes, remuneration of labour. The core accent of this article is on the forced nature of their work.

Key words: Kazan Admiralty, lashmans, wood harvesting, forms of work organization, shipbuilding industry.

УДК 930.2

ИСТОРИЯ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ (1920–1950-е гг.)

*Б.Л. Хамидуллин, кандидат исторических наук,
И.Л. Измайлов, кандидат исторических наук,
Б.И. Измайлов, кандидат исторических наук*

Становление советской историографии: труды Н.Н. Фирсова и М.Г. Худякова

Провозглашенное большевиками после Октябрьской революции 1917 г. право наций на самоопределение, создание национально-территориальных автономий и национальных республик активизировали интерес ученых и широкой общественности к истории отдельных народов бывшей Российской империи. Изменение концептуальных основ отечественной исторической науки и утверждение марксистской методологии в исследованиях историков привели к появлению работ, в которых делались попытки качественно нового подхода к изучению истории. Впервые это нашло отражение в трудах действительного члена АН СССР (с 1929 г.) Михаила Николаевича Покровского (1868–1932). Он выступил с критикой концепций исторического развития, созданных дореволюционными российскими историками, в первую очередь – представителями «государственной школы». Историческая основа для его работ, как и трудов его последователей, был социологический подход с преувеличенным вниманием («приматом») к социально-экономическим факторам, выступавшим определяющими по отношению к явлениям политического и культурного плана. Данный подход, который стал активно внедряться в Советском Союзе в 1920-е гг., дал метод, который

позволил историкам от изучения фактов политической истории перейти к пониманию механизмов функционирования общества.

Попытка дать общий очерк развития истории России с марксистских позиций привела М.Н.Покровского к необходимости критического пересмотра многих положений дворянских и буржуазных историков. Он, в частности, резко выступил против базовой теории «государственной школы» – «борьбы леса со степью». М.Н.Покровский подверг критике всех исследователей, в трудах которых так или иначе была отражена эта теория – С.М.Соловьева, Б.Н.Чичерина, В.О.Ключевского и др. Основным выводом, сформулированный им, заключался в том, что борьбы «леса» со «степью» в истории России не было. Возникновение этой теории у целого поколения русских историков он связывал со стремлением «доказать, что государство в России не было созданием господствующих классов и орудием угнетения всей остальной народной массы», исключить из исторического процесса элементы классовой борьбы, подменив их показом т.н. классовой солидарности, проявившейся в борьбе с внешним врагом. При этом М.Н.Покровский не отрицал факта борьбы восточных славян с кочевыми племенами. Большую роль в его теории играли и вульгарно социологические схемы – теория «торгового капитала» и существования различных «партий» в средневековом обществе –

«боярской», «дворянской», «торговой» и т.д. Одновременно, следуя за работами В.И.Ленина, ученый развивал взгляд на Россию как на «тюрьму народов», государство, ведшее захватническую колониальную политику. Антиимпериалистический и интернационалистический пафос его работ требовал пересмотра истории формирования империи и историй народов, в нее входивших. Взгляды М.Н.Покровского оказали огромное влияние на многих российских историков 20–30-х гг. XX в., открыли новое направление в отечественной историографии.

Исследователи, занимавшиеся историей Поволжья, не могли не откликнуться на эти новые тенденции, тем более что многие из них (например, вопросы колонизации Поволжья) были в фокусе их интересов уже довольно давно. В 1921 г. выходит работа Н.Н.Фирсова «Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья». Не со всеми выводами автора можно сейчас согласиться. Вызывают возражения отдельные датировки и объяснения событий. Помимо вынужденной идеологической предвзятости, присущей работам гуманитарного профиля начала 1920-х гг., причина неточностей кроется в крайней скудности источниковых материалов исследования. Работа Н.Н.Фирсова, к сожалению, в основном базируется на методологических штампах квазимарксистского подхода. В частности, он, давая характеристику социально-экономического строя Казанского ханства, следовал в русле социологизаторских идей и «классового подхода». По сути дела, это было некое введение в новую концепцию истории Поволжья.

Вместе с тем нельзя не отметить и стремление автора объективно подойти к раскрытию истории татарского народа и отойти от подходов прежней «государственной» школы. В предисловии к своей книге Н.Н.Фирсов пишет о политической подоплеке своей работы в связи с «вопросом о самоопределении народностей и об автоно-

мии отдельных частей России»¹. Он отмечает, что «истинное право на автономию политическую может дать лишь прошлое области, ее история»². Однако знание истории татарского народа для него не было самоцелью, а являлось лишь необходимым дополнением истории целого, т.е. Советской России. В этой связи Н.Н.Фирсов указывал, что «специальное изучение истории Поволжья тем более необходимо, что эта область имела исключительное значение в процессе создания и развития великорусского государства»³.

Образование Казанского ханства Н.Н.Фирсов считал следствием и результатом распада Золотой Орды, в которой шла внутренняя политическая борьба. Падение авторитета Орды дало, по мнению Н.Н.Фирсова, толчок к развитию самостоятельной жизни в Среднем Поволжье, на территории «Болгарского царства». Продолжая историографическую традицию, он связывал выдвижение Казани на историческую сцену с разрушением г. Булгара в 1361 г. Он считал, что Старая Казань не сыграла выдающейся роли в жизни Поволжья, т.к. ее заслонял своим могуществом Булгар, и потому постепенно теряла свое значение. Н.Н.Фирсов, повторяя датировку С.М.Шпилевского, относил основание г. Старая Казань к 1290–1298 гг., а Новой Казани – к 1394–1402 гг. На основе информации «Казанской истории» Н.Н.Фирсов пытался показать «факт преемственности между Волжской Болгарией и Казанским ханством, которое явилось наследником Болгарии в обладании населением и городами обширного края, входившего в его состав»⁴. При этом им выдвигалась версия о том, что переход наследия от булгар к татарам начался в период более ранний, чем основание Новой Казани. Он писал, что «процесс ассимиляции высшего болгарского слоя с высшим татарским слоем закончился еще до разрушения Булгара Булат-Тимуром, значит, – до так называемого «второго зачатия» Казанского царства»⁵. Осно-

вателем Казанского ханства во второй раз был «ордынский изгнанник» Улуг-Мухаммед, «истинный восстановитель Булгарского государства»⁶. Соглашаясь с мнением предшественников о запустении Казани, Н.Н.Фирсов пишет, что в Казань стало собираться разнородное население. Сюда, по его мнению, перекочевал и «булгарский коммерческий класс», который возродил булгарские торговые традиции. Это событие автор относил к 30-м гг. XV в., когда уже существовала Новая Казань. Н.Н.Фирсов тем самым подчеркивал, что Улуг-Мухаммеду пришлось Казань «не основывать, а восстанавливать, организуя разнородное население Волжско-Камского края вокруг этого города»⁷. Ученый приходил к выводу, что «Казанское царство со стороны состава населения было ничем иным, как восстановлением болгарского царства, но только с новой столицей и с новым правительственным слоем, который, будучи татарского происхождения, задолго еще до этого воспринял болгарскую культуру»⁸.

В книгах «Чтения по истории...» и «Прошлое Татарии» Н.Н.Фирсов подробно останавливается на политическом и социальном строе Казанского ханства. Рассуждая о политическом строе Казанского ханства, ученый подчеркивает, что сюда Улуг-Мухаммед перенес «военное устройство по образцу Золотой Орды и Крымской»⁹.

Падение Казанского ханства Фирсов связывал, в соответствии с теорией торгового капитала, с экономическим упадком развития этого государства. По его мнению, московская колонизация перекрыла торговую артерию на севере и тем самым закрыла доступ к международной торговле для Казанского ханства. Этот момент Н.Н.Фирсов считал ключевым для судьбы Восточной Европы. Московский торговый капитал старался полностью монополизировать в своих руках всю волжскую коммерцию и поэтому начал борьбу с Казанским ханством под лозунгом освобождения

русских пленных из мусульманского плена. Казанский же торговый капитал не был однородным по своей сути, т.к. каждая политическая партия преследовала свои экономические интересы. Эта внутренняя борьба в ханстве, по мнению Н.Н.Фирсова, сильно ослабила государство, чем и воспользовались московские правители. На решающей стадии борьбы между двумя торговыми капиталами большую роль в пользу Москвы сыграли два фактора: значительный человеческий ресурс и превосходство в военном деле. «Независимая коммерческая Казань, – подводил итог Н.Н.Фирсов, – перестала существовать, несмотря на то воодушевление, которое сумело вызвать в последнюю минуту в ее защитниках мусульманское духовенство: порох и научное умение пользоваться им в международной борьбе оказались сильнее религии»¹⁰.

Особой вехой в изучении Казанского ханства стал выход в 1923 г. фундаментального труда молодого историка Михаила Георгиевича Худякова (1894–1936)¹¹ «Очерки по истории Казанского ханства». Опубликованный в первые годы советской власти, когда идеологическое давление на науку было не так сильно, как в последующем, но идеи марксизма уже активно внедрялись в историографию, он представлял собой попытку создания новой концептуальной модели изучения этого средневекового татарского государства. Можно сказать, что монография М.Г.Худякова являла собой первое действительно подробное и цельное изложение истории Казанского ханства.

При исследовании истории Казанского ханства М.Г.Худяковым использовалось огромное количество письменных, археологических, фольклорных и этнографических источников. Приоритет отдавался, в первую очередь, письменным документам. Ученый активно использовал сведения восточных источников – из татарских источников М.Г.Худяковым отмеча-

ются ханские ярлыки и «Изложение болгарской истории» Хисамуддина бин Шарафеддина Муслими, составленное в конце XVIII в. (исследователь считал, что это произведение было написано в середине XVI в.). Среди русских письменных источников им выделяются Воскресенская, Никоновская и II Софийская летописи, «Царственная книга», «История князя великого Московского» А.М.Курбского, среди европейских – «Записки о Московии» С.Герберштейна. «Казанскую историю» он считал «очень ярко написанным литературным произведением, преломляющим исторические события сквозь призму тенденциозной фантазии»¹², автор которого «нагромождает нелепые вымыслы один на другой, стараясь намеренно поразить читателей зверством татар и смакуя смешные и нередко скабрзные подробности, сочиненные им же самим»¹³. Археологическими источниками, которые активно использовались М.Г.Худяковым, были надгробные плиты, развалины архитектурных сооружений, находки бытовых предметов. Большое внимание М.Г.Худяков уделял и этнографическим источникам, к которым, в частности, относил памятники развития языка, «бытовые понятия», предания, «остатки обычного права», народные обычаи и обряды.

Написанная М.Г.Худяковым книга разрешила не все проблемы истории Казанского ханства, поскольку, как он сам указывал, многое осталось неясным и ему самому. Это было связано как с уровнем исторических знаний того времени, так и со слабо разработанной источниковой базой. Квазимарксистский подход, который разрабатывался школой академика М.Н.Покровского, у М.Г.Худякова принял вид упрощенного социологизма при подходе к сложным общественным проблемам и также привел к ряду искажений в объяснении событий истории. В частности, им была поддержана и развита мысль Г.И.Перетятковича о существовании в Казанском ханстве

двух «политических партий». Одна из этих партий – «московская», по его мнению, старалась приспособиться к давлению со стороны внешних врагов и выработать формы совместного симбиоза, сначала – в виде союза, затем – в виде унии Казанского ханства и Русского государства, другая – «крымская» старалась вести решительную и агрессивную политику по отношению к внешним врагам. М.Г.Худяковым борьба этих двух политических течений внутри Казанского ханства рассматривалась как эволюция политической мысли и рост государственного самосознания¹⁴.

М.Г.Худяков считал, что Казанское ханство, «представлявшее собою крайний северо-западный угол обширного татарского мира»¹⁵, возникло на основе болгарского населения, но имело своеобразное развитие. Исследователь писал: «Сочетание старинного населения с военной организацией государства, принесенной извне, сложный узел экономических отношений, международный товарообмен, рабовладельческое хозяйство и хищническая эксплуатация природных богатств» составили «своеобразный уголок восточной культуры в пределах Европы, заслуживающий большого внимания»¹⁶. Основным населением Казанского ханства М.Г.Худяков считал потомков «древних болгар», создавших в Среднем Поволжье могущественную государственную организацию. Причиной переселения болгар из коренных областей проживания на северную сторону р. Камы он считал разрушение и опустошение в 1361 г. г. Булгара и других городов Булгарии ханом Булат-Тимуром. С этим перемещением земледельческого населения М.Г.Худяков связывал появление нового торгового и культурного центра – Казани. Ученый соглашался с выводами татарского историка Г.Ахмерова о том, что потомки болгарского народа продолжали существовать в составе казанских татар. Благодаря этой болгарской основе, писал М.Г.Худяков, «Казанское го-

сударство выступило на поприще исторической жизни сразу уже в виде зрелого организма с прочно сложившимся бытовым и культурным укладом; оно совершенно не знало стадии постепенного формирования, и это явление может быть объяснено лишь древностью его населения и преемственностью культуры и расы»¹⁷.

Основателем Казанского ханства М.Г.Худяков считал хана Улуг-Мухаммеда, «внука Тохтамыша и сына Сарайского хана Джеляльуддина», в 1436 г. лишившегося золотоордынского престола и изгнанного из Сарая. После долгих скитаний по степным районам Поволжья Улуг-Мухаммед, по мнению ученого, решил отторгнуть от Улуса Джучи часть его владений и основать новое ханство. М.Г.Худяков пишет, что целью Улуг-Мухаммеда было «восстановление самостоятельного мусульманского государства в Среднем Поволжье, каким было Болгарское царство»¹⁸. Избрание Улуг-Мухаммедом столицей нового государства г. Казани, а не г. Булгара М.Г.Худяков объясняет экономическим и политическим упадком последнего. Захват Казани и возникновение самостоятельного ханства исследователь относит к 1437 г., вступая при этом в полемику с В.В.Вельяминовым-Зерновым, который относил это событие к 1445 г. и считал основателем ханства сына Улуг-Мухаммеда – Махмутека. Убийство хана Улуг-Мухаммеда Махмутеком М.Г.Худяков считал выдумкой автора «Казанской истории»: «зная приемы повествования «Казанского Летописца», легко признать в этом сообщении об убийстве Махмудом отца одну из многочисленных выдумок автора»¹⁹. Сам М.Г.Худяков исчезновение имени Улуг-Мухаммеда со страниц русских летописей объяснял естественной смертью хана, т.к. тот был пожилого возраста.

Как и некоторые другие историки, М.Г.Худяков, ссылаясь на данные археологии, считал, что ко времени «занятия» Улуг-Мухаммедом Казань

была уже крупным торговым и политическим центром Поволжья. Историк отрицал «намеки русских летописей» на то, что «Улу Мухаммед взял Казань силою и овладел городом лишь после убийства правившего там местного князя»²⁰. М.Г.Худяков также считал, что хан Улуг-Мухаммед, утвердившись в Среднем Поволжье, хотел «восстановить господство свое над Россией и заставить Московского великого князя платить дань по-прежнему ему, а не Сарайскому хану»²¹. Ученый писал, что «план основания Казанского ханства можно назвать гениальным, потому что хан Мухаммед понял особенность древнего культурного местного населения, и, задумавши восстановить мусульманское государство в Среднем Поволжье, правильно оценил шансы на его прочное существование»²². «Военный талант и организаторский гений основателя Казанского ханства, – отмечал М.Г.Худяков, – дали ему возможность поставить величие государства сразу на должную высоту и достигнуть такой полноты верховенства над Россией, которая заставила считаться с Казанью более, чем с ханством Сарайским. Всем этим государство казанских татар было обязано Улуг-Мухаммеду»²³.

Само Казанское ханство рассматривается М.Г.Худяковым, в противовес предыдущей историографии, не как слаборазвитое, заранее обреченное на крах государственное образование, а как могучее и цивилизованное государство. «Государственный организм, – писал М.Г.Худяков, – возникший посредством прививки сильной военной власти к основе местной старинной культуры, сразу выступил во всеоружии своей мощи и имел все шансы на долгое существование, но дальнейшее экономическое развитие Восточной Европы сложилось не в его пользу»²⁴. М.Г.Худяков даже указывал, что Казанское ханство находилось в более устойчивом состоянии, с давно сложившимися экономическими отношениями, в отличие от слабой на началь-

ном этапе своего развития Москвы. При этом исследователь отмечал положительное взаимовлияние татарской и русской культур: «Если влияние татарской культуры на русскую не приходится отрицать, то русские историки не могут пройти без внимания мимо истории Казанского ханства, с которым Русское государство было связано наиболее тесными узами»²⁵.

Далее в своей работе М.Г.Худяков очень детально рассматривает внешние, а также внутренние административные и этнические границы Казанского ханства, его внешнюю и внутреннюю политику (в т.ч. «Эпоху русского протектората. 1487–1521 гг.» и «Эпоху национального возрождения. 1521–1550 гг.»), социально-политическое устройство Казанского государства, культурное влияние татар на Россию, географию г. Казани и зодчество казанских татар.

Падение Казанского ханства М.Г.Худяков связывает с экономическими причинами. «Причина завоевания Казанского ханства со стороны России, – пишет он, – коренилась именно в экономических, торговых сношениях: одно государство стремилось завладеть рынком, товарами и капиталами государства другого, и борьба была решена в пользу той стороны, которая оказалась сильнее»²⁶. Само противостояние русских с казанцами он предлагает рассматривать в русле борьбы за Поволжье, где завоевание Казанского ханства – лишь один из ее этапов. По мнению М.Г.Худякова, Казанское ханство не смогло выдержать экономической конкуренции с Русью по нескольким причинам: во-первых, на всем протяжении своего существования Казанское государство занимало одну и ту же территорию, в то время как Русское государство непрерывно расширялось, тем самым увеличивая свой производственный потенциал; во-вторых, Москва отрезала Казань от пушного рынка на севере, и теперь сама играла решающую роль в торговле; в-третьих, ослаблению Казанско-

го государства способствовал консервативный олигархический строй, который не развивал, в достаточной мере, военное дело²⁷. Причины столь большой разницы в развитии М.Г.Худяков искал в расовых особенностях славянского и татарского населения: «Причины застоя могли быть чисто биологическими и объясняться расовыми признаками болгаро-татар»²⁸. В то время как «сформировавшаяся народность великороссов развивала свою деятельность весьма интенсивно», население Казанского ханства переживало застой, который был свойственен в то время всему «азиатскому Востоку»²⁹.

Таким образом, мы видим, что содержание «Очерков...» М.Г.Худякова соответствовало духу своего времени, когда шел процесс активного восстановления татарской культуры и духовности, а в российской гуманитарной науке господствовали интернационалистические, антиимперские подходы к прошлому своей страны. М.Г.Худяков, в отличие от прежних представителей традиционных антитатарских концепций, попытался написать объективную историю Казанского ханства. Хотя сам ученый отмечал, что эта книга написана лишь для привлечения внимания знатоков и специалистов к данному предмету исторических исследований, она остается до сих пор во многом непревзойденной.

Работа М.Г. Худякова получила широкий резонанс в научной среде. В частности, практически сразу же после ее выхода была опубликована рецензия, написанная С.И.Порфирьевым³⁰. Он крайне негативно и тенденциозно оценил «Очерки по истории Казанского ханства», даже не взяв на себя труд «читать книгу г. Худякова целиком...»³¹. Критика сводилась к двум вещам: во-первых, С.И.Порфирьев считал необоснованным пренебрежение М.Г.Худякова работами своих предшественников, занимавшихся историей Казанского ханства, во-вторых, он обвинял М.Г.Худякова в том, что тот очень вольно обращается с данными

источников³². Если первое замечание, на наш взгляд, было вызвано скорее желанием «осадить» молодого ученого, чем реальным положением дел, то второе являлось отчасти справедливым, т.к. в некоторых местах своей работы М.Г.Худяков действительно давал неверные отсылки на письменные источники, в частности – на летописи.

Отдельно отметим, что кроме широко известных в настоящее время «Очерков...» М.Г.Худяковым был написан и целый ряд научных статей по различным аспектам истории, археологии и этнографии тюркских и финно-угорских народов Поволжья и Приуралья, в частности, отражающих духовную и хозяйственную жизнь этих народов в рамках Казанского ханства³³.

К сожалению, уже на рубеже 20–30-х гг. XX в. процесс создания национальных историй был прерван. Истории народов страны постепенно «растворились» в единой «истории СССР». Большинство объективно мыслящих историков было обвинено в «буржуазном национализме» и подвергнуто репрессиям...

Татарская историография 1920-х гг.

Крупнейшим татарским историком 20–30-х гг. XX в. по праву считается Газиз Салихович Губайдуллин (Г.Газиз) (1887–1937)³⁴. Он был одним из первых европейски образованных татарских интеллигентов и являлся первым профессором из татар. В 1909 г. Г.С.Губайдуллин поступает на юридический факультет Казанского университета, но через год по совету профессоров М.М.Хвостова и Н.Н.Фирсова переходит на историческое отделение. В 1916 г. он окончил Казанский университет с дипломом первой степени. Большую роль на взгляды Г.Газиза оказали профессора Н.Н.Фирсов и Н.Ф.Катанов, под руководством которых он занимался еще будучи студентом, а потом и в годы учебы в аспирантуре университета.

Наиболее полно и четко исторические воззрения Г.С.Губайдуллина отражены в его книге «Татар тарихы» («История татар», 1922), которая несколько раз переиздавалась и дополнялась новыми данными. Впоследствии точка зрения на историю Казанского ханства у ученого несколько менялась³⁵ – это было связано с усилением советского идеологического давления на науку.

Г.С.Губайдуллин следовал в русле идей М.Н.Покровского, несомненно, не без влияния Н.Н.Фирсова, и рассматривал историю с позиции теории торгового капитала. Как писал сам историк: «Историю всех народов определяет экономическая жизнь. Она есть причина многих, если не всех, явлений жизни. Поэтому изучение истории татар должно сопровождаться исследованием экономического развития»³⁶. Большую роль в истории Г.С.Губайдуллин придавал торговым путям, поэтому в его концепции истории важную роль играли представления о Среднем Поволжье как месте пересечения этих торговых путей, где происходил обмен товарами между Европой и Азией. Г.С.Губайдуллин считал, что за обладание этим ключевым торговым пунктом и шла постоянная борьба между государствами Восточной Европы. Сначала им владели поочередно Хазарский каганат, Волжская Булгария, Золотая Орда, затем Казанское ханство. Г.С.Губайдуллин связывал возникновение Казанского ханства с потерей городами Булгарии прежнего экономического и стратегического значения. Падение Булгарии, по его мнению, напрямую связано с ослаблением Золотой Орды. Сама же Золотая Орда, на его взгляд, стала «жертвой» глобальных изменений в экономике и политике всей Европы, которые были связаны с открытием новых торговых путей мореходами Португалии и Испании. Немаловажное значение имели и захват турками Константинополя и Босфора, а также разгром эмиром Тимуром городов Поволжья. В результате всех этих событий появля-

ется новый центр края Старая Казань. Г.С.Губайдуллин делает вывод, что «наш край до образования Казанского ханства управлялся из этого центра», а сам этот период он называл «промежуточным»³⁷.

Образование Казанского ханства татарский историк относил к 1438 г., когда Улуг-Мухаммед, понимавший значение волжского торгового пути, сумел на территории бывшей Волжской Булгарии организовать новое государство. Г.С.Губайдуллин указывал на сходство этих двух государств, даже границы Казанского ханства он соотносил с Булгарским государством: с запада – река Сура, с востока – Уральские горы, с юга – Самарская Лука, с севера – Вятские области. Интересна позиция Г.С.Губайдуллина относительно населения ханства. Он писал, что народ ханства, в большинстве своем оседлый, не был моноэтническим: основную его массу составляли тюрки татары, которые пришли из Золотой Орды (правители которой происходили из племени «кара татар») и дали свое имя «всем туркам [тюркам], живущим в этой области»³⁸, а остальное население было разнородным – сюда входили болгары, марийцы и чуваша. В этой связи проблема происхождения современного татарского народа решилась им довольно просто. «Вот эти, – писал Г.С.Губайдуллин, – представители разных этнических элементов, проживая более столетия в обстановке политического равноправия [подчеркнуто нами], варились в одном котле, обогащаясь культурой друг друга и, в конечном счете, превратились в дружеских и братских народов, которые впоследствии создали Татарскую республику»³⁹.

Социальный строй Казанского ханства, по мнению ученого, «остался тот же, что был в золотоордынскую эпоху Болгарского ханства, но с более развитым оттенком феодализма»⁴⁰. Он указывал на монархическое правление в ханстве, но отмечал, что после смерти третьего хана Халила уси-

ливается власть аристократии, которая все чаще и чаще вмешивается в политические дела государства. Поэтому Г.С.Губайдуллин приходит к выводу, что «Казанское ханство, формально возглавляемое суверенным ханом, фактически управлялось светскими и духовными феодалами, военным классом помещичьей аристократии»⁴¹ и во многом повторяло и копировало государственное устройство Золотой Орды. Казанское ханство, писал Г.Газиз, «было построено по типу государств Чингизидов, где управление было организовано по военному принципу, а весь народ был военизированным, подразделявшимся на десятки, сотни и тысячи»⁴². В качестве господствующего класса им выделялось военно-аристократическое сословие, состоящее из карачеев, беков-«князей», уланов, мурз и тарханов, считавших Казанский «юрт» наследником Золотой Орды. Г.С.Губайдуллин придавал большое значение институту карачибеков, отмечая, что это особо привилегированный слой правящей татарской знати. Он первым обратил внимание на тот факт, что карачибеки подразделяются на четыре рода – Ширин, Барын, Аргын, Кыпчак не только в Казанском ханстве, но и в других пост-золотоордынских государствах. Таким образом, взгляды татарского ученого на социальный строй Казанского ханства противоречивы – с одной стороны, он говорит о том, что социальный строй остался таким же, каким был в Булгарском государстве, с другой – отмечает сходство социального строя Казанского, Крымского ханств и Ногайской Орды.

Г.С.Губайдуллин, так же, как и русские историки, до него делил аристократию Казанского ханства на партии, которые выдвигали ханов. Исследователь повторял традиционное для историографии того времени мнение об отсутствии государственного порядка в Казанском ханстве. Писал, что татарские феодалы владели зависимыми людьми, называемыми

им «кул чура»⁴³. Были в этом государстве и юридически свободные люди, которые жили преимущественно в самой Казани. Отдельный класс населения представляли рабы. Также отдельно Г.С.Губайдуллин выделял в ханстве собственных «князей» периферийных народов ханства, которые ими управлялись. Кроме светского феодального класса, автор определяет духовно-феодальное сословие. В него входили сеиды, шейхи, муллы, абызы, шейхзады и муллазады, которые также владели многочисленными «землями и водами» и имели различные привилегии.

Г.С.Губайдуллин называл три источника доходов Казанского ханства – военную добычу, пошлины с товарооборота и налоги с населения. Он сравнивает налоговую систему Казанского ханства с системой Монгольской империи и Крымского ханства. И хотя он акцентирует внимание на том, что главным источником дохода Казани являлись именно налоги, тем не менее пишет, что войны с Московским государством приносили большую выгоду, т.к. доставляли большое количество пленных «и для себя, и для продажи»⁴⁴.

Историк подчеркивал военизированный характер Казанского ханства: «Казань и все ханство представляло собой военный лагерь. Это государство родилось в войне и пало в ней»⁴⁵. Непрерывные войны мешали казанцам развивать культуру. «По этой причине, – пишет Г.С.Губайдуллин, – думать о большом культурном развитии в этой стране было бы неправильно»⁴⁶. Казанцы «даже стали терять былые болгарские достижения»⁴⁷ и лишь «сохранять те достижения, которые были в эпоху золотоордынского господства»⁴⁸. Это повлекло за собой ослабление военной мощи государства. Захват Казани Москвой Г.С.Губайдуллин считал вполне закономерным процессом. Москва, с его точки зрения, была более развитым государством, т.к. географически располагалась по соседству с более развитой Европой. Благодаря этому соседству, русские раньше начали

применять огнестрельное оружие и сумели пригласить к себе специалистов в оружейном деле из Европы. «У татар, – писал ученый, – оставалась лишь прежняя воинственность, но в сравнении с русскими они были более отсталыми экономически, политически и культурно»⁴⁹. Эта отсталость начиналась с государственного устройства и заканчивалась полным превосходством в военном деле. В то время как русские «цари строили свое государство на крепкой основе», в это же самое время «в татарских ордах во всех этих вопросах была полная анархия», а «беки, мурзы, саиды играли в государственные дела, как в игрушки»⁵⁰. В военном деле, по мнению историка, Казанское ханство сильно уступало Московскому государству как в вооружении, так и в военной организации, которая осталась «у татар на уровне Чингиза»⁵¹. «Казань, – подчеркивал Г.С.Губайдуллин, – проводившая время в непрерывных войнах, не сумела создать и военную культуру, в то время как русская поднялась на значительную высоту»⁵². На основе всех этих данных Г.С.Губайдуллин делает вывод о том, что «московские войска должны были победить татар»⁵³.

К сожалению, положительные тенденции становления татарской исторической школы и новой концепции истории татарского народа и Казанского ханства были прерваны насильственным путем. Усиление идеологического диктата и тотального контроля за «чистотой идеологии», борьба с «татарским буржуазным национализмом» привели к закрытию Академического центра и других центров краеведения в Казани. В начале 1930-х гг. был закрыт исторический факультет Казанского университета и Общество археологии, истории и этнографии. Вслед за эмигрантами «первой волны» – Садри Максуди и Гаязом Исхаки из Казани был вынужден уехать и Г.С.Губайдуллин. Начавшиеся в середине 1930-х гг. репрессии привели к уничтожению наиболее заметных

татарских историков и гуманитариев – Хади Атласи, Газиза Губайдуллина, Али Рахима, Саида Вахиди и многих их коллег и учеников. Это привело к тому, что исторические исследования у татар практически прекратились. На месте этой «выжженной пустыни» идеологи советского общества стали возводить свою конструкцию исторического прошлого татарского народа.

Татарская историческая мысль, по сути дела, сохранилась лишь в эмиграции, где плеяда энциклопедически образованных ученых пыталась создавать труды по средневековой татарской истории. Среди них можно выделить Г.Баттала⁵⁴ и А.Н.Курата⁵⁵, а также лидера башкирского национально-го движения, востоковеда с мировым именем Ахмеда-Заки Валиди (Валиди-Тогана)⁵⁶, опубликовавших на турецком и иных языках много интересных работ по истории тюрков в целом, и Казанского ханства, в частности. Творчество этих ученых заслуживает серьезного внимания, хотя историю Казанского ханства они затрагивали лишь вскользь⁵⁷ или в узкопроблемном виде⁵⁸, следуя в своих концепциях за историками-традиционалистами – Р.Фахретдиновым, Г.Ахмеровым и Х.Атласи.

Советская историография 1930–1950-х гг.

Отечественная историческая наука в советские годы была искажена и исковеркана. В советском обществе оценка того или иного факта или события прошлого напрямую зависела от того, как они трактовались партийным руководством. Провозглашенная денационализация истории, внедрение вульгарных социологических схем в объяснение событий прошлого, целенаправленное создание истории классов и классовой борьбы, жесткий идеологический контроль, отрицание историографического наследия прошлого и зарубежной «буржуазной» историографии, а также уничтожение целой

плеяды «контрреволюционных» историков стали непреодолимой преградой на пути написания объективной истории татарского народа. При всем при этом партийное советское руководство во главе с И.Сталиным уже с середины 30-х гг. XX в. начало поворот к политическим и идеологическим традициям Российской империи, что выразилось, в частности, в возрождении государственнической традиции российской историографии XIX в. в освещении истории Улуса Джучи (Золотой Орды) и Казанского ханства, которые стали рассматриваться как ярко враждебные явления в феодальной истории России–СССР.

Одной из первых попыток в советское время создать историю татар были «Очерки по истории ТАССР». Работа над ними началась сразу после создания в Казани Института языка, литературы и истории в 1939 г. Война и отсутствие профессиональных кадров затормозили работу, но находившиеся в эвакуации в Казани в годы войны ученые-историки из Академии наук СССР активно подключились к ней. К 1944 г. основные материалы «Очерков...» были подготовлены казанскими историками, в частности, Н.Ф.Калининым и Х.Г.Гимади, совместно с учеными из Москвы – А.П.Смирновым, Б.Д.Грековым и С.В.Бахрушиным. В этом сборнике трактовка основных событий татарской истории, по сравнению с трудами 1920-х гг., была кардинально изменена: подчеркивалась болгарская основа этногенеза татарского народа, критиковалась завоевательная политика монголов и ханов Золотой Орды, говорилось о неизбежности и прогрессивности «вхождения» Поволжья в состав России. Однако осенью 1944 г. это исследование было подвергнуто критике и забраковано. Вскоре после этого появилось знаковое не только для исторической науки, но и для всей гуманитарной сферы Татарии Постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической

и идеологической работы в Татарской партийной организации» от 9 августа 1944 г.⁵⁹, в котором указывался целый ряд «ошибок» в освещении истории татар и татарской литературы. В частности, это касалось «идеализации» Золотой Орды и популяризации «ханско-феодалного» эпоса «Идегей». Эти «ошибки» были охарактеризованы в постановлении как «буржуазно-националистические». Решения ЦК ВКП(б) претворялись в жизнь через постановления Татарского обкома, где прямо говорилось, как надо изучать историю татарского народа. Бюро обкома считало, что ошибки Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории выражаются «в приукрашивании Золотой Орды, в полном игнорировании ее агрессивной сущности, в антинаучной характеристике Золотой Орды, как родины татарского народа, в неправильной оценке ханско-феодалного эпоса об Идегее, а также в односторонней оценке присоединения Казани к Москве, как захвата...»⁶⁰.

По партийной идеологеме, ставшей господствующей в науке, Золотая Орда была вычеркнута из истории татарского народа, а Казанское ханство своими корнями прямо возводилось к Булгарскому государству. Окончательное завершение и санкцию на «истину в последней инстанции» эта концепция получила на научной конференции, проведенной совместно Отделением истории и философии АН СССР и Казанским филиалом АН СССР в апреле 1946 г. На ней были заслушаны доклады и выступления специалистов по истории, археологии, тюркологии и антропологии, которые единогласно предложили считать современных казанских татар потомками волжских булгар, а Улус Джучи рассматривать лишь в качестве внешнего явления для этнической истории татар Поволжья. Материалы этой конференции были опубликованы в специальном сборнике трудов. Здесь А.П.Смирнов на базе данных ан-

тропологии и археологии доказывал, что татары Поволжья являются европеоидной группой с небольшой монголоидной примесью. На основе этого он делал вывод, что «монголы, пройдя огнем и мечом Волжскую Булгарию, не осели в Среднем Поволжье или, во всяком случае, не оказали заметного влияния на формирование физического облика современных татар»⁶¹. Причину наличия незначительной монголоидной примеси у татар А.П.Смирнов видел в Улуг-Мухаммеде и его дружине, захвативших Казань. По мнению историка, «это обстоятельство несколько осложнило процесс формирования татар Поволжья»⁶². С Улуг-Мухаммедом А.П.Смирнов связывал не только появление новой политической и военной организации, но и наименование татар. Однако, несмотря на все усилия бывшего золотоордынского хана, «сами татары, да и их соседи продолжали называть себя булгарами»⁶³. Антрополог Т.А.Трофимова на основе анализа данных антропологического состава татар Среднего Поволжья сделала вывод о том, что «современное татарское население сложилось на базе древних пластов местного населения, включившего в свой состав некоторые более поздние антропологические наслоения»⁶⁴. Еще один участник конференции, Н.Ф.Калинин, высказал мнение о прямом сходстве культуры казанских татар с культурой волжских булгар, которые «были одним из важнейших компонентов в сложении народности казанских татар»⁶⁵. В конференции приняли участие также Н.И.Воробьев, Л.З.Заяля, М.Н.Тихомиров, Н.К.Дмитриев, А.Ю.Якубовский и другие ученые. Все они впоследствии в своих работах отстаивали положения, принятые на конференции 1946 г.

На основе вывода, сделанного на конференции, в 1948 г. были подготовлены «Материалы по истории Татарии». В этой работе нет отдельной статьи, посвященной истории Казанского ханства, но в ней указан prospect гото-

вящейся «Истории Татарской АССР». Раскрывая кратко содержание ее первого тома, один из авторов проспекта, Х.Г.Гимади, отмечал, что «авторы исходили из положения, что в формировании казанских татар основное участие принимали местные племена и камские булгары... Монголо-татары рассматриваются как завоеватели, которые, основав военно-феодалное агрессивное государство Золотой Орды, установили свое иго над народами Среднего Поволжья, в т.ч. и булгарами. Казанское ханство рассматривается как государство, возникшее на базе болгарского царства, что стало возможным благодаря распаду Золотой Орды и в первую очередь в результате тех ударов, которые нанесли Орде русские»⁶⁶.

Ведущим казанским историком, развивавшим концепцию болгаро-татарской преемственности, был именно Х.Г.Гимади. Он подвергал критике «буржуазно-националистическую» историографию, которая, по его мнению, «идеализировала Золотую Орду как передовое государство своего времени, а также ее деятелей...» и «тем самым пыталась противопоставить казанско-татарскую народность другим народам России, в первую очередь русскому»⁶⁷. При изучении истории татарского народа и Казанского ханства он часто опирался на сведения «Казанской истории» и другие русские летописи. Х.Г.Гимади писал, что на территории распадающейся Золотой Орды складываются совершенно новые, независимые от нее, экономические и политические образования. К одним из таких он относил Казанское ханство, возникшее на территории Волжской Булгарии. Ханство сформировывалось с доминированием болгарского населения, которое в большом количестве переселилось в Предкамье и на правобережье Волги. Недаром, по его мнению, Казань получила название «Новый Булгар». Х.Г.Гимади, так же, как и А.П.Смирнов, настаивал на мнении о нежелании коренного населения Ка-

занского ханства именовать себя «татарами»⁶⁸. А термины «татары» и «татарове» в «Казанской истории» употреблялись якобы только в тех случаях, когда между Казанью и Москвой происходили враждебные столкновения. Тем самым Х.Г.Гимади подчеркивал, что лишь верхушка казанско-ханского общества продолжала золотоордынскую политику и могла соотносить себя с потомками золотоордынских татар. Он писал, что «казанские татары – не пришельцы, а народ, сформировавшийся в бассейне Среднего Поволжья и Прикамья», а население Казанского ханства состояло в основном из болгар и продолжало развивать свои прежние хозяйственные и культурные традиции⁶⁹. Изменение же этнического состава населения и отличие болгар X–XIII вв. от казанских татар XVI и позднейших веков происходили «за счет аборигенов края и других элементов, включившихся в состав болгаро-татарского народа»⁷⁰. Х.Г.Гимади приходит в своих исследованиях к выводу, что нельзя отождествлять историю золотоордынских татар с историей казанских татар.

Одной из книг, которая давала четкую установку, как нужно рассматривать историю Казанского ханства, был 1-й том «Истории Татарской АССР», вышедший в 1951 г. Этот коллективный труд вскоре, после 1953 г., был изъят из пользования вследствие того, что в нем давались ссылки на работы «корифея всех наук» И.Сталина. В условиях начавшейся борьбы нового партийного руководства против «культы личности Сталина» такое частое цитирование трудов Сталина считалось «идеологической ошибкой». Исправленный (т.е. не содержащий ссылок на Сталина, а в остальном оставшийся без всяких правок) вариант «Истории Татарской АССР» появился в 1955 г. Он открыл целую эпоху аналогичных изданий (1960, 1968, 1973, 1980). Учитывая время, в которое появилась «История Татарской АССР», нельзя было рассчитывать на объективное обозре-

ние истории Поволжья. Автор главы о Казанском ханстве Н.Ф.Калинин излагал скорее не историю народа и государства, а историю классовую борьбу. Он развивал идеи, высказанные им и другими исследователями (в частности, А.П.Смирновым и Х.Г.Гимади), о происхождении татар и Казанского ханства. Но его отношение к Казанскому государству стало еще более тенденциозным и отрицательным. Ханство представляется им как дикая и неразвитая орда, со слабой экономикой и агрессивной, но слабой верховной государственной властью. По мнению авторов «Истории...», Казань с самого своего основания была обречена на «присоединение» быстро развивающимся Русским государством. Причем само «присоединение» было показано ими как прогрессивный, поддержанный населением шаг и единственный выход из тупика в развитии для Казанского ханства: «Присоединение Казани к Русскому государству имело громадное исторически-прогрессивное значение»⁷¹.

Как мы видим, на смену старой идее о захвате Казанского ханства как «абсолютном зле» теперь появлялась теория т.н. «меньшего зла», по которой «присоединение» Казанского ханства к Москве спасало народы Среднего Поволжья от «опасности быть поглощенными деспотическим и варварским турецким феодализмом, который на многие столетия отбросил бы назад развитие их производительных сил и культуры»⁷². Этим «присоединением» Россия, тем самым, наносила серьезный удар по «захватническим устремлениям Турции, которая намеревалась распространить господство свое на Кавказ, Поволжье и Среднюю Азию»⁷³.

По мнению авторов учебника, события второй половины XIV и начала XV в. привели древнюю Болгарию к полному распаду. Большинству населения приходится с коренных обжитых земель переселяться на север – в Предкамье и на северо-запад – в бас-

сейн нижнего течения реки Свияги. Сюда перенесли свою деятельность и феодалы, захватывая земли и подчиняя себе живущее здесь население. Такова идея «Истории Татарской АССР» об образовании в Поволжье новых княжеств «по типу болгарских». Вскоре среди этих княжеств первенствующего положения достигло Иски-Казанское. Оно подчинило себе все другие владения, но в 1399 г. было разгромлено князем Юрием Дмитриевичем. Образование нового политического образования с центром в Казани относится, по мнению авторов, к 30–40-м гг. XV столетия: «На вновь созданной к тому времени экономической базе возрождается местная государственность, разрозненные феодальные княжества объединяются в более сильный политический организм – Казанское ханство»⁷⁴.

Основной народностью ханства, по мнению авторов «Истории...», являлись казанские татары, которые сформировались из аборигенного населения и пришедших из Приазовья тюркоязычных болгарских и некоторых родственных им племен. Авторами книги указывается на чрезвычайно слабую центральную власть в ханстве и приводится факт того, что «феодалы, командовавшие даже не особенно крупными отрядами и ополчениями, обычно слабо подчинялись хану»⁷⁵. Отсталый строй государства, его слабая экономика сказались на вооружении ханства, что впоследствии привело к событиям 1552 г. Первым казанским ханом в «Истории Татарской АССР» назван сын Улуг-Мухаммеда, Махмутек, который продолжил агрессивную политику своих предшественников-ханов по отношению к Москве. В 1445 г. Махмутек, выдвинутый некоторыми казанскими феодалами, силой захватил Казань и убил местного вотчинника Алибея (Либея). Появление сына Улуг-Мухаммеда в Казани совпало со стремлением значительной части казанских феодалов иметь сильную центральную власть. Однако агрессивная,

золотоордынского типа, политика, направленная против русских, разделила феодалов на две большие группировки: восточную и русскую. Эти сложные внутренние противоречия, как считают авторы книги, в конце концов, приводят к «присоединению» Среднего Поволжья к Русскому государству, которое «стало исторической необходимостью»⁷⁶.

В 1952 г. Н.Ф.Калинин опубликовал книгу по истории Казани, изучению которой он посвятил 40 лет. В ней в очередной раз была доказана преемственность Казани от волжских булгар. В тексте монографии Н.Ф.Калинин прямо указал, что в вопросе этногенеза казанских татар он держится тех данных об их аборигенном происхождении, которые были добыты трудами советских ученых и обсуждены на конференции в 1946 г. Для написания истории Казани в XV и первой половине XVI в. письменными источниками для Н.Ф.Калинина служили русские летописи, особенно Никоновская, «Казанская история», «Царственная книга», а также татарские летописи. Древняя история Казани, в частности возникновение феодального городка на территории современного города, построенного, по мнению историка, местным булгарским князем еще в XIII в., а не золотоордынским ханом Улуг-Мухаммедом в 1430-х гг., освещается на основании археологических исследований, проведенных самим Н.Ф.Калининым. Появление на политической карте Казанского ханства он объясняет желанием местного населения во главе с крупными князьями и мурзами создать мощное государство. «В целях обороны и защиты своих феодальных интересов многие мелкие княжества объединяются в одно, во главе которого стал Али-бей», – пишет Н.Ф.Калинин. Таким образом, ученый считал, что Казанское ханство образовалось еще до прихода ордынских ханов и что оно было мощным государством. Само завоевание Казани ордынцами Н.Ф.Калинин относит к 1445 г.

и приписывает его Махмутеку, сыну Улуг-Мухаммеда. Эта золотоордынская династия была угодна «той группе местных феодалов, которая строила свое хозяйство на подневольном труде пленников»⁷⁷. С этой группой Н.Ф.Калинин связывал агрессивную политику Казани против Руси, замечая, что «большинство населения было против грабительских войн и стремилось к сближению с русскими»⁷⁸.

Некоторые сведения о Казанском ханстве при изучении этногенеза казанских татар дает этнолог Н.И.Воробьев. Он писал, в соответствии с «булгаристской» концепцией, что Улуг-Мухаммед возглавил уже сложившееся деяниями булгар государство, каким было Казанское ханство. Ученый поддерживал мнение о том, что сам Улуг-Мухаммед в Казани не жил, а правили здесь только его преемники. Развивая мысль Х.Г.Гимади и А.П.Смирнова, он писал о несогласии местных булгарских феодалов с агрессивной политикой золотоордынских ханов, которые продолжали в Казани политику Золотой Орды. Главной целью этой золотоордынской политики Н.И.Воробьев считал восстановление власти татар над Русью и Поволжьем⁷⁹.

В русле этих тенденций освещения истории татарского народа в 1953 г. выходит 2-томная книга «Очерки истории СССР» под редакцией Б.Д.Грекова, Л.В.Черепнина и В.Т.Пашуто, где также содержался раздел об истории Казанского ханства. В нем были повторены основные выводы названных выше советских историков. Авторы «Очерков...» также связывают процесс этногенеза казанских татар со значительным воздействием на него местного булгарского населения. Информация о государственном устройстве Казанского ханства полностью списана из «Истории Татарской АССР». Однако есть и некоторые интересные моменты. Образование Казанского ханства напрямую увязывается, во-первых, с упадком Золотой Орды, во-вторых, с именем золотоордынского хана Улуг-

Мухаммеда⁸⁰. Но при этом прерогативу захвата Казани авторы «Очерков...» отдают Махмутеку, которого поддерживала часть местного населения, желавшая усиления центральной власти. По мнению исследователей, агрессивная политика казанских ханов против Русского государства за преобладание в Среднем Поволжье с самого начала была обречена на провал. Причину этого они видели в междоусобицах среди казанских феодалов: «В то время как в русских землях шел процесс государственной централизации, в Казанском ханстве не было достигнуто политическое единство»⁸¹, – эти внутренние усобицы и династическую борьбу в ханстве умело использовало Русское государство.

Интересную трактовку истории возникновения Казанского ханства мы можем прочесть в Большой Советской энциклопедии 1953 г. издания. Здесь начало самостоятельного Казанского ханства также относится к 1445 г. в связи с захватом Казани ханом Махмутеком. Это, по мнению автора статьи, привело к покорению и в дальнейшем к ассимиляции волжских булгар пришлыми татаро-монгольскими завоевателями⁸². Казанское ханство здесь рассматривалось как продолжатель традиционной золотоордынской политики и большая опасность для Русского государства. Тем самым оправдывался захват Казани в 1552 г.

Подобная однобокая трактовка этногенеза и этнической истории татарского народа стала нормой советской историко-этнографической науки, а ключевые этапы формирования и развития государственности Золотой Орды и постзолотоордынских татарских ханств Поволжья долгое время освещались под углом зрения булгарской теории. В научном плане данные исследования ныне могут представлять лишь историографический интерес. Труды, выпущенные по заранее указанной схеме, под которую, как под «прокрустово ложе», подгонялся фактологический материал, просто

не могли выдержать испытания временем. Прямо связанные с идеологическим диктатом и запретами на изучение огромного пласта истории, они «рухнули», когда рухнули указанные идеологические скрепы. Кроме традиционных для российской имперской историографии в них были еще и новации, например, тезис о «прогрессивном» характере завоевания Поволжья для самих татар и других народов Поволжья. До таких теоретических изысков не могли додуматься даже православная историография и имперские историки XIX в. – и ее всецело можно отнести к «зияющим высотам» советской исторической мысли...

В историческом плане указанные выше советские исследователи не смогли ни высказать оригинальных концепций средневековой истории татар, ни привлечь к рассмотрению истории Казанского ханства новые источники. В их трудах практически весь текст – это идеологические клише и схемы. Пожалуй, главное их достоинство в том, что они были, показывая, что не все страницы истории татарского народа можно вычеркнуть из прошлого и заставить забыть о них целый народ.

***Татарская историография
периода «оттепели»:
труды Ш.Ф.Мухамедьярова***

Своеобразным «лучом света в темном царстве» в отечественной историографии истории Казанского ханства 1950-х гг. явилась диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук Шамиля Фатыховича Мухамедьярова «Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.)», написанная в 1950 г. под руководством члена-корреспондента АН СССР М.Н.Тихомирова и успешно защищенная в Москве в 1956 г.⁸³. Эта работа, репринтное воспроизведение которой, благодаря стараниям сотрудников Ин-

ститута истории АН РТ, увидело свет в 2012 г., явилась серьезным шагом вперед на пути объективного изучения истории Казанского государства. Не останавливаясь на «отпечатках времени» в тексте диссертации, отметим наиболее оригинальные ее положения.

В своем исследовании Ш.Ф. Мухамедьяров использовал широкий круг доступных ему источников. Все разнообразие их анализируется автором в первой главе диссертации (с.8–53), где отмечается «отсутствие единого компактного фонда источников, на основании которых можно было бы поставить и осветить вопросы социально-экономической истории Казанского ханства». Это обстоятельство обусловило привлечение автором разнообразных по своему характеру и происхождению источников как на русском, так и на восточных и западноевропейских языках. Из всей совокупности источников, привлеченных к исследованию, Ш.Ф.Мухамедьяров на первый план ставит следующие: 1) ярлык хана Сахиб-Гирея; 2) татарские завещания; 3) казанско-татарскую эпиграфику; 4) труды Хисамуддина Муслими и Кадыр Али-бека; 5) поэмы Мухаммедьяра; 6) фольклорные материалы; 7–8) русские летописи; 9) «Историю...» А.М.Курбского; 10) сборники исторических и юридических актов; 11) неопубликованные русские источники из фондов Центрального государственного архива древних актов; 12) «Записки...» С.Герберштейна. В диссертации, как пишет автор, кроме указанных источников, эпизодически привлекались данные археологии, этнографии и лингвистики. Ш.Ф.Мухамедьяровым было отмечено, что «возможность использования археологических источников была чрезвычайно ограничена, т.к. археологическое изучение Татарстана в дореволюционный период и достижения советской археологии..., имеющие важное значение для понимания истории Татарстана в древний период и раннее средневековье, прямого отно-

шения к интересующему нас Казанскому ханству не имеют». Таким образом, мы видим, что диссертация строится на базе привлечения самых разнообразных источников, не позволивших, однако, ее автору «полностью разрешить проблемы феодального прошлого Казанского ханства».

Далее диссертация Ш.Ф. Мухамедьярова разделена на несколько глав, основное содержание которых полностью отражено в заглавии глав и параграфов: Гл.2. Хозяйство Казанского ханства (§1. Критический обзор высказываний об основном занятии населения Казанского ханства; §2. Свидетельства источников о развитии земледелия в Волго-Камском крае в XV–XVI вв.; §3. Вопрос о системе земледелия в Казанском ханстве; §4. Основные сельскохозяйственные орудия; §5. Садоводство, скотоводство, бортничество, охота и рыболовство); Гл.3. Феодальное землевладение (§1. Предварительные замечания; §2. Ханское землевладение; §3. Крупное феодальное землевладение; §4. Сойюргал – основной вид феодального землевладения в Казанском ханстве); Гл.4. Положение крестьянства (§1. Вопрос о крепостном праве; §2. Крестьянское землевладение; §3. Общий перечень податей и повинностей крестьян); Гл.5. Ремесло и торговля в Казанском ханстве (§1. Вопрос о татарском феодальном городе; §2. Город Казань; §3. Внутренняя торговля; §4. Внешняя торговля; §5. Ремесло); Гл.6. Государственный строй Казанского ханства (§1. Вопрос о политическом строе Казанского ханства в буржуазной историографии; §2. Образование Казанского ханства; §3. Классовая сущность Казанского ханства как государства феодалов-землевладельцев; §4. Высшие органы власти; §5. Высшие органы управления; §6. Местные органы власти; §7. Местные органы управления).

Как мы видим, в диссертации Ш.Ф.Мухамедьярова затронуты многие проблемы политической и социально-экономической истории Ка-

занского государства. На наш взгляд, рассматривая эту работу, в первую очередь необходимо обратить внимание на шестую главу. По мнению автора диссертации, после монгольского завоевания 1236 г. Волжская Булгария вошла в состав Золотой Орды, «сохранив некоторые элементы автономии». В это время она была феодально-раздробленной и состояла из нескольких княжеств, наиболее крупными из которых были Булгарское, Жукотинское и Иски Казанское. Упадок Золотой Орды приводит к отделению от этого государства целых улусов, «процессу объединения феодально-раздробленных княжеств Волжско-Камского края» и отделению Булгарии от Золотой Орды. «В 1407 году, – пишет Ш.Ф.Мухамедьяров, – Казань, по-видимому, [уже] была независимой от Золотой Орды», о чем свидетельствует информация И.Шильтбергера, русских летописей и ряда монет, чеканенных в Болгаре ал-Джадид. В это время население центральных улусов Золотой Орды, пытаясь избежать бесконечных разорений от внутренних феодальных междоусобиц и внешних вторжений, перекочевывает на окраины Золотой Орды: в Булгарию, Крым, Сибирь и т.д. «Связь между [пришедшим в запустение] центром Золотой Орды и окраинами постепенно прерывается, и на окраинах складываются самостоятельные государственные образования, способствующие постепенной консолидации отдельных народностей (казанских татар, ногайцев и др.)». По мнению автора диссертации, не имеет решающего значения – кем было основано Казанское ханство – Улуг-Мухаммедом в 1437–1438 гг. или Махмутеком в 1445 г. Важно, что «в условиях постоянных феодальных войн и нападений соседей установление более сильной власти, чем та, которая была до первых казанских ханов, должно было положительно повлиять как на экономику страны, так и на положение населения». Хань нашли здесь поддержку среди «части местного населения»,

видевшего в их приходе усиление центральной власти и ослабление постоянных междоусобиц. «Попытку изобразить возникновение Казанского ханства исключительно как результат завоевания народностей Волжско-Камского края вооруженными отрядами золотоордынских татар следует признать ошибочной», – заключает автор.

Анализируя высшие органы власти Казанского ханства, Ш.Ф. Мухамедьяров отмечает, что Казанское государство являлось слабо централизованной феодальной монархией, во главе его стоял хан – первый феодал-земледелец в стране, повседневная деятельность которого «контролировалась и направлялась верхушкой феодального класса». Далее он рассматривает совет при хане – диван, который состоял из «приближенных ко двору представителей феодальной знати и высшего мусульманского духовенства». Главными членами дивана были представители «четырех известных татарских фамилий: Ширин, Барын, Аргын и Кипчак», носившие специальное название «карачи» (букв. ‘смотритель’, русское «князь князей»). Вся территория Казанского ханства в административном отношении делилась на несколько «дорог» – Ногайскую, Арскую, Алатскую, Зюрейскую и Галичскую, о чем свидетельствуют материалы ЦГАДА (ф.1209, кн.152, 642) и др.; эти дороги, в свою очередь, делились на улусы («вилаятьи», области), во главе которых стояли наместники центрального правительства (дивана и карачи-беков?) – «хакимы», о чем свидетельствуют тексты ярлыка Сахиб-Гирея (строки 2, 4, 5) и «Казанской истории». Для обсуждения наиболее важных государственных вопросов собирался съезд казанских феодалов – «курултай», называвшийся в русских источниках «вся земля Казанская». Это было «собрание казанских феодалов (светских и духовных), с участием представителей князей и старейшин входивших в Казань».

ское ханство племен и народностей». Здесь Ш.Ф. Мухамедьяров резко критикует М.Г. Худякова за то, что он называл курултай «единственным выразителем народной воли», что, по мнению диссертанта, «является грубым извращением природы политической надстройки в классовом обществе».

Характерной чертой центральной татарской администрации, пишет Ш.Ф. Мухамедьяров, являлось тесное переплетение публичных и частных функций должностных лиц: не было четкого различия высших органов государственного управления от органов управления частными делами хана. Далее он дает анализ дворцовых чинов в Казанском ханстве: главы финансового ведомства, дворецкого (ведавшего ханским хозяйством), конюшего, ловчего (ведавшего ханской охотой), окружного (ведавшего ханским арсеналом?), «хлебкормля» (ведавшего ханской кухней), аталыка (воспитателя ханских детей), пишет о ханской канцелярии и т.д.

Какие же выводы делает Ш.Ф. Мухамедьяров в заключение своей диссертации? По его мнению, изучение социально-экономического и государственного строя Казанского ханства показывает, что на территории ханства господствовали феодальные отношения. Земледелие было главным занятием жителей, основой феодального способа производства. При этом земледельческая культура Казанского ханства была преемственно связана с предшествовавшей ей богатой земледельческой культурой волжских булгар. Основными земледельческими районами государства были Заказанье и Горная сторона. Земля являлась основным средством и условием производства. Отношением к земле определялось положение в обществе отдельных лиц, групп и классов. Татарское феодальное общество состояло из двух основных групп: феодалов и крестьян. Верхушку феодальной знати со-

ставляли эмиры (беги, князья). Вторую категорию феодалов составляли мурзы – дети эмиров. Третью категорию составляли огланы – служилые феодалы-военачальники. Самой низшей категорией феодалов были казаки. Особую влиятельную группу феодалов составляло высшее мусульманское духовенство. Типичной формой земельных отношений в ханстве была военно-ленная система в виде наследственного владения (феод – сойюргал – вотчина). Феодалы пользовались иммунитетом, основой которого были не пожалования ханов, а владение феодалов землей. Неоднократные вооруженные восстания крестьянского населения (1496, 1546, 1551 и другие гг.) против казанских ханов и их феодалов, пишет далее Ш.Ф. Мухамедьяров, наглядно свидетельствуют о сильных внутренних противоречиях в татарском феодальном обществе.

Таким образом, мы видим, что при всех объективных (слабая источниковая база) и субъективных (см. предыдущий параграф нашей книги) факторах, сопутствующих исследовательской работе Ш.Ф. Мухамедьярова, он смог относительно объективно изложить накопленный им материал и доказать, что «государственное образование народов Среднего Поволжья» Казанское ханство представляло собою достаточно развитое феодальное государство. Свои основные положения о политическом и социально-экономическом развитии Казанского ханства Ш.Ф. Мухамедьяров развил в последующие годы во многих своих публикациях по истории Казанского ханства, обратив позднее пристальное внимание этногенезу и этнической истории татарского народа, культуре Казанского ханства, а также событиям 1552 г.⁸⁴. Все эти работы историка внесли существенный вклад в исследование средневековой этнополитической и социально-экономической истории татар Поволжья.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Фирсов Н.Н.* Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. – Казань, 1921. – С.3.
- ² Там же.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же. – С.64.
- ⁵ Там же.
- ⁶ *Фирсов Н.Н.* Прошлое Татарии: Краткий научно-популярный исторический очерк. – Казань, 1926. – С.14.
- ⁷ *Фирсов Н.Н.* Чтения по истории... – С.67.
- ⁸ Там же. – С.60.
- ⁹ *Фирсов Н.Н.* Прошлое Татарии... – С.19.
- ¹⁰ Там же. – С.23–24.
- ¹¹ О нем и о его трудах см., например: *Байрамова Ф.А.* Михаил Худяков и история татарского народа. – Казань, 2003; *Ее же.* Роль М.Г.Худякова в исследовании истории и культуры народов Среднего Поволжья. РКД. – Казань, 2006. В этих же работах указана основная литература о М.Г.Худякове и его исследованиях.
- ¹² *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства [Репринтное воспроизведение издания 1923 г.]. – Казань, 1990. – С.12.
- ¹³ Там же. – С.33.
- ¹⁴ Эта идея была подхвачена позднее некоторыми исследователями и широко развивалась в советской науке.
- ¹⁵ *Худяков М.Г.* Очерки... – С.10.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. – С.21.
- ¹⁸ Там же. – С.24.
- ¹⁹ Там же. – С.32.
- ²⁰ Там же. – С.24.
- ²¹ Там же. – С.25.
- ²² Там же. – С.31.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. – С.9.
- ²⁵ Там же. – С.11.
- ²⁶ Там же. – С.240.
- ²⁷ Там же. – С.243.
- ²⁸ Там же. – С.244.
- ²⁹ Там же. Критику этих взглядов М.Г.Худякова см., например: *Хамидуллин Б.* Аерылганны аю ашың // Мәдәни жомга. – 1995. – №17. – 10 ноября. – 12 б.; *Хамидуллин Б.* Нетрадиционный взгляд на историю Поволжья VIII – первой половины XVI веков // Идель. – 2000. – № 4. – С.40.
- ³⁰ *Порфирьева И.В.* С.И.Порфирьев и работа М.Г.Худякова «Очерки по истории Казанского ханства» // Краеведческие чтения, посвященные 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ и 110-летию М.Г.Худякова. – Казань, 2004. – С.339–347.
- ³¹ Там же. – С.343.
- ³² Там же. – С.345–346.
- ³³ Об этом достаточно содержательно написано в вышеуказанных монографиях и кандидатской диссертации Ф.А.Байрамовой. См., например: *Байрамова Ф.А.* Роль М.Г.Худякова в исследовании истории и культуры народов Среднего Поволжья. РКД... – С.143–156 и др.
- ³⁴ О нем и его исторических произведениях, современную публикацию его произведений на татарском и русском языках см., например: *Алишев С.Х.* Газиз Губайдуллин как историк // Исследования по историографии Татарии. – Казань, 1978. – С.46–53; *Его же.* По следам минувшего... – С.112–121; *Гобәйдуллин Газиз.* Тарихи сәхифәләр ачылганда. Сайланма хезмәтләр. – Казан, 1989 (составители, авторы примечаний С.Х.Алишев и И.А.Гилязов, автор статьи о Г.Губайдуллине С.Х.Алишев); *Газиз Г.* История татар. – М., 1994 (сокр. пер. с тат. яз. С.Г. и А.Х. Губайдуллиных под редакцией и с предисловием Э.С.Кульпина-Губайдуллина и Ш.Ф.Мухамедьярова, автор по-

слесловия В.И.Пантин); *Насретдинова Д.* Историк Г.С.Губайдуллин: Жизнь и творчество. РКД. – Казань, 1997; Газиз Гобайдуллин. Газиз Губайдуллин: Фэнни-биографик жыентык. – Казань, 2002 (здесь на с. 135–177 опубликована работа Г.С.Губайдуллина «Из прошлого татар», 1925 г.и., к сожалению, с досадными пропусками текста – в частности, на с.143 о войнах Москвы против Казани); *Алишев С.Х.* Татар тарихчылары... – 199–201 б.

³⁵ См., например, его исторические произведения и учебники на татарском языке «История татар» (дополненное и доработанное издание, Казань, 1923), «Из истории борьбы за Поволжье» (журнал «Мэгариф», 1923, №5/6, с.19–37), «Древние болгары» (Казань, 1924), «Происхождение татар и Золотая Орда» (Казань, 1924); на русском языке – «Из прошлого татар» (в сборнике «Материалы по изучению Татарстана», Казань, 1925, вып.2, с.71–111), «История татар» (М., 1925), «К вопросу о происхождении татар» (в «Вестнике Научного общ-ва татароведения», Казань, 1928. №8, с.131–141), «История народов СССР в эпоху феодализма» (Баку, 1932).

³⁶ *Газиз Г.* История татар... – М., 1994. – С.20.

³⁷ *Губайдуллин Г.С.* Из прошлого татар // Материалы по изучению Татарстана. – Казань, 1925. – Вып. 2. – С.74.

³⁸ Там же.

³⁹ *Газиз Г.* История татар... – С.80.

⁴⁰ *Губайдуллин Г.С.* Из прошлого татар... – С.75.

⁴¹ *Газиз Г.* История татар... – С.87.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. – С.76.

⁴⁴ *Губайдуллин Г.С.* Из прошлого татар... – С.78.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ *Газиз Г.* История татар... – С.89.

⁴⁸ *Губайдуллин Г.С.* Из прошлого татар... – С.78.

⁴⁹ *Газиз Г.* История татар... – С.103.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. – С.104.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ См., например: Отражение истории Казанского ханства в работе Г.Баттала «Казанские тюрки» // *Хамидуллин Б.Л.* Народы Казанского ханства... – С.265–276.

⁵⁵ См., например: А.Н.Kurat. Ulug-Muhammed han // *Хамидуллин Б.Л.* Народы Казанского ханства... – С.286–298.

⁵⁶ См., например: Z.V.Togan. Kazan hanliginda islam türk kulturu // *Хамидуллин Б.Л.* Народы Казанского ханства... – С.299–324.

⁵⁷ См., например, книгу Г.Баттала «Kazan türkleri» («Казан төркиләре», «Казанские тюрки»), изданную в Стамбуле в 1925 г., в Анкаре в 1966 г. и в переводе на татарский язык (перевод А.Рахимовой, комментарии Л.Хамидуллина) в Казани в 1996 г. В последнем издании из 160 страниц текста «Казан торкиләре» лишь одиннадцать посвящены конкретно истории Казанского государства.

⁵⁸ См., например: *Kurat A.N.* Kazan Hanligini kuran Ulug-Muhammed Hanin yarligi. Edirne ve yoresi eski eserleri sevenler kurumu yayinlarindan. – Istanbul, 1937; *Аныкы ук.* Topkapı Sarayı Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler. – Istanbul, 1940; *Аныкы ук.* IV–XVIII yuzyillarda Karadeniz kuzeyindeki Türk kavimleri ve devletleri... Перечень трудов Заки Валиди см.: *Әмирхан Р.* Зәки Вәлиди хезмәтләренәң кыскача библиографиясе // *Вәлиди Э.-З.* Кыскача төрек-татар тарихы. – Казан, 1992. – 162–178 б.; *Байкара Тунджер.* Заки Валиди Тоған / Сост., пер. на рус. яз., дополнения, указатель Р.М.Булгакова и А.М.Юлдашбаева. – Уфа, 1998. – С.79–128 («Библиография произведений»). Отметим следующие статьи Заки Валиди: «Kazan Hanliginin son gunleri» (Стамбул, 1912), «Kazan Hanliginda Islam Türk kulturu (Kanuni zamanında 1550'de Kazan'dan gönderilen bir rapor)» (Стамбул, 1966), и монографии: «Umumi Türk tarihine giris» (Стамбул, 1946, т.1; 1970, т.1; 1981, т.1), «Türklugun mukadderati uzerine» (Стамбул, 1970; 1977).

⁵⁹ Подробнее об этом постановлении см.: *Измайлов И.Л.* «Не дано марксистской оценки Золотой Орде...» // *Гасырлар авазы / Эхо веков.* – Казань, 1996. – № 3/4. – С.96–101; *Леушин М.* История татар перед судом ЦК ВКП(б) // Там же. – С.84–95; *Измайлов И.Л.* «Идегеево побоище» ЦК ВКП(б) // *Родина.* – 1997. – № 3/4. – С. 116–118.

⁶⁰ *Измайлов И.Л.* «Не дано марксистской оценки Золотой Орде...»...

⁶¹ Происхождение казанских татар. – Казань, 1948. – С.14.

⁶² Там же. – С.26.

⁶³ Там же. – С.16.

⁶⁴ Там же. – С.61.

⁶⁵ Там же. – С.107.

⁶⁶ Материалы по истории Татарии. – Казань, 1948. – Вып.1. – С.5–6.

⁶⁷ *Гимади Х.Г.* Народы Среднего Поволжья в период господства Золотой Орды // Материалы по истории Татарии. – Казань, 1948. – Вып.1. – С.185.

⁶⁸ Там же. – С.209.

⁶⁹ Там же. – С.185.

⁷⁰ *Гимади Х.Г.* Из истории народов Булгарии под игом Золотой Орды (в связи с этногенезом казанских татар). АКД. – М., 1949. – С.17.

⁷¹ История Татарской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). – Казань, 1951. – Т.1. – С.158.

⁷² Там же.

⁷³ История Татарской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции) / Редкол.: Н.И.Воробьев, М.Х.Гайнуллин, Х.Г.Гимади и др. – Казань, 1955. – С.158.

⁷⁴ Там же. – С.129.

⁷⁵ Там же. – С.157.

⁷⁶ Там же. – С.159.

⁷⁷ *Калинин Н.Ф.* Казань: Исторический очерк. – Казань, 1952. – С.27.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ *Воробьев Н.И.* Казанские татары (этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода). – Казань, 1953. – С.10.

⁸⁰ Очерки истории СССР (период феодализма IX–XV вв.): В 2-х ч. – М., 1953. – Ч.II. – С.427.

⁸¹ Там же. – С.433.

⁸² Большая Советская энциклопедия. 2-е изд. – М., 1953. – Т.19. – С.310–311.

⁸³ Подробнее см.: *Хамидуллин Б.Л.* Народы Казанского ханства... – С.67–88.

⁸⁴ См., например, написанные им разделы о народах Поволжья и Приуралья в «Очерках истории СССР» (М., 1953, ч.1, с.717–734; М., 1955, ч.2, с.423–442, 660–682), книгу «Земельные правоотношения в Казанском ханстве» (Казань, 1958), статьи: 1) К истории земледелия в Среднем Поволжье в XV–XVI веках // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. – М., 1959. – С.89–122, 2) К вопросу о положении крестьянства в Казанском ханстве // Ученые записки КГУ. – Казань, 1962. – Т.122. – Кн.2. – С.143–161, 3) Тарханский ярлык казанского хана Сахиб-Гирея 1523 года // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М.Н.Тихомирова. – М., 1967. – С.104–109, 4) Казанское ханство // История Татарской АССР с древнейших времен до наших дней. – Казань, 1968. – С.68–100 (то же на тат. яз. – Казань, 1970. – 69–100 б.), 5) Изучение в СССР основных этапов военно-политической истории тюркских народов Поволжья и Приуралья // *Central Asiatic Journal.* – Wiesbaden, 1973. – Vol.17. – №2–4. – p.200–211, 6) Изучение в СССР этнокультурных связей тюркоязычных финно-угорских народов Поволжья и Приуралья // *Altaica. Proceedings of the 19th annual meeting of the FIAC. Held in Helsinki, 7–11 June 1976.* – Helsinki, 1977. – p.181–188, 7) Сравнительно-историческое изучение в СССР феодальных отношений у финно-угорских и тюркских народов Поволжья // *Congressus quartus internationalis fenno-ugristanum.* – Budapest, 1983. – p.16–23 и т.д. Этногенез и этническая история татар рассмотрены Ш.Ф.Мухамедьяровым во многих его статьях (часто – в соавторстве с Р.Г.Кузеевым), но в определенной степени «базовой» является его статья «Основные этапы происхождения и этнической истории татарской народности» (VIIth Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. – Tokio, 1968. – В.2. – p.53–56), где проанализированы 3 основные теории происхождения татар (с.53), периодом формирования татарской народности назван конец XIV – сере-

дина XVI вв. (там же), исследовано функционирование этнонима «татары» (с.54) и т.д. Здесь ученый пишет: «Казанские татары не являются прямыми потомками ни татаро-монгольских завоевателей, ни волжских болгар и сформировались как народность в результате длительного и сложного исторического процесса, в результате этнического смешения местных и пришлых племен, когда в период Казанского ханства складываются необходимые условия для завершения этнической консолидации, значительно усиливаются территориальные связи, развиваются языковая общность, элементы экономической связи и укрепляется национальное самосознание новой этнической общности. Образование Казанского ханства во второй четверти XV в. политически оформляет этническую территорию татарской народности, а само это феодальное государство казанских татар» (с.54). Целостный взгляд Ш.Ф.Мухамедьярова на этногенез казанских татар и историю Казанского ханства обозначен в одной из самых последних его работ: *Мухамедьяров Ш.Ф.* Казанское ханство // Очерки истории распространения исламской цивилизации. В 2-х т. – М., 2002. –Т.2. –С.144–151. О завоевании Казани Иваном IV в концептуальной интерпретации Ш.Ф.Мухамедьярова см.: *Мухамедьяров Ш.Ф., Хамидуллин Б.Л.* Казанское ханство в панораме веков (отражение событий 1552 года в источниках и литературе) // Татарский народ после 1552 года: потери и приобретения. Материалы научной конференции 2002 г. – Казань, 2003. –С.263–290.

Аннотация

В данной статье рассматриваются основные тенденции изучения истории Казанского ханства отечественными учеными в 1920–1950-х гг. Утверждение марксистской методологии в исследованиях историков и изменение концептуальных основ исторической науки России привели в 1920-е гг. к появлению новых оригинальных трудов. Особой вехой в изучении татарского государства стал выход в 1923 г. фундаментальной работы М.Г.Худякова «Очерки по истории Казанского ханства», которая представляла собой первое действительно подробное и концептуально цельное изложение истории Среднего Поволжья XV–XVI вв. В статье также рассматривается татарская историография 1920-х гг., а также указывается, что начавшиеся в середине 1930-х гг. репрессии привели к уничтожению наиболее активных татарских ученых – Хади Атласи, Газиза Губайдуллина, Али Рахима, Саида Вахида и многих других. Объективные исторические исследования у татар практически прекратились до периода «оттепели», до появления трудов Ш.Ф.Мухамедьярова. В статье указан ценнейший вклад Шамиля Фатыховича в историографию средневековой этнополитической и социально-экономической истории татар Поволжья.

Ключевые слова: отечественная историческая наука советского периода, Казанское ханство, татарский народ, Среднее Поволжье.

Summary

This article deals with the main trends of studying the history of the Kazan Khanate by local scientists in the 1920-1950s. The establishment of Marxist methodology in the studies of historians and changes in the conceptual foundations of the historical science of Russia has brought to the emergence of new original works in the 1920s. Special milestone in the study of the Tatar State was the release in 1923 of the fundamental M.G.Hudyakov «Sketches on the history of the Kazan Khanate», which was the first detailed and conceptually complete presentation of the history of the Middle Volga in the XV–XVI centuries. The article also deals with the Tatar historiography of the 1920s and shows that repressions which began in the mid 1930s brought to the eliminating of the most active Tatar scholars – Hadi Atlas, Gaziz Gubaidulin, Ali Rahim, Said Vahidi and many others. The objective historical study of the Tatars stopped until the period of the «thaw», before the appearance of works by Sh.F.Muhamedyarov. This paper presents a valuable contribution of Shamil Fatykhovich to the historiography medieval ethno-political and socio-economic history of the Volga Tatars.

Keywords: domestic history of the Soviet period, the Kazan Khanate, the Tatar people, the Middle Volga.

УДК 930.2

НАРРАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

*Б.Л. Хамидуллин, кандидат исторических наук,
И.Л. Измайлов, кандидат исторических наук*

Письменные источники по истории Казанского ханства в силу известных обстоятельств весьма ограничены, а их сведения весьма отрывочны. Про них можно сказать, что они лапидарны, но разнообразны. Эта разноплановость открывает значительные источниковедческие возможности для перекрестного анализа и сопоставления.

Ценным татарским источником периода Казанского ханства является копия тарханного ярлыка хана Ибрагима, правившего в Казани с 1467 по 1479 г. Данный раритет был найден в фондах ЦГАДА в 1963 г. Р.Н.Степановым¹. В Москву документ попал в 1685 г., когда потомок держателей ярлыка Кутлумухаммад Кутлугушев направил копию хранящегося у него ярлыка на имя русского царя с прошением о продлении данных его роду еще «мусульманскими правителями» привилегий (ярлык роду Кутлугушева был первоначально выдан в 1398 г. султаном Хайдаром-Али, а позднее продлен ханом Ибрагимом). Для царской канцелярии на русский язык копия ярлыка была переведена толмачом Артыком Иманаевым. Первая научная публикация копии ярлыка Ибрагима была осуществлена М.А.Усмановым, Ш.Ф.Мухамедьяровым и Р.Н.Степановым в 1965 г. на страницах журнала «Казан утлары»². В журнале были даны фотокопия документа, его транскрипция, перевод на современный татарский язык. Отметим оригинальность данного источника, насыщенность его многими терминами, помогающими раскрыть соци-

альную структуру Казанского государства и социально-политическую историю предшествующего периода.

Важным и оригинальным татарским источником периода Казанского ханства является тарханский ярлык хана Сахиб-Гирея, занимавшего казанский престол в 1521–1524 гг. Ярлык также относится к разряду подтверждающих тарханских. Он был обнаружен татарским археографом и этнографом Саидом Вахиди в 1912 г. в деревне Мамалай Мамадышского уезда Казанской губернии. Впервые при написании научной работы текст ярлыка используется Хади Атласи в 1914 г. в монографии «Казан ханлыгы» («Казанское ханство»). Публикация текста на русском и татарском языках с подробным комментарием впервые была осуществлена С.Г.Вахиди на страницах казанских научных изданий в 1925 г. К настоящему времени наиболее грамотный археографический анализ ярлыка дан в работах Ш.Ф.Мухамедьярова³.

Важными источниками по истории Казанского ханства являются переводы писем хана Сафа-Гирея, правившего в Казани в 1524–1531, 1533–1546 и 1546–1549 гг., польскому королю и великому князю литовскому Сигизмунду I. Местом их составления была канцелярия Великого княжества Литовского. Публикация текста писем, с переводом его на современный русский язык и примечаниями, была осуществлена Д.А.Мустафиной в 1997 г.⁴. Содержание писем представляет изложение казанским ханом политических со-

бытий 30–40-х гг. XVI в. и показывает нам международное положение Казанского ханства, его внутреннее состояние и т.д.

Ценным источником периода Казанского ханства является «Зафернаме-и вилайет-и Казан» («Победа Казанской страны»)⁵. Он написан астраханским татаринном, известным казанским сидом Кул Шарифом в 1550 г. В раритете речь идет о поражении русского войска под стенами Казани в феврале 1550 г. Кроме объяснения истинных причин победы казанцев (в русских летописях неудачный поход Ивана IV Грозного объяснялся плохими погодными условиями), в рукописи, написанной очевидцем событий тех лет, приводятся имена исторических личностей, названия местностей и иные важные сообщения⁶.

Интересными источниками по истории Казанского ханства являются также произведения татарских поэтов и философов, в частности стихи Умми Камала (ум. в 1475 г.)⁷, нравоучительно-философский трактат неизвестного автора «Советы добродетелей» («Насихат ас-салихин»)⁸, поэмы Мухаммадьяра «Дар мужей» («Тохвэимэрдан») и «Свет сердец» («Нуры содур»), написанные приблизительно в начале 1540-х гг.⁹, и др. Эти памятники свидетельствуют о наличии у казанских татар периода ханства зрелой литературы со своими устоявшимися за предшествующие века традициями (на наш взгляд, можно даже говорить о формировании некоей новой литературно-историографической традиции).

Наиболее полное отражение истории Казанского «царства» получила в русских летописных сводах. Наибольший интерес для ранней истории Казанского ханства представляют великокняжеские своды и летописи первой половины XV в. В этот период, в условиях междоусобной борьбы между наследниками Дмитрия Донского, центр общерусского летописания вновь переместился в Тверь, где в 30-х гг. XV в.

(или по датировке Я.С. Лурье – в 1412 г.) появилась новая редакция свода 1408 г., непосредственно отразившаяся в Рогожском летописце¹⁰, Никоновской летописи¹¹ и, опосредованно, – в Симеоновской летописи¹². Расхождения между текстами этих сводов особенно заметны после статьи 1390 г.

Параллельно с общерусским летописанием, представленным этими летописями, существовало местное, отразившееся, главным образом, в Новгородской I старшего и младшего извода (НПЛ). Старший извод, известный в одном списке, был доведен до середины XIV в. В младшем, представленном целым рядом списков XV–XVIII вв., отразилось летописание Новгорода второй половины XIV–начала XV в. Псковское летописание включало ряд списков, объединяемых в Псковскую I (первоначально доходила до 1469 г.), Псковскую II (доведена до 1486 г.) и Псковскую III (выходит за рамки XV в.) летописи (ПЛ). По мнению А.Н.Насонова и Я.С.Лурье, в основе их лежал общий протограф.

Следующим за Троицкой летописью памятником общерусского летописания был т.н. Новгородско-Софийский свод, отразившийся в Новгородской IV, близкой к ней Новгородской Карамзинской и Софийской I летописях¹³. Текст Новгородской IV и Софийской I летописей совпадает до 1418 г.; в Новгородской Карамзинской сходна с Софийской I также статья 1425 г. Предположение А.А.Шахматова, что Новгородско-Софийскому своду предшествовал более ранний источник – митрополичий свод (т.н. «Полихрон Фотия» 1448 г.) 1418–1421 гг., не подтвердилось дальнейшими исследованиями: летописи, в которых этот автор видел независимое от Новгородско-Софийского свода отражение Полихрона Фотия, опирались, как выяснилось, не на этот гипотетический памятник, а на летописание конца XV – начала XVI в.¹⁴. Дата свода – 1448 г. была предложена А.А.Шахматовым не на основании

анализа общих сведений летописей, а на интерпретации одного сообщения, причем явно ошибочного, и хотя позднее он сам отказался от этой датировки, в некоторых исторических работах эта ошибка повторяется. Определение даты Новгородско-Софийского свода опирается на факт того, что этот свод, как общий источник Софийской I, Новгородской Карамзинской и Новгородской IV летописей, предшествовал первой редакции Новгородской IV, составленной в 1437 г., и поэтому его создание, очевидно, можно отнести к 30-м гг. XV в.¹⁵. Текст Софийской I летописи старшей редакции доходит лишь до 1418 г.¹⁶. В этом своде, отразившемся также в Московской Академической летописи¹⁷ и сокращенном своде второй половины XV в.¹⁸, содержится ряд уникальных известий о конце XIII в.

Новый свод представлял собой коренную переработку (с привлечением тверских, суздальских, новгородских и других летописных материалов) свода 1408 г. Он также имел общерусский характер и своим происхождением был обязан митрополичьему окружению. Создан он был, по мнению А.А.Шахматова, в 1448 г. в Москве в связи с избранием нового митрополита Ионы. Идеологическим лейтмотивом этого свода недвусмысленно являлась идея необходимости объединения Руси, включая Ростов, Суздаль, Тверь, Новгород Великий и Псков, для отпора «поганым» татарам под верховенством Москвы. В этом своде впервые явно проявилась тенденция описания событий прошлого и настоящего с общерусских позиций, но при этом всячески подчеркивалась выдающаяся роль Москвы как исторического центра.

Софийская I летопись, в свою очередь, послужила основным источником московского великокняжеского летописания¹⁹, отразившегося в разных редакциях в Никаноровской²⁰ и Вологодско-Пермской (свод 1472 г.)²¹ летописях, «Летописце от

72-х язык» (свод 1497 и фрагмент свода 1477 г.)²², Московском своде (своды 1479 г., начала и конца 90-х гг. XV в.)²³, летописях XVI в. (Воскресенская и Никоновская). Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи (ВПл) совпадают до 1471 г., продолжая с сокращениями и редакторскими правками текст Софийской летописи, после этой даты в ВПл читаются в основном известия о Вологде и северорусских землях. Другие летописи, также восходящие к Софийской I, включая московские своды конца XV в. и Воскресенскую летопись, являются следующим шагом в развитии общерусского летописания и отличаются крайней промосковской позицией, резко осуждающей новгородские вольности и тенденциозно представляющей историю взаимоотношений с Казанским ханством. Интересно, что в этих летописях, наряду с обычным летописным и канцелярским (например, посольские дела – наказы, грамоты, дорожные дневники и т.д.) материалом, привлечены разнообразные другие источники, в т.ч. рассказы очевидцев и участников событий, слухи и т.д.

Наряду с великокняжеским летописанием, в XV в. существовало независимое от него общерусское летописание, представленное Ермолинской²⁴ и сходными с нею летописями (они отражали северный свод начала 70-х гг. XV в., составленный, вероятнее всего, в Кирилло-Белозерском монастыре), Типографской (ростовский владычный свод 80-х гг. XV в.)²⁵ и др. Очевидно, он также являлся основой для свода, ставшего протографом для Софийской II²⁶ и Львовской²⁷ (свод 1518 г., в основе которых лежит оппозиционный московским властям церковный свод митрополита Геронтия 80-х гг. XV в., как считал Я.С.Лурье, или неизвестного клирика Московского Успенского собора, как считали Б.М.Клосс и В.Д.Назаров²⁸) летописей. Сам текст Львовской летописи доведен до 1560 г. и во второй части (1518–1560 гг.) отражает свод

1560 г., очевидно, близкий к Летописцу начала царства²⁹. Эти летописные своды вызывают особый интерес, поскольку они сохранили независимые от официального историописания свидетельства об обстоятельствах тех или иных событий, о политической борьбе и взаимоотношениях Москвы с Казанью и другими татарскими ханствами. Например, в ряде мест, где в официальной летописи речь идет о победах над татарами, в независимой летописи прямо сказано о трусости воевод и их бегстве, и т.д. По мере усиления самодержавия, разгрома оппозиции великокняжеской власти и уничтожения политических вольностей Новгорода к концу XV в. независимое летописание исчезает или приобретает локальный характер³⁰.

Новгородское летописание конца XIII – первой половины XV в. представлено Новгородской летописью старшего и младшего изводов³¹. Для нашей темы интерес представляет младший извод, доходящий до 40-х гг. XIV в. Новгородский свод начала XV в., отразившийся в Новгородской I летописи младшего извода, был использован также при составлении протографа Новгородской IV и Софийской I летописей.

Среди летописей XVI в. можно выделить митрополичью Иоасафовскую летопись³², составленную при кафедре митрополита в конце 1520-х гг. В ней изложены события 1437–1520 гг. Свое название она получила по имени митрополита Иоасафа (ум. в 1555 или 1556 г.), известного книжника и писателя, которому эта летопись в свое время принадлежала.

Официальное русское летописание XVI в. представлено двумя огромными летописями – Никоновской и Воскресенской. Обе представляют вполне оформившуюся единую русскую официальную летописную традицию. Они близки своими источниками, в числе которых великокняжеские летописи XV в. Однако Воскресенская летопись³³, доведенная в известных спи-

сках до 1541 г., представляет собой идеологию «боярского правления» в период юности Ивана IV³⁴. Особый интерес представляет Никоновская летопись³⁵, которая была составлена в конце 20-х гг. XVI в. в Москве, при дворе митрополита всея Руси Даниила Рязанца (1522–1539 гг.). Летопись названа по имени патриарха Никона, которому принадлежал один из ее списков. Впоследствии Никоновский свод неоднократно дополнялся заимствованиями из официального летописания и был доведен до 1558 г. В результате кропотливой работы над сохранившимися списками летописи Б.М.Клосс выявил ее оригинал – список Оболенского. Благодаря этому были уточнены датировка и место составления свода, установлены скрипторий, в котором он был написан, и личность составителя. Целью создания летописи стала подготовка к собору 1531 г. Основными источниками Никоновского свода, по мнению Б.М.Клосса, были Симеоновская, особая редакция Новгородской V (т.н. Новгородская хронографическая) и близкая по времени к Никоновской Иоасафовская летописи, Владимирский летописец, Устюжский свод и Русский хронограф³⁶. Никоновская летопись представляет собой наиболее полный свод сведений по русской истории, причем часть из них уникальна.

Использование большого числа источников, многие из которых неизвестны, заставляет с особой осторожностью относиться к информации, почерпнутой из Никоновского свода, которая, скорее всего, явилась результатом редакторской и авторской работы ее составителя в первой половине XVI в. В первую очередь, это касается «избыточных» сведений. В этой связи доказано, что целый ряд подобных сведений, касающихся Волжской Булгарии и ее населения, инкорпорированных в текст ПВЛ (например, сведения о походах на г. Булгар Владимира в 994 и 997 гг., известие 990 г. о приходе в Киев болгарских «князей»),

чтобы там креститься) и в более поздние летописные рассказы (вставки-распространения текста известий о походах 1164, 1173, 1183, 1220 гг., а также наименование населения Волжской Булгарии, как «Болгаре ныне глаголемы Казанцы»), являются дополнениями ее сводчика и редактора. Тем не менее Никоновская летопись – один из важнейших источников по истории русского средневековья, поскольку дает богатый материал для изучения формирующейся имперской идеологии рождающегося русского царства. Во второй половине 1550-х гг. оригинальный текст летописи был дополнен известиями из Воскресенской летописи и Летописца начала царства (изложены события 1533–1552 гг.) – в результате получился текст самой объемной русской летописи.

В начале XVI в. начинается новая страница в истории русского летописания. В нем появляются такие явления, как Русский хронограф³⁷, который был воплощением в историческом произведении идеи о главенстве России в мире. Русский хронограф известен в нескольких редакциях, старейшая из них – редакция 1512 г. (позднее вплоть до начала XVII в. было создано еще несколько подобных хронографов).

Другим новым явлением XVI в. стало активное использование историописания в создании государственной идеологии. Например, Никоновская летопись послужила материалом для Степенной книги (Книга Степенная царского родословия)³⁸, где прямо и последовательно проводится мысль о богоизбранности России, а вся ее история является постепенным приближением ее к Богу. В отличие от других летописей, Степенная книга, излагающая события русской истории от призвания варягов по 1563 г., была разбита на 17 глав-степеней (отсюда и ее название), соответствующих семнадцати поколениям русских великих князей: от Владимира Святославича до Ивана Грозного. В символическом же пони-

мании «степени» — это ступени, ведущие к Богу, поэтому в центре каждой степени находится биография великого князя, рядом с которой помещены жизнеописания митрополитов и святых, живших в это время. Степенная книга была создана в 1560—1563 гг. под руководством митрополита всея Руси Макария и его преемника Афанасия – людей ближнего круга Ивана IV. Определенно можно сказать, что ее автор если не выполнял прямой заказ царя, то следовал в русле новой имперской царистской идеологии, создавая историю для царя и его потомков. Недаром в XVII в. русским правительством дважды предпринимались попытки создать на ее основе официальную историю России, дополнив ее материалами о последующих царствованиях. Для этого в 1657 г. создавался Записной приказ, а в 1682 г. – Палата строения Степенной книги.

Среди важнейших исторических источников следует назвать Летописец начала царства (полное название – «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси») ³⁹, составленный при непосредственном участии А.Ф.Адашева. Текст летописи охватывает сравнительно небольшой период времени – с 1533 по 1556 г. и освещает преимущественно две темы – укрепление самодержавия Ивана IV и «присоединение» Казани. Основные идеи Летописца близки официальным идеологическим установкам начального периода правления Ивана IV и в некоторых статьях прямо содержат проекты реформ 1550-х гг. Существенно отредактированные тексты Летописца были использованы при составлении последних двух томов Летописного свода.

Лицевой летописный свод создавался как царский летописный свод и был посвящен всемирной и русской истории от сотворения мира по 1567 г. ЛЛС был составлен в период правления Ивана Грозного (в течение 1568–1576 гг.). До нашего времени дошло, по подсчетам А.А.Амосова, 9745

листов, украшенных 17744 цветными иллюстрациями-миниатюрами⁴⁰. ЛЛС был недаром назван А.Е.Пресняковым «исторической энциклопедией XVI в.». Свод охватывал период «от сотворения мира» до 70-х гг. XVI в. Текст готовился книжниками из окружения митрополита Макария, миниатюры исполнялись мастерами митрополичьей и «государевой» мастерских. В составлении ЛЛС участвовал А.Ф.Адашев, а самое непосредственное участие в редактировании принимал Иван IV. Около 1575 г. уже подготовленный текст ЛЛС по указанию Ивана Грозного был подвергнут существенной переработке в той своей части, которая содержала описание его царствования, т.е. с 1533 по 1568 г. В приписках, сделанных неизвестным редактором на полях рукописи, содержались, в частности, обвинения против лиц, казненных или репрессированных во время опричнины. Работа над ЛЛС завершена не была — миниатюры последней части выполнены лишь в чернильном очерке, но не раскрашены.

Составители Лицевого летописного свода провели грандиозную работу при отборе источников своего сочинения, куда вошли крупные фрагменты Библии (Геннадиевская редакция), Александрии, «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Летописца Еллинского и Римского» и многие др. Русская история в томах IV–X излагается преимущественно по Никоновской летописи, но уже начиная с событий 1152 г. в ЛЛС встречается дополнительный, сравнительно с этой летописью, материал. Как установил Б.М.Клосс, источниками его могли быть Воскресенская летопись, Новгородский свод 1539 г., «Летописец начала царства» и др.⁴¹ В ЛЛС, подобно Русскому хронографу, рассказ о всеобщей истории завершают русские события — тем самым утверждается мысль об истории России как преемнице всемирной истории. Наиболее последовательно эта мысль преподносится в последней части ЛЛС, которая называет-

ся «Царственной книгой» и где излагаются события 1533–1568 гг.

Особо необходимо выделить историческую повесть XVI в. под названием «Казанская история» («История о Казанском царстве», «Казанский летописец») с ярко выраженной публицистической направленностью. Судя по современным исследованиям, она была написана около 1565 г. анонимным автором, вероятно, ранее бывшим русским пленником, жившим в Казани при дворе ханов (занимал какую-то должность в ханской канцелярии) и ставшим непосредственным очевидцем последних 20 лет самостоятельного существования Казанского ханства. Не исключено, однако, что авторство некоего «очевидца» — просто литературный прием, который должен был придать историко-публицистической повести видимость достоверности и объективности. Впервые она была издана в 1731 г. и с тех пор неоднократно переиздавалась по различным рукописям и редакциям⁴². «Казанская история» подробно изучалась как историко-литературное произведение Г.З.Кунцевичем, Г.Н.Моисеевой, А.Н.Насоновым, Т.Ф.Волковой, Л.А.Дубровиной, Э.Кинаном, Я.Пеленски и другими исследователями⁴³. Благодаря этим трудам установлено, что источниками сведений для ее автора, кроме авторских рассказов (степень их достоверности сомнительна), были легенды и рассказы очевидцев, русские летописи и официальные документы, литературные труды (в т.ч. Ивана Грозного). Основу повествования составляет история Казани и Казанского ханства со времени их возникновения и до завоевания Русским государством (1552 г.).

«Казанская история» — одно из первых произведений в древнерусской литературе, пронизанное единой и цельной историко-публицистической идеей, суть которой в возвышении царя и поддерживающего его дворянства, разоблачение заговоров и измен боярства. Ради своей концепции ее автор

тенденциозно описывает реальные события, создает вымышленные эпизоды, вводит новые факты, а саму историю Казани переосмысливает и делает формой выражения своей монархической идеи. По его мысли, гибель Казанского ханства – следствие слабости ханской власти и самовластия вельмож, поэтому он отрицательно характеризует татарскую историю. Одновременно «Казанская история» пронизана идеями православного мессианизма и имперской концепцией, оправдывающими завоевание Казани и вообще нехристианских народов (например, «право» вотчинного владения землями Поволжья, «древность» проживания русских в Поволжье, ответственность казанцев за татарские завоевания и набеги и т.д.).

Списки «Казанской истории» дошли до нас по крайней мере в трех редакциях и несколькими вариантами. 1-я редакция (1584–1590-е гг.) внесла некоторые изменения в первоначальный текст в связи со сменой внешнеполитической ситуации в России (возникновение Казани отнесено к 1172/1177 гг., вставлены сведения о завоевании русскими князьями Поволжья и т.д.) (см. труд Г.Н.Моисеевой⁴⁴). 2-я редакция (около 1610 г.) – сокращенная и довольно дефектная (в ней отсутствует целый ряд сюжетов и само «Казанское взятие», восстановленные позднее при издании) (см. труды Г.З.Кунцевича⁴⁵ и Л.А.Дубровиной). 3-я редакция (начало XVII в.) представляет собой соединение обеих предыдущих редакций (попытка как бы восстановить авторский текст) (см. издание Н.В.Водовозовой⁴⁶). Все изменения и переработки текста были связаны с меняющейся политической и международной обстановкой в конце XVI – начале XVII в. (пересмотр идеологии Ивана Грозного и ее возрождение). Это делает «Казанскую историю» важнейшим, хотя и специфическим, источником для изучения не только истории Казанского ханства, но и общественно-политических дис-

куссий начального этапа формирования православной имперской и самодержавной идеологии в России. «Казанская история» является одним из ярчайших историко-литературных памятников конца XVI – XVII в. и поэтому следует подчеркнуть, что это – источник довольно оригинальный, содержащий множество сведений по истории Казанского ханства, но требующий очень внимательного и критичного отношения к себе.

Из русских источников XVI в. литературно-политического характера для изучения истории Казанского ханства особую важность имеет и «История о великом князе Московском» князя А.М.Курбского⁴⁷, принимавшего активное участие в завоевании Казани в 1552 г. Здесь по крупницам мы находим сведения и о политической истории Казанского ханства, и о социально-экономическом его развитии. Довольно интересны описания этнического состава населения Казанского государства, причем князь четко разделяет государствообразующее население страны («казанских татар») и подвластное казанским ханам иное местное население, в частности чувашей, черемис и других народов ханства.

Ценнейшим источником по истории Казанского ханства являются русские писцовые, переписные книги второй половины XVI–XVII в. Их материалы могут быть привлечены для ретроспективного освещения истории государства, его этнического и социального развития, административно-территориального деления. Эти документы составлялись в целях государственного налогообложения податного населения, фиксации права владения землей, крестьянами. В основе писцовых, переписных книг лежит описание в каждом владении крестьянских дворов и земельных угодий. Подобные книги составлялись в результате деятельности особых комиссий, которые правительство посылало из Москвы на места. В книгах довольно четко зафиксированы социальное положение

ние и этническая принадлежность людей, причем нередко приводятся факты, напрямую отражающие этносоциальную историю Казанского ханства. Публикация писцовых и переписных книг Среднего Поволжья, а также извлечений из них начинается с конца 70-х гг. XIX столетия⁴⁸. В советский период на эти книги как на исторический источник первым обратил внимание М.Г.Худяков. В «Материалах по истории Татарской АССР» (Л., 1932) публикуются писцовые книги города Казани 1565–1568 и 1646 гг. с вводной статьей М.Г.Худякова «Казань в XV–XVI столетиях», где автор активно оперирует данными первой из названных писцовых книг. В 50-х гг. XX в. Ш.Ф.Мухамедьяров снова привлек внимание исследователей к источниковедческой ценности этих книг. Работа по комплексному изучению писцовых и переписных книг Среднего Поволжья, публикации их текстов и введению в научный оборот значительно оживилась с середины 1970-х гг., в чем заслуга, в первую очередь, коллектива ученых Казанского государственного университета во главе с И.П.Ермолаевым⁴⁹. Отдельно хотелось бы отметить также активную изыскательскую и публикаторскую деятельность в этом направлении Д.А.Мустафиной⁵⁰.

Важным историческим источником по самым различным аспектам истории Казанского ханства, в первую очередь дипломатическим, военным и экономическим взаимоотношениям Москвы и Казани, являются русские посольские дела. К сожалению, дел, относящихся к дипломатическим отношениям Руси и Казанского ханства, т.е. посольских книг по связям с Казанским ханством, не сохранилось, хотя они, несомненно, существовали⁵¹. Однако сюжеты, связанные с военно-политическими взаимоотношениями Москвы и Казани, сохранились в других посольских книгах. Частично они были опубликованы еще в XIX в., в первую очередь, – посольские

дела по сношениям Руси с Ногайской Ордой, Крымским ханством и Турцией⁵². Публикации эти, однако, не избежали досадных «мелких» и существенных ошибок. В последние годы весьма активно посольские дела изучаются научной группой Института Российской истории РАН во главе с Н.М.Рогожиным, что позволило дать комплексную характеристику этому интереснейшему историческому источнику⁵³ и заново издать исправленные варианты ряда посольских книг⁵⁴. Интересны изыскания в этой области В.В.Трепавлова, впервые обнаружившего и опубликовавшего одну часть посольской книги по связям с Ногайской Ордой⁵⁵, что позволяет надеяться на новые находки в этой области.

Особое место среди источников по истории Казанского ханства занимают «записки» западноевропейцев. Одно из наиболее полных и достоверных описаний Московского государства XVI в. и соседних с ним стран и народов мы находим в «Записках о московитских делах» Сигизмунда Герберштейна⁵⁶. «Записки...» написаны опытным австрийским дипломатом, в 1517 и 1526 гг. являвшегося посредником на переговорах советников великого князя всея Руси Василия III с послами великого князя литовского и короля польского Сигизмунда I. По предписанной ему инструкции С.Герберштейн собирал всевозможные сведения по самым разным вопросам – от обычаев и быта до политики и экономики. В Москве он жил подолгу, пользовался расположением Василия III, был знаком с представителями самых разных социальных кругов, в т.ч. и с иностранными дипломатами и купцами, а также с иностранцами, находившимися на русской службе. Чрезвычайно ценны данные С.Герберштейна о мордве и чувашах, поскольку их собственных памятников письменности практически не сохранилось. Он сообщает множество сведений об этих народах – приводит этнические названия, характеризует их язык, описывает основные

занятия, особенности быта, религию и т.д. Существенно дополняют сведения других источников яркие зарисовки этнополитической и социально-экономической истории казанских и ногайских татар.

Из описаний западноевропейцев XV–XVI вв., в которых отчасти отражена история русских и татар этого и предшествующего периодов (в большей степени – история Московской Руси), можно также отметить интересные «записки» баварского наемника Иоганна Шильтбергера (служил, в частности, у хана Улуг-Мухаммеда)⁵⁷, венецианского купца Иосафата Барбаро, в 1436–1452 гг. проживавшего в г. Тане (при устье Дона), Амброзио Контарини – посла Венецианской республики к персидскому шаху, в 1476 г. посетившего Москву⁵⁸, профессора Краковского университета поляка Матвея Меховского (1457–1523)⁵⁹, итальянского купца Марко Фоскарини, посетившего Россию в 1557 г.⁶⁰, английского купца Антония Дженкинсона, в 1558–1564 гг. побывавшего в России (жил в Казани с 29 мая по 13 июня 1558 г.), Средней Азии и Персии⁶¹, немца Генриха Штадена, в 1564–1576 гг. жившего в России и служившего в опричном войске Ивана Грозного⁶², итальянца Александра Гваньини, жившего в Польше⁶³, английских купцов Христофора Бэрроу, Уильяма Тэринбулла и др., живших в Казани с 22 по 26 сентября 1579 г. и с 26 мая по 4 июня 1581 г.⁶⁴, Джерома Горсея – английского коммерсанта, с 1573 по 1591 г. находившегося в России⁶⁵, Антония Поссевино – папского посла, побывавшего в России в 1581–1582 гг.⁶⁶, Джайлса Флетчера – английского посла в Москве в 1588–1589 гг.⁶⁷ и некоторых др.⁶⁸.

Ценными источниками по истории Казанского ханства являются *эпиграфические памятники*, анализируемые в работах Каюма Насыри, Али Рахима, Г.В.Юсупова, Ф.С.Хакимянова, Д.Г.Мухаметшина⁶⁹ и др. В этих трудах дан анализ лингвистических ма-

териалов, позволивших сделать вывод о преемственности современного татарского литературного языка от языка Казанского ханства, а их ареал представляет довольно четкую картину расселения тата-мусульман в период XV–XVI вв. Вместе с тем эти эпиграфические памятники представляют значительный интерес как исторический источник, сохранив материалы об именной и социальной структуре ханства, а также некоторых особенностях местного ислама.

Наряду с письменными источниками по истории Казанского ханства большой интерес представляет *фольклор* народов Среднего Поволжья, произведения которого с известной оговоркой можно прямо назвать «первыми историческими сочинениями» – своеобразной формой народной памяти о прошлом⁷⁰. Из фольклорных произведений татар XV–XVI вв. можно назвать такие дастаны и байты, как «Идегей», «Алпамыш», «Чура батыр», «Сказание об Амете», «Ханэкэ Солтан бэете» и др. – настоящий цикл народных исторических песен, легенд и преданий, повествующих об основании и развитии города Казани, о политической, культурной и экономической жизни Казанского ханства, но особенно ярко и драматично – о событиях 1552 г. и т.д.⁷¹. В них, вместе с художественными образами, даны и реалистичные картины истории Золотой Орды, иных (кроме Казанского) постзолотоордынских татарских ханств⁷². К примеру, в легендах «Основание Старой Казани»⁷³, «Почему город называется “Казань”»⁷⁴, «Основание города Новая Казань»⁷⁵ и других говорится о возникновении и укреплении Казани, становлении его как столичного города, центра экономики и культуры обширного многоэтничного и поликонфессионального региона. Дастан «Чура батыр»⁷⁶ содержит описание событий внутренней и внешней политики Казанского и Крымского ханств в период, предшествующий 1552 г. Этот дастан, содержащий много сведений о

конкретных участниках тех событий и важный для характеристики самосознания народа, неоднократно становился предметом анализа на предмет выявления соотношения исторических материалов в эпическом произведении⁷⁷. Сам эпический Чура батыр отождествляется исследователями с Чюрой Нарыковым, упоминаемым в русских летописях с марта 1526 г. По данным русских летописей (это, в первую очередь, Никоновская и Казанская), исторический Чура Нарыков – крупный государственный деятель, являвшийся одним из четырех карачи-беков ханства, жил в Казани и принимал активное участие в политической жизни Казанского ханства между 1526–1546 гг. Предание «Взятие Казани», довольно большое по своему объему, подробно освещает, по сути, всю историю Казанского ханства⁷⁸. В нем говорится о больших достижениях государства в период мирного сосуществования с соседями, о благополучии в стране, расцвете культуры. Далее в повествование вносятся трагические интонации – о предательской политике хана Шах-Али, о завоевании Казани Иваном Грозным, о тяжелой потере татарами Среднего Поволжья (казанцами) своей государственности. Вообще эта тема – взятия Казани и завоевания Казанского ханства красной нитью пронизывает все народное творчество татарского народа⁷⁹, а само это грандиозное событие нашло отражение также в русских народных песнях⁸⁰. Очень интересный материал о Казанском ханстве содержится также в произведениях народного творчества башкир, марийцев, мордвы, русских, удмуртов, чувашей и др.⁸¹.

В плане анализа фольклорных материалов и расширения источниковой базы особый интерес представляет работа М.Р. Садекова, в которой рассматриваются русские историко-публицистические произведения, в первую очередь «Казанская история» и ряд других подобных произведений, а также историко-краеведческие сочи-

нения XVII–XVIII вв.⁸². Автор доказывает, что во время создания такого монументального произведения, как «Казанская история», ее автор использовал широкий круг источников, в том числе произведения татарского устного народного творчества. В дальнейшем существование подобных легенд было зафиксировано различными авторами более позднего времени, которые использовали эти произведения для создания трудов по истории Казанского ханства. В целом, не подвергая сомнению саму возможность использования автором «Казанской истории» татарских легенд, следует подчеркнуть, что автор подобный тезис никак источниковедчески не документирует. Фактически интересный и весьма продуктивный сам по себе тезис, который давно кочует из одной исторической работы в другую, о возможности сохранения каких-то элементов татарского фольклора в русских историко-публицистических произведениях остается лишь догадкой. К сожалению, и в работе М.Р. Садекова этот тезис не доказывается текстологическими и источниковедческими выкладками, а подменяется простым извлечением из «Казанской истории» сведений легендарного характера, которые автор ничтоже сумняшеся считает «татарским фольклором» периода Казанского ханства. Между тем вопрос об источниках этих легендарных сведений не так прост и не может быть подменен простым их извлечением из контекста данного труда. Достаточно сказать, что «Казанская история» дошла до нас не менее чем в двух редакциях, причем в более поздней 2-й редакции начала XVII в. «фольклорные» мотивы были даже более усилены, а основание Казани удревнено до болгарского периода. Остается вопрос, насколько редактор начала XVII в. руководствовался в этих своих дополнениях и изменениях текста татарским фольклором (оставляем за скобками вопрос, откуда он мог его узнать), а насколько библейскими мотивами, идеологическими со-

ображениями и идеологемами нового русского царства⁸³. При этом автором совершенно обойден вопрос о книжном характере, по крайней мере, части «фольклорных татарских элементов» и его переключка, вплоть до текстологических совпадений с библейской и церковной литературой, а также русским народным творчеством. Например, описание пленения и увода хан-бике Сююмбике явно восходит к мотиву свадьбы и имеет прямое отношение к мифологеме «венчания на царство», символизируя грядущее падение Казани и т.д. В этой связи представляется, что прямое отождествление неких «фольклорных» элементов «Казанской истории» с татарским фольклором является излишне смелым и пока не доказанным.

Важными источниками по истории Казанского ханства являются татарские шеджере (генеалогии рода). Выявлением и записью их занимались многие российские ученые, в их числе Петр Рычков, Христиан Мартин Френ, Карл Фукс, Ибрагим Хальфин, Владимир Вельяминов-Зернов, Хусайн Амирхан, Шигабутдин Марджани, Каюм Насыри, Риза Фахретдин, Али Рахим, Саид Вахиди. Важным вкладом в науку явились изучение, научное определение и классификация татарских шеджере, проделанные М.А.Усмановым⁸⁴. Позднее исследованию татарских шеджере уделили значительное внимание М.И.Ахметзянов, Р.А.Шайхиев, Д.М.Исхаков и другие ученые. В настоящее время признанным лидером изучения татарских шеджере является М.И.Ахметзянов, опубликовавший по названной проблеме две монографии на русском⁸⁵ и татарском⁸⁶ языках, в которых автор не только размещает тексты некоторых генеалогий, но и разрабатывает научные методы их анализа. Для исследования истории Казанского ханства наибольший интерес представляют шеджере, хронологические рамки которых имеют нижней границей XIII–XIV вв. – это, например, шедже-

ре Майкы, Кара бика, Мамата, Улуса, Хасан-Хусаина, Янбакты, Гирает бия, Кайкы бия. С сожалением приходится констатировать, что из-за известных событий середины XVI в. таких генеалогий очень мало. В источниковедческом плане многие из них являются ценными историческими документами, содержание которых подтверждается данными русских летописей, татарских эпиграфических надписей и других источников. Большое значение для реконструкции этносоциальной истории Казанского ханства имеют также т.н. «башкирские» шеджере, опубликованные и анализируемые, в частности, в работах Р.Г.Кузеева, хотя следует отметить, что этот автор допускал весьма значительную архаизацию сведений из этих родословий, относя истоки их создания к X–XI вв.

В целом можно сказать, что источники по истории Казанского ханства довольно разнообразны и представляют весьма солидную источниковедческую базу для исследования истории и культуры этого средневекового государства. Многие виды и категории источников имеют весьма длительную историю изучения и анализа как в отношении их общих гносеологических возможностей, так и в прикладном плане, применительно к истории татарского народа. Особая роль в этом отношении принадлежит нарративным источникам, которые, несмотря на всю сложность анализа, позволяют создать общую картину социально-политического развития Казанского ханства, особенно его военно-политические взаимоотношения с Русским государством. Значительно расширяют наши представления о хозяйственных занятиях, культуре и быте населения Казанского ханства археологические исследования, которые приобрели системный и масштабный характер в последние годы в связи с проведением значительных исследований в период подготовки к 1000-летию празднования основания Казани. Полученные материалы позво-

лили серьезно расширить наши представления о ремесленном производстве и торговых связях, в целом культуре городского населения Казани.

Вместе с тем приходится отмечать, что, несмотря на значительный объем источниковедческой информации по истории Казанского ханства, она носит в значительной мере отрывочный и разрозненный характер. Фактически отсутствуют современные работы по комплексному анализу и сопоставлению источников. За редким исключением нет трудов, обобщающих сведения различных источников и по анализу всех источников по данной теме. Так, например, давно назрел труд по

археологии Казанского ханства. Актуальность этой работы осознавалась три десятилетия назад, а в настоящее время ее отсутствие просто тормозит дальнейшее углубленное изучение всей проблематики по средневековой истории татар.

Подводя итог анализу источников по истории Казанского ханства, можно констатировать, что собранный большой материал требует новых подходов к его изучению и новых комплексных источниковедческих исследований. Очевидно, что без решения этой проблемы изучение истории и культуры Казанского ханства вывести на новый уровень познания будет невозможно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЦГАДА. – Ф.1173. – Оп.1. – Ед. хр.196. – Л.1.

² См. также: *Kurat A.N.* IV–XVIII yuzyillarda Karadeniz kuzeyindeki Türk kavimleri ve devletleri. – Ankara, 1972. – P.354–356.

³ См., например: *Мухамедьяров Ш.Ф.* Тарханный ярлык казанского хана Сахиб-Гирея 1523 г. // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М.Н.Тихомирова. – М., 1967. – С.104–109; *Muhamedyarov S., Vasary I.* Two Kazan tatar dictes // *Between the Danube and the Caucasus A Collection of Papers Concerning Oriental Sources on the History of the Peoples of Central and South-Eastern Europe.* – Budapest, 1987. – 181–216 p. Будапештское издание содержит фотокопии ярлыков Ибрагима и Сахиб-Гирея, транскрипции, тексты этих ярлыков и комментарий на английском языке. Новую публикацию статьи Ш.Ф.Мухамедьярова и И.Вашари с русским переводом ярлыка хана Ибрагима см.: Источники и исследования по истории татарского народа: Материалы к учебным курсам в честь юбилея академика АН РТ М.А.Усманова / Сост. Д.М.Усманова, Д.А.Мустафина; науч. ред. И.А.Гилязов. – Казань, 2006. – С.157–167.

⁴ *Мустафина Д.А.* Послание царя казанского // Гасырлар авазы / Эхо веков. – Казань, 1997. – №1/2. – С.26–38.

⁵ *Togan Z.V.* Kazan Hanliginda Islam Turk Kulturu // *Islamtetkiklerienstitusudergisi.* – Istanbul, 1965. – С.Ш. –S.3/4. – 179–204 б.; *Хажитархани Шәриф.* Казан вилаятенен жиную // Идел. – Казан, 1995. – № 1. –12–16 б.; *Шерефи Х.* Зафер-намэ-и Вилайет-и Казан. Пер. с турецкого яз. Ф.С. Хакимзянова // Гасырлар авазы / Эхо веков. – 1997. – № 1/2. – С.87–90; Зафернамэ-и вилайете Казан. Победа Казанской страны // Кол Шәриф һәм аның заманы. Кул Шариф и его время. – Казан, 2005. – 16–22 б.

⁶ По всей видимости, в этот период татарами были созданы и иные письменные исторические произведения по предыстории и истории Казанского ханства, в т.ч. официального характера, которые, к сожалению, не уцелели. Об этом очень аргументированно писал М.А.Усманов в своей монографии «Татарские исторические источники XVII–XVIII вв.» (Казань, 1972). Исследователь отметил основные причины «исчезновения» этих источников: завоевание Казани в 1552 г. и уничтожение русскими татарских медресе и библиотек, антимосковские восстания после падения ханства, стихийные бедствия и пожары, миссионерские погромы, сопровождавшиеся уничтожением памятников татарской старины, публичное сожжение татарских книг в 1920–1930-е гг. и т.д. (Указ.соч. – С.26–29).

⁷ См., например: *Абилов Ш.Ш.* Умми Камал // Средневековая татарская литература VIII–XVIII вв. – Казань, 1999. – С.130–132.

⁸ *Абилов Ш.Ш.* Татарская литература XV–XVI вв. (Эпоха Казанского ханства) // Средневековая татарская литература VIII–XVIII вв. ... – С.126.

⁹ См., например: Мөхәммәдъяр һәм аның чоры / Төзүче авторлар: М.Әхмәтжанов һ.б.–Казан, 1997. О татарской литературе периода Казанского ханства см. также публикации Х.Ю.Миннегулова, например: *Миннегулов Хатыйп*. Казан ханлыгы чоры язма мәдәнияте // *Мирас*. – 1993. – № 10. – 17–34 б.; *Аныкы ук*. Казан ханлыгы чоры язма мәдәнияте // *Кол Шәриф һәм анын заманы*. Кул Шариф и его время. – Казан, 2005. – 94–113 б.

¹⁰ ПСРЛ. – М., 1965. – Т. XV. – Вып. 1.

¹¹ ПСРЛ. – М., 2002. – Т. IX–XIV.

¹² ПСРЛ. – СПб., 1913. – Т. 18.

¹³ ПСРЛ. – Т. IV; Т. V. – Вып. 1; Т. VI. – Вып. 1; Т. 42.

¹⁴ См.: *Лурье Я.С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. – Л., 1976. – С. 67–121.

¹⁵ *Шахматов А.А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. – М.–Л., 1938. – С. 366; *Лурье Я.С.* Общерусские летописи... – С. 108–117; *Бобров А.Г.* Из истории летописания первой половины XV в. // Труды отдела древнерусской литературы. – 1993. – Т. 46. – С. 10.

¹⁶ ПСРЛ. – Т. VI. – Вып. 1.

¹⁷ ПСРЛ. – М., 1925. – Т. 1. – Вып. 3.

¹⁸ *Насонов А.Н.* Летописный свод XV века (по двум спискам) // *Материалы по истории СССР*. Вып. 2. – М., 1955.

¹⁹ *Лурье Я.С.* Общерусские летописи...; *Муравьева Л.Л.* Московское летописание второй половины XIV – начала XV века. – М., 1991.

²⁰ ПСРЛ. – М.–Л., 1962. – Т. 27.

²¹ ПСРЛ. – М.–Л., 1959. – Т. 26.

²² ПСРЛ. – М., 1963. – Т. 28.

²³ ПСРЛ. – М.–Л., 1949. – Т. XXV.

²⁴ ПСРЛ. – М., 2004. – Т. XXIII.

²⁵ ПСРЛ. – М., 2000. – Т. XXIV.

²⁶ ПСРЛ. – М., 2001. – Т. VI. – Вып. 2.

²⁷ ПСРЛ. – М., 2005. – Т. XX.

²⁸ *Лурье Я.С.* Независимый летописный свод конца XV в. – источник Софийской и Львовской летописей // *ТОДРЛ*. – Л., 1973. – Т. 27. – С. 164–165; *Его же*. Общерусские летописи... – С. 210–213; *Клосс Б.М., Назаров В.Д.* Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV в. // *Древнерусское искусство. XIV–XV вв.* – М., 1984. – С. 305–313.

²⁹ *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. – М., 1980. – С. 199–205.

³⁰ См., например: *Сербина К.Н.* Устюжское летописание XVI–XVII вв. – Л., 1985; *Вычегодско-Вымская летопись* // *Историко-филологический сборник*. – Сыктывкар, 1958. – Вып. 4. – С. 257–271.

³¹ ПСРЛ. – М., 2000. – Т. III.

³² *Иоасафовская летопись*. – М., 1957.

³³ ПСРЛ. – М., 2001. – Т. VII–VIII.

³⁴ *Левина С.А.* Летопись Воскресенская // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. – Л., 1989. – Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). – Ч. 2. – С. 40–42.

³⁵ ПСРЛ. – М., 2000. – Т. IX–XIV.

³⁶ *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. – М., 1980.

³⁷ ПСРЛ. – М., 2005. – Т. 22.

³⁸ *Книга степенная царского родословия*. – СПб., 1908–1913.

³⁹ ПСРЛ. – М., 1965. – Т. 29.

⁴⁰ *Амосов А.А.* К вопросу о времени происхождения Лицевого свода Ивана Грозного // *Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР*. – Л., 1978. – С. 6–36; *Его же*. Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Комплексное кодикологическое исследование. – М., 1998.

⁴¹ Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. – М., 1980. – С.206–265; см. также: Морозов В.В. Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. – М., 2005. – С.87–132.

⁴² ПСРЛ. – СПб., 1903 (2-е изд. – М., 2000). – Т. XIX; Казанская история. – М.–Л., 1954; Сказание о царстве Казанском. – М., 1959; Historievom Zartum Kazan (Kazaner Chronist). Beginn derrussischen Ostexpansion. – Страх–Wien–Koln, 1969; Казанская история // Памятники литературы Древней Руси. – М., 1985; и др.

⁴³ Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве. – СПб., 1905; Мусеева Г.Н. Автор «Казанской истории» // Труды отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы. – М.–Л., 1953. – Т. IX; Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники. – М.–Л., 1958; Волкова Т.Ф. Казанская история // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л., 1988. – Вып.2 (2-я пол. 14–16 в.). – Ч.1; Дубровина Л.А. «История о Казанском царстве» (Казанский летописец). Списки и классификация текстов. – Киев, 1989; Добродомов И.Г., Кучкин В.А. «Казанская история» и основание Казани // Герменевтика древнерусской литературы. – М., 1989; Keenan E. Commingto Gripswitha Kazanskaya Istoriya: Some Observationon Old Answersand New Questions // Annalsofthe Ukrainian Academy States. 1964–1968. – Vol.XI. – № 1/2. – P.143–183; Pelenski J. Russian and Kazan: Conquest and Imperial Ideology (1438–1560 s.). – Hague–Paris, 1974; Измайлов И.Л. «Казанское взятие» и имперские притязания Москвы // Мирас. –1992. – № 10.

⁴⁴ Казанская история. – М.–Л., 1954.

⁴⁵ ПСРЛ. –СПб., 1903 (2-е изд. М., 2000). – Т. XIX.

⁴⁶ Казанская история // Памятники литературы Древней Руси. – М., 1985.

⁴⁷ См., например: Курбский А. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века / Сост. и общая ред. Л.А. Дмитриева, Д.С.Лихачева. – М., 1986.

⁴⁸ Список с писцовых книг по городу Казани с уездом. – Казань, 1877; Борисов В. Писцовая книга города Лаишева 7076 [49 Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов / Под науч. ред. И.П.Ермолаева, М.А.Усманова. – Казань, 1979; Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР (вторая половина XVI – середина XVII в.). Тексты и комментарии / Сост. И.П.Ермолаев, Д.А.Мустафина. – Казань, 1990.

⁵⁰ Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов / Сост. И.П.Ермолаев, Д.А.Мустафина. – М., 2001; Перечневая книга Свяжского уезда. По материалам писцового описания 1646–1652 годов / Изд. подг. Д.А.Мустафиной. – Казань, 2004.

⁵¹ Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. / Под ред. С.О.Шмидта. – М., 1960.

⁵² См., например: Малиновский А. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыме татарскими царями с 1462 по 1533 год // Записки Одесского общ-ва истории и древностей. – 1863. –Т.5; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Ногайской Ордами и Турцией / Под ред. Г.Ф.Карпова, Г.Ф.Штендумана. Т.1 (1474–1509 гг.); Т.2 (1508–1521 гг.) // Сборник Русского исторического общ-ва (РИО). – Т.41. – СПб., 1884; Т.95. – СПб., 1895; и др.

⁵³ Рогожин Н.М. Посольские книги России конца XV– начала XVII вв. –М., 1994.

⁵⁴ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1508 гг. / Подг. текста М.П.Лукичева, Н.М.Рогожина. –М., 1984; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. / Подг. текста Н.М.Рогожина. – Махачкала, 1995.

⁵⁵ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.) / Подг. к печати, введ. и коммент. В.В.Трепавлова. – М., 2003.

⁵⁶ См., например: Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. А.И.Малеина, А.В. Назаренко. – М., 1988.

⁵⁷ Иоганн Шильтбергер. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. – Баку, 1984.

⁵⁸ Барбаро и Контарини о России. – Л., 1971.

⁵⁹ *Меховский Матвей*. Трактат о двух Сарматиях. –М.–Л., 1936. Книга впервые была издана в 1517 г. на латинском языке.

⁶⁰ *Огородников В.* Донесение о Московии второй половины XVI в. –М., 1913.

⁶¹ Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. –Л., 1937.

⁶² *Штаден Генрих*. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. –Л., 1925; Царь-палач (Грозные времена Грозного). –Казань, 1998 (публикация «записок» Альберта Шлихтинга и Генриха Штадена); *Генрих Штаден*. Записки немца-опричника. –М., 2002.

⁶³ *Гваньини Александр*. Описание Московии. –М., 1997. Книга впервые была издана в 1578 г. на латинском языке.

⁶⁴ Английские путешественники в Московском государстве ...

⁶⁵ *Джером Горсей*. Записки о России. XVI – начало XVII в. –М., 1990.

⁶⁶ *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. –М., 1983.

⁶⁷ *Середонин С.М.* Сочинение Джильса Флетчера как исторический источник. –СПб., 1891; *Флетчер Дж.* О государстве Русском // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII вв. глазами дипломатов). –М., 1991.

⁶⁸ См., например: *Масса Исаак*. Краткое известие о Московии в начале XVII в. –М., 1937; Путешествие по России голландца Стрюйса // Русский архив. –1880. –Кн.1. –С.67–69; *Олеарий Адам*. Описание путешествия в Московию (Голштинское посольство к русскому царю и шаху Персии). –М., 1996.

⁶⁹ См., например: «Календарь» К.Насыри за 1873 г.; *Рахим А.* Татарские эпитафические памятники XVI века // Труды Общества изучения Татарстана. –Казань, 1930; *Юсупов Г.В.* Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. –М.–Л., 1960; *Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С.* Эпитафические памятники города Булгара. –Казань, 1987; *Мухаметшин Д.Г.* Эпитафические памятники Казанского ханства как исторический источник // Из истории Золотой Орды. –Казань, 1993. –С.118–133; *Мухаметшин Д.Г.* Эпитафические памятники татар Поволжья и Приуралья. Региональные особенности и этнокультурные варианты. Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. –Казань: Ин-т истории АН РТ, 1996.

⁷⁰ См., например: Очерки истории исторической науки в СССР. –М., 1955. –Т.I. –С.17–19.

⁷¹ Подборку наиболее важных см.: Татар халык ижаты: Риваятьләр һәм легендалар. –Казан, 1987; Татар халык ижаты: Тарихи һәм лирик жырлар. –Казан, 1988.

⁷² Краткую характеристику названных и иных произведений татарского фольклора периода Казанского ханства см.: *Урманчеев Ф.И.* Трагедия народа, рассказанная им самим (татарский фольклор периода Казанского ханства) // Научный Татарстан. –2002. –№3/4. –С.125–133; *Садеков М.Р.* ...Звучат лишь письма (Татарский фольклор периода Казанского ханства в русских исторических источниках). –Казань, 2006.

⁷³ См., например: Иске Казан каласының корылуы // Татар халык риваятьләре һәм легендалары / Тоз. С.Гыйләжетдинов. –Казан, 2000. –44–46 б.; Татарская легенда «Основание старой Казани» // *Хамидуллин Б.Л.* Народы Казанского ханства... –Приложение №2 на с.244–246.

⁷⁴ См., например: Шәһәр нигә Казан дип аталган // Татар халык риваятьләре... –46 б.

⁷⁵ См., например: Яна Казан каласының корылуы // Татар халык риваятьләре... –50–52 б.; Буяна Казаннын гыймарәт кыйлынганы // Шунда ук. –52–54 б.

⁷⁶ См., например: *Хамидуллин Б.Л.* Народы Казанского ханства... –С.16 и сноски №21–23 на с.99.

⁷⁷ Наиболее важные см.: *Paksoy H.B.* A Tatar Admonitionto Future Generations // Studiesin Comparative Communism. –1986. –Vol. 19. –№ 3-4. –P. 252-265; *Исхаков Д.М.* Чорабатыр: кто он? // Татарстан. –1997. –№ 12. –С.55–58; *Iskhakov D.* «Chora Batyr»: Problems of Personality and it's Place in the Hierarchy of Turkic-Tatar Societies // Oriental Studies in the 20th Century: Achivments and prospects. Abstract of the papers of CIS scholars for 35th ICANAS (Budapest, Jul. 7–12, 1997). –Vol. 1. –Moskow, 1997. –P.147-148; *Ибраһимова Л.* Чура – халык батыры // Гасырлар авазы / Эхо веков. –2000. –№3/4. –

167–171 б.; *Урманче Ф.* Чура батыр // *Мирас*. – 1995. – № 7/8. – 145–152 бб.; № 9. – 98–109 бб.; № 10. – 92–96 бб.; № 11/12. – 130–136 бб.

⁷⁸ См., например: *Казан ханлыгы // Татар халык риваятьләре...* – 54–57 б.; см. также иные легенды в том же сборнике: «Казан тарихы» («История Казани», с.57), «Иван Грозный ничек Казанга сугыш ачкан» («Как Иван Грозный начал войну против Казани», с.57–58), «Зөя каласы» («Свияжск», с.58–59) и др.

⁷⁹ См.: *Измайлов И.Л.* «...Казань-город на костях стоит» // *Родина*. –1998. –№ 2. – С.35–38.

⁸⁰ *Зимин А.А.* Из истории посадской идеологии XVII в. (Песни и легенды о взятии Казани) // *Города феодальной России. Сб. статей памяти Н.В. Устюгова*. – М., 1966. – С.231–238.

⁸¹ См., например: *Димитриев В.Д.* Чувашские предания о Казанском ханстве и присоединении Чувашии к России // *История, археология и этнография Чувашской АССР: Труды ЧНИИЯЛИЭ*. – Чебоксары, 1975. – Вып.60. – С.80–135; *Его же.* Чувашские исторические предания: Очерки истории чувашского народа с древнейших времен до середины XIX в. – Чебоксары, 1993; *Марийский фольклор: Мифы, легенды, предания*. – Йошкар-Ола, 1991.

⁸² *Садеков М.Р.* ...Звучат лишь письмамена...

⁸³ Об активной роли московских книжников XVI–XVII вв., формирующих мифологию нового царства и использовавших для составления «Казанской истории» различные внелетописные материалы церковного и историко-публицистического характера, см.: *Плюханова М.Б.* Сюжеты и символы Московского царства. – СПб., 1995. – С.171–202.

⁸⁴ См., например: *Усманов М.А.* Татарские исторические источники... – Глава 5: Татарские шаджара.

⁸⁵ *Ахметзянов М.* Татарские шеджере (Исследование татарских шеджере в историко-коведческом и лингвистическом аспектах по спискам XIX–XX вв.). – Казань, 1991.

⁸⁶ *Әхмәтҗанов М.* Татар шәҗәрәләре. – Казан, 1995. – 1 китап.

Аннотация

Статья посвящена важному и малоисследованному вопросу изучения нарративных источников по истории Казанского ханства. В статье анализируются как собственно татарские, так и иностранные (русские и западноевропейские) источники. Особое внимание уделено рассмотрению эпиграфических и фольклорных источников. Авторы делают вывод о том, что изучение истории Казанского ханства требует комплексного рассмотрения нарративных источников.

Ключевые слова: исторические источники, Казанское ханство, татары, Среднее Поволжье.

Summary

The article is devoted to the study of important and little explored narrative sources on the history of the Kazan Khanate. In the article both Tartar and foreign (Russian and Western) sources are analyzed. Special attention is paid to the epigraphic and folklore sources. The authors conclude that the study of the history of the Kazan Khanate requires a comprehensive review of narrative sources.

Keywords: historical sources, the Kazan Khanate, Tatars, the Middle Volga

УДК 94(=470.4/.5=512.145)"18"

СОЦИАЛЬНО-СОСЛОВНЫЙ СОСТАВ И ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА В ТАТАРСКИХ ОБЩИНАХ ГОРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Н.С. Хамитбаева, кандидат исторических наук

Мусульмане в крупных городах. В XIX в. население городов увеличивалось в основном за счет переселенцев. Особенно динамично развивались города, связанные с водными артериями, и города, через которые проходила железнодорожная магистраль, что вело не только к количественным, но и качественным, особенно в плане национального состава, изменениям. К концу столетия большинство городов России отличалось многонациональностью.

К середине XIX в. в провинциальных городах, как правило, проживало около 5–10 тыс. чел.¹, в средних городах – от 5 до 25 тыс. чел., в малых городах – менее 5 тыс.² В начале XX в. в больших городах проживало от 20 до 100 тыс. жителей³.

Материалы переписи 1897 г., в которых зафиксировано наличное население, дают общее представление об

общественном разделении труда, занятости, расселении и сословном составе татарского населения городов.

В губернских городах региона проживало 763563 чел., из них 65699 татар. Удельный вес татарского населения составлял 8,6%, т.е. к концу XIX в. татары в составе населения ряда городов Волго-Уральского региона стали довольно «заметным элементом». Крупные татарские общины (более 10 тыс. чел.) были в Казани, Астрахани и Оренбурге. Наименьшее число татар проживало в Вятке и Пензе: всего по 0,6%. В остальных губернских городах удельный вес татар составлял от 1,2 до 5,3%. Абсолютное большинство татарского населения указанных выше городов относилось к магометанской конфессии.

В губернских городах преобладало мужское население (51,3%). Удельный

Таблица 1

Удельный вес татар крупных городов Поволжья и Приуралья в 1897 г.⁴

Города	Все наличное население об. п.	Татарское население об. п.	Удельный вес татарского населения, %
Астрахань	112880	15355	13,6
Вятка	25008	141	0,6
Казань	129959	28520	21,9
Оренбург	72425	11306	15,6
Пенза	59981	387	0,6
Пермь	45205	1263	2,8
Самара	89999	2301	2,6
Саратов	137147	1711	1,2
Симбирск	41684	2191	5,3
Уфа	49275	2524	5,1
Итого	763563	65699	8,6

Распределение татар в десяти крупных городах Поволжья и Приуралья в 1897 г. по сословиям⁵

Сословия	Татарское население об. п.	% к итогу
Дворяне потомственные	473	0,7
Дворяне личные, чиновники не из дворян	151	0,2
Духовенство, лица свободных профессий	37	0,05
Потомственные и личные почетные граждане	250	0,4
Купцы	548	0,9
Мещане	15083	23,0
Крестьяне	47977	73,0
Войсковые казаки	158	0,2
Иностранцы	206	0,3
Финляндские уроженцы	–	–
Лица, не принадлежащие к этим сословиям	484	0,7
Лица, не указавшие сословия	32	0,05
Иностранные подданные	300	0,5
Итого	65699	100

вес татар мужчин по отношению ко всему татарскому населению составлял 57,6%, женщин – 43,4%. Преобладание мужчин в определенной степени может служить свидетельством основных направлений неземледельческого отходничества, миграционных потоков.

В конце столетия сословный статус городских жителей был значительно «размыт», прежде всего, в имущественном плане. Тем не менее анализ по параметрам традиционной сословности позволяет сделать ряд интересных выводов.

По принадлежности населения к городским сословиям можно с достаточной долей уверенности подсчитать «коренных» жителей. Как видно из табл. 2, в губернских городах среди привилегированных сословий татары представлены незначительно. Потомственных дворян было всего 0,7%. Больше всего их проживало в Оренбурге (138 чел.) и Уфе (206 чел.), в остальных городах от 1 чел. (Вятка) до 89 чел. (Казань); в Перми и Самаре потомственные дворяне не зафиксированы. Личных дворян больше было в Казани (68 чел.) и Оренбурге (37 чел.), в

остальных городах – от 1 чел. (Самара, Саратов) до 25 чел. (Уфа). В Вятке и Пензе личных дворян из татар в переписи не отмечено.

Небольшую, но весьма влиятельную группу горожан составляли мусульманские духовные лица⁶. Согласно стат. сведениям наибольшее число духовных лиц проживало в Уфе (16 чел.), в остальных городах – от 1 чел. (Пермь) до 9 чел. (Казань)⁷.

Незначительной была и численность почетных граждан среди татар: в Казани 154 чел., в остальных городах – от 2 чел. (Пенза) до 37 чел. (Астрахань). Представители данной сословной группы отсутствовали в Вятке, Перми и Симбирске.

Купцы составляли 0,9% от всего городского татарского населения. Их наибольшее число было представлено в Казани (346 чел.) и Оренбурге (130 чел.), в остальных городах – от 4 чел. (Симбирск) до 28 чел. (Астрахань). В Вятке и Пензе татарских купцов в переписи не отмечено.

Большинство татар (23%) относилось к мещанскому сословию. Это были низшие государственные служащие, мелкие предприниматели, ре-

месленники, наемные работники и т.д. Главным источником пополнения мещанского сословия была деревня.

Значительную прослойку среди татар горожан региона составляли крестьяне (73%). Крестьян-отходников города привлекали, прежде всего, как рынки рабочей силы. Некоторое их количество оседало в крупных селах, а также на фабриках и заводах, располагавшихся вне городов⁸. В это время сформировалась группа сельского населения, которая подолгу проживала в городах, имела свое дело, но сохраняла статус крестьян.

Из данных табл. 3 видно, в группу непроизводительного населения вошло всего 12,9% от всего количества татар. В Астрахани удельный вес этой группы составлял 4,9%, в Вятке – 17,0%, в Казани – 15,6%, в Оренбурге – 8,6%, в Пензе – 30,0%, в Перми – 14,6%, в Самаре – 14,0%, в Саратове – 15,5%, в Симбирске – 45,0%, в Уфе – 14,2%. Таким образом, больше всего непроизводительного татарского населения было в Пензе и Симбирске. В эту группу входили чиновники, военнослужащие, духовенство, люди, занимавшиеся медицинской, культурной и учебно-воспитательной деятельностью. Более всего в этой группе пред-

ставлены «рантье и пенсионеры», которые жили, получая доход с имевшейся недвижимости и другой собственности. Больше всего татарских рантье проживало в Вятке (8,5%), Симбирске (8,4%), Казани (7,7%), Самаре (6,5%), в Перми и Уфе (по 5,7%). В остальных городах их численность составляла от 1,9% (Астрахань) до 5% (Пенза).

Важным показателем социальной характеристики общин является представление их членов в правительственных учреждениях – в администрации, судебных органах и полиции. Дворяне, как правило, занимали все ответственные должности в администрации, получая право на успешное продвижение по службе, но этот путь был практически закрыт для татар. Так, в 1897 г. татар, занятых в администрации, суде и полиции Казани, насчитывалось 172, включая одну женщину, тогда как армия казанских чиновников состояла из 1683 чел., т.е. татары в органах управления составляли 10,2%¹⁰. Больше всего эта группа татар была представлена в Пензе (17,3%), в остальных городах она составляла от 0,7% (Астрахань) до 9,1% (Саратов). В целом в Волго-Уральском регионе это была небольшая группа, составлявшая 2,8% татар крупных городов.

Таблица 3

Занятость татарского населения в десяти крупных городах Поволжья и Приуралья в 1897 г.⁹

Группы населения	Татарское население об. п.	% к итогу
а) Чиновники и войско	1848	2,8
б) Духовенство и лица свободных профессий	1512	2,3
в) Рантье и пенсионеры	3531	5,4
г) Лишенные свободы, неопределенные	1554	2,4
Итого непроизводительное население	8445	12,9
д) Торговля	18627	28,3
е) Пути сообщений и сношений	7865	11,9
ж) Частная служба, прислуга, поденщики	13475	20,5
Итого полупроизводительное население	39967	60,8
з) Сельское хозяйство	3553	5,4
и) Промышленность	13734	20,9
Итого производительное население	17287	26,3
Всего	65699	100

Татарское духовенство и представители национальной интеллигенции среди непроизводительного городского населения являлись самой незначительной группой горожан (2,3%). В Симбирске их насчитывалось 24,5%, в остальных городах они составляли от 1,1% (Астрахань, Оренбург) и Самара) до 2,0% (Казань) и 2,3% (Пенза).

Самую большую группу представляло полупроизводительное население – 60,8%. Значительные группы расселялись в Астрахани – 75,9%, Самаре – 72,1%, Саратове – 71,9% и Уфе – 71,0%. Но и в других городах они были достаточно заметны – от 44,8% (Симбирск) до 68,0% (Пермь). В группу полупроизводительного населения, как и ожидалось, вошли торговцы (28,3%). Большое количество коммерсантов зафиксировано в Вятке (47,5%) и Перми (40,7%). Достаточно их было в Уфе (24,3%), Самаре (24,5%), Казани (25,4%), Симбирске (27,2%), Астрахани (30,1%), Саратове (31,8%), Оренбурге (33,0%), Пензе (35,1%). Наиболее активно татары проявляли себя в хлебно-бакалейной торговле, в торговле одеждой и обувью, мануфактурой. Абсолютное большинство их торговых предприятий принадлежало к разряду мелких и средних.

Прибывшему из сельской местности и не знавшему или плохо знавшему русскую грамоту рабочему люду практически невозможно было найти квалифицированную работу. Приезжие нанимались, прежде всего, на работы, не требующие специальных знаний и подготовки. Поэтому заметное число татар (20,5%) представлено в группе «частная служба, прислуга, поденщики». Они преобладали в Самаре (38,5%), Саратове (36,5%), Уфе (36,3%), в остальных губернских городах их численность составляла от 0,9% (Симбирск) до 25,2% (Пермь).

Относящихся к группе «пути сообщений и сношений» татар в губернских городах проживало 11,9%. Наибольшее число татар среди извозчиков, а также занятых на речных и же-

лезнодорожных работах было в Астрахани (24,9%), в остальных городах от 2,1% (Пермь) до 16,7% (Симбирск).

Интересная картина занятости татар в губернских городах региона представлена в группе производительного населения, которая составляла 26,3%. Причем большая часть татар была занята в промышленности (20,9%), в сельском хозяйстве – всего 5,4%. Наибольшую группу производительного населения – 34,8% – составляли татары Казани, причем 27,4% было занято в промышленности. Значительная их группа была сосредоточена в Оренбурге (26,3%, из них в промышленности 21,4%), где работали многочисленные бойни и салотопни татар, мясообрабатывающие предприятия, городские шерстомойки, многочисленные шапочные мастерские, овчинные заведения. Несколько меньше производительное население было представлено в Астрахани (19,2%, из них в промышленности 16,3%). Астрахань привлекала большое количество рабочего люда, искавшего заработка на рыбных и соляных промыслах, погрузочно-разгрузочных работах на водном транспорте. В остальных городах татар, занятых в промышленности, насчитывалось от 7,1% (Вятка) до 11,7% (Уфа).

Следует отметить, что, кроме Вятки¹¹, количество в крупных городах татар, занятых в промышленности, преобладало над числом татар, занятых в сельском хозяйстве. Крестьяне, составляя значительную прослойку населения, пополняли ряды городского торгового люда, нанимались бурлаками и грузчиками, использовались в качестве прислуги, дешевой наемной силы для выполнения, главным образом, неквалифицированной работы на промышленных предприятиях, подражались на любую поденную работу, занимались извозом.

Таким образом, в крупных административных городах татары были слабо представлены в привилегированных сферах – в административной деятель-

Татарское население средних и малых городов Поволжья и Приуралья в 1897 г.¹³

Города	Все наличное население об. п.	Татарское население			% татар ко всему населению
		муж. п.	жен. п.	об. п.	
Арск	1228	132	29	161	13,1
Белебей	5835	446	342	788	13,5
Бирск	8589	104	70	174	2,0
Бугульма	7581	326	95	421	5,6
Бугуруслан	12109	488	380	868	7,2
Бузулук	14362	471	376	847	5,9
Буинск	4213	844	739	1583	37,6
Верхнеуральск	11095	478	470	948	8,5
Вольск	27058	183	158	341	1,3
Екатеринбург	43239	331	255	586	1,4
Елабуга	9764	341	157	498	5,1
Златоуст	20502	217	60	277	1,4
Илецкая защита	11768	1471	1276	2747	23,3
Касимов	13547	505	621	1126	8,3
Красноуфимск	6251	96	41	137	2,3
Красный Яр	5593	85	42	127	2,3
Кузнецк	20473	80	50	130	0,6
Кунгур	14295	135	68	203	1,4
Лаишев	3743	77	30	107	2,9
Малмыж	3165	269	140	409	12,9
Мамадыш	4195	260	127	387	9,2
Мензелинск	7552	319	169	488	6,5
Николаевск	12504	879	880	1759	14,1
Новоузенск	13241	119	94	213	1,6
Орск	14016	1483	1552	3035	21,7
Ось	5067	83	68	151	2,9
Сарапул	21398	278	118	396	1,9
Слободск	10051	131	53	184	1,8
Спасск	2770	116	85	201	7,3
Ставрополь	5969	76	31	107	1,8
Стерлитамак	15550	1931	1848	3779	24,3
Сызрань	32383	166	90	256	0,8
Тетюши	4754	443	346	789	16,6
Троицк	23299	3683	3600	7283	31,3
Хвалынский	15127	181	169	350	2,3
Царев	6977	307	309	616	8,8
Царицын	55186	888	783	1671	3,0
Челябинск	19998	272	173	445	2,2
Чистополь	20104	2724	2199	4923	24,5
Итого	534551	21418	18093	39511	7,4

ности, науке, медицине, искусстве, в государственной образовательной системе. При этом в группе непроеизводительного населения больше всего были представлены татарские рантье. Группа полупроизводительного населения в основном представлена торговцами. Значительная доля татарского населения была занята в сфере частной службы, поденщиков и прислуги. В группе производительного населения основная часть татар была занята в промышленности.

Мусульмане в средних и малых городах. Достаточно большое число татар проживало в уездных и заштатных городах.

Выборка сведений из материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. позволила выявить татарские общины в средних и малых городах Поволжья и Приуралья, в которых насчитывалось не менее 100 чел.¹²

Как видно из данных табл. 4, в 39 малых и средних городах региона проживало 39511 татар, из них 54,2% составляли мужчины и 45,8% – женщины, т.е. и здесь, как и в крупных городах, преобладало мужское население. В целом доля татар по отношению ко всему населению 39 городов составляла 7,4%.

Из табл. 4 были выбраны сведения о городах, в которых доля татарского населения по отношению ко всему городскому населению превышала 10%, и сведены в табл. 5. Таких городов оказалось одиннадцать.

Как следует из данных табл. 5, число татар в 11 средних и малых городах составляло 23,4% по отношению ко всему городскому населению. Наибольший удельный вес татар – более 20% – приходился на города Буинск, Илецкая защита, Орск¹⁴, Стерлитамак, Троицк, Чистополь.

В уездных городах среди татар преобладали мещане (61,1%). Остальные жители составляли локальные группы: крестьяне (33,2%), купцы (2,03%) и казаки (1,62%).

Татарское население было многоликим по социальному составу. Татарских дворян, как потомственных, так и личных, и почетных граждан было немного¹⁶.

Распределение лиц купеческого сословия по городским центрам носило неравномерный характер. Их прослойка в составе населения доходила до 2,03% вместо 0,9% в губернских городах. Особенно высокой концентрацией лиц данной группы отличался Троицк – 264 чел. В остальных уездных центрах

Таблица 5

Удельный вес татарского населения одиннадцати средних и малых городов Поволжья и Приуралья в 1897 г.

Средние и малые города	Все наличное население об. п.	Татарское население об. п.	Удельный вес татар, %
Арск	1228	161	13,1
Белебей	5835	788	13,5
Буинск	4213	1583	37,6
Илецкая защита	11768	2747	23,3
Малмыж	3165	409	12,9
Николаевск	12504	1759	14,1
Орск	14016	3035	21,7
Стерлитамак	15550	3779	24,3
Тетюши	4754	789	16,6
Троицк	23299	7283	31,3
Чистополь	20104	4923	24,5
Итого	116436	27256	23,4

Распределение татарского населения одиннадцати средних и малых городов в 1897 г. по сословиям¹⁵

Сословия	Татарское население об. п.	% к итогу
Дворяне потомственные	151	0,55
Дворяне личные, чиновники не из дворян	27	0,09
Духовенство, лица свободных профессий	6	0,02
Потомственные и личные почетные граждане	11	0,04
Купцы	553	2,03
Мещане	16649	61,1
Крестьяне	9049	33,2
Войсковые казаки	441	1,62
Иногородцы	109	0,4
Финляндские уроженцы	–	–
Лица, не принадлежащие к этим сословиям	90	0,33
Лица, не указавшие сословия	30	0,11
Иностранные подданные	140	0,51
Итого	27256	100

проживало от 2 чел., зарегистрированных в купеческом сословии (Тетюши) до 87 чел. (Стерлитамак). В городах Арск, Малмыж, Николаевск татарских купцов в переписи не отмечено.

Мещан больше всего насчитывалось в Троицке (4299 чел.) и Стерлитамаке (3054 чел.). В остальных уездных городах их проживало от 7 чел. (Арск) до 1956 чел. (Чистополь). Они были заняты сельскохозяйственным трудом, мелочной торговлей и ремесленным производством.

Численность войсковых казаков в Орске составляла 348 чел. В незначительном количестве они проживали в Троицке (82 чел.), Илецкой защите (6 чел.) и Стерлитамаке (5 чел.).

Заметную часть общин составляли крестьяне. Татарские крестьяне преобладали в Чистополе и Троицке (соответственно 2908 и 2479 чел.), в остальных уездных городах от 37 чел. (Николаевск) до 772 чел. (Илецкая защита). Таким образом, уездные города также привлекали крестьян-отходников, хотя и в несколько меньшей степени, чем губернские центры.

Как видно из данных табл. 7, наибольшая доля татарского населения

представлена в группе непроизводительного населения (9,3%), достаточно большая – в группе производительного населения (34,8%) и их основная часть – в группе полупроизводительного населения (55,9%). Однако по сравнению с большими городами, где проживало больше непроизводительного (12,9%) и полупроизводительного населения (60,8%), в малых городах несколько больше была группа производительного населения.

Самые большие группы непроизводительного населения были представлены в Арске (50,3%) и Малмыже (32,8%), в остальных городах эта группа населения составляла от 3,1% (Илецкая защита) до 19,0% (Буинск).

Больше всего чиновников отмечено в Малмыже (4,4%) и Арске (3,1%), в остальных уездных городах их проживало от 0,1% (Илецкая защита) до 2,2% (Буинск).

Среди непроизводительного населения малых городов значительную часть составляли татарские рантье – 4,7%. Больше всего их было в Буинске (14%) и Малмыже (11,2%), в остальных городах они составляли от 0,4% (Николаевск) до 6,9% (Белебей).

**Занятость татарского населения одиннадцати средних и малых городов
Поволжья и Приуралья в 1897 г.¹⁷**

Группы населения	Татарское население об. п.	% к итогу
а) Чиновники и войско	211	0,8
б) Духовенство и люди свободных профессий	478	1,8
в) Рантье и пенсионеры	1281	4,7
г) Лишенные свободы, неопределенные, неизвестные	544	2,0
<i>Итого непроизводительное население</i>	<i>2514</i>	<i>9,3</i>
д) Торговля	8808	32,3
е) Пути сообщений и сношений	1204	4,4
ж) Частная служба, прислуга, поденщики	5239	19,2
<i>Итого полупроизводительное население</i>	<i>15251</i>	<i>55,9</i>
з) Сельское хозяйство	5019	18,4
и) Промышленность	4472	16,4
<i>Итого производительное население</i>	<i>9491</i>	<i>34,8</i>
Всего	27256	100

Отсутствие дворян и купцов из татар в ряде уездных городов (Арск, Малмыж, Николаевск) свидетельствует о низком социально-сословном, экономическом и образовательном статусе татарской городской общины, что приводило к ее пассивной роли в общественной жизни города.

Служителей мусульманской религии вместе с татарской интеллигенцией в уездных городах в целом проживало 1,8%.

В группе полупроизводительного населения малых городов наибольший процент составляли татары, занимавшиеся торговой деятельностью (32,3%), заметную часть – в группе «частная служба, прислуга, поденщики» (19,2%).

Группа полупроизводительного населения преобладала почти во всех городах, кроме Николаевска (1,4%) и Арска (5,6%). Значительные группы полупроизводительного населения были представлены в Тетюшах (71,2%), Стерлитамаке (69,7%), Троицке (63,2%), Орске (62,1%), Чистополе (61,1%), Буинске (59,6%), Белебее (44,6%), Илецкой защите (37,2%).

Практически во всех уездных городах основную часть полупроизводительного населения составляли та-

тары, занятые в торговле. Особенно много их зафиксировано в Орске (44,3%), Буинске (42,6%) и Стерлитамаке (43%), в остальных уездных городах они составляли от 1,4% (Николаевск) до 37,1% (Троицк). В уездных городах основная часть татар занималась развозной, разносной, мелочной торговлей, некоторые из них занимались стационарной торговлей, имели свои лавки¹⁸.

В группе производительного населения, в отличие от губернских городов, где значительная часть татарского населения была занята в промышленности, в малых городах большая часть татарского населения занималась сельским хозяйством (18,4%).

В целом группа производительного татарского населения в малых и средних городах составляла 34,8%. Самой большой она была в Николаевске (95,1%), в основном за счет татар, занятых в сельском хозяйстве (94,0%)¹⁹. Большая группа татар, занятых в сельском хозяйстве, проживала в Илецкой защите (48,2%) и Арске (36,6%). В остальных городах татар, занятых в сельском хозяйстве, было от 3,9% (Троицк) до 17,8% (Орск).

Лиц, занимавшихся земледелием, пчеловодством, животноводством, ле-

соводством и лесным промыслом, рыболовством и охотой, зафиксированных переписью 1897 г., можно рассматривать как собственно сельскохозяйственное городское население. Сельскохозяйственного населения в уездных городах было значительно больше, чем в крупных губернских городах.

Татар, занятых в промышленности, было несколько больше, чем занятых в сельском хозяйстве, в Белебее (27,4%), Троицке (23,8%) и Чистополе (20,3%). В остальных уездных городах татар в промышленности насчитывалось от 1,1% (Николаевск) до 13,7% (Буинск). Всего в промышленности указанных одиннадцати уездных городов татары составляли 16,4%. Они были заняты на небольших кирпичных, кожевенных, крупяных, зерносушильных, салотопенных, солодовенных, кулеткацких, канатных, поташных предприятиях.

В целом, по данным за 1897 г., основным источником существования татарского населения средних и малых

городов Поволжья и Приуралья являлись: торговля (32,3%), выполнение наемных и поденных работ (19,2%), сельское хозяйство (18,4%), промышленное и ремесленное производство (16,4%).

Следует отметить, что большинство уездных городов, несмотря на наметившийся процесс индустриализации, оставалось «такими же деревнями, какими были прежде, и господствующим занятием тамошних мещан и купцов по-прежнему остается хлебопашество»²⁰. Население этих уездных городов, как правило, занималось земледельческим и мелкотоварным ремесленным производством.

Происходившие во второй половине XIX в. в России процессы модернизации обусловили расширение регионов обитания и формирования татарских городских общин не только в крупных административных центрах, но и в малых уездных городах, хотя в последних эти процессы протекали медленнее.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кошман Л.В. К вопросу о типологии русского провинциального города (XVIII–XIX вв.) //Провинциальный город: культурные традиции, история и современность. – М., 2000. – С. 10.

² Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. – Л., 1990. – С. 22.

³ Россия в начале XX века /Под ред. акад. А.Н.Яковлева. – М., 2002. – С. 115.

⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г. Т.2. Астраханская губерния. СПб., 1904; т.10. Вятская губерния. СПб., 1904; т.14. Казанская губерния. СПб., 1904; т.28. Оренбургская губерния. СПб., 1904; т.30. Пензенская губерния. СПб., 1904; т.31. Пермская губерния. СПб., 1904; т.35. Рязанская губерния. СПб., 1904; т.36. Самарская губерния. СПб., 1904; т.38. Саратовская губерния. СПб., 1904; т.39. Симбирская губерния. СПб., 1904; т.45. Уфимская губерния. СПб., 1904. (Табл. XIII).

⁵ Там же. (Табл. XXIV).

⁶ Мусульманское духовенство, в отличие от православного, не представляло в округе ОМДС отдельного сословия.

⁷ Татарского духовенства не было зафиксировано в Вятке, Оренбурге, Пензе, Самаре и Саратове, что не соответствовало действительности.

⁸ Гончаренко Л.Н. Города Среднего и Нижнего Поволжья во второй половине XIX века (Социально-экономическое исследование). – Чебоксары, 1994. – С. 150–151.

⁹ Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г. Т.2. Астраханская губерния. СПб., 1904; т.10. Вятская губерния. СПб., 1904; т.14. Казанская губерния. СПб., 1904; т.28. Оренбургская губерния. СПб., 1904; т.30. Пензенская губерния. СПб., 1904; т.31. Пермская губерния. СПб., 1904; т.35. Рязанская губерния. СПб., 1904; т.36. Самарская губерния. СПб., 1904; т.38. Саратовская губерния. СПб., 1904; т.39. Симбирская губерния. СПб., 1904; т.45. Уфимская губерния. СПб., 1904. (Табл. XXII).

¹⁰ *Свердлова Л.М.* Демографический профиль Казани XIX века // Материалы итоговой конференции Института истории им. Ш.Марджани АН РТ за 2006 год по отделу средневековой истории. – Казань, 2008. – С. 77.

¹¹ Здесь переписью 1897 г. было отмечено всего 10 татар, работавших в сфере промышленности, и 32 татарина, занятых в сельском хозяйстве.

¹² В таблицу не включен г. Ирбит, в котором проживало 1334 чел. татар. В январе здесь проходила одна из крупнейших Ирбитская ярмарка.

¹³ Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г. Т.2. Астраханская губерния. СПб., 1904; т.10. Вятская губерния. СПб., 1904; т.14. Казанская губерния. СПб., 1904; т.28. Оренбургская губерния. СПб., 1904; т.30. Пензенская губерния. СПб., 1904; т.31. Пермская губерния. СПб., 1904; т.35. Рязанская губерния. СПб., 1904; т.36. Самарская губерния. СПб., 1904; т.38. Саратовская губерния. СПб., 1904; т.39. Симбирская губерния. СПб., 1904; т.45. Уфимская губерния. СПб., 1904. (Табл. XIII).

¹⁴ В пореформенный период, когда развитие капиталистических отношений стало определяющим в общественных отношениях, на появление новых городов стали оказывать влияние региональные социально-экономические факторы. Так, в 1865 г. городами были признаны три уральских промышленных центра – Орск, Златоуст и Соль-Илецк (Илецкая защита). [*Ланно Г.М.* Города России: этапы формирования городской сети // География в школе. 1994. № 2. С.24].

¹⁵ Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г. Т.2. Астраханская губерния. СПб., 1904; т.10. Вятская губерния. СПб., 1904; т.14. Казанская губерния. СПб., 1904; т.28. Оренбургская губерния. СПб., 1904; т.30. Пензенская губерния. СПб., 1904; т.31. Пермская губерния. СПб., 1904; т.35. Рязанская губерния. СПб., 1904; т.36. Самарская губерния. СПб., 1904; т.38. Саратовская губерния. СПб., 1904; т.39. Симбирская губерния. СПб., 1904; т.45. Уфимская губерния. СПб., 1904. (Табл. XXIV).

¹⁶ Потомственные дворяне проживали в городах Илецкая защита (20 чел.), Орск (10), Стерлитамак (61), Троицк (24), Белебей (36 чел.). Личные дворяне проживали в городах Чистополь (10 чел.), Орск (2), Троицк (2), Стерлитамак (13 чел.). В Арске, Буинске, Малмыже, Николаевске, Тетюшах не было ни личных, ни потомственных дворян из татар. Почетные граждане проживали только в Илецкой защите (5 чел.), Орске (3), Троицке (3 чел.).

¹⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г. Т.2. Астраханская губерния. СПб., 1904; т.10. Вятская губерния. СПб., 1904; т.14. Казанская губерния. СПб., 1904; т.28. Оренбургская губерния. СПб., 1904; т.30. Пензенская губерния. СПб., 1904; т.31. Пермская губерния. СПб., 1904; т.35. Рязанская губерния. СПб., 1904; т.36. Самарская губерния. СПб., 1904; т.38. Саратовская губерния. СПб., 1904; т.39. Симбирская губерния. – СПб., 1904; т.45. Уфимская губерния. – СПб., 1904. (Табл. XXII).

¹⁸ *Гибадуллина Э.М.* Мусульманские приходы в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. – Н.Новгород, 2008. – С.144.

¹⁹ Дело в том, что уездный город Николаевск был основан рядом с татарской Мечетной слободой в 1836 г. [*Гибадуллина Э.М.* Мусульманские приходы в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Н.Новгород, 2008. – С. 136]. Несмотря на перевод местных крестьян в мещанское сословие, их занятия не претерпели существенных изменений.

²⁰ *Щепкин М.П.* Опыт изучения общественного хозяйства и управления городов. Ч.1. – М., 1882. – С.7.

Аннотация

В данной статье рассматривается численность татарского населения крупных и малых городов Поволжья и Приуралья в конце XIX в. Особое внимание уделяется вопросам социально-сословного состава и общественного разделения труда в татарских го-

родских общинах, обращается внимание на процессы, обусловившие расширение регионов обитания и формирования татарских городских общин, на степень протекания этих процессов.

Ключевые слова: конец XIX в., города Поволжья и Приуралья, численность татарского населения, социально-сословный состав, общественное разделение труда.

Summary

This article deals with the size of the Tatar population of cities and towns of the Volga and Ural regions at the end of the XIX century. Special attention is paid to the social and caste composition and the social division of labor in the Tatar city communities, special attention is also paid to the processes that led to the expansion of regional habitat and formation of the Tatar city communities, the extent of these processes.

Key words: the end of the XIX century, the city of Volga and Ural regions, the number of the Tatar population, social and social structure, the social division of labor.

УДК 82.0:821.161:821.51:82-1/-9

ТИПЫ СУБЪЕКТНЫХ СИТУАЦИЙ В РОМАНЕ А. БЕЛОГО «ПЕТЕРБУРГ» И ПОВЕСТИ Г. РАХИМА «ИДЕЛЬ»*

*В.Р.Аmineва, доктор филологических наук, доцент,
Л.Г.Ибрагимова, соискатель*

В русской и татарской прозе 1-й трети XX в. обнаруживаются сходные тенденции в организации субъектного пространства – слияние и взаимопроникновение субъектных планов автора и героя, преодоление диктата повествователя, изображение картин жизни в изменчивых субъективных преломлениях персонажей. Субъект речи наделяется новыми художественно-эстетическими функциями, позволяющими рассматривать автора и героя не как готовые и постоянные роли в структуре произведения, а как «перемежающиеся», «нестационарные» состояния¹. Но формирующаяся в произведениях русских модернистов (А. Белого, Ф. Сологуба и др.) – с одной стороны, и татарских прозаиков (Г. Рахима, М. Ханафи, А. Тангатарова и др.) – с другой, сходная субъектная ситуация имеет в русской и татарской литературе разную художественно-эстетическую природу и выполняет разные функции.

В русской литературе развитие таких субъектных форм, основой которых является не аналитическое различие «я» и «другого», а их нерасчленимая интересубъектная целостность, оказывается возможным, как полагает С.Н.Бройтман, благодаря открытию диалогической природы сознания и того, что реальной формой бытия человека является двуединство «я» и «другого». Личность уже перестает пони-

маться как монологическое единство, а предстает как «неопределенная» и «вероятностно-множественная»².

Статус субъекта речи как некоего интегрального образа, способного совмещать в себе не только близкие, но и противоположные интенции, различные смысловые позиции, которые могут приобретать самостоятельность или вновь сливаться, наглядно демонстрирует усложненное и многосубъектное повествование в романе А. Белого «Петербург». Помимо повествователя в каждой главе романа фигурирует один или несколько героев, сквозь призму сознания которых изображены события. Способность героев видеть себя отдельно от своего собственного сознания А. Белый обозначает как открытие «второго пространства», «вселенная странностей», «двойной сон», «пробитая брешь» в мозгу, «чуждое Я». В романе «Петербург» отделившееся от субъекта сознание самостоятельно функционирует, приобретает статус наблюдающего за материальным телом, вновь соединяется с телесной материей: «Аполлон Аполлонович видел всегда два пространства: одно – материальное (стенки комнат, кареты), другое – не то, чтоб духовное (материальное также)... Ну, как бы сказать: над головой Аблеухова глаза Аблеухова видели блики, и блески, и радужно заплывавшие пятна крутящихся центров; они заволаки-

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 12-14-16015а.

вали пределы пространств; так в пространстве роилось пространство; ну, будто из елочной канители, из звездочек, искорок <...> Перед последней минутой дневного сознания Аполлон Аполлонович, отходящий ко сну, замечал, что клокочущий крутень сroitся в коридор, убегающий в неизмеримость; что самое удивительное: коридор – начинается с головы, то есть он бесконечное продолжение головы, у которой раскрылось вдруг темя – в неизмеримость; так старый сенатор перед отходом ко сну получал впечатление, будто смотрит он не глазами, а центром самой головы, то есть он, Аполлон Аполлонович, не Аполлон Аполлонович, а нечто, засевшее в мозге, оттуда из мозга глядящее; при раскрытии темени нечто могло пробегать коридор: до свержения в бездну. Это и было второе пространство сенатора»³.

Также и в другом эпизоде Аполлон Аполлонович перед отходом ко сну видит себя как «другого»: «Случился скандал (и сознание отметило, что подобное было: когда, – он не помнит) – случился скандал: ветер высвистнул Аполлона Аполлоновича из Аполлона Аполлоновича»⁴. Он способен видеть себя не только со стороны – в моменты высшего «прозрения» он становится одержимым голосом и словом «другого». Перед нами ключевая ситуация в романе: отделение сознания от телесной оболочки, осознание себя в качестве «другого», воплощенного в «нечто, засевшее в мозге, оттуда из мозга глядящее», которое будет непременно варьироваться и углубляться в сценах двойных снов, галлюцинаций, мозговых игр, временных помешательств героев. Всей своей архитектурой роман утверждает, что увидеть истинную личность можно, только пройдя сквозь эмпирическую сущность образа, двигаясь за пределы готового сознания. Аполлон Аполлонович во сне разлучен со своим «я», мало того, он «выброшен» из самого себя, а тело и душа пребывают в состоянии у предела сознания, у которого нет начала и конца.

«Был довременный мрак; и роилось сознание – не какое-нибудь, например, мировое: сознание простое. Сознание теперь обернулось назад, выпустив два ощущения: опустились, как руки, и ощутили: какую-то форму, налитую вонючею скверною; ощущения заполоскались в ванне с навозной водой; ощущения приросли уж к сосуду; сознание рвалось прочь, но ощущения тащили тяжелое что-то. И сознание увидало то же самое, в чем оно обитает: желтого старичка; голыми пятками опирался на коврик он»⁵.

Использование в описании мыслительных процессов понятий «нечто», «что-то», не имеющих определенных очертаний, но во что сознание включается, что выбирает или отвергает, представлено в романе «как неопределенное, безмерное, нулевое «я», которое ни в коем случае нельзя понимать предметно. Это метафизическое «существо», трансцендентное эмпирическому «я» и являющееся по отношению к нему авторским»⁶. Непонятно, кто совершает выбор субъекта? О чьих ощущениях повествуется в эпизоде? «Мы» – внутри сознания Аполлона Аполлоновича. Должно говорить лишь сознание героя. Но чьи ощущения вторгаются в подсознание Аполлона Аполлоновича и чьи ироничные замечания по поводу простоты сознания и описания брэнного старческого тела вмешиваются в повествование? Такой вариант субъектной структуры, отмеченный нестационарностью авторского и геройного планов, создает возможность авторской метарефлексии. Игра повествовательными планами является композиционной формой архитектуры субъектной сферы романа, а «голос автора в символистском «неомифологическом» произведении есть определение места изображаемого в универсальном космогоническом мифе»⁷. По мнению исследователя, «сложные и антиномичные образы символистов всегда тяготеют, с одной стороны, к амбивалентности, снятию оппозиции и «синтезированию» про-

тивоположностей в едином лирическом или объективированном персонаже, а с другой, – к расчленению единого образа на множество «двойников», «масок», «личин»⁸. Такого рода многоликость, многоголосость повествования, нестационарность субъектных планов, смешение повествовательных ситуаций связаны с тем, что в романе мы имеем дело с сознанием, неосинкретичным с авторским. Оно «локализовано на границе перехода от “он” к “я” и является своеобразным полем, напряженно живущим между этими полюсами»⁹.

В другом фрагменте Николай Аполлонович, замученный кошмарами из детства, видит сон, в котором он ясно ощущает выход сознания из материальной оболочки. Во сне герой был разлучен со своим «я», оно и наяву, в реальной жизни казалось ему чуждым. Сознание, вернувшееся в тело, кажется Николаю Аполлоновичу знакомым, он узнает его, но интуитивно не принимает, отвергает его. В этом заключается попытка героя доказать самому себе, что его «я» – «другое», принадлежащее, может быть, вовсе и не ему. В этом явлении угадывается «интерсубъектная исходная целостность» (С.Н.Бройтман), предшествующая разделению существованию «я» и «другого». Такого рода способы фиксации сложности и противоречивости внутреннего мира личности героя, открытые А.Белым, делают возможным наделение субъекта речи способностью совмещать в себе разнонаправленные интенции, обретающие в структуре художественного текста самостоятельность.

Непрерывные пересечения субъектных границ между «я» и «другим» демонстрируют такие ситуации, как нахождение в состоянии «вне себя», «вывернутости “я” наизнанку», «на расстоянии от своего тела».

В романе возникает неопределенная модальность «я». Она варьируется за счет кажущихся немотивированными переходов от третьего к перво-

му лицу, неожиданной смены субъектов речи и действия, нечеткой границы между высказываниями персонажей. Эти трансформации в структуре текста обыгрываются как художественный прием, игра, сознательно организованная автором в соответствии с его эстетическими задачами. Зачастую автором намеренно смешиваются в едином потоке мыслей интенции разных голосов, создавая иллюзию диалогического, а порой и полилогического напряжения. «Выступали контуры столиков; луч пролетал из стекла: начинала поблескивать инкрустация. *Неужели же отец пришел к заключению, будто то кровь его – негодяйская? Неужели и сын посмеялся?* <...> Было ли это – быть может. И не было этого... нигде, никогда?»¹⁰. В одном смысловом потоке встретились различные смысловые позиции: и Николая Аполлоновича, и Аполлона Аполлоновича, и повествователя. Такая широкая смысловая перспектива повествования необходима, чтобы состоялся диалог между героями (ибо в реальной жизни по сюжету он невозможен), повествователем и героем, а также между героем и автором. В душу сына закралось сомнение, оно же присутствует и в вопросе отца. Повествователь, внедряясь в конце диалога фразой, что, может, ничего и не было, оспаривает один из голосов с позиций другого. Эта вопросительно-испытующая интонация превращает размышления повествователя в несобственно-прямую речь, в которой перекрещиваются разные голоса.

На протяжении всего романа мы можем наблюдать рассуждения героев, демонстрирующие пробуждение «другого» в их собственном подсознании. И этот другой пугает их своей неопределенностью, а порой и несоответствием собственному «я». Софья Петровна после маскарада пребывает как раз в таком состоянии: «Софья Петровна Лихутина позабыла, что было; грядущее кануло в черноватую ночь; непоправимое напоздало; непоправимое обнимало ее; и – туда отошли:

дом, квартирка и муж; и не знала, куда она двигалась: позади отвалился кусок только что бывшего: маскарад, арлекины; и даже – даже печальный и длинный, не знала – откуда она»¹¹. Сквозь слова повествователя, описывающего ощущения женщины, слышен отчетливо голос самой героини. Пройдя через эмпирическое, двигаясь за пределы готового сознания, она переживает состояние возрождения, выраженное посредством оппозиций «грядущее – бывшее», «туда – куда», «позади – впереди» и т.д. Наступает такое мгновение, когда праздность существования и телесность ощущения отступают на второй план, и субъект, осознав это, наделяется невероятной силой внутреннего зрения, когда он способен увидеть самого себя одновременно изнутри и со стороны. В такие моменты жизнь распадается на бывшее, неопределенное теперешнее и еще более неясное будущее. Человек растерян, он ищет себя, свое собственное «я» через мысли о том, кто он. И повествователь в данной ситуации является одновременно и субъектом переживаний и их интерпретатором. Динамика субъектных ситуаций, использование взаимозаменяемых местоименных форм, позволяющих показать героя во всех возможных психологических позициях, отражают новую концепцию личности и являются способом конструирования новой модели романа.

В рассказах и повестях Г. Рахима, как и других татарских прозаиков 1-й трети XX в. (А.Тангатарова, М.Ханафи, Ш.Ахмадиева), широко используются приемы субъективно-лирического письма, указывающие на отсутствие принципиальных границ между героем и автором. Статус другого как конститутивной семантической структуры определяется тем, что ««чувство личности» в татарской литературе не было выражено столь остро, как в русской литературе, и имело несколько иное содержание: оно чаще всего выступало как чувство общности личности и нации, личности и народа»¹².

Осознание себя с точки зрения другого реализуется в двух связанных друг с другом актах: идентификации и эмпатии, выражающихся в стремлении эмоционально воспринять другого, проникнуть в его внутренний мир, принять его вместе со всеми его мыслями и чувствами. Таким образом, игре субъектными структурами в произведениях русских модернистов: отождествлению себя с «другим», осознанию себя как «другого», пересечению субъектных границ «я» и «другого» и т.д. – в произведениях татарских писателей начала XX в. противостоит ориентированность на идентификацию и эмпатию как своеобразный удвоенный процесс взаимных зеркальных отражений, т.е. глубокое, последовательное взаимоотражение, содержанием которого является воспроизведение внутреннего мира «я» и «другого» в их одинаковой причастности Богу и миру.

В татарской литературе начала XX в. «наметилась новая культурологическая ориентация – от Востока к Западу»¹³, стимулирующая развитие качественно нового типа художественного мышления, рождение новой формы авторства, характерной для поэтики художественной модальности. Свойственные татарской прозе этого периода принципы и приемы создания интегрального образа субъекта сознания и речи, в котором нет противопоставления и принципиального разграничения «я» и «другого» ярко проявились в повести Г.Рахима «Идель» (1921). В центре композиционной структуры произведения – образ рассказчика, наделенного биографией, судьбой, характером. Его сознание одновременно является и предметом изображения, и критерием авторской оценки действительности, средством выражения авторского мировосприятия.

Повесть предваряет небольшое вступление, излагающее причины, которые заставили рассказчика взяться за перо. Описание впечатлений, полученных после прослушивания музыкальной композиции П.И.Чайковского

на стихи А.Толстого, а также воспоминаний, вызванных когда-то забытыми акварельными зарисовками, соединяет воедино субъектные планы автора и героя. Исповедальная манера повествования, наличие двух временных планов – настоящего (в предисловии) и прошедшего (воспоминания), двусторонняя авторская установка (эмпирическая конкретность изображения, эпическая иллюзия достоверности, аналитический психологизм и субъективность изображения) относятся к приемам мемуарно-лирического письма и являются признаком отождествления автора и героя. Это прослеживается в лирических размышлениях повествователя о полете творческой мысли и ее отражении на бумаге, в описании чувств, вызванных приятными сердцу воспоминаниями. Рассказчик эмоционально повествует о том, как оживают в памяти из звуков, отдельных черт лица, обрывков фраз образы дорогих людей, ставших неотъемлемой частью прошлого.

Используемый Г.Рахимом способ повествования определяет и приемы создания художественного образа. Один из них – визуализация героя в портрете, совмещенная с его психологической, этической или социальной характеристикой. Рассказчику весьма симпатичен Кирилл Михайлович, продавец бакалейного магазина. Его приветливое, улыбающееся лицо, веселый нрав, самодостаточность и умение ценить жизнь словно запечатлены в его внешнем облике: белых зубах, крупных руках, массивных чертах лица, алых губах, яркой одежде.

Ретроспективное изложение событий сочетается с непосредственным выражением сиюминутных впечатлений. Красота и правильность черт лица Амины вдохновляют и одухотворяют Ильяса. В то же время он открыто и подчеркнуто высказывает презрительно негативное отношение к матери Рабиги, осуждая устои и нравы старого татарского общества, в котором сильны устоявшиеся нормы по-

ведения и каноны: «Ишектэн керүемә миңа Фатыйма абыстай очрады. Аның очравы үзе минем бөтен кәефне бозарга житә. Яратмыйм мин, хикмәт, шул кызыл битле, юантык хатыны. Аның иттән, майдан төеп тутырган туп төсле бер тойгы уята... Аның бөтен рухында дөньяга иске тормыш ноктаи нэзарыннан карау бик нык тамыр жәйгән эле. Ул “тәрәккыйпәрвәр” булып күренер өченме, әллә укыган кызларына тәлинкә тотышмы, моны яшерергә тырыша. Ләкин без капчыкта ятмый – мин сизәм аны. Менә шул минем саруымны кайната. Аның кирәгеннән артык дәрәжәдә хуш кабул иткән булып, тәкәллефләнәп маташуы минем агуымны китерә»¹⁴. Авторское начало напоминает о себе «примесью» индивидуально-неповторимого психологического опыта, идущего от переживания современности, духовных исканий писателя этого периода, и определяет обличительную манеру повествования, повышенную эмоциональную экспрессивность речи, использование глаголов с ярко выраженной семантикой негативности («испортить настроение», «не любить», «рождать отвращение», «раздражать», «доводить до тошноты» и т.д.). Таким образом, создается лирическая связь между героем и автором.

Описание внешнего облика Амины в повести «Идель» реализуется через сказочно-мифологический сюжет о девушках и молодых людях, живших в Древней Греции. «Аңар моннан күп заманнар элек төшлек ягында, кызу якты кояш астында ак баганалар белән, мәрмәр һэйкәлләр белән бизәлгән борынгы «Эллада»да торырга кирәк иде»¹⁵. Созданная в подсознании героя идеальная картина бытия, частью которой является Амина, окруженная молодыми и беззаботными юношами и девушками, сказочным пейзажем и атмосферой вечного праздника, резко контрастирует затем с впечатлениями и чувствами Ильяса после известия о победе девушки с «земным» Валидом. Герой убежден, что такая жен-

ская красота, одухотворенно обращенное к лику луны лицо, глаза, предназначенные для лицезрения только удовольствий жизни, по ошибке были отнесены к веку людей, удел которых размышлять и сокрушаться. Рассказчик вдохновенно воспекает красоте Амины, окружая ее в своих фантазиях атмосферой волшебной летней ночи в райском саду, которой сопутствует мотив любви и счастья. Красота и гармония природы, поэтичность ситуации переданы путем персонификации природных образов. Луна наблюдает за счастьем влюбленных, изливая на них свет. «Менә мин аны дәфнә һәм зәйтүн агачларының күләгәсенә яшеренгән кечкенә генә, мәрмәр баганалы мәгъбүднә (табыныныла торган зат. – Төз.) кардан ак баскычлары өстендә, үзе шикелле үк гүзәл, күк күзле, бөдрә чәчле бер егетнәкочагында күрәм. Яшь егет, оялган күзләрен түбән төшереп, аңар беренче мәхәббәт сүзләрен сөйли. Шушы түп-түгәрәк сары ай гына алар өстенә үзенә серле яктысын чәчеп, Әминәнә бәхеттән, тормыш рәхәтәннән томанланган күзләренә карый»¹⁶. Переживаемый Ильясом душевный подъем выражается с помощью интонационно-синтаксических средств, ритмико-мелодической организации речи, образно-метафорическим характером лексики, экспрессивным строением фразы.

Портретные зарисовки и характеристики в повести построены таким образом, что складывается ощущение «пропущенности» всего материала через субъективное самосознание героя. Это наблюдается на разных уровнях художественной организации текста: идейно-образном, лексическом, синтаксическом, интонационном. Включение в портретные характеристики героев элементов психологического описания и комментирования, широкое обращение к приемам субъективно-лирического письма указывают на сближение субъектных планов автора и героя.

Лирическую связь между героем и автором репрезентируют и пейзажные интродукции, которые даются в субъектной соотнесенности, через персонажное мировидение. Герой повести «Идель» духовно близок, глубоко «созвучен» природе. Приход весны рождает в нем желание вырваться из душного пространства города, стремление ощутить себя свободным, «опьяненным» природными образами. Наступление весны в природе полностью изменяет отношение героя к миру и самому себе. Ильяс по-новому смотрит на небо, с упоением наблюдает движение облаков, вдыхает запах березовых листьев. Все его существо ликует, возрождается после затяжной зимы. «Мин тәмам терелдем; жисемем дә, рухым да терелде. Хәзер мин гомеремдә тормаганча бертөрле тормыш белән торам»¹⁷.

Ни одно изменение в жизни природы не проходит мимо чуткого взгляда героя. Смена погоды, переход от состояния весеннего цветения к летнему буйству красок, наблюдение игры оттенков во время заката – все это отражается в душе героя в виде самых разных переживаний: восхищения, упоения, удивления, желания воспарить или, наоборот, ощущения угнетенности, раздавленности, хандры, грусти, неудовлетворенности. Яркие красочные впечатления от лицезрения природных образов, наблюдения за естественным течением жизни растений и птиц, восхищение бескрайностью неба и беззаботностью облаков образуют «поле» лирического напряжения, сближающее героя и подлинного автора.

Столь тонкая внутренняя организация героя позволяет ему чувствовать себя неотъемлемой частью природы. Стремление Ильяса жить естественной жизнью (спать на дощатой лавке, пробуждаться с первыми лучами солнца, отождествлять себя с растениями), умение слышать голос природы в пении соловья, жаворонка, способность почувствовать полноту жизни, а также

несовершенство мира и человеческой сущности в весенне-летних и осенних пейзажах продиктованы чувством глубокого единства со Вселенной. Человек, вырвавшийся из границ душного грязного города, где личное пространство ограничивается небольшой, освещаемой светом лампы комнаткой и сужается нагнетающей тоску обстановкой осенней промозглой ночи, попадает в открытое пространство и ощущает себя властелином мира, способным уразуметь смысл жизни. «Бөтен дөнья минеке. Мин анда нәкъ үз өемдә йөргән төслә йөрим. Әллә нинди чокырларнын төбенә чабып төшәм, текә ярлардан елга төпләренә сикерәм. Аннан тагы тау өстенә үрмәшәм... Шуннан соң жылы кояш астына, бер-бер тау кабыргасына егыласың да күзне йомып ял итәсең. Шундый рәхәт!»¹⁸. В подобных точках лирического подъема происходит поэтическое преобразование материала, освобождающее героя от индивидуальной определенности и типизирующего социально-психологического контекста, придающее его размышлениям и переживаниям возвышенно-поэтическую обобщенность.

Эмоциональное напряжение переходит в озарение, которое неотделимо от субъективности лирических переживаний. Между единичным и единым, неповторимым и общим, мгновенным и вечным устанавливаются взаимно-однозначные соответствия. Изображаемые события, счастливые минуты, а также моменты, исполненные раздумий, окрашены в определенные цвета, соответствующие внутреннему настрою героя, и наделены музыкальными характеристиками, передающими особенности восприятия им окружающего мира. Во время очередного приступа лихорадки Ильяс посетают воспоминания об одном из дней, проведенных вместе с Рабигой. Во время прогулки за Волгу окружающий героя мир окрашивается в радужные тона, превращая картины природы в настоящий праздник красок и цветов. «Нинди күнелле иде

шул вакытта! Бөтен дөнья ал гөлөп чәчәкләре белән тулган иде. Гөлөп куаклары чәчәкләрнең күплегеннән ерактан бөтенләй ал төстә булып күренәләр иде. Гүя табигать бәйрәм итә, гүзәл язны кызу канлы жәйгә бирәләр дә, бөтен агачлар шул туй хөрмәтенә ал чәчәкләр белән бизәлгәннәр иде»¹⁹. На фоне этого весенне-летнего пейзажа девушка представляется юноше большим пестрым цветком, выделяющимся в зелени изумрудной травы и листьев. Лирическая обобщенность высвобождает энергию метафоризации, выявляя духовную сопричастность личности «первоначальному» бытия. В то же время удерживается равновесие между обобщенно-иносказательной и эмпирической тенденциями.

Большое значение в повести имеет семантика белого цвета. Белый цвет в повествовании метафорически и символически содержателен и универсален. Дом Ильяс (или дворец, как он сам его обозначает) находится в цветущем белоснежном яблоневом саду. Создается впечатление райского сада, в котором протекает райская жизнь. В восточной философии сад является воплощением рая на земле, местом, где человек, созерцая безмятежность течения времени и красоту деревьев и цветов, может предаться мечтам. По мнению Л. Масиньона, мусульманская концепция сада сводится к тому, что «они [сады] суть мечтания, уводящего за пределы мира»²⁰. Вот и в воображении Ильяс складывается сказочная картина. Герой вживается в роль падишаха, живущего в белом мраморном дворце. Белый цвет выражает чистоту и культ духовности, настраивает человека на безмолвное созерцание и восхищение. «Бөтен бакча кар белән капланган төслә, ап-ак булды... Чынлап та, жәннәт төслә минем тора торган жирем!»²¹.

Не раз мы можем встретить в повести описание белых облаков, плывущих по бескрайнему голубому небу. «Һава тын, дулкын юк; зәңгәр күктә асылынып торган ак болытлар,

көзгедән күренгән төсле, су астында күренэләр иде»²². «Югарыда, чиксез зәңгәр күк эчендә ак болытлар йөзэләр»²³. В эсхатологическом учении небо рассматривалось как спиритуальная сфера и представлялось потусторонней радостью, даруемой в исключительных случаях. Трансцендентный, мистический характер синего (голубого) цвета, который включает в свое символическое содержание такие понятия, как Бесконечность, Космос, Тоска, Холодность, соединяется с универсальным значением белого цвета как символом бытия, мира и жизни. Каждое визуальное обращение героя ввысь, чувственное наслаждение красками неба сочетаются с тончайшими духовными переживаниями, поэзией чувств, наполняют его душу и сознание ощущением сопричастности к истинному и вселенскому. Необычайный прилив сил и воодушевления, осознание того, что весь мир принадлежит ему, если он на пути к познанию истины и смысла жизни, создают параллелизм субъективно-личностного и вселенски-объективного.

Полет фантазии и воображения трансформирует картину прекрасного сада, в котором находится герой, в картину сада идеального, райского, к созданию которого причастен Бог. Буйство красок, многоголосие цветов, поражающая воображение палитра рождает в сознании героя музыкальную симфонию, которая очаровывает, завораживает, удивляет, воодушевляет, окрыляет, возносит ввысь. «Минем рухым гакылның теге ягында булган дәръяларда гизә; хыялым – шул канатлары бер офыктан икенче офыкка житә торган хыялым, матурлык, гүзәллек белән тукланып, икенче матурлыклар халикь кыла (барлыкка китерә. – Төз.), яңадан-яңа гүзәллекләр кәшеф итә... Бу бер илһам, бер симфония, төрле чәчәкләрдән, хуш исләрдән мөрәккәб (бергә жыелган. – Төз.) булган музыка!.. Әллә ул минем рухамдамы, тәннемнән аерылып, хуш исләр дәръясында йөзә? Әллә исә ул,

жанланып, минем күз алдыма килгән илаһи музыкамы? »²⁴.

Субъективно-направленный взгляд повествователя на составляющие природного пейзажа выражается в тенденции к персонификации природных образов в повести. Герой наделяет их человеческим обликом, способностью разговаривать, мечтать, размышлять, сопереживать. О рябиновом кусте, что растет у окна, Ильяс говорит как о друге, с которым можно поговорить и который обладает способностью жестиковать, двигаться, видоизменяться. В кусте калины, пышно цветущем на поляне, ему видится своя равная царевна. Майский жук напоминает своим внешним видом и поведением городского муллу. Комар, жаворонок, береза, звезда – во всем Ильясу хочется узреть отображение некоторой неизменной одушевленной вечности, полноты бытия.

В повести Г. Рахима природа открывает человеку путь к познанию смысла жизни. Облака, мирно плывущие по небу, являются символом безмятежного существования всего сущего на земле. Не меняющий своего направления поток реки символизирует вечность и целостность мира и скоротечность, бессмысленность человеческой жизни. Параллельность существования отдельного микрокосма человека и макрокосмически грандиозного мира природы выливается в идею единства отдельной личности и вселенной, индивидуального и общего, частного и целого.

В повести Г. Рахима прослеживаются духовно-интеллектуальное становление личности, ее самоопределение и самореализация в процессе нравственных и философско-идеологических исканий. Немаловажное значение в процессе духовного роста героя имеет любовная линия, развивающаяся параллельно с темой счастья и свободы. Автором сознательно выделяются этапы развития отношений Ильяса и Рабиги, которые демонстрируют разность и противоречивость чувств героя, выно-

сят на поверхность повествования размышления и умозаключения на темы свободы духа, одиночества человека в мире, вечности, иллюзорности славы, творчества. Каждый этап в развитии любовных отношений сопровождается подробным описанием чувств и показывает личностное развитие героя в понимании собственного «я» и своего положения в мире.

Первая встреча вызывает в Ильесе противоречивые чувства: он рад и одновременно не рад этому неожиданно вторжению в его отшельнический мир одиночества и покоя. Удивление и любопытство сменяются радостью, что смущение и застенчивость преодолены. Смелость Рабиги в поступках и речи восхищают и окрыляют Ильеса. Задумчивость и молчаливость на фоне детской непосредственности сестры концентрируют внимание рассказчика на внешнем облике героини. Сияние, исходящее от прядей волос и кожи на закате солнца, малахитовые глаза, излучающие то грусть, то ликование, рождают в душе героя ощущение счастья и полноты жизни. Рассказчик на протяжении всего повествования неоднократно фиксирует внимание на необыкновенных зеленых глазах своей возлюбленной. Зеленые глаза на акварельном рисунке вызывают воспоминания и побуждают взяться за перо, во время прогулки по реке вдохновляют, проникают в душу, рождают первые признаки беспокойства и томления, сопровождаемые размышлениями и бессонными ночами. Служащий лейтмотивом в повествовательной структуре повести образ глаз демонстрирует динамику развития и угасания чувств Ильеса.

Ощущение счастья и радости сменяется или сопровождается сокрушениями о потере свободы, собственно «я». Ильесом овладевают противоречивые чувства, которым он не способен сопротивляться. Переживания о потерянной свободе тотчас сменяются ощущением себя самым счастливым человеком на земле. Любовь окрыляет,

поднимает над обыденностью и размеренностью жизни, наполняет существование человека красками и радостью, заставляет сердце героя биться чаще, но в то же время любовь парализует волю, набрасывает на человека золотые цепи, рождает сомнения, обращает к миру материальному и приносит страдания.

Существенное влияние на выбор, совершенный Ильесом, оказывает ночь, проведенная им за Волгой в одиночестве, и последующая за этим болезнь. Герой приходит к мысли, что любовь пробуждает в человеке не только романтические чувства, но обнажает и низменное – ревность, упрямство, желание наказать и настоять на своей точке зрения. Оставшись один на один с болезнью, Ильяс чувствует себя глубоко одиноким и эмоционально опустошенным. Равнодушие к жизни и смерти сменяется равнодушием к Рабиге. Чувства, недавно поглощавшие все существо героя, заставлявшие сердце учащенно биться, радоваться и надеяться, с приходом болезни куда-то исчезают. Ильяс и сам удивлен: «Менэ хэзер, авырып ятканда, мин шушы хакта уйльым дә исем китэ: “Кая киткэн минем гыйшык дип фараз иткэнем?” – дим. Рухымны актарып карыйм да мин аны тапмыйм»²⁵. Тема одиночества в творчестве Г. Рахима реализуется в экзистенциальном плане. В повести «Идель» одиночество влечет за собой потерю надежды, сомнения в правильности сделанного выбора. Герой четко разделяет всех людей на тех, кому суждено быть счастливыми, и таких, как он, для которых счастье невозможно. «Юк, бэхет безнең ише кешелэр өчен яратылмаган ул. Ул шул Вәлидләр өчен генә... И Ходай, ник син мине болай итеп яраттың икән?..»²⁶. В этом обращении слышен голос человека, оставшегося один на один со временем, миром, растерянного в хаотичном и холодном пространстве бытия. Холодность, отчужденность, покинутость воплощаются в образе луны, одиноко изливающей свой краснова-

тый свет с неба. «И мәнҗелек туңган йөрәк, и мәнҗелек салкын йөрәк! Ниләр, ниләр генә күрмәгәнсендер син үз гомерендә! Без картабыз, заманнар картаярлар, син һаман бертөсле, һаман яшь. Бетсән дә, янадан туасың син, и мәнҗелек ай!..»²⁷. Обращение к образу луны передает онтологическое ощущение одиночества каждого человека во вселенной. Кажущееся на первый взгляд желанным одиночество Ильяса оказывается на самом деле всего лишь стремлением уединиться, отдохнуть от городской суеты и набраться жизненных сил.

Только начавшая зародиться любовная история Ильяса и Рабиги не имеет своего развития и продолжения. Герой отказывается от любви по разным причинам. Он уверен, что чувство любви сродни золотой мечте, божественной музыке, которую нужно уметь видеть и слышать, не обращая ее в мир реальности. Такая трактовка любви восходит к традициям, сложившимся на арабо-мусульманском Востоке. Арабские поэты обозначали любовь словами «ханин», «гарам». Это сожаление, но сожаление, в котором нет отчаяния. Это соединение воспоминания с некоей любовной верностью, в которой больше верности, чем любви (как в истории о Меджнуне и Лайле). Ильяс, подобно Меджнуну, предпочитают сохранить верность воспоминанию как таковому, любви, которая обратилась в чистую идею. По мнению Л.Масиньона, «эта исключительная любовь настолько нематериальна, что она в конце концов растворяется в чистой идее и удовлетворяется оставленным в уме следом»²⁸.

Человек, не сумевший увидеть в любви некую высшую ступень единения с Богом, желающий превратить сей божественный дар в нечто земное и материальное, обращает золотую мечту в золотые цепи, опутывающие волю и свободу. Стремительное восхождение Ильяс на гору, движение вверх, минуя изгибы дороги, сопровождаются эмоционально насы-

щенными размышлениями о свободе духа, иллюзорности любви, истинном счастье и смысле жизни. Создается впечатление необычайной скорости движения тела героя и мысли автора, ощущение неудержимого полета души. Особенности субъективно-психологического напряжения формируются за счет многократных упоминаний о ветре как о силе, которая подталкивает, гонит, развевает по воздуху разорванные золотые оковы, поет гимн свободе и вызывает на поединок. Повышенная экспрессивность речи, наложение друг на друга вопросительных и восклицательных конструкций, использование звукоподражательных слов с эффектом эмоционального взрыва, лексических и контекстуальных антонимов, определенных в сравнительной степени, обращений подчеркивают напряженность повествования, близость персонажа и автора в области психологического пространства. Герой оказывается на пересечении мировых линий – горизонтальных и вертикальных. Нахождение его в центре мировых сфер – между небом и землей, слияние с вертикально направленной линией горы демонстрируют готовность героя противостоять всему миру, бросить вызов всем стихиям природы. В соответствии с идейно-философской концепцией писателя, человек, обладающий гипертрофированной жаждой свободы, способен преодолеть границы земного пространства и времени. На первый план выходит общечеловеческое, крупномасштабное понимание мира. Человек, достигающий высшей ступени духа, бинарной оппозиции таджрид (отделение) и тафрид (делание единым, выделение), отделяется от внешнего мира, изолируется от материальности, освобождается от земных желаний.

Герой Г.Рахима волен поступать, как велит ему его свободный дух. Авторская концепция особенной личности, способной жить в согласии с волей и разумом, стремящейся к незави-

симости от других людей, противопоставляющей материальные ценности возвышенным, нравственно совершенным и гармоничным устремлениям, воплощается в образе Ильяса. Герой не раз противопоставляет себя всему человечеству: я – свободный дух, они – порабощенные страстями и инстинктами, я – там (наверху), они – здесь (внизу), я – властелин своего духа, они – обманувшиеся, заблуждающиеся, не способные разглядеть истинного. Устами героя повести Г. Рахим доносит до читателя истинный смысл свободы, возвышающей человека до неизмеримо возвышенных (по земным меркам) ступеней духовного развития, наделяющий его способностью познать истину, суть природы бытия и задумываться над идеей беспредельности и вечности всего сущего. Монологи героя демонстрируют недюжинные возможности человеческого духа, имеющие связь с извечными законами мироздания, в которых стерты формы и границы времени. Чувство свободы как путь приобщения к абсолютному и истинному, вечному и универсальному приносит герою немало страданий. Жажда свободы духа, к которой так стремится Ильяс, становится основной причиной, по которой он так и не признается в своих чувствах Рабиге. Внутренний огонь, любовная страсть оборачиваются внешней недосказанностью и молчанием. В повести сама природа выступает против слов и признаний, выбирая безмолвие. Эпизод в пещере, в которой герои скрывались от внезапно начавшегося дождя, – кульминационный момент, когда сердце Ильяса готово было заговорить, но раскат грома, сотрясающий землю, заставляет его навсегда замолчать. «Шулай итеп, Күк Тэнренең теләве буенча, булырга тиеш эш булмый, әйтелергә теләнгән сүзләр әйтелми калды»²⁹. Роковое вмешательство сил природы в виде дождя и раската грома воспринимается героем как знак судьбы. Покинувший пространство пещеры Ильяс чувствует необычный прилив сил и обновление в

себе и природе. Золотые цепи порваны навсегда.

Противоречивые размышления героя о любви как о золотой мечте, божественной музыке и в то же время как о чувстве, заковывающем свободу и волю в «капкан», приобретают вид авторской философии любви, основные постулаты которой выделены в последнем сне Ильяса и в раздумьях осенней ночью. Любовь – это огонь, пламя, которое может испепелить душу человека без остатка. «Ул синең каныңдагы ут, белмисеңмени?»³⁰. Во-вторых, это иллюзия, делающая человека на время счастливым. И нет ничего плохого в иллюзорности любви, сведении ее к мечте, если помнить о недолговечности и мгновенности иллюзии. «Чынлыкта хыял гына ул»³¹. Наконец, любовь – чувство, антонимичное воле, свободе и покою души. «Мәхәббәт!.. Нәрсә соң ул мәхәббәт? Ник бу сүз һаман минем башымда әйләнә? Мәхәббәт шундый бер хис ки, ул инсан тарафыннан жиңелергә тиеш! Ул аңар гүзәл чәчәк күк, искиткеч музыка күк рәхәт бирә, ләкин илаһи тынычлыкның нигезе булган ирекне жәберли башласа, кешегә рәхәт урнына газап бирсә, ул мотлак жиңелергә тиеш»³².

Слияние и взаимопроникновение субъектных планов автора и героя, их ценностных кругозоров проявляются в особенностях стиля персонажа-рассказчика: эмоционально-интонационной, ритмико-синтаксической организации художественной речи, специальных выразительных средствах, в возрастающем экспрессивном напряжении слова. Элемент объективно всеобъемлющего авторского взгляда включает в себе открытая, ничем не стесненная исповедальность текста. Сблизить кругозор героя, его мышление и переживания с авторским сознанием позволяет и сфера осмысления философских проблем, поднятых в повести. Так, в высказываниях Ильяса, цитирующего Ф.Ницше и опирающегося в своих рассуждениях о природе, человеке, эгоизме и альтруизме, добре

и зле на учение немецкого философа, явственно обнаруживается точка зрения автора.

Итак, отличительная черта русского модернизма, определившая художественную структуру романа А.Белого «Петербург», – игра субъектными сферами и субъектные метаморфозы, которые могут быть направлены в разные стороны: субъект речи из зрителя превращается в героя, рефлексирующий – в предмет своей собственной рефлексии,

изображающий – в свое изображение и наоборот и т.д. Подобная тенденция не свойственна субъектной архитектонике произведений татарских писателей 1-й трети XX в. В рассказах и повестях Г.Рахима, как и других писателей этого периода (А.Тангатарова, М.Ханафи, Ш.Ахмадиева), четко представлена изначальная нерасчлененность «я» и «другого», автора и героя, некая межсубъектная по своей природе целостность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Теория литературы: в 2 т. / Под ред. Н.Д.Тамарченко. Т. 2: Бройтман С.Н. Историческая поэтика. – М.: Изд. центр «Академия», 2004. – С. 262–263.

² Теория литературы. – С. 253.

³ *Белый А.* Петербург / А.Белый. – Москва: Хранитель, 2007. – С. 114–115.

⁴ *Белый А.* Петербург. – С. 117.

⁵ Там же.

⁶ Теория литературы. – С. 261–262.

⁷ *Миңц З.Г.* О некоторых «неомифологических» текстах в прозе русских символистов // Учен. зап. Тартус. ун-та. Вып. 459. Творчество А.Блока и русская культура XX века. – Тарту, 1979. – С.97.

⁸ *Миңц З.Г.* О некоторых «неомифологических» текстах в прозе русских символистов. – С. 95.

⁹ Теория литературы. – С. 265.

¹⁰ *Белый А.* Петербург. – С. 100.

¹¹ *Белый А.* Петербург. – С. 145.

¹² *Нигматуллина Ю.Г.* Национальное своеобразие эстетического идеала. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1970. – С. 55.

¹³ *Нигматуллина Ю.Г.* Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской литератур. – Казань: Изд-во «Фэн», 1997. – С. 109.

¹⁴ *Рәхим Г.* Сайланма әсәрләр. — Казан: Татар. кит. нәшр., 2004. – Б. 222.

¹⁵ *Рәхим Г.* Сайланма әсәрләр. – Б. 221.

¹⁶ *Рәхим Г.* Сайланма әсәрләр. – Б. 221–222

¹⁷ *Рәхим Г.* Сайланма әсәрләр. – Б. 186.

¹⁸ *Рәхим Г.* Сайланма әсәрләр. – Б. 188.

¹⁹ *Рәхим Г.* Сайланма әсәрләр. – Б. 236–237.

²⁰ Арабская средневековая культура и литература: сб. ст. зарубежных ученых. – М.: Наука. Гл. ред. вост. лит-ры, 1978. – С. 52.

²¹ *Рәхим Г.* Сайланма әсәрләр. – Б. 190.

²² *Рәхим Г.* Сайланма әсәрләр. – Б. 203.

²³ *Рәхим Г.* Сайланма әсәрләр. – Б. 188.

²⁴ *Рәхим Г.* Сайланма әсәрләр. – Б. 243–244.

²⁵ *Рәхим Г.* Сайланма әсәрләр. – Б. 239.

²⁶ *Рәхим Г.* Сайланма әсәрләр. – Б. 269.

²⁷ *Рәхим Г.* Сайланма әсәрләр. – Б. 270.

²⁸ Арабская средневековая культура и литература. – С. 58–59.

²⁹ *Рәхим Г.* Сайланма әсәрләр. – Б. 255.

³⁰ *Рәхим Г.* Сайланма әсәрләр. – Б. 276.

³¹ *Рәхим Г.* Сайланма әсәрләр. – Б. 277.

³² *Рәхим Г.* Сайланма әсәрләр. – Б. 266.

Аннотация

В анализируемых произведениях А.Белого и Г.Рахима обнаруживается сходная для русской и татарской литератур 1-й трети XX в. тенденция – субъект речи наделяется новыми художественно-эстетическими функциями, создается интегральный образ героя, который не имеет отчетливых пределов, отделяющих его от автора. Но в романе «Петербург» возникает неопределенная модальность «я», которая варьируется за счет переходов от третьего к первому лицу, неожиданной смены субъектов речи и действия, нечеткой границы между высказываниями персонажей. Эти трансформации в структуре текста обыгрываются как художественный прием, сознательно используемый автором в соответствии с его эстетическими задачами. Субъектным метаморфозам в произведениях русских модернистов в повести Г.Рахима, как и в произведениях других татарских писателей этого периода, противопоставлена ориентированность на идентификацию и эмпатию, отражающих слияние и взаимопроникновение субъектных планов автора и героя, их ценностных кругозоров.

Ключевые слова: модернизм, русская литература, татарская литература, приемы создания образа, субъектный синкретизм.

Summary

In the analyzed works of Bely and G.Rakhim the trend similar to Russian and Tatar literature of the first third of the twentieth century is found – the subject of speech is endowed with new artistic and aesthetic features, an integrated image of the hero is created who has no clear limits, separating him from the author. But in the novel «Petersburg» appears the uncertain modality «I», which varies by the transition from the third to the first person, sudden change of the subject of the speech and action, fuzzy boundaries between utterances of characters. These changes in the structure of the text are used as an artistic technique, consciously used by the author in accordance with its aesthetic objectives. Subjectivity metamorphosis in the works of Russian modernists in G.Rahim's story, as in the works of other Tatar writers of this period, is opposed to the focus on the identification and empathy, reflecting the integration and interpenetration of subjective plans of the author and character, their values.

Keywords: modernism, Russian literature, Tatar literature, ways of creating an image, subjective syncretism.

УДК 81'373

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «ИНВЕКТИВНАЯ ЛЕКСИКА»

Д.К. Вахитова, аспирант

Речи человека, как правило, всегда присущи экспрессивность и выразительность, которые отражают его эмоциональный фон, настроение, одобрение или недовольство какими-то явлениями или поступками, в результате чего он дает самую разнообразную оценку событий и фактов окружающей его действительности. В различных ситуациях языковой коммуникации человек может достичь такого пика эмоционального состояния, что перестают действовать любые моральные нормы, в результате чего человек прибегает к использованию лексики, считающейся неприличной. Неприличная или ненормативная лексика существует в каждом национальном языке ввиду того, что представители любой национальности имеют потребность в выражении своих эмоций и чувств, как положительных, так и отрицательных. В связи с этим очевидным является тот факт, что прямое отношение к взаимосвязи эмоций и эмоциональной разрядке человека имеет изучение национальной специфики. Люди различных национальностей воспринимают и постигают одни и те же явления объективной действительности по-разному. Потенциально такого рода ненормативная лексика рассматривается как средство выражения негативной оценки по отношению к другому участнику речевого акта, к самому себе, а также к происходящей ситуации в целом. Как видим, данный пласт словарного корпуса является абсолютно антропоцентричным, т.е. в центре речевого инвективного общения находятся человек, его внутрен-

ний мир, характер, поступки и взаимоотношения с людьми.

В современном языкознании для ненормативной лексики существует специальное определение – «инвектива» или «инвективная лексика».

Справедливо высказывание И.А. Бодуэна де Куртенэ о том, что «для лингвиста все слова одинаково приличны», которое является центральным при изучении инвективной лексики [Бодуэн де Куртенэ, т.1, 1963].

Развивает эту же мысль один из выдающихся отечественных инвектологов В.И. Жельвис, отмечая, что «браный язык занимает свое место в языке любой культуры, и поэтому исключение его из рассмотрения, конечно, позволяет языку выглядеть более вежливым, но одновременно и увечным, лишенным одной из существенных функций – выражения негативных эмоций в самом крайнем виде. Обидеть человека можно и без применения брани, но именно брань, по определению, составляет список наиболее резких слов во всем национальном словаре. Поэтому сильная эмоция, выраженная относительно вежливо, – это совсем не то, что сильная эмоция, выраженная с помощью сильных же выражений» [Жельвис, 2001, с.9].

По нашему мнению, существуют несколько факторов, которые способствуют проявлению заинтересованности к ненормативному слою языка. Прежде всего, следует отметить социальную причину. Демократизация, которая превалирует в обществе, привела к тому, что многие ограничения в употреблении слов были сняты, в ре-

зультате инвективная лексика проникла не только в разговорную речь людей, но и в публичные выступления, публицистический, а также художественный стили. Вместе с изменениями в языке изменилось и отношение к отклонениям от нормы, которые следует рассматривать не как неразрешенное и запретное, а как параллельное с нормой. Несомненно, это является отражением социокультурных изменений в обществе, а также культурно-антропологического состояния языковых сообществ.

Несмотря на то, что интерес к инвективной лексике существенно возрос, до сих пор отсутствует единое определение понятия «инвективная лексика», так же, как не имеется и единого подхода к ее классификации. Для современных исследователей данного пласта лексики характерно многообразие подходов как в вопросах терминологии, определения источников пополнения вокабуляра, так и в тех аспектах, которые рассматриваются как ведущие.

В сущности, источником пополнения инвективы в целом, и в частности инвективной лексики татарского языка, может служить весь национальный вокабуляр языка, лексические единицы которого способны варьировать свое значение от общеупотребительного до оскорбительного в зависимости от условий и характера речевого общения. К примеру, в татарском языке названия большинства животных могут употребляться в качестве инвективного компонента: *сарык, дуңгыз, сыер, бозау, төлке, кәжә, эт, тавык* и др. Фактически инвективный фонд может обогащаться за счет ряда факторов: переосмысление лексического материала литературного языка, заимствования из внелитературной области языка, главным образом из жаргонов и просторечия, и, наконец, за счет заимствований из других языков.

Рассмотрим определения понятия «инвектива», выдвинутые различными учеными, а также определения, взя-

тые из лексикографических источников. Затронув лексикографию, нельзя не упомянуть высказывание великого языковеда И.А. Бодуэна де Куртенэ: «Та же полная лексикографическая объективность требует внесения в серьезный словарь «живого языка» так называемых «неприличных» слов, «сквернословий», «ругательства», «мерзостей площадного жаргона» и т.д.

Этимология слова «инвектива» восходит к латинскому *invectivus*, что означает «полный выпадов, резкий» [Дворецкий, 1976, с. 552].

В словаре современного английского языка издательства Longman представлена следующая дефиниция: «*Invective – forceful attacking speech used for blaming someone for something and often including swearing*» (гневная речь, выпад, используемый для обвинения кого-либо за что-либо, часто включающий ругательство) [Longman Dictionary of Contemporary English, 2000].

В словаре английского языка издательства Macmillan под инвективой понимается «*insulting language or swearing*» (оскорбительная речь или ругательство) [Macmillan English Dictionary for Advanced Learners, 2008].

Как видим, согласно английским лексикографическим источникам, центральное место в понятии «инвектива» занимает обвинение или оскорбление кого-либо (*blaming or insulting*).

Инвективная лексика одновременно является объектом исследования для многих дисциплин, что обусловлено объективными причинами, так как в современном обществе вербальная агрессия рассматривается с различных позиций. Так, одним из новых направлений является юриспруденция, ввиду того, что словесное оскорбление может пониматься как посягательство на честь и достоинство человека. Согласно ст. 130 УК РФ под оскорблением понимается «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме». «Честь и достоин-

ство – это оценочные и связанные между собой нравственные категории. Отрицать и умалять эти качества другого человека – значит позорить его в представлении других людей» [УК РФ, Кудрявцев, 2005, с.97].

Значительное число судебных дел, связанных с такого рода покушением на личное достоинство граждан, привело к возникновению нового направления в рамках лингвистики, которое называется «юрислингвистика».

Справедливо замечание А.А. Леонтьева, согласно которому «в настоящее время в законодательных текстах нет четкого определения понятия оскорбления, оскорбительности, ненормативности и неприличности, соответственно, возникают большие проблемы при установлении степени вины инвектанта» [Леонтьев и др., 1997, с.3].

Таким образом, в лингвистике, в частности в юрислингвистике, до сих пор отсутствует конкретное определение оскорбления как противоправного деяния. На наш взгляд, разработка единого подхода к определению степени оскорбительности инвективного словоупотребления представляется довольно проблематичной, так как это зависит, прежде всего, от личного восприятия инвективы объектом оскорбления, также от самой личности инвектанта.

А.А. Леонтьев дал следующее определение инвективной лексики с позиции юриспруденции: «Это слова и выражения, заключающие в своей семантике, экспрессивной окраске оскорбление личности адресата, интенцию говорящего или пишущего унижить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата своей речью» [Леонтьев, 1997, с. 7].

На наш взгляд, наиболее близким к термину «инвектива» является термин «ругательство».

Изучением ругательств занимаются ученые различных областей науки. К примеру, психолог Райнхольд Аман понимает ругательство как вербально-агрессивное действие, которое случается в состоянии возбуждения и вызва-

но чаще всего какой-либо озлобленностью [Аман, 1982, с. 153].

С позиции психолингвистики ругательство понимается как вербальное оружие, которое нацелено на нанесение психологического удара индивиду. В данном случае предпринимаются попытки определить природу и обозначить основные признаки вербальной агрессии, выявить психологические предпосылки ругани, определить взаимозависимость между физической и вербальной агрессией, а также установить взаимоотношение интенций инвектанта и реакций объекта оскорбления [Жельвис, 2001; Шахинский, 1997; Матвеева, 1986; Сухих, Зеленская, 1987].

С точки зрения социолингвистики, ругательства понимаются как определенные социальные знаки, характерные для речи той или иной социальной группы. «Вообще социальное положение говорящего тесно связано с возможностью и желательностью обращения к инвективе. В некоторых культурах эта связь видна особенно хорошо. Например, в большом количестве европейских культур резко снижена лексика знакома любому носителю культуры, но употребляется она, прежде всего, малообразованными слоями [Жельвис, 1990, с. 28]. Ругательства выступают как своеобразный социальный маркер, отличающий «своих» от «чужих» [Жельвис, 1999, с. 60]. Усиление разграничения между «своими» и «чужими» приводит к употреблению негативных оценок в речи, направленных на понижение статуса объекта оскорбления. На самом деле объект оскорбления может и не принадлежать к какой-либо указанной социальной группе, у людей складывается отрицательное мнение об адресате. Отрицательная информация об объекте оскорбления, которая не соответствует действительности, может привести к иска-

жению образа и восприятия личности среди других членов общества, таким образом, понижая ее социальную значимость. Осознание объектом оскорбления того, что его социальный образ искажен, способно причинить моральный урон его чувствам, т.к. индивид ожидал не утрату социальной значимости, а признание со стороны общества. Таким образом, инвективная лексика представляется как закреплённые в языковой системе оценочные стереотипы человека, которые отражают представления общества о человеческих качествах.

Гендерная лингвистика рассматривает и изучает ругательства как характеристики речи представителей того или иного пола или как средство выражения оценочного отношения к противоположному полу [Жельвис, 1990, с.27–28].

В работах Фатимы Зохры Нэджай центральное место занимают гендерные характеристики инвективной лексики. По ее мнению, «язык отражает социальные ценности и категоризирует мир маскулинный и фемининный». Нельзя не согласиться с ее утверждением, что «оскорбительная сила инвективы по-разному действует на мужчину и на женщину» [Nedjai, 2006].

Г.В. Дмитриенко выделяет гендерно-зависимые признаки речи мужчин и женщин. Среди основных признаков речи мужчин можно выделить однообразие приемов при передаче эмоций, употребление нецензурных слов как вводных, однообразие используемых бранных слов и, наконец, преобладание инвектив, а также конструкций, обозначающих действия и процессы. К основным характеристикам женской речи следует отнести гиперболизированную экспрессивность и большую концентрацию эмоционально оценочной лексики. Женщины склонны к интенсификации, и при возникновении необходимости использования инвектив женщины главным образом прибегают к использованию нейтральных слов и эвфемизмов,

что не наблюдается у мужчин, которые чаще используют слова с отрицательной оценочностью, включая инвективную лексику [Дмитриенко, 2007, с.108].

Инвективы могут рассматриваться также с точки зрения лингвокультурологии как носители национальной специфики и знаки культуры – вербальные табу или своеобразные явления антикультуры, которые находят свое выражение в фольклоре и быту. Инвектива, по словам В.И. Жельвиса, носит культурно-обусловленный характер, поэтому соотношение кодифицированный – некодифицированный (разрешенный – неразрешенный) всегда национально специфично [Жельвис, 2001, с.13]. Таким образом, то, что считается кодифицированным в одной культуре, может быть некодифицированным у представителей других культур.

Г.В. Дмитриенко выдвигает схожую с В.И. Жельвисом трактовку понятия «инвектива» с позиции лингвокультурологии: «Это определенный культурно-обусловленный и национально-специфический векторно-направленный континуум вербальной агрессии по отношению к участнику коммуникации, к ситуации, предмету и процессу социально-речевого общения» [Дмитриенко, 2007, с.3].

В.И. Жельвис вводит понятие инвективного континуума, который присущ национальной культуре в целом, но фактически данный инвективный континуум не используется в полном объеме ни одной социальной группой. Как правило, для более образованных слоев некоторые инвективы кажутся крайне резкими, и прибегают к ним относительно редко; те же инвективы для менее образованных слоев кажутся более мягкими, отчего и употребляются гораздо чаще [Жельвис, 2001, с.59].

Материал, исследованный нами, подтверждает наличие инвективного континуума в татарском языке. Данный инвективный список содержит как известные всем оскорбительные,

осуждаемые в большинстве национальных культур слова: *пәри баласы* – чертово отродье, так и относительно приемлемые в зависимости от ситуации общения: *тынгысыз жан* – непоседа, *уйсыз баш* – дурная голова.

Инвектива всегда имеет своего автора и адресата. Исходя из терминологии Н.Д. Голева [Голев, 2000, с.37] автора инвективы мы называем инвектором (оскорбляющим), а адресата – инвектумом (объектом оскорбления).

Оскорбление будет восприниматься таковым только при удовлетворении главного требования: оба говорящих должны четко осознавать нарушение табу. Если человек не знает значения инвективы, то для него оно не является инвективой. Таким образом, оскорбления и ругательства всегда относительно и зависят от многих факторов, поэтому, для того чтобы понять их сущность и эффект, необходимо рассмотреть табу.

В современном обществе ругательства могут быть признаны в качестве табу, т.к. ругательство подразумевается как запрет, налагаемый культурой и обществом. Многие исследователи именно через табу объясняют возникновение современных ругательств [Воркачев, Кусов, 2000, с.90–102; Стернин, 2000, с. 8–10; Аман, 1996, с.190; Claire, 2000, с.2–3]. Табу не имеет никаких мотивов и обязательно к исполнению. Объектами табу могут быть какие-то действия, темы для разговора, а также слова.

Как видим, понятие «ругательство» достаточно тесно связано с понятиями «непристойность», а также «ненормативность», «ненормативная лексика». Ненормативность подразумевает несоответствие нормам литературного языка. В понятие «ненормативная лексика» согласно А.Ю. Позолотину вкладывается два различных содержания. Прежде всего, это слова и выражения, использование которых противоречит морали современного общества. К ним могут относиться как нелитературные, например, из жаргонов и диалек-

тов, так и литературные слова. Но употребление даже литературных слов, к примеру: *сарык* – баран, *дуңгыз* – свинья, *сыер* – корова, в определенном контексте ситуации речевого общения также нарушает нормы общественной морали [Бельчиков, 2002, с.66].

А.А. Леонтьев же приписывает к категории ненормативности только жаргонные и диалектные слова и словосочетания, которые относятся только к нелитературной сфере функционирования языка.

На наш взгляд, оскорбление человека даже вполне литературными словами противоречит нормам морали, поэтому точка зрения Ю.А. Бельчикова выглядит более корректной.

Однако, с другой стороны, еще И.А. Бодуэн де Куртенэ отмечал, что понятие ненормативности и непристойности крайне относительно. Слова, когда-то «приличные», переходят мало-помалу в разряд «неприличных»; слова же, в былое время производившие впечатление «неприличных», становятся со временем вполне «приличными» членами языкового общества» [Бодуэн де Куртенэ, т.2, 1963, с.237]. Мы разделяем точку зрения Г.В. Дмитриенко, который обосновал относительность данного понятия. Во-первых, оно постоянно меняется с течением времени, во-вторых, оно носит ярко выраженный национально-специфический характер [Дмитриенко, 2007, с.15]. То, что может противоречить нормам общественной морали в одной среде, может быть абсолютно приемлемым в другой. В связи с этим нельзя не согласиться с утверждением В.И. Жельвиса о том, что «не может быть ничего более ошибочного, чем определять норму какого-либо подслоя «со стороны», не пытаясь войти в мироощущение носителей языка этого подслоя... В словаре фермера или батрака могут быть слова, которые он и окружающие воспринимают совершенно спокойно: например, стандартные наименования частей тела животных или соответствующих дей-

ствий – «морда», «брюхо» и т.п. В личном словаре филолога эти же слова выглядят как бесспорные гробианизмы» [Жельвис, 2000, с.74–75]. Таким образом, для определения непристойности и ненормативности, прежде всего, необходимо понять и проанализировать конкретную речевую ситуацию, в которой использованы выражения, рассматриваемые как непристойные.

Несмотря на тот факт, что многие разделы лингвистики посвящены изучению и анализу инвективной лексики, на данный момент лингвистический статус инвектив и ругательств не установлен.

«В качестве лингвистического термина инвективную лексику можно определить как тот раздел общенационального словаря, который, с одной стороны, неcodифицирован (не разрешен к использованию в лингвокультурной ситуации), а в крайней своей части даже категорически запрещен (табуирован); с другой стороны, он должен быть известен всем носителям языка в данной социальной (под)группе» [Жельвис, 2001, с.11].

А.Ю. Позолотин выделяет три подхода к определению инвективы как лингвистического феномена [Позолотин, 2005, с.14–15]:

1. Инвектива приравнивается к ругательству, которая понимается как знак, находящийся за пределами нормативного языка и имеющий устойчивые стилистические маркеры, например, «вульг.», «бран.», «презрит.» [Саржина, 2002, с.37].

2. Инвективой признается любое слово, употребленное с целью оскорбления адресата. С этой точки зрения инвективой считаются все слова, которые могут потенциально оскорбить адресата. Фактически, инвектива признается единицей речи, а не языка. В таком случае даже самое безобидное слово, которое может потенциально оскорбить человека, можно назвать инвективой.

3. Инвективой считается оскорбительное слово в наиболее резкой форме [Стернин, 2000, с.11].

Рассмотрев данные подходы, А.Ю. Позолотин, вслед за И.А. Стерниным, предлагает называть инвективой «ругательство, употребленное в функции оскорбления». Он выдвинул следующее определение инвективы: «Это любое грубое, вульгарное, неcodифицированное, табуированное обозначение человека с оценочной семантикой, которое своей формой или значением может оскорбить объект оценки» [Позолотин, 2005, с.17].

Т. Джей подчеркивает значимость контекста при определении степени оскорбительности слов: «The ultimate decision about the offensiveness of words relies on context» [Jay, 1992, с.13].

Следовательно, в речевой ситуации только контекст может помочь в распознавании оценочности и экспрессивности инвективного компонента в высказывании.

В этой связи нельзя не согласиться с утверждением О.П. Королевой о том, что «инвективность несостоятельна вне контекста данного речевого акта: она определяется через отношение объекта к речевому акту, его участникам или пространственно-временным характеристикам» [Королева, 2002, с.8]. На наш взгляд, это утверждение особенно применимо к лексическим единицам, которые потенциально могут оскорбить или унижить адресата, но по своим семантическим признакам входят в codифицированный пласт языка.

Что касается неcodифицированного пласта, то такого рода лексические единицы содержатся во всех языках. И.А. Стернин обосновывает данное утверждение, приводя следующий пример: иностранцы, изучая русский язык, начинают избегать некоторых слов, т.к. они созвучны с ругательствами в их родном языке. Вышеупомянутое утверждение справедливо и для татарского языка, при изучении которого русские также сталкиваются со словами и словосочетаниями, которые означают ругательства в их родном языке, к примеру, они смущаются при произнесении слова *сука* – плуг.

В.И. Жельвис справедливо говорит о необходимости разграничивать инвективу в широком и узком смысле, тем самым признавая наличие двух трактовок данного термина: «В широком смысле инвектива определяется как любое вербальное проявление агрессивности или стилистически сниженной экспрессивности, оценочности, усилительности, эмотивности и эзотеричности по направлению к участнику коммуникативного акта, включая самого себя (при физическом присутствии или отсутствии других), к ситуации, теме, предмету и процессу социально-речевого общения, вербальное проявление, осуществляемое посредством как литературной, так и просторечной лексики и фразеологии, а в узком смысле – как нарушение этнокультурного социально-этического табу употреблением только субстандартных лексических единиц различной степени этикостилистической сниженности» [Жельвис, 1990, с.7]. Таким образом, в широком смысле В.И. Жельвис отождествляет понятие вербальной агрессии и инвективы. Употребление инвективной лексики может рассматриваться как частный случай агрессии, так как агрессия в целом может проявляться и без использования инвектив.

Следует отметить, что среди исследователей, занимающихся этой темой, отсутствует единство в понимании сущности агрессии в речи, а также в выборе термина для обозначения данного понятия. Главным образом, используют такие термины, как вербальная агрессия, речевая агрессия, языковая агрессия, словесная агрессия и т.д. К примеру, Б.Я. Шарифуллин выделяет два понятия – языковое насилие и языковая агрессия. Он утверждает, что языковое насилие направлено против

конкретной личности, в то время как языковая агрессия может иметь объект кто и что угодно [Шарифуллин, 2000]. Как при языковой агрессии, так и при языковом насилии неизбежно столкновение с явлениями языковой (речевой, вербальной) инвективности [Шарифуллин, 2005]. Таким образом, данные поведенческие речевые формы могут оказывать отрицательное воздействие на коммуникативное поведение как инвектума, так и инвектора.

На наш взгляд, представляется корректным относить к инвективной лексике все формы вербальной агрессии, которые могут быть направлены как на собеседника (оппонента), так и на человека, не принимающего участия в речевой ситуации общения. Следовательно, инвективное словоупотребление может быть рассмотрено в качестве способа замены реальной агрессии вербальной моделью. Эффект, который создается употреблением инвективной лексики, для инвектора может стать прекрасной возможностью предотвратить или снять агрессию.

С учетом выявленных указанными выше исследователями существенных признаков инвективной лексики мы можем сформулировать нижеследующее определение данному явлению.

Инвактивa – это лексическая или фразеологическая единица культурно и национально обусловленного характера, взятая как из кодифицированного, так и некодифицированного пласта языка, употребленная с целью унижения человеческого достоинства в грубой форме, понижения статуса объекта оскорбления, отрицательной оценки как участников и предмета коммуникации, так и ситуации речевого общения в целом, а также потенциально способная оскорбить инвектума.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию / И.А. Б. де Куртенэ. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 1. – 384 с.
2. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию / И.А. Б. де Куртенэ. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 2. – 391 с.

3. *Воркачев С.Г., Кусов Г.В.* Концепт «оскорбление» и его этимологическая память // С.Г.Воркачев, Г.В.Кусов // Теоретическая и прикладная лингвистика. Язык и социальная среда: Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 2. Воронеж, 2000. – С. 90–102.
4. *Голев Н.Д.* Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема / Н.Д. Голев // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2000. – С. 8–40.
5. *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь – Текст / И.Х. Дворецкий. – М.: Русский язык, 1976. – 1096 с.
6. *Дмитриенко Г.В.* Вербальная инвектива в англоязычном лексическом субстандарте. Дисс. к.ф.н. – Пятигорск, 2007. – 166 с.
7. *Жельвис В.И.* Об одном виде эвфемистической замены / В.И.Жельвис // Жанры речи: Сб. науч. ст. – Саратов: Изд-во «Колледж», 1999. – С.281–286.
8. *Жельвис В.И.* Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / В.И.Жельвис. – М.:Ладомир, 2001. – 349 с.
9. *Жельвис В.И.* Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия / В.И.Жельвис. – Ярославль: ЯПГИ им. К.Д. Ушинского, 1990. – 81 с.
10. *Королева О.П.* Прагматика инвективного общения в англоязычном социуме (на материале британского ареала): Автореф. дис. канд. филол. наук / О.П.Королева. – Нижний Новгород, 2002. – 22 с.
11. *Леонтьев А.А., Базылев В.Н., Бельчиков Ю.А., Сорокин Ю.А.* Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации / А.А.Леонтьев и др. – М.: Фонд защиты гласности, 1997. – 128 с.
12. *Матвеева Т.А.* Лексическая экспрессивность в языке / Т.А. Матвеева. – Свердловск, 1986. – 352 с.
13. *Позолотин А.Ю.* Инвективные обозначения человека как лингвокультурный феномен: дис. канд. филол. наук / А. Ю. Позолотин. – Волгоград, 2005. – 248 с.
14. *Саржина О.В.* Русская инвективная лексика в свете межязыковой эквивалентности (по данным словарей) / О.В.Саржина // Речевое общение. Специализированный вестник. Вып. 4(12). – Красноярск: Изд-во КрГУ, 2002. – С.35–40.
15. *Стернин И.А.* Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры / И.А. Стернин // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. статей. Доп. вып. – М., 2000. – С. 97–112.
16. *Сухих С.А., Зеленская В.В.* Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса / С.А. Сухих, В.В. Зеленская. – Краснодар: Изд-во Кубанск. гос. ун-та, 1998. – С. 28–42.
17. Уголовное право России. Особенная часть: учеб./под ред. В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунева, А.В. Наумова. Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Юрист, 2005. – 543 с.
18. *Шарифуллин Б.Я.* Обсценная лексика: терминологические заметки/ Б.Я. Шарифуллин // Речевое общение: вестн. рос. ритор, ассоциации. – Красноярск, 2000. – № 1(9). – С. 108–111.
19. *Шарифуллин Б.Я.* Языковая агрессия и языковое насилие в свете юрислингвистики: проблема инвективы // <http://irbis.asu.ru/mmc/juris/5/12.ru.shtml>
20. *Шахинский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шахинский. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. – 192 с.
21. Aman, Reinhold Psychologisch sprachliche Einführung in das Schimpfen Text. / Reinhold Aman // Bayerisch-österreichisches Schimpfwörterbuch. – München, 1982.
22. *Claire, E.* Dangerous English / E.Claire. Santa Rosa, 2000. – 200 p.
23. *Jay T.* Why we curse: a neuro-psycho-social theory of speech / T. Jay. –Philadelphia: John Benjamins, 2000. – 328 p.
24. Longman Dictionary of Contemporary English, 2000.
25. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners (Michael Rundell), 2008.
26. *Nedjai F.Z.* Etude sociolinguistique de la perception des insultes en Algérie // Nedjai F. Z. (www.annales.univ-mosta.dz/fr6/nedjai.pdf)

Аннотация

В статье рассматриваются различные подходы к определению понятия «инвективная лексика», прежде всего с позиции различных отраслей лингвистики. Подчеркивается значимость контекста и особенностей языковой коммуникации при определении степени оскорбительности слов. В заключении дается определение понятия «инвективная лексика» с позиции автора с учетом выявленных исследователями существенных признаков инвективной лексики.

Ключевые слова: инвективная лексика, лингвистика, оскорбительность, табу.

Summary

The article deals with various approaches to the definition of the term «invective», especially from the angle of various branches of linguistics. The author emphasizes the importance of context and characteristics of language communication in determining the degree of offensiveness of words. In conclusion, the author gives the definition of the term «invective» taking into account the essential features of this layer of the language identified by the scholars.

Keywords: invective, linguistics, offensiveness, taboo.

УДК 821.512

ВНУТРИЛИТЕРАТУРНЫЙ СИНТЕТИЗМ (первая треть XX века)*

Д. Ф. Загидуллина, академик АН РТ

Развитие литературы модернизма в любой культуре происходит во взаимодействии с другими видами искусства, с ориентацией на достижения философии и психологии. В татарской литературе начала XX в., как и в русском символизме, смысловое наполнение образа достигалось через синтез литературы и живописи, литературы и музыки. Основанием для подобных экспериментов послужили теоретические труды русских писателей – создателей литературы Серебряного века. Например, А. Белый, рассматривая влияние искусств друг на друга, писал, что «элементы более совершенной формы, проникая в форму менее совершенную, одухотворяют ее»¹. Так же воспринимают татарские художники слова начала XX в. возможности взаимодействия искусств в рамках одного текста. Именно о необходимости совершенствовать форму татарской литературы ведут разговоры молодые писатели и поэты, увлекающиеся творчеством русских символистов, привлекающим их панмюзикальностью и смысловой глубиной. Обоснование в 1912 г. нового журнала «Анг» по образцу и подобию журнала «Весы», который впоследствии стал катализатором и рупором модернистских экспериментов, свидетельствует о том, что диалог искусств серьезно рассматривался как один из путей развития национальной литературы.

Например, в самом первом номере журнала «Анг» Ф. Амирхан опубликовал

вал нэсер «Восток спит ... (относительно рисунка)» (1912) рядом с иллюстрацией к картине Леконта де Нойля «Сон Востока». На картине изображен безмятежно спящий человек Востока. Он лежит на роскошной мягкой постели в бедной лачуге, рядом – кальян, ожидающий пробуждения спящего. Картина дается следующее толкование: спящий человек – исламский Восток, мечтающий о рае и гуриях. Бодрствующие же в это время делят его государство, грабят богатства его страны, собираются его поработить. Они стремятся к знаниям, занимаются торговлей, смело реализуют все свои планы. Противопоставление двух аллегорических образов (спящего и бодрствующего) выражает авторскую тревогу и беспокойство за судьбы своего народа, на что указывает аллегорический образ плачущего: дым кальяна, изображенного на картине, распространяется во все стороны, он отравляет, жжет, разъедает глаза. Повествователь раскрывает трагический смысл этого тяжелого сна: спят «материальная и духовная мощь Востока», «сила его ума и науки», «сила, когда-то покорившая половину мира», «земля, похожая на райский сад», «государство, когда-то отдававшее высочайшие приказы всем другим странам», «моря», «все чувства и ощущения» – все погружено в сон. Рассказчик призывает «детей Востока» проснуться, приоткрывая завесу над ближайшим будущим. Аллегорический образ «спяще-

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ. № 12-14-16015а/В/ 2012.

го Востока» напрямую связан с оценкой писателем современного состояния татарской нации. Широкое использование иносказательных образов, раскрывающих прошлое и настоящее татарского народа, обращает произведение к актуальным проблемам народно-национального бытия. Так синтез видимого (рисунок) и воображаемого (текст) миров создает новый культурно-исторический смысл.

Каждое художественное произведение, публикующееся на страницах журнала «Анг», сопровождалось иллюстрациями знаменитых художников. Однако были и попытки иного плана.

Например, в рассказе Файзи Валеева «Поют» (1917) народная песня, с одной стороны, служила основой изображаемой художественной ситуации, с другой – становилась средством масштабных обобщений. Песня превращалась в символ: в окопах Первой мировой войны, в условиях холода, голода и тьмы встречались солдаты-татары, и татарская народная песня, прозвучавшая неожиданно, случайно, за миг изменила их внутреннее состояние. Песня стала символом нации, сплывающей людей по этническому признаку, «по крови» в критические моменты жизни, во времена исторических катаклизмов. В другом рассказе того же автора, «Намаз» (1916), те же функции выполняет мусульманское моление. Фольклорные или религиозные вставки, таким образом, участвуют не только как образы или детали, а структурообразующие концепты национального, национальной принадлежности и идентификации.

Мифологизация литературы, стилизация под народные мифы, сказки, легенды, которая переживала расцвет в татарской литературе начала XX в., также может быть примером внешне-синтетизма в литературе. Стремясь осмыслить современные события в их исторической перспективе, в проекции на прошлое и будущее, писатели начала XX в. обращаются к мифологи-

ческим образам и сюжетам. В 1913 г. Ф. Амирхан создает цикл «Татарские девушки», в который входят три рассказа: «Девушка Зухра на луне», «Сююмбике», «Проигранная в карты Зульхабира». Опираясь на народные предания и легенды, писатель раскрывает концепцию единства бытия: между духовным и физическим началами нет и не может быть антагонизма, ибо они существуют в неразложимом единстве. Поэтому решить актуальные для начала XX в. социально-исторические проблемы можно, лишь соединив идеальное и реальное, божественное и земное. Этой идее соответствует поэтика, ориентированная на взаимодействие романтических и модернистских начал.

Синтез литературы и философии – самый распространенный вид диалога внутри произведений. Модернистские явления отличает и поэтика взаимодействия эпических и лирических форм в пределах одного произведения. И.А. Азизян так характеризует эту ситуацию: «...самосознание культуры, воплощенное в слове, выражающее, формирующее, порождающее ее диалогичность, невозможно представить вне определенных монологов рефлектирующего сознания художника, философа, поэта, богослова, образующих в своем пересечении напряженное поле диалога сознаний»².

Кроме «внешнего» синтеза, в периоды становления новых форм авангарда наблюдаются и проявления внутрилитературного синтеза. Смешение жанров, взаимопроникновение восточных и западных художественных традиций, философско-художественный синтез, объединение поэтики различных художественных стилей воспринимаются как возможность для наиболее точной и выразительной репрезентации нового художественного мышления. Смешение стилей становится отличительной особенностью татарской литературы начала XX в.

«Смешение стилей», или синтезм, в европейской культуре заявляет

о себе в конце XIX в. Художники пытались в своих произведениях «синтезировать» три понятия: внешний вид, или фон происходящего; собственные чувства и переживания в отношении изображаемого; эстетичность линии, цвета, формы изображения. В литературном творчестве татарских писателей также заметны подобные стремления. Создателей новой татарской литературы объединяет обостренный интерес к внутренней жизни человека, миру его чувств, особенностям восприятия окружающего мира, памяти, соотношению сознания и подсознания. В творчестве отдельных представителей татарской литературы начала XX в. движение мыслей, впечатлений, памяти передается с помощью «потока сознания», приемов «психологического импрессионизма», являющихся отличительными признаками авангардных явлений.

В этом плане наибольший интерес представляют эпические произведения Ш.Камала, Ф.Амирхана, Г.Ибрагимова и Г.Исхаки. Основатель психологической прозы в татарской литературе Ш. Камал уже в 1909–1910 гг. в коротких рассказах стремился раскрывать сложные психические процессы, происходящие в сознании и подсознании людей. Его герои – простые люди – изображаются в пограничном состоянии, в моменты прохождения нравственных испытаний и прозрения. Историко-социальный детерминизм, присущий его рассказам (главная особенность реализма), служит передаче трагизма существования человека как представителя своей нации. Эти произведения выходят за рамки реализма. Предметом художественного изображения становятся явления подсознания, труднодоступные глубины психологии. Реалистическая художественная система в творчестве Ш. Камала обогащается приемами импрессионистской эстетики: использованием «потока сознания» как метода психологического изображения, фрагментарностью, монтажно-компози-

ции произведений, символизацией как способа обобщения. Возникает «пограничный феномен», который связывает воедино психологизм и импрессионизм с реализмом.

Так, рассказ «Пробуждение» (1909) Ш. Камала описывает трагическую историю любви Мусы, простого труженика, работающего на мельнице, и его жены Гафифы. Сын богатых родителей, Муса живет в самом бедном квартале города. Однако автор не выделяет тех причин, которые разорили семью: он акцентирует внимание на трудностях, с которыми сталкиваются Муса и Гафифа, как на испытаниях судьбы. При этом в рассказе представлены два варианта прохождения испытаний. Муса не выдержал их, не сумел остаться человеком. Из-за жизненных неурядиц мужчина превратился в пьяницу, ожесточился, озверел, начал обвинять в этом жену и избивать ее. Гафифа до последнего вздоха стремилась быть опорой для своего слабохарактерного мужа.

Осознав, что избил и убил свою жену, Муса сходит с ума. Автор ретроспективно воссоздает его историю влюбленности в потоке сознания сумасшедшего человека, переживающего момент осознания своего преступления, и убийство жены предстает в его мыслях как убийство любви. На это указывает также символ оторванной пуговицы, напоминающей Мусе глаза жены.

Параллелью хаотическому движению мыслей и чувств, раскаянию потрясенного в результате осознания своей вины Мусы является стихийное движение природы: холодный ветер, сырость осени переходят в раскаты грома и в грозовой дождь. Природа «доводит до сознания Мусы всю тяжесть его трагедии»³. Категория любви превращает трагическую историю Мусы и Гафифы в историю общечеловеческую, отражающую закономерности бытия: потеря любви равняется потере счастья и будущего. Поток мыслей сумасшедшего и движение стихии

текут в унисон, углубляя смысловые коды художественного текста.

И в других рассказах писателя герои изображаются в состоянии «пробуждения». В рассказе «В метель» (1909) Мустафа, забывший о существовании матери и не видевший ее в течение двадцати лет, спешит в родную деревню, чтобы попросить у нее прощения. Четыре потока движения: непогода с сильным ветром, вьюгой, заметающей дорогу; плач маленького ребенка – сына друга Мустафы; душевные стенания героя, осознавшего свою ошибку и смутно подозревающего невозможность ее исправить; а также предсмертные терзания матери, ожидающей своего сына, – наслаиваются друг на друга и углубляют душевное состояние героя. Все потоки движения хаотичны, автор детально воссоздает их, заставляя читателя переживать каждый миг.

Ретроспекция памяти Мустафы указывает на узнаваемую татарскую действительность как на причину ошибки героя. После развода отец внушил детям ненависть к матери. Однако осознание всей тяжести ошибки происходит благодаря воспоминаниям Мустафы. Писатель акцентирует внимание на том, что Мустафа даже после смерти отца не захотел встретиться с матерью, не попросил у нее прощения. (*«Он что, совсем отвернулся от матери? Да, он совсем отвернулся от человека, которая родила его и темные, тихие и мрачные ночи без сна проводила около его люльки! (...) Все это происходило, когда он был маленький, а когда подросток? Вот все беспокойство его исходит от того – что кроме тех знаков невнимания, которых он оказывал матери при жизни отца, он и после не попросил у нее прощения, оставался холодным и равнодушным в отношении ее...»*⁴). Ситуация наложила отпечаток на характер героя: он превратился в бездушного, холодного, не доверяющего никому человека. Ш. Камал изображает процесс самосознания героя, приводящий к изменению

его характера. Эти изменения переданы через призму восприятия Хусаина, друга Мустафы: *«Странно было смотреть на удивленность и стеснительность, которые проступали на лице холодного и бесстрастного человека, который на все смотрел через иронию, не верил ни одному слову, не умел слушать чужих мнений, если сам начинал говорить, то всегда с издевкой»*⁵.

В финале слезы Мустафы, потерявшего мать, не успешшего попросить у нее прощения, указывают на способность героя к духовному изменению. Однако последнее предложение – *«Вьюга все еще властвовала на улице»* – свидетельствует о том, что ошибки превращают жизнь человека в хаос, становятся источником страданий. Однако первый шаг в сторону гармонизации уже сделан: несмотря на страшные природные катаклизмы, Мустафа приехал к матери. Описание душевных колебаний через поток сознания, параллельно с описанием природы, превращает историю Мустафы в общечеловеческую историю. Как верно подмечает В.Р. Аминева: *«Синтез исторической определенности и масштабности бытийных, мистических прозрений автора и героев высвечивает разрушительные явления действительности и народного сознания, духовно-нравственные истоки его трагического «надлома» – и в то же время таящийся в недрах родовой памяти, в многовековом социальном, культурном, религиозном опыте нации залог ее будущего преобразования»*⁶.

В некоторых рассказах движение природы становится катализатором, провоцирующим движение души. Так, в рассказе «Увядший цветок» (1909) красота природы пробуждает у 19-летней Камар несбыточные надежды, способствует осознанию ею своего положения, и поток сознания, «открытый» в этот миг, передает всю трагедию молодых девушек, выдаваемых замуж за стариков и становящихся вторыми женами. В рассказе «Конфликт» (1910) бесправность невесток в татарских се-

мьях передается через поток мыслей и чувств героини. В рассказе «Отец» (1910) писатель рисует переживания пожилого человека, впервые ставшего отцом. Но во всех произведениях Камала частные переживания отдельного человека поставлены в зависимость от общей национальной жизни. Эта особенность обеспечивает синтетизм на уровне художественных направлений.

Например, в рассказе «Горемыка» (1910), отличающемся особой драматичностью, воссоздается образ бродяги, который когда-то оставил в родной деревне мать, сестру и жену с маленьким ребенком и уехал на заработки. С одной стороны, поток сознания, являющийся способом авторской оценки персонажа, отражает испытываемое героем чувство вины: *«После того, как он лег, разные люди и события сменяли друг друга перед его взором, а после все перемешалось... Вот заводы, трактиры, пивные, ночлежные дома, подзаборная грязь, тюрьмы – все вместе противостоят ему! Вот его друзья поют, хохочут, орут, избивают друг друга, в пьяном виде валяются под заборами...»*⁷. Выразительная деталь – плевков, который попадает в лицо героя, акцентирует мысль на том, что каждый человек должен расплачиваться за свои поступки и деяния. Этот мотив сквозит и в рассказе сестры Гали, в котором воссоздается вся трагедия семьи: мать умерла, дом разрушен, сестра осталась вдовой с детьми и влачит жалкое существование, жена вышла замуж за другого.

С другой стороны, подчеркиваются социальные мотивировки поступков героя, и Гали предстает как жертва социальной несправедливости, оторванной от привычной среды: *«Он воспринимает себя побежденным, обманутым, хочет сказать что-то резкое, отругать кого-то, сказать, что они жестокие. Но он не осознавал до конца, кого же ругать. Кого ругать?.. Он уехал из деревни из-за нехватки земли. Начал работать на заводе... Арестовали за то, что во время забастовки*

*избил мастера. Вот вышел из тюрьмы и с тех пор не может найти работу. Одежда обносилась, есть ничего...»*⁸. В этой цитате обобщена трагедия многочисленных татар, скитающихся по чужбине в поисках счастья. Изменения в природе, происходящие в течение времени с вечера до зари, проецируются не только на судьбу горемыки, но и на судьбу всего татарского народа (*«Гали уходил в сторону востока... Но ту красивую картину, которая должна была показаться при восходе солнца, накрыла метель...»*). Этому способствует присутствие символических образов: безветренного и бездушного вечера, покрытой мраком зари.

Еще в начале XX в. литературовед Дж.Валиди выделил главную особенность творчества Ш. Камала: он «схватывает психологический момент и начинает копаться и исследовать его»⁹. Для этого писатель выбирает разные формы психологизма. В рассказе «Двое хороших» (1910) история влюбленности, измены и прощения излагается как поток мыслей и воспоминаний пожилого человека. Однако прощение не приводит к возрождению любви: поток подсознания противоречит представлениям старика: нельзя дважды пережить одно и то же счастье, и история принимает трагический характер. В рассказе «Голос курая» (1912) поток фантазий маленького мальчика, потерявшего родителей, раскрывает трагизм внешне благополучной жизни сироты. Рассказ «Мелодия жизни» (1913) написан как «поток» повествования молодого человека о своем детстве, юности. Рассказывая о своих отношениях с любящей его матерью и с жестоким отцом, он осознает трагедию татарской семьи, в которой разрешено многоженство. Только в процессе рассказывания герой осознает свою вину и вину отца за смерть матери. Как закон жизни, «мелодию жизни» писатель выделяет неспособность людей увидеть и помочь близким в моменты отчаяния и потери всяких надежд. И это приводит к раскаянию, сожалению

об упущенных возможностях, досаде и терзаниям.

Во многих рассказах Ш. Камала герои изображаются как переживающие подобные критические моменты в своей жизни, находящиеся в состоянии «открытия» для себя истины и законов бытия, осознания своего места в жизни. Детальное воссоздание мельчайших подробностей смены настроения героев заканчивается принятием решения: решения о самоубийстве из-за материальных проблем Асфандияра Мухтарова, сына мурзы («Испорченный звонок», 1911), решения о смерти старика, осознавшего себя ненужным для своих детей («Чувства одного старика», 1910), и матери, узнавшей о трагедии дочери Газизы («Неприглядное дело», 1910), решения уйти в никуда девочки, осознавшей, что отец не в силах защитить ее от козней мачехи («Нафиса», 1912). Писатель рисует человека на грани отчаяния, когда мысли и чувства накалены до предела, они становятся хаотичным потоком сменяющихся и опровергающих друг друга состояний. Непрерывное движение психических процессов возможно в рассказах благодаря импрессионистической подмене реального мира субъективными ощущениями и эмоциями. Только причина, доведившая в определенный момент героя до отчаяния, указывает на конкретно-историческую и социальную действительность.

Подобные суггестивные картины в меньшей степени присутствуют в повестях и романах Ш. Камала. Например, в повести «Чайки» (1914) описывается жизнь сезонных рыбаков, приехавших на заработки на Каспий. Мечты и надежды героев, воспоминания и моменты отчаяния и влюбленности представляются как поток ощущений. Море и небо как символы бытия, жизни, вечности, и чайки – символ бездомных, вынужденных скитаться по чужим краям бедных людей – получают философскую и конкретно-историческую мотивированность. Судьбу своих героев Камал превраща-

ет в национальную трагедию. Прием пассивно-созерцательных ретроспекций и картин природы вызывает состояние печали, экзистенции, обреченности.

Ш. Камал воссоздает психологическое состояние героя через его ощущения, мысли, представления, сопоставляет с картинами природы. Подмена объективного мира субъективно-лирическими ощущениями свидетельствует об импрессионистской основе его прозы. Многообразие ритмов, движений, порывов образует в произведениях психологическую мозаику. Однако конкретизированные детали социальной действительности указывают на пограничность данного явления в творчестве Ш. Камала, которое подчиняется реалистическому стилю письма.

Взаимодействие приемов романтизма и импрессионизма в творчестве Ф. Амирхана также покоряет особой эмоциональностью стиля и красотой изображенного мига. Одно из первых произведений подобного ряда – «Любовь – унижение» (1908), в название которого автор добавляет пояснение: «Из жизни романтического друга». В нем описываются утренние внутренние переживания молодого парня Салиха, проснувшегося «несчастливым» после вчерашнего объяснения в любви: возлюбленная Фарида призналась, что его любовь – позор для нее. «Гора», которую Салих не мог «перейти» в начале рассказа, остается на том же месте и в конце: «Он был похож на слепого, в недоумении и отчаянии остановившегося перед встретившимися ему на пути непреодолимыми преградами»¹⁰. Влюбленный юноша, рассчитывавший на взаимность, узнав истину, переживает адские муки. Он просыпается в болезненном состоянии, его ум ищет ответ на вопрос «почему?». Его беспокоит не истина, а потеря иллюзии – надежды на взаимность. «Это осознание представило перед его взором прошлое, настоящее и будущее в черном обугленном состо-

янии, покрыло его сердце холодом, безжизненной безнадежностью, оторвав теплый, лучистый, жизненный, полный надеждой кусочек любви – первой и последней любви Салиха»¹¹. Писатель наблюдает смену различных внутренних переживаний в глазах юноши. И стиль письма превращает горестные минуты в прекрасные, которые может пережить каждый человек, влюбившись однажды и надеясь на счастье в будущей жизни. Они связаны с молодостью, стремлением к счастью, способностью любить. Автор и читатель понимают, что когда-нибудь Салих с особой теплотой вспомнит эти переживания как наиболее прекрасные и важные моменты в своей жизни.

Герой рассказа «Постарел!» (1909) 29-летний юноша Мустафа, казалось бы, достиг того, к чему стремился, – получил аттестат зрелости и поступил в университет. Но Мустафу гложет тоска, он далек от ощущения счастья, разочарован и неудовлетворен своей жизнью. Причины переживаемого героем острого и мучительного духовного кризиса сложны и многообразны: это и трудности, с которыми он сталкивался на пути к своей цели, и лишения, выпавшие на его долю, и отсутствие настоящего дела, которому он мог бы себя посвятить, и сознание скоротечности жизни, кратковременности человеческого счастья на земле, и сомнение в безусловности высших духовно-нравственных ценностей и общественных идеалов. Мустафа близок к отчаянию, потому что он чувствует себя постаревшим и уставшим от жизни: *«Верните мне мою молодость, мою невинную молодость! Я вам отдам все, чего я достиг в жизни!»*¹², – восклицает герой. «Преждевременная старость души» объясняется и ссылкой на общечеловеческий закон – противостояние высоких порывов души и безвозвратно уходящей молодости. Таким образом, писатель сопрягает мотивировки разного порядка, используя при воссоздании психологического состояния героя импрессионист-

ский принцип смутного, зыбкого и неопределенного настроения, движение которого подчиняется и минутным порывам, и конкретно-историческим ситуациям.

Этот принцип сохраняется и в вершинном произведении прозы Ф.Амирхана – повести «Хаят» (1911). В центре внимания писателя – психологическая драма молодой девушки, в душе которой сталкиваются противоположные начала: разум и сердце, просыпающееся чувство личности, новое отношение к миру и моральные заповеди старого татарского общества. Внутренние противоречия порождаются внешними взаимоотношениями Хаят с ее ближайшим окружением, в первую очередь – с семьей. Родители Хаят стремятся воспитать дочь в соответствии с традиционными религиозными взглядами на поведение татарской девушки: чтение намаза и религиозных книг, запрет на самостоятельное знакомство с мужчинами (причем даже при случайной встрече необходимо прикрывать свое лицо). В то же время Хаят с детства дружит с Лизой Мясниковой, знакома с ее семьей, братом Михаилом. Жизнь семьи Мясниковых отличается от жизни ее семьи: Лиза и Михаил в отличие от Хаят получают светское образование, в их доме часто устраиваются танцевальные вечера, на которые собирается молодежь. Общение с Мясниковыми не проходит для Хаят бесследно: она выучилась читать по-русски, что расширяет ее кругозор.

В основе импрессионистского, эмоционального сюжета повести – стремление героини гармонизировать окружающую ее действительность. Таким гармонизирующим началом для Хаят выступает любовь, о чем свидетельствует последнее обращение героини к Богу: *«Боже, дай мне любовь! Боже, прошу тебя, дай мне любовь на всю жизнь! Это было самым последним и самым сильным желанием девичьей поры Хаят»*¹³.

Каждое из субъективно значимых для героини событий – призна-

ние Михаила в любви, встреча с московским студентом Гали Арслановым, сватовство Хаят с молодым баем Салихом Фатыховым – вызывает в ее душе борьбу противоречивых мыслей и чувств, переходящую в мучительную тоску и беспокойство. Так, в ночь после объяснения в любви Хаят переживает осознание недостижимости счастья с Михаилом: *«Радость сознания своей красоты, которая обещала ей так много счастья, охватила Хаят (...) Мысли Хаят снова взволновались. «Как я должна была ответить ему?.. Он красивый, милый. Да, да, он очень, очень милый. Хороши его густые брови, ласковый взгляд карих глаз... И вообще, что-то в нем есть очень хорошее. Он меня любит. Да, любит, он хотел поцеловать мне руку... А я люблю его? Я... Михаила? Но ведь Михаил русский!» И Хаят поняла то, чего до сих пор не осознавала, – между нею и Михаилом лежит пропасть. Ей показалось, что до сегодняшнего вечера эту пропасть скрывали от нее, а теперь неожиданно сдернули завесу и обнажили перед ней что-то холодное, страшное. Теперь девушка поняла причину смутной тревоги, закрывшейся ей в душу, когда она убежала от Михаила; он ведь не мусульманин, он – неверный, он кяфир! Душу ее объял холод ужаса, ледяющий холод, и, словно желая согреть застывшее от этого холода сердце, Хаят легла вниз лицом, прижавшись грудью к маленькой подушке...»¹⁴. Каждая ситуация заканчивается внутренним монологом, сменной противоречивых ощущений и переживаний героини. Используемые Ф. Амирханом приемы психологического обобщения, в которых превалирует импрессионистическое начало, составляют некий слитный эмоциональный комплекс и позволяют видеть в истории Хаят отражение судьбы всей татарской молодежи, нации в целом. Эта противоречивость в ощущениях, это стремление к высокому и светлому, желание обрести счастье и ежеминутное осознание его невозможности,*

недостижимости всего представляют как общая боль молодого поколения татар, общая проблема бытия (хаят).

Этот мотив недостижимости счастья, мотивированный особенностью национального менталитета, прослеживается в ряде рассказов писателей начала XX в. В них объединяющей чертой является психологический параллелизм: детализированное изображение эмоционального мира и движения природы. Среди них – импрессионистский рассказ «На лодке» Файзи Валиева (1918), романтический рассказ К. Тинчурина «Искандер» (1915) и др. Например, рассказ Ф. Валиева параллельно описывает от начала до конца два момента: движение природы с утра до вечера и смену чувств и переживаний влюбленных Ханифа и Амины – с момента утренней встречи, объяснения в любви, понимания взаимности чувств и полноты счастья и до неясных подозрений о недостижимости счастья в конце дня. Рассказ начинается описанием зарождения дня, светлого и солнечного, парень и девушка весь этот день проводят вместе. Сюжет настроения усиливается пейзажем, который становится метафорой эмоционального состояния героя. Эпилог рассказа обобщает картину переживания любви до общечеловеческих масштабов, представляя этот день, один день в жизни влюбленных, как возможность почувствовать себя счастливым, встречающуюся в судьбе каждого человека: *«Исчезли последние красные пятна заката. Широкие луга и деревья, будто бы попрощавшись в последний раз, исчезли в темноте. Потемневшие воды беззвучно стекали в неизвестность. Первая любовь Ханифа, с этим закатом, с этими деревьями, с потемневшими водами, исчезла в темноте, успокоилась, утекла. Ему не дано было пережить второго такого счастливого дня»¹⁵. Таким образом, автор не поясняет причины разлуки, не раскрывает тайны жизни героев, он просто констатирует ценность чувства влюбленности. Для этого ав-*

тор обращается к противостоянию света и тьмы: светло-желтый рассвет поглощается красно-черным закатом. Переменчивость зрительных образов указывает на текучесть внутреннего состояния человека и автор в этом хаосе находит наиболее устойчивые и ценные чувства, которые дают человеку ощущения счастья.

Ф. Амирхан в своих рассказах воссоздает целую цепь психологических состояний героев. В незаконченном романе «На перепутье» (1912), например, раскрывается психология человека переходной эпохи, мучающегося сомнениями и не нашедшего своего места в жизни. Субъективный внутренний мир персонажа представлен в непосредственно исповедальной форме. Хасан порвал с прошлым, не приемлет старую жизнь, размышляет о судьбах нации и ее культуры, пытается разобраться в окружающей его действительности, мечтает о преобразовании жизни татарского народа на пути приобщения к русско-европейскому просвещению. В то же время в себе самом он находит много слабостей и недостатков: неумение сосредоточиться на достижении поставленных целей, отсутствие силы воли и организованности, которые помогли бы ему восполнить пробелы в образовании, и др. Несмотря на это, его духовный мир, способность поставить перед собой большие цели и шаг за шагом, через сомнения и терзания, принимать непростые решения, готовность пожертвовать личным комфортом ради общего блага, ради нации рождает у читателя симпатии.

Иное мироощущение раскрывается в рассказе «Когда погасло пламя» (1916). Герой произведения Шакир отказывается от любви и подавляет в себе порывы, которыми жил раньше. Параллельно звучит тема прощания с юностью, с надеждами и мечтаниями молодости, постепенного «остывания» человеческого сердца. Переживания и чувства героя вызывают жалость и сожаление.

Психологизм прозы Амирхана изыскан, он раскрывает мир эмоций и чувств, за которым угадываются история жизни, судьба, будущее. Автор умеет передавать бег времени, разнообразие ощущений, в то же время в его произведениях присутствуют конкретные проявления действительности татарского общества начала XX в. Фрагменты потока сознания, движения мыслей, чувств, ощущений, ассоциаций, воссозданные в воспоминаниях фразы у Амирхана всегда складываются в цельный психологический образ человека и образуют второй, эмоциональный, импрессионистический сюжет, который важнее романтического или реалистического плана.

Иначе психологическое состояние человека изображается Г. Ибрагимовым: его интересуют пограничные состояния сна, болезни, душевного неравновесия. Поток мыслей зачастую направлен на оценку внешней действительности и выполняет второстепенную функцию: функцию уточнения социокультурных характеристик человека и жизненных ситуаций. Например, в рассказе «Одна страница из жизни молодежи» (1909) описываются три приезда юноши Салима в Казань. «В каждый приезд в Казань он переживал крупные изменения в своих идеях и мечтах»¹⁶, – констатирует писатель. Первый приезд состоялся в 1901 г., в то время Салим – националист, «молодой человек с пламенной национальной идеей в голове». Через несколько лет «он, выйдя из узких рамок «национализма», перешел в сферу «общечеловеческую», оставив национализм, стал народником, оставив мысль о том, что «моя нация... мои татары...», начал верить в теорию: «моя родина – весь земной шар... моя нация – все человечество»¹⁷. В третий приезд герой освободился от подобных мыслей, начал ставить личные интересы превыше всего («он старался для личного счастья, богатства, семьи и начал строить прекрасную жизнь для себя»¹⁸). Автор методично

прослеживает ход его мыслей во всех трех случаях. Так, на примере истории одного человека, описания различных этапов его взросления Ибрагимов воссоздает три типа татарской молодежи начала XX в., проясняет их философские позиции и взгляды.

В конце рассказа взгляды Салима опять подвергаются трансформации: он вспоминает с грустью те времена, когда горел националистическими идеями, и мечтает вернуть себя прежнего. Для него в жизни главное – служить определенной идее. Раскрывая взгляды героя, Ибрагимов обращается к лексемам, узнаваемым как знаки любви ко Всевышнему. Так воссоздается характер человека начала XX в., который считает служение идее равным служению Богу. Психологические вставки, воссоздающие мысли самого героя, участвуют в историко-социальной детерминации.

Подобные вставки ярко и мощно заявили о себе в романе «Молодые сердца» (1912), который современниками был оценен как прекрасный образец романтической литературы. Поток сознания главных героев, их многочисленные сны, описание бредовых состояний составляют импрессионистический пласт текста: настоящее перемежается с воспоминаниями героев, в сельский пейзаж включаются фрагменты, воссоздающие ощущения, пережитые в прошлом. Кроме них, особое место занимают мысленные разговоры главного героя Зыи с Аллахом. Они закрепляют общеизвестную религиозную истину о том, что Аллах – начало и конец всего, что все в жизни предопределено заранее. Но эта идея включена в главный конфликт романа: противостояние человека и среды. На протяжении всего романа писатель постоянно обращается к слову «среда» (мохит), размышляет о сложных взаимоотношениях человека и среды. В соответствии с авторской концепцией, несмотря на то, что все предопределено свыше, человеческое сердце и ум всегда стремятся преодолеть обстоятель-

ства, всегда хотят добиться светлого и чистого, стремятся к недостижимому. Кроме того, в авторских философских отступлениях Ибрагимов напрямую пишет о том, что *«эти события противопоставили Марьям и среду»* (*«вә шул хәлләр Марьям белән мохитне бер-беренә каршы куйды»*), что Зыя *«всегда замечал бессмысленные рамки среды, и количество этих замечаний росло»* и т.д. Разъясняя само понятие «среда», Ибрагимов отмечает: *«... Одни не только не подчиняются среде, не подчиняются течению судьбы, а наоборот – поворачивают среду в то направление, в которое сами захотят. Но они – один не только на тысячи, на миллион, а на сто миллионов людей, они посылаются один раз в несколько веков для того, чтобы привнести новое, интересное в пестрое существование бедных людей... Но остальные, желающие изменить предопределенное, становятся рабами среды и судьбы. Что им прикажет судьба – они исполняют; что им говорит среда – оно становится законом; воздействие среды оборачивается их характером»*. Таким образом, философия о том, что человек не может стать свободным от среды, детерминирует истории героев: они желают освободиться от предопределенности, победить ее. В то же время эта философия излагается в потоке мыслей героев и философских отступлениях автора. Писатель особо подчеркивает, что судьба или среда – не равняется Аллаху, именно божественное в сердце человека заставляет его бороться против среды. В обращениях в Аллаху Зыя подчеркивает это: *«Наши души, которые являются частицей твоей, хотят одного; наше сердце чувствует музыку, реагирует на природу, воспринимает музыку как молитву влюбленных; нам необходима жизнь, нам необходима свобода; наши души хотят преклоняться перед прекрасным, которое ты сам создал на земле; эти стремления тоже ты возбудил в наших сердцах. Но среда против этого. Жизнь нас ставит в жест-*

кие рамки, наши чистые и высокие желания, наши тонкие чувства называют грехом» и т.д. В обращениях Зыи подчеркивается: *«Дай нам силы разрушить узкие рамки этой жизни! Пусть жизнь расширяется, пусть каждый обретет свободу, пусть красота правит миром...»*. В своем романе писатель воссоздает психологический портрет человека, стремящегося к чистой, свободной духовной жизни. Но история восхождения Зыи заканчивается смертью. На примере других героев: Марьям (попавшей на каторгу), Сабира (сына муллы, ставшего по собственному желанию крестьянином), Салима (после «духовной смерти» наложившего на себя руки), Гусмана (переехавшего в село) – автор наглядно показывает, что от узких рамок среды нельзя улететь ввысь, можно освободиться, только спустившись «на дно» жизни. Однако это не приносит успокоения.

Таким образом, на фоне масштабной картины жизни всех слоев татарского общества рубежа веков (например, Г. Губайдуллин называет Зыю типом, который мог сформироваться в нашей среде, в татарском обществе¹⁹) писатель воссоздает историю стремления людей ввысь. Импрессионистский сюжет, таким образом, становится ключом к ее пониманию. «Молодые сердца» – люди, желающие изменить действительность к лучшему.

Ибрагимов проецирует историю Зыи на судьбу татарского народа, оценивая судьбу нации как «движение в сторону заката». Зыя нашел путь изменения своей судьбы в музыке. Возможность изменения судьбы нации, по мнению Ибрагимова, также в прекрасном: в искусстве, науке, литературе. Так происходит совмещение разномотивированных планов романа.

В творчестве Гаяза Исхаки психологические мотивы также выражены импрессионистически. Движение вечно изменяющейся, интересной в своем круговороте обновления природы также созвучно душевным переживаниям его героев. Как и у Г. Ибрагимова,

в большинстве случаев поток мыслей и чувств выполняет второстепенную функцию в отношении воссоздания картины действительности татарского общества. Однако у Исхаки имеются и чисто импрессионистические произведения. Одно из них – нэсер «Одна картина» (1913). В нем нет движения событий, автор описывает зримую предутреннюю дорогу, по которой кучер Ахмади и вчерашний шакирд, собирающийся стать муллой, едут в деревню. Автор описывает все переживания, мысли и ощущения молодого человека, который принял решение изменить свою жизнь и находится на стадии перехода из одного статуса в другой. Этот статус воспринимается также символически, как переход от действительности к трансцендентальности, от юношества – к взрослению. И на этом пути будущий мулла определяет для себя самое важное – необходимость продолжения традиций: *«Вот резко перед их глазами возникло кладбище с облепленными снегом деревьями, задавленными сугробами строениями, показывающими только свои головы из-под снега камнями. Его грустные деревья, облепленные снегом строения, показывающие из-под сугроба только свои головы камни – все ждали от муллы молитвы, они показали ему ожидающими чтения Корана. Мозаика тех зеленых камней, зеленые веточки той не испугавшейся снега зеленой сосны, те уткнувшиеся в небо своими непокрытыми головами камни – все будто бы говорили ему: «Ах, новый мулла, не оставляй нас без молитвы!»*. Он, будто бы желая исполнить их просьбу, медленным тихим голосом начал читать Коран. Ахмади абзый начал слушать его очень внимательно. И лошади, будто бы слушая его голос, замедлили свой бег. И колокольчики, чтобы привести в гармонию его голос, начали звенеть грустнее и протяжнее. Сани, будто бы вняв разуму, перестали скакать с одной стороны дороги на другую, начали скользить по середине»²⁰).

Таким образом, развитие татарской литературы в начале XX в. было обусловлено в том числе и возникновением такого сложного явления, как художественный синтез во всех его проявлениях. Возникшее как необходимость поиска альтернативных решений в национальной литературе, взаимодействие стиливых особенностей различных видов искусств и науки влияло на продуктивность и художественную ценность произведений. Диалог татарской литературы с философией, художественное взаимопроникновение прозы и поэзии стали поистине основой модернистских поисков.

Нами выявлены различные механизмы внутрилитературной синтетизации в художественных текстах. Наиболее важным из них для национальной литературы является соединение методов и приемов различных художественных систем (реализма, романтизма, модернизма). Подобное взаимодействие сопровождалось «музыкальными» (прежде всего, использование в прозе метра и ритма) и «художественными» (психологический параллелизм, импрессионистические приемы) поисками, направленными к семантическому знаменателю – процессу смыслообразования. Очевидно, что татарские писатели пытались выйти за пределы традиционной эстетики, используя художественное произведе-

ние как механизм осмысления разнонаправленных жизненных ориентиров. В татарской литературе категория психологизма выступила в роли скрепы между приемами, принадлежащими различным творческим направлениям. На наш взгляд, механизм текстовой синтетизации происходит двумя способами. Первый способ определяется воссозданием второго, эмоционального, импрессионистического сюжета. Второй способ включает в себя символизацию текстового пространства с помощью психологических вставок. И в первом, и во втором случаях произведения становятся музыкальными, возрастает способность эмоционального воздействия на читателя, а система художественно-изобразительных средств стремится запечатлеть движение настроений, мыслей и чувств, мгновенные оттенки субъективного восприятия. Открытые финалы, недоговоренности, амбивалентность сопровождают новую модель художественного изображения.

Такой стиль письма практически исчез после 1917 г. Однако накопленные традиции привели к возрождению в 1960-е гг. импрессионистского стиля в творчестве М. Магдеева, А. Баянова, М. Галиева и др., чьи опыты воспринимались на фоне татарской реалистической литературы как возвращение к традициям.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Белый А.* Формы искусства // Белый А. Символизм как миропонимание. – М., 1994. – С. 94.

² *Азизян И.А.* Диалог искусств Серебряного века. – М.: Прогресс – Традиция, 2001. – С.7.

³ *Бәширов Ф.К.* XX йөз башы татар прозасы. – Казан: Фикер, 2002. – С.153.

⁴ *Шәриф Камал.* Сайланма әсәрләр. – Казан: Таткнигоиздат, 1954. – С. 15.

⁵ Там же, с.12.

⁶ *Аmineва В.Р.* Типы диалогических отношений между национальными литературами (на материале произведений русских писателей второй половины XIX в. и татарских прозаиков первой трети XX в.). – Казань: Казан.гос. ун-т, 2010. – С.107

⁷ *Шәриф Камал.* Сайланма әсәрләр. – Казан: Таткнигоиздат, 1954. – С.40.

⁸ Там же. С. 40.

⁹ *Вәлиди Ж.* Матбугат галәмендә // Вакыт. 1914, 2 ноябрь.

¹⁰ *Әмирхан Ф.* Хәкәрәт саналган мэхәббәт // Әмирхан Ф. Әсәрләр. 4 томда: Т.1. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1984. – С.32.

- ¹¹ Там же. С.31.
¹² *Әмирхан Ф.* Картайдым // Әмирхан Ф. Әсәрләр. 4 томда: Т.1. – Казан: Тат.кит. нәшр., 1984. – С. 45.
¹³ *Амирхан Ф.* Хаят // Амирхан Ф. На перепутье. Пер. Г. Хантемировой. – Казан. тат. кн.изд-во, 1979. – С.277.
¹⁴ *Амирхан Ф.* Хаят // Амирхан Ф. На перепутье. Пер. Г. Хантемировой. – Казан. тат. кн.изд-во, 1979. – С.247.
¹⁵ *Фәйзи.* Көймәдә // Идел буге әдәбияты. – Казан: Гасыр, 1918. 1 кис. – С.13.
¹⁶ *Ибраһимов Г.* Яшьләр хәтыннан бер ләүхә // Ибраһимов Г. Әсәрләр: 8 томда. Т.1: Хикәяләр (1907–1929). – Казан. Тат.кит.нәшр., 1974. – С.476.
¹⁷ Там же. С.481.
¹⁸ Там же. С.483.
¹⁹ *Газиз Г.* Яшь әдәбиятыбызда «Яшь йөрәкләр» // Аң. 1913. № 11. С. 189–194.
²⁰ *Гаяз.* Бер манзара // Аң. 1913. № 16. С.279.

Аннотация

Статья посвящена проблеме синтеза в татарской литературе первой трети XX в. Устанавливаются различные формы диалога литературы и живописи, литературы и философии. На основании анализа ряда произведений Ш. Камала, Ф. Амирхана, Г. Ибрагимова, Г.Исхаки делается вывод о существовании внутрилитературной синтетизации. Определяется, что в татарской литературе категория психологизма выступает в роли скрепы между приемами, принадлежащими различным творческим направлениям (реализму, романтизму, модернизму). Выявляются два способа текстовой синтетизации: первый определяется воссозданием второго, эмоционального, импрессионистического сюжета; второй включает в себя символизацию текстового пространства с помощью психологических вставок.

Ключевые слова: татарская литература, художественный синтез, психологизм, авангард, импрессионизм.

Summary

The article deals with the synthesis of the Tatar literature of the first third of the twentieth century. Various forms of the dialogue between literature and art, literature and philosophy are established. Based on the analysis of a number of works of Sh. Kamal, F. Amirkhan, G. Ibragimov, G.Iskhaki the author comes to the conclusion of the existence of intraliterary synthesization. The author considers that in the Tatar literature the category of psychology acts as buckles between methods belonging to different creative directions (realism, romanticism, modernism). Two ways of synthesization of the text are identified: the first is determined by reconstructing the second, emotional, impressionistic scene, and the second involves symbolization of the text space through psychological inserts.

Keywords: Tatar literature, art sinthes, psychology, avant-garde, impressionism.

УДК 821.0

МОДЕРНИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ ГАЛИ РАХИМА*

М.И. Ибрагимов, кандидат филологических наук, доцент

Творчество Гали Рахима – часть феномена «возвращенной» литературы: один из известных писателей начала XX в., критик, ученый-литературовед, автор (совместно с Г. Губайдуллиным) «Истории татарской литературы», Г. Рахим стал известен современному читателю лишь в последнее десятилетие. Такова судьба многих писателей, которые подверглись репрессиям конца тридцатых годов прошлого столетия и имена которых надолго были изъяты из истории национальной литературы.

Столь позднее «возвращение» Г. Рахима, возможно, имеет еще одну причину: его творчество выходит за рамки остававшихся долгое время в центре научного внимания реалистической и романтической парадигм. Возрастание научного интереса к модернизму и неклассическому типу художественности в современном литературоведении в немалой степени способствовало «возвращению» Г. Рахима¹. Параллельно идет процесс осмысления его роли в истории науки о литературе у татар².

Атрибуция творчества Г. Рахима как модернистского сопряжена с проблемой модернизма в татарской литературе в целом. Представляется, что, возникая и развиваясь в диалоге с европейским и русским модернизмом, татарский модернизм обладает своей идентичностью. Полнее идентичность татарского модернизма раскрывается при его сопоставлении с русским или европейским модернизмом.

Авторитетный российский ученый, М. Гаспаров, в качестве доминанты поэтики русского модернизма выделяет антиномичность³. Об антиномичности в татарском модернизме пишет в своих трудах и Д.Ф. Загидуллина⁴. Вместе с тем антиномичность модернизма дополняется идеей целостности. «Осевое начало русского символизма как части модернизма, – пишет в этой связи Л.А. Колобаева, – воплотившееся в нем с наибольшей, может быть, полнотой и выделяющее его среди других и особенно позднейших вариантов европейского модернизма, на мой взгляд, – это экстатический императив целостности, стремление в образах уловить и преломить мир как целое»⁵. Философской основой этого императива в русском модернизме была религиозная философия В. Соловьева, его идея всеединства. Кроме того, в его становлении значительная роль принадлежит западноевропейской «философии жизни»⁶. Применительно к татарскому модернизму следует указать еще на один источник – философию суфизма, в которой императив целостности выражается в идее «таухида» («единства бытия»).

Обретение целостности в русском модернизме мыслилось как синтез, понимаемый чрезвычайно широко: синтез рационального и иррационального («дионисийского» и «аполлонического»), религиозный синтез (синтез христианства и язычества у Д.С. Мережковского), наконец, синтез разных в истории мировой культуры систем,

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 12-14-16015 (а).

например, классицизма и романтизма⁷.

Творчество Г. Рахима – один из наиболее ярких примеров подобного рода синтеза. «В прозе Г. Рахима, – пишет по этому поводу В.Р. Аминев, – сливаются воедино три потока: философская рефлексия, психологический анализ и лирическая ирония. Каждому из этих начал соответствует своя художественная логика, своя точка отсчета ценностей»⁸.

Среди ранних, написанных в начале 1910-х гг., произведений писателя («Эч пошканда», «Хан мәчетендә», «Серле-серле әкият» «Битлек» и др.) встречаются рассказы, в которых реалистическая и романтическая тенденции обогащаются приемами модернистской поэтики.

Так, в рассказе «Эч пошканда» обнаруживаются синтез приемов реализма и модернизма. Реализм – в изображении принятых в татарском обществе социальных норм, ограничивающих свободу девушек, подавляющих их. Однако в раскрытии этой общей для татарской литературы начала XX в. темы Г. Рахим иначе расставляет акценты: в центре его внимания – переживания повествователя, в изображении которых автор использует приемы модернистской поэтики. Модернистским является повествование, представляющее собой цепь сменяющих друг друга картин, каждая из которых имеет определенный эмоциональный оттенок. Соединяясь, они (оттенки) образуют основной эмоциональный тон произведения, который может быть определен как трагический. Трагедия повествователя – это трагедия отчуждения и одиночества: *«Одиночество меня гложет. Оно, заполняя все мои поры, бесконечно мучает меня. Я уже не нахожу себе места»*⁹. Одиночество и безнадежность становятся основными мотивами в рассказе, придавая ему экзистенциальное звучание.

Экзистенциальные настроения присутствуют и в более поздних произведениях. Например, в рассказе «Көзге

хикәя» («Осенний рассказ», 1918) в центре сюжета – история случайной встречи Галии и Хусаина, героев одного из ранних произведений писателя – рассказа «Галия» (1914). Личная жизнь Хусаина не сложилась, он по-прежнему одинок. Его жизнь – жизнь скитальца, который постоянно переезжает из одного места в другое. Бездомности Хусаина противопоставляются уют и тепло дома Галии. Прием контраста еще более усиливает настроение грусти, которым пронизан весь рассказ. Это настроение создается автором с самого начала посредством осеннего пейзажа. Опустевшие поля, пронизывающий осенний ветер, деревья с пожелтевшей листвой создают эмоциональный фон и выражают идею увядания. Психологическое состояние героя, его мироощущение соответствуют картинам пейзажа: *«Но эти однообразные картины не трогают его душу, так как он давно уже пережил свою молодость, забыл, как воспринимать мир чувствами»*¹⁰. Встреча с Галией, то недолгое время, что он провел в ее теплом и уютном доме, становятся поводом для раздумий героя о всевластии времени, невозможности повернуть его вспять. Это придает рассказу, с одной стороны, философичность, с другой – в истории случайной встречи Хусаина и Галии скрыто присутствует ирония. Это своего рода ирония судьбы, по которой образованный, духовно развитый человек оказывается одинок и несчастлив, а девушка, любовь которой он некогда отверг, находит свое место в жизни.

Романтическая и модернистская художественные стратегии находятся в творчестве Г. Рахима в сложных отношениях. Так, сравнивая рассказы «Поэт» (1914) и «Женитьба одного поэта» (1918), нетрудно заметить, что осмысливаемая в романтическом плане коллизия между мечтой и реальностью в первом рассказе трагедизируется во втором.

Предметом трагедии в «Женитьбе одного поэта» становится характер-

ный для романтизма мотив идеальной любви. Традиционно в семантическое поле этого мотива входит в том числе и характерное как для европейского, так и для восточного романтизма представление о любви как источнике поэтического вдохновения. Этот инвариантный романтический код актуализируется уже в эпиграфах. Первый – из индийского писателя Рабиндраната Тагора, второй из французского писателя-неоромантика второй половины XIX в. Эдмона Ростана. Каждый из них по-своему выражает идею возвышенной любви. Герой рассказа пытается жить и творить в соответствии с этой идеей. Любовь для поэта – высокая мечта, которой он живет, считая, что в реальности она недостижима. Такое восприятие любви становится предметом авторской иронии, которая выражается посредством мотива «любви по заказу»: *«Знаете ли вы, что значит влюбиться по заказу? Он уже заказал свою избранницу в мире своей мечты. Точно так же, как вы отдаете шить какую-либо вещь портнихе. Вы уже заранее знаете, какой должна быть пошитая ею одежда... И если она оказывается не такой, как вы хотели, не принимаете ее, не так ли?»*¹¹. Сравнение идеального чувства с материальным, бытовым явлением, использование для описания чувства героя лексемы «заказ», семантика которой явно противоречит ореолу возвышенной любви, становятся приемами, выражающими авторскую иронию.

Парадоксально, но найдя, наконец, девушку, соответствующую «заказу», герой утрачивает поэтическое вдохновение. Спустя некоторое время поэт принимает решение жениться на своей избраннице, но это решение в конечном итоге приводит к тому, что созданный в его воображении идеал начинает рассеиваться. В результате любовь «по заказу» угасает, и вдохновение вновь возвращается к поэту.

Заканчивается рассказ изречением из Ницше: *«Вы называете многие свои маленькие глупости любовью. Но если*

*это кратковременное помешательство в конце заканчивается женитьбой, то это уже глупость, затянувшаяся надолго»*¹². Идеи немецкого философа были популярны у определенной части татарской интеллигенции. В их популяризации значительную роль играл журнал «Ан», в котором и печатал большинство своих произведений Г. Рахим¹³. Афоризм немецкого философа в сильной позиции текста воспринимается как диалогичный к эпиграфам рассказа. В столкновении романтической концепции любви с ницшеанской иронией точка зрения Г. Рахима в конечном итоге опирается на ницшеанскую.

Ницшеанский код как один из маркеров модернистской парадигмы наиболее ярко проявился в повести Г. Рахима «Идель» – итоге творческих исканий писателя 1910-х гг. В ее основе – художественное исследование сложного мира человеческой души, в которой причудливо соединяются полярные начала: возвышенная любовь и ницшеанское презрение к обыкновенным человеческим чувствам, рационализм и мистицизм. Это во многом проясняет смысл ее заглавия. Идель – образ-символ, в котором проявляется характерная для символических образов многозначность. Значение этого образа включает в себя эстетическую (Идель – воплощение красоты мира), психологическую (описание реки каждый раз корреспондирует с психологическим состоянием героя) и, наконец, национально-историческую составляющие. Последняя открыто проявляется в конце повести, где индивидуальная судьба героя-повествователя вписывается в мифо-исторический контекст: *«Вот она – наша великая мать Волга – подо мной...»*

Ты ведь когда-то была нашей родной Волгой, зачем оставила своих детей? Зачем нас изгнали с твоих милосердных берегов? Чужие, неродные тебе дети сейчас зовут тебя «Волгой-матушкой». Доколе ты будешь терпеть это? Ты ведь была нашей мате-

рю, сколько сотен лет растила нас в своих объятиях! Зачем и ты, как судьба, отвергаешь нас, Волга?»¹⁴.

В «Идели» романтизм соединяется с приемами реалистической и модернистской поэтики; в идейном мире произведения восходящая к традициям восточной философии идея возвышенной божественной любви и комплекс ницшеанских идей дополняют друг друга. Такого рода сочетание европейских и восточных культурных кодов – одно из проявлений модернизма в татарской литературе начала XX в., национальная идентичность которого как раз и определяется диалогом «востока» и «запада». Этот диалог, как свидетельствует повесть

Г. Рахима, проявляется в синтезе рационального и иррационального (мистического) как способов мировосприятия, а на уровне художественных систем как синтез романтизма и символизма. В начале 1920-х гг. это стремление к синтезу выступает и как свидетельство стремления писателя противопоставить социальному и культурному хаосу современности идею целостности.

Таким образом, в формировании и развитии литературной идентичности Г. Рахима существенную роль играют модернистские тенденции, в основе которых – взаимодополнение антиномичности и синтетизма как способов художественного мировосприятия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Заһидуллина Д.Ф.* Модернизм һәм XX йөз башы татар прозасы. Казан: Татар китап нәшр., 2003. – 255 б.; *Заһидуллина Д.Ф.* Дөнья сүрәте үзгәрү: XX йөз башы татар әдәбиятында фәлсәфи эсәрләр. – Казан: Мәгариф, 2006. – 191 б.

² *Заһидуллина Д.Ф.* Әдәбият кануннары һәм заман. – Казан: Татар. китап нәшр., 2000. – 271 б.

³ *Гаспаров М.* Антиномичность поэтики русского модернизма// Гаспаров М. Избр. статьи. – М., 1995. С. 286.

⁴ *Заһидуллина Д.Ф.* Дөнья сүрәте үзгәрү. – Казан, 2006.

⁵ *Колобаева Л.А.* Русский символизм. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2000. – С. 289.

⁶ *Искржицкая И.* Культурологический аспект литературы русского символизма. – М., 1997. – С. 35.

⁷ «Говоря о последнем, – пишет Л.А. Колобаева, – надо отметить, что это были не просто некие теоретические мечтания, например, в духе А. Белого, который хотел видеть в символизме слияние и классицизма, и романтизма, и реализма. Но подобные художественные синтезы осуществлялись на практике, в художественных произведениях. Стоит назвать такое явление, как соединение новейшего «классицизма» и романтически окрашенного импрессионизма в поэзии В. Брюсова, для образности которого характерно сочетание классической, «римской» монументальности, скульптурности с поэтикой легучих, мгновенных образов впечатлений и многоцветной игрой красок». См.: *Колобаева Л.А.* Указ. соч. С. 290.

⁸ *Аминева В.Р.* Типы диалогических отношений между национальными литературами. Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. – С.122.

⁹ *Рахим Г.* Сайланма эсәрләр. Казан: Татар. китап нәшр., 2004. – С. 38. Перевод наш.

¹⁰ Там же. С. 157.

¹¹ Там же. С. 165 – 166.

¹² Там же. С. 169.

¹³ О рецепции философии Ницше татарскими критиками и писателями начала XX века см.: *Заһидуллина Д.Ф.* Модернизм һәм XX йөз башы татар прозасы. – Казан, 2003. – С. 27–30.

¹⁴ *Рахим Г.* Сайланма эсәрләр. – Казан: Татар. китап нәшр., 2004. – С.279–280.

Аннотация

В статье рассматриваются модернистские тенденции в творчестве Гали Рахима. Устанавливаются роль европейских и восточных культурных кодов и тенденция к их синтезу в прозе писателя. На основании анализа ряда произведений Г. Рахима делается вывод о взаимодействии различных художественных стратегий (романтической, реалистической, модернистской) как проявлении идеи целостности. Основные модернистские тенденции в татарской литературе начала XX в. типологически соотносятся с модернизмом в русской литературе.

Ключевые слова: модернизм, Г. Рахим, татарская литература, русская литература, синтез.

Summary

In the article we considered modernist tendencies in Ali Rakhim's creativity. The role of the European and East cultural codes and the tendency to their synthesis in the prose of the writer are established. On the basis of the analysis of the number of A. Rakhim's works we draw a conclusion about the interaction of various art strategies (romantic, realistic, modernist) as the manifestation of the idea of integrity. The main modernist tendencies in the Tatar literature at the beginning of the XX century typologically correlates with modernism in the Russian literature.

Keywords: modernism, A. Rakhim, Tatar literature, Russian literature, synthesis.

УДК 82.0(091)

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ – ВЫСОКОЧТИМЫЙ ПОЭТ НА СЛУЖБЕ ТАТАРСКОЙ НАЦИИ И СОВЕТСКОГО СОЦИАЛИЗМА*

Михаэль Фридерих, доктор

Дискуссия по вопросу, какую же позицию занимал Тукай по отношению к религии, широко развернулась после 1925 г.¹ Поводом стала статья Фатхи Бурнаша, написанная в 1925 г. в качестве введения к сборнику произведений поэта, который редактировал сам Ф.Бурнаш². Он писал: «Как только появились его первые, еще несовершенные стихи, (...) он начал открытую войну против лиры религиозности»³. В качестве подтверждения своей мысли он привел стихотворения Г.Тукая «Япунияне мөселман идэчэк голяма нэрэдэ?» и «Мөридләр каберстанындин бер аваз»⁴. Правда, совершенно неназванными остались «серьезные» религиозные стихи Тукая, в которых не тематизирована борьба с религиозностью, а поэт сам рассуждает о религии, причем не с критических позиций⁵.

Острая критика, которую вызвала статья Ф.Бурнаша сразу же после своего появления, сконцентрировалась вокруг вопроса о религии и религиозности. Сам Бурнаш затронул только тему «Тукай и религиозность». Теперь же «ультралевые» критики заявляли, что он преднамеренно и совершенно осознанно не поставил вопроса об отношении Тукая к религии, потому что он намеревался представить поэта как «безрелигиозного революционера» (динсез революционер)⁶.

И «ультралевые» критики конца 1920-х гг. не спорили с тем, что Тукай

был против религиозности. Однако такая позиция ни в коем случае не оценивалась как революционная. Стихи, написанные Тукаем в подобном духе, являлись в большей степени только «стихотворной формой лозунгов, выдвинутых либеральными религиозниками того времени»⁷. Для этой части татарского населения, в том числе и Тукая, речь шла не о борьбе с религией, а всегда только о борьбе против «религиозности» (динчелек). Махмут Максут, статьи которого отличались многочисленным перечислением плакатных политических формул и лозунгов, в середине 1928 г. писал: «Согласно Тукаю, суть проблемы находилась не в корнях дерева, а в его верхушке»⁸. Тем самым М.Максут представил четкую формулировку того, в чем джадидисты обвинялись советской критикой = «реформаторство». Соответственно и обвинение в адрес Фатхи Бурнаша и его единомышленников, как Ахмет Гумеров и Мансур Крымов, являлось обвинением в адрес джадидизма⁹.

Статья Фатхи Бурнаша была воспринята «ультралевыми» критиками как благоприятная возможность активно и усиленно заняться выяснением отношения Тукая к религии. С конца 1920-х гг. страницы татарской прессы заполнили статьи, посвященные этой теме. Кредо этих публикаций являлось то, что Тукай, самое позднее с конца 1907 г., представал в своих стихах как «стопроцентный религиозный

* Продолжение. Начало см.: Научный Татарстан. – 2011, № 2–4.; 2012, № 1, 2.

реакционер»¹⁰. Тукай «от всего сердца был религиозен», «с самого первого дня до последнего своего вздоха он не расставался с Кораном»¹¹. По мнению С.Муртазина, высказанному в конце 1929 г., ни один человек, который хотя бы чуточку знаком с марксизмом, не может определить Тукая как атеиста¹². Мало того, что он сам никогда, ни во время первой русской революции 1905 г., ни в последующие годы реакции, не отказывался от религии, от веры в судьбу, Бога и пророка¹³, он, по словам Г.Бакирова, в своих произведениях, особенно в стихотворениях для детей, пропагандировал религию и призывал к вере¹⁴. Махмут Максуд заметил это уже в середине 1928 г. и в качестве примеров назвал следующие стихотворения «Аллаһ тэбарак вә тәгалә», «Барәкә» (?)¹⁵, «Ана догасы», «Туган тел» и «Анна илә бала»¹⁶.

Не только Тукай и его якобы положительное отношение к религии оказались в конце 1920-х – начале 1930-х гг. под огнем критики. Критиковались и те, которым, подобно Ф.Бурнашу, приписывалось, будто они считали Г.Тукая «борцом против религии»¹⁷. Для таких критиков, в первую очередь, речь не шла даже о понимании Тукаем религии. Их более всего привлекала позиция тех, кого они считали непрогрессивными, замалчивающими все революционное, и попытка представить Тукая как антирелигиозного революционера оценивалась не более чем попытка представить такими именно себя и скрыть тем самым свои реакционные религиозные и националистические взгляды¹⁸. Бывший мулла, позднее главный редактор журнала «Фән һәм дин» Галиасгар Гафуров (Чыгтай), осмелился даже сделать рискованный вывод: «Есть такие люди, которые говорят, что Г.Тукай был нерелигиозным. (...) Есть и такие, которые говорят, что если бы Тукай был жив, то он стал бы революционером. (...) Все эти слова не годятся ни на что, кроме как показать отношение к революции тех, кто их произносит. Если же посмо-

треть на это предложение с другой стороны, то возникает такая фраза: «Если бы тот, кто произнес его, жил во времена Тукая, то он и сам был бы реакционным религиозником»¹⁹. Поскольку лица, подвергавшиеся такой критике, еще были живы, то из этого вывода следовало, что эти люди не изменились и остались в названном качестве. Саях-Какук определил их как «элементы, завернувшиеся в советское одеяло» и поставил их на одну ступень с главными «реакционерами», сбежавшими от Советской власти за границу – Гаязом Исхаки и Садри Максуди²⁰.

Утверждение, сделанное «ультра-левыми» критиками в конце 1920-х – начале 1930-х гг., о том, что Тукай являлся религиозным реакционером, а его мышление, творчество и вся деятельность были если не полностью религиозно мотивированы, то находились под сильным религиозным влиянием, в реальности не доказывается ни стихами и статьями Г.Тукая, ни воспоминаниями его современников. Конечно же, оно не соответствует истине. Но то, что эти критики увидели совершенно правильно – Тукай не был чужд религии и не был настроен против нее. Они правомерно отметили, что критика Тукая в адрес различных проявлений и личностей, связанных с религией, не является критикой собственно религии. С осуждением «ультра-левых» такое утверждение было признано неверным и отвергнуто. И до 1960-х гг. в советской татарской критике не было никого, кто обращал бы на это внимание. И позднее оно было «вновь открыто» лишь отдельными интеллектуалами. Но и до конца Советского Союза такую точку зрения не поддерживало большинство.

«Контрреволюционные националисты показывали трудящимся творчество Тукая, грубо искажая его. Наряду с самой различной клеветой в адрес поэта, они старались полностью скрыть один из самых ценных моментов его творчества – момент атеизма»²¹. Тукай – поэт, в творчестве кото-

рого можно найти атеистические моменты – такое абсолютно новое и противоречащее всем предыдущим представление выразил в статье, посвященной 25-й годовщине со дня смерти Тукая, критик М.Гимадиев, имя которого впоследствии не встречается вообще. Бесспорные факты из недавнего прошлого Гимадиева особенно не заботили, это были уже не «контрреволюционные националисты», осужденные в период «великой чистки», вроде Фатхи Бурнаша, которые представляли Тукая как сторонника религии. Теперь они заявляли, что он был антирелигиозно настроен. Тот, кто остро критиковал его мнимую или реальную религиозность, становился врагом из противоположного лагеря, лагеря «ультралевых». Эти две группы «врагов социализма и Советской власти» были «устранены» в 1938 г.

Для реабилитации и советской стандартизации Тукая с конца 1930-х гг. было важным, чтобы также и его отношение к религии удовлетворяло идеологическим требованиям – так что он теперь должен был превратиться в противника религии. Но поскольку эта позиция поддерживалась только что уничтоженными «контрреволюционными националистами», эта точка зрения была брошена в один котел с мнением «ультралевых» и на место ее была заявлена позиция «Тукай – антирелигиозный поэт» как совершенно новая, как достижение сталинской критики конца 1930-х годов.

Аргументы, приведенные М. Гимадиевым в качестве «доказательств» антирелигиозности Тукая, идентичны тем, что выдвигали «ультралевые» в конце 1920-х гг., или тем, что поддерживали «контрреволюционные националисты» в середине 1920-х гг. М.Гимадиев и его коллеги с конца 1930-х гг. также считали, что из борьбы Тукая против религиозности (динчелек) следует, что в основе своей он был противником религии. «В основе» потому, что, по словам Гимадиева, «Тукай жил в очень пеструю эпоху

резких перемен» и поэтому «не смог вырасти до настоящего материалиста».

После Второй мировой войны, когда не было каких-либо усилий представить Тукая как нерелигиозного или же антирелигиозного поэта, эту тему вновь поднял Хасан Хайри во втором издании своего учебника для татарских школ. Он вторил Гимадиеву: «В 1908–1912 гг. писал и стихи в атеистическом духе»²². В 1950 г. М.Гайнуллин сделал весьма примечательное наблюдение: «Даже несмотря на то, что Тукай и сам не смог до конца оторваться от религии (...), его произведения служат атеистическим идеям»²³. А через год Гали Халиту было уже совершенно ясно: «(...) то, что в творчестве поэта оказало самое сильное влияние на народ – это его атеистические тенденции»²⁴.

В начале 1956 г. на первый план выступил дипломированный специалист по материи (и духу) – кандидат философских наук Зиннат Ишмухамметов. Если критики с конца 1930-х гг. все говорили «только» об атеистических моментах или тенденциях в творчестве Тукая, то З.Ишмухамметов пошел дальше и открыл «атеизм Тукая». В отличие от Гимадиева, который в 1938 г., по меньшей мере, высказал легкие сомнения, он признал, что Тукай был «материалистом»²⁵. З.Ишмухамметов, который и в последующие годы много писал на эту тему, был самым решительным сторонником атеизма Тукая. В статье «Шагыйрь дине камчылый», появившейся в середине 1961 г., он непоколебимо защищал свою позицию: «Да, Тукай был атеистом, и его творчество и атеистические мысли и сегодня являются сильным оружием против остатков религии»²⁶. Венцом среди всех работ З.Ишмухамметова и итогом всего того, что он писал на данную тему, стала его 71-страничная монография «Тукай атеизмы», изданная в 1971 г. в Казани. Названия глав здесь говорят сами за себя: «Как оценивать атеизм Тукая?» (с. 5–16); «Г.Тукай: религия служит капиталу» (с. 16–32);

«Отрицание Аллаха – подтверждение человечности человека» (с. 32–40); «Художественная фантазия – это не религиозная фантазия» (с. 40–51)²⁷; «Религия отравляет сознание человека» (с. 51–66)²⁸. Самое примечательное во мнении З.Ишмухамметова – он прямо и непосредственно связывал атеизм Тукая с остальными основополагающими позициями (советского) социализма: с борьбой против капитала и эксплуатации, борьбой за свободу и прогресс и с выступлениями за советский патриотизм²⁹.

После того как Тукай с конца 1930-х гг. был освобожден от обвинений в «идеализации религии»³⁰, а его понимание религии было подогнано к требованиям советских, социалистических канонов, его произведения вновь были включены в татарские учебники и хрестоматии. Теперь стихотворения Тукая использовались учителями для атеистического воспитания учащихся, определялись и восхвалялись в качестве таковых³¹. Совершенно противоположные оценки отдельных произведений при этом удивительны. Например, если для З.Ишмухамметова основным мотивом стихотворения «Сабыйга», написанного в 1910 г., является «нейтрализация религиозных чувств» и в данном случае речь идет об «атеистическом произведении»³², то для писавшей практически в то же время татарской эмигрантки Наиле Бинарк это стихотворение является «выражением веры в Бога»³³. Но в социалистическом Татарстане стихи Тукая считались важными для атеистического воспитания детей, они рассматривались как вполне подходящие и для продолжения «образования» взрослых: в антологию татарской антирелигиозной литературы, вышедшей в 1970 г. в Казани под названием «Ожмах сезгә, дөнъя безгә», включены многие стихотворения Г.Тукая³⁴.

Даже если не все советские критики шли так далеко, как З.Ишмухамметов, определяя Тукая как атеиста, все же мнение о том, что во многих своих

произведениях он занимал антирелигиозную позицию, продолжало существовать до распада Советского Союза. Мне кажется невозможным, чтобы критики не видели разницу между «религией» (дин) и «религиозностью» (динчелек). И все же то, что они приравнивали борьбу Тукая против религиозности (динчелек) к борьбе с религией, можно объяснить идеологическими причинами: только неверующий поэт мог быть социалистическим героем.

В конце данного раздела я хотел бы сделать личное наблюдение. В музее Габдуллы Тукая в деревне Кырлай, в которой он провел большую часть своего детства, среди прочих экспонатов есть фото похорон поэта. До конца 1980-х гг. на этих фото можно было видеть «народ», гроб и могилу». В декабре 1993 г. один из сотрудников музея сообщил мне, что только в 1991 г. стало возможным выставить в экспозицию оригинальные фотографии, на которых можно видеть и представителей мусульманского духовенства, которые, как сообщала тогдашняя татарская пресса, отдали последнюю честь поэту, прочитали Коран над его могилой и молились за него³⁵.

Круг замкнулся: после распада Советского Союза представление об отношении Тукая к религии в целом идентично таковому, которое поддерживало большинство современников Тукая до Октябрьской революции.

3.2. «Нация»: национализм или интернационализм

Поиск национального самосознания в первом десятилетии XX в. являлся одним из важнейших духовных течений в среде молодых «татарских» интеллектуалов, писателей и поэтов. Это был отход от джадидизма или его дальнейшего развития в том смысле, что представлял собой попытку при определении «татар» вместо религиозного момента («ислам», «мусуль-

мане») разработать и сильнее подчеркнуть этнический элемент. Из частого употребления выражений «миллэт», «миллият» и «милли» до и после 1905 г., на мой взгляд, не стоит делать вывод о существовании татарского национализма с конкретными политическими требованиями. «Татарский национализм» в начале столетия являлся, прежде всего, культурным проявлением. «Милли», национальный, долгое время был синонимом для всего, связанного с «родным языком», и этот язык, если оценивать задним числом, ни в коем случае нельзя полностью отождествлять с современным татарским литературным языком (см. об этом подробнее в главе II.3). Представления о том, что же понимать под понятиями «миллэт» или «миллият», были слишком гетерогенными, чтобы говорить о «татарском национализме»³⁶.

«Г.Тукаев воспеваает то, что имеет смысл для татарского сердца. Татары, которые читают, поют и слушают его песни³⁷, поют и слушают свои песни. Они являются хозяевами всех смыслов и чувств в стихах Г.Тукаева. Поэт же находится в положении их переводчика. Если чьи-то многие стихи национальны, то правильно называть такого человека «национальным поэтом». (...) И если мы назовем нашего Габдуллу Тукаева «национальным поэтом», то мы будем как раз действовать согласно этому правилу»³⁸. Такими словами 20-летний Габдрахман Сагди характеризовал 23-летнего Габдуллу Тукая и в качестве примеров называл других признанных «национальных поэтов» – Пушкина и Лермонтова для русских, Байрона – в английской литературе, Гете – в немецкой, Амрал-Кайса – в арабской, Хафиза Ширази – в персидской, а также Фузули и Суфи Аллахияра – в «турецкой»³⁹.

Высказывание Габдрахмана Сагди – это постулат: он не определяет, какие «смыслы» скрываются в татарском сердце и не называет никаких примеров из стихотворений Тукая, в которых

находила бы выражение эта «эссенция татаризма». Именно эта отсутствующая конкретизация имела бы здесь значение, и она показывает, что под «татарами» подразумевается не какой-то определенный слой населения, а народ в целом.

В 1913 г. и Галимджан Ибрагимов подтвердил то большое значение, которое примерно с 1907 г. имели «национальные чувства» в мыслях и творчестве Тукая. В отличие от предыдущего творчества, в котором «молодой Габдулла поддавался любому влиянию эпохи и среды и присоединялся к каждому течению, которое возникало вокруг него»⁴⁰, уже со стихотворения «Үз-үземә» (ноябрь 1906 г.)⁴¹ поиск национального самосознания стал одним из основополагающих мотивов в творчестве Тукая, от которого он сам себя уже больше не мог отделить. И это не противоречит тому, что во многих своих сатирических произведениях он высмеивал национализм («миллэтчелек») ⁴².

Так же, как дискуссия об отношении Тукая к «религии», обсуждение его позиции относительно «нации» определялось различными интерпретациями двух понятий – «миллэт» (или позднее – «халык») и «миллэтчелек».

До начала 1920-х гг. все критики были едины во мнении, что понятие «миллэт» для Тукая имело положительную окраску. Но так же, как и Габдрахман Сагди в 1909 г., они не поясняли, что понимается под «миллэт», значение этого понятия оставалось неясным. Так, Шакирзян Мухаммедьяров еще в 1918 г. писал: «И тогда твое имя будет жить, пока будет жить нация, будет расти, пока растет нация, будет подниматься, пока поднимается нация»⁴³. Точки зрения о позиции Тукая относительно «миллэтчелек» до 1920-х гг. встречаются редко. Однако из его стихотворений и статей совершенно ясно, что он не симпатизировал национализму и его представителям (миллэтче), а наоборот, упрекал их в том, что они перевернули хоро-

шую идею и использовали ее лишь в собственных интересах⁴⁴.

Насколько мне известно, первым критиком, который обвинил Тукая в том, что он был «религиозником» (динче), стал Галимджан Нигмати – в статье, посвященной 10-й годовщине со дня смерти поэта, в апреле 1923 г. В той же статье он также определил Тукая как националиста (милләтче) и подтвердил свое мнение тем самым стихотворением, которым в 1913 г. Галимджан Ибрагимов начал «национальную фазу» в творчестве Тукая «Үз-үземә»⁴⁵. Являлось ли обвинение Тукая якобы в национализме провозвестником более крупных мероприятий против «националистов» со стороны советского руководства, об этом говорить довольно сложно. Однако арест самого высокопоставленного партийного функционера из нерусских народов Мирсаида Султангалиева 4 мая 1923 г., в Москве и 4-й пленум ВКП(б) в июне 1923 г., на котором были сужены права и полномочия национальных республик и областей, дали ясно понять, что борьба с «местным национализмом» для партии является более важной, чем борьба против «великорусского шовинизма»⁴⁶. Так же, как и в случае с религией, обвинение Галимджана Нигмати, сделанное в апреле 1923 г., не вызвало заметного резонанса в татарской прессе. Образ Габдуллы Тукая как «национального татарского поэта» после появления этой статьи не пострадал.

Прошло еще около пяти лет, прежде чем борьба против «национализма» стала одной из главенствующих тем политических, а значит и литературных дискуссий в Татарстане. С 1927 г. партия значительно активизировала мероприятия против «националистических» функционеров и литераторов. Султангалиев был повторно арестован в 1928 г., обвинен в национализме⁴⁷ и отправлен в ссылку на Соловецкие острова в Белом море, где его следы теряются. Партийный и государственный аппарат Татарской АССР

также начал большие акции с целью «чистки». К самым высшим по рангу ее жертвам принадлежат председатель исполкома Мансуров и первый секретарь обкома Сабиров⁴⁸. В ноябре 1929 г. руководство в Москве объявило о победе над «султангалиевщиной»⁴⁹.

Акции, начавшиеся в 1927 г., были направлены, однако, не только против партийных и государственных функционеров, а также и против «татарских образовательных учреждений и против татарского союза писателей».⁵⁰ «Национальная буржуазность» и «султангалиевизм» были вскрыты как основные трудности, мешающие развитию советской татарской литературы с начала 1920-х гг.⁵¹. Сторонники этих вредных течений, конечно же, при этом не выступали открыто, а «скрывались кто под «советской», а кто даже под «коммунистической» маской».⁵² В качестве «националистов» вначале были разоблачены Фатхи Бурнаш, Касым Мансуров, Бурундуков, Махмут Будайли, Сагит Сунчалый, Гумар Галиев, Фахрельслам Агиев и Ахмет Рахманкулов⁵³. Основной удар по «националистическим» писателям был нанесен летом 1930 г.: была раскрыта «тайная и контрреволюционная организация» «Жидегән»⁵⁴, основанная будто бы весной 1928 г. в Уфе⁵⁵. Хотя из названия следует, что речь должна была идти о семерых личностях, почти постоянно упоминались только пятеро: Гадель Кутуй, Тухфат Ченакай, Наки Исанбет, Габдрахман Минский и Сайфи Кудаш⁵⁶. Татарская пресса была переполнена статьями и сообщениями, которые осуждали хотя и не совершенные, но все же запланированные «преступления» группы и ее цели. В одной из первых статей об организации «Жидегән» еще до того, когда речь зашла об ее мнимых планах, было четко заявлено, как следует обходиться с подобными «вражескими элементами»: «ликвидировать»⁵⁷. А пятеро названных писателей были охарактеризованы следующим образом: «А.Кутуй – сын фабриканта – до на-

стоящего времени тайно поддерживает связи со своими родственниками. Подхалим, прячущийся за красной маской, карьерист и пустослов. С.Кудаш – с головы до ног националистический поэт. Он агент национальной буржуазии. Исанбет – гнилой националистический поэт, который при виде ханских дворцов в Бахчисарае восклицает: «Вот ведь жила нация!» и начинает мечтать о возвращении ханов в эти дворцы. Ченакай – пальцем о палец не ударил для революции, «литературный инвалид», который в настоящее время реконструкции годится только для мусорной свалки. Минский – сын астраханского мясника. Парень, который когда-то очень мучился, стараясь писать «очень по-красному»⁵⁸. По мнению Мирзы Давитова, автора характеристики, эти пятеро предполагали восстановить диктатуру в стиле Чингисхана и диктатуру капиталистов⁵⁹. Пятеро названных писателей были арестованы и осуждены в феврале 1931 г. Проведя девять месяцев под арестом, они вновь были освобождены, по видимому, из-за того, что обвинение в «национализме» не подтвердилось, как об этом вспоминала Галима Кутуева в 1982 г.⁶⁰ После раскрытия группы «Жидеган» борьба против «национализма» в татарской литературе несколько приутихла, однако она продолжалась вплоть до первого съезда советских писателей, состоявшегося в августе 1934 г.⁶¹ Так же неожиданно, как она началась, так же внезапно она завершилась после съезда. Мне неизвестна ни одна статья в татарской прессе, которая появилась бы в новый период, в 1935–1938 гг. и в которой основной темой являлся бы национализм.

В конце 1920-х гг. было исключительно опасно быть обвиненным в «национализме». Точно так же, как и почти все его современники, начавшие писать еще до Октябрьской революции, и Г.Тукаю поставили в вину, что он выступал за сильную нацию, придавал нации фундаментальное значение.

В отличие от тех своих современников, которые еще были живы, Г.Тукай, скончавшийся в 1913 г., не мог быть лично привлечен «к ответственности» за свои взгляды, не мог предстать перед судом и быть осужденным. Такое состояние, когда критика в его адрес звучала задним числом, стало основой того, что в отличие от обвинений в адрес «живущих националистов» она принимала сравнительно мягкие формы. «Ультралевые» критики конца 1920-х – начала 1930-х гг. никогда не определяли Тукаю как «простого националиста» или «шовинистического националиста». Правда, они не приняли аргументации Фатхи Бурнаша, который в 1926 г., одновременно со своими высказываниями на тему «Тукай и религия», обратил внимание только на то, что Тукай отверг «фанатичных национальных ворон», т.е. националистов, но не привел никаких высказываний об отношении Тукаю к нации⁶², а для «ультралевых» критиков это означало, что Ф.Бурнаш по меньшей мере хочет замолчать, если не оспорить, значение нации в мыслях и творчестве поэта. Ф.Бурнаш привел цитату из стихотворения Г.Тукаю «Миллэтчеләр»⁶³: «Татарский народ! Ты осужден на смерть, ты отравлен так, что лекарства не помогут. (...) А националисты тебя только обманывают, говорят: выздоравливаешь (ты так быстро)»⁶⁴. Эти слова для Ф.Бурнаша означали, что Тукай был против националистов. Фатых Сайфи-Казанлы, один из главных представителей «ультралевых», не оспаривал подобную интерпретацию, но пошел еще дальше. Это стихотворение – он цитировал именно приведенные выше строки – для него показало, что нация была очень важна для Тукаю. Тукай критиковал националистов – Ф.Сайфи-Казанлы называет здесь Алим Мардана Топчибашева, Б.Ахтямова, Ш.Мухаммедьярова, Садри Максуди, Габдрашита Ибрагимова и Вагиза Наврузова – за то, что они не выступали за нацию, а это, по мнению Ф.Сайфи-Казанлы, означало, что Ту-

каю «нужны настоящие, искренние националисты».⁶⁵ Такое отношение к нации и националистам сформировалось уже в самом начале его литературного творчества и прослеживается вплоть до последних его произведений, и это, например, проявляется в стихотворении «Аң», опубликованном 5 декабря 1912 г. в первом номере одноименного журнала. В нем поэт ясно показывает, что он отказался от прежних «шаблонных необходимостей», таких как «нам нужна музыка», «необходимо знание», «необходимо просвещение» – теперь он понимает необходимость «разумных националистов»⁶⁶. Забота о «нации» и забота о «религии» были, по мнению Г.Тулумбайского, основными мотивами в творчестве Г.Тукая, и он никогда не порывал с ними⁶⁷.

Примечательно, что такой анализ поэта со стороны «ультралевых» критиков в конце 1920-х – начале 1930-х гг. довольно точно перекликается с тем, о чем писал Галимджан Ибрагимов еще в 1913 г.⁶⁸ Об этой схожести, однако, не говорилось в татарской критике ни на рубеже 20–30-х гг., ни позднее. Причина этого совершенно понятна: Г.Ибрагимов предпринял свой анализ в 1913 г. исходя из такой точки зрения, которая в советское время была осуждена и отвергнута как «буржуазная». После Октябрьской революции он, по крайней мере, внешне все больше дистанцировался от тех позиций, которые он занимал до 1917–1918 гг. В конце 1920-х гг., когда Г.Ибрагимов все больше и чаще становился объектом критики, упрекавшей его в том, что он представлял «националистические позиции»⁶⁹, а он пытался отвергнуть эти упреки с помощью словесного радикализма⁷⁰, те критики, которые придерживались «ультралевой» точки зрения, анализировали Габдуллу Тукая и его творчество практически аналогично дореволюционному Г.Ибрагимову⁷¹. Согласие с этой схожестью показало бы, что, с одной стороны, этот анализ не был достижением времени форсированного строительства социализ-

ма, а с другой – он уже был прозван «классовым врагом», бывшим представителем буржуазной точки зрения «искусства ради искусства» и человеком, который ныне симпатизирует националистам. А после реабилитации Г.Ибрагимова в конце 1950-х гг. с этой схожестью также соглашались мало, потому что тогда бы это означало, что клеветущие и поносящие Тукая деклассированные представители «вульгарного социологизма», т.е. ультралевые, по многим пунктам оценивают и анализируют Тукая, что и Галимджан Ибрагимов, который теперь вновь определялся как «классик татарской литературы»⁷². На мой взгляд, то, что анализ Габдуллы Тукая, предпринятый с двух совершенно противоположных точек зрения, привел примерно к одинаковому результату, показывает, что этот результат имеет определенную степень правильности, которую никогда не смогли достичь татарские советские критики.

Точно так же, как и борьба против национализма и националистов прекратилась в татарской литературе после 1934 г., после 1933 г. не появилось ни одной статьи, в которой Тукай определялся бы как националист.

Со второй половины 1930-х гг. начался радикальный пересмотр отношений между Тукаем и «нацией». В первую очередь, причиной этого стал требуемый партией пересмотр дооктябрьского периода вообще. Национальная борьба за свободу теперь определялась как часть первой русской революции 1905–1907 гг. и тем самым превратилась в «наследие всей советской семьи. Она стала пониматься как широкое многонациональное сопротивление, и при этом обязательно отмечалась русская руководящая роль»⁷³.

В 1938 г. Гали Халит сформулировал это следующим образом: «В это время движение национальной свободы шло вместе не с буржуазными выступлениями, а с рабочим движением. И по этой указанной причине Тукай действовал в этом направлении,

поддерживая борьбу татарской нации за национальную свободу и требуя ее»⁷⁴. И это решающим образом отличало его от «буржуазных националистов», вроде Фатыха Амирхана, которые никогда не заботились о татарском народе, а пеклись только о «национальной судьбе крупной буржуазии»⁷⁵. И из этого следовало: «Национальные чувства» Тукая были совершенно противоположны «национальным чувствам» буржуазных националистов»⁷⁶. Такое переосмысление Тукая покоилось на известной сталинской формуле о национальной форме и социалистическом содержании. Тукай очень просто был причислен к «хорошей» части националистов, для которых, как утверждалось, вообще речь шла не о нации, а о социализме. И точно так же ничем не доказываемая, но заявляемая «близость Тукая к народу» служила при этом аргументом, чтобы доказать и «близость Тукая к социализму»⁷⁷.

От этой аргументации оставался лишь маленький шаг до утверждения, сделанного Ахметом Файзи в 1940 г.: враждебное отношение к националистам показывало, что Тукай в целом являлся «интернационалистом»⁷⁸.

Приведенные цитаты из Гали Халита и Ахмета Файзи затрагивают два важнейших пункта, которые лежали в основе презентации темы «Тукай и нация» с конца 1930-х гг. до самого распада Советского Союза. Во-первых, «нация» фактически совпадала с социалистическим представлением о «народе», т.е. с рабочими и крестьянами, с «массой». Даже если использовалось определение «нация» (миллэт), под этим всегда подразумевался «народ» (халык). Как истинный представитель «народа», Тукай решительно противостоял «националистам», которые защищали «нацию», но всегда подразумевали под этим свои собственные, частные интересы. Во-вторых, любовь Тукая к своему народу была неотделима от его любви к «великому русскому народу». У татар Тукай занял ме-

сто старшего из всех младших братьев. Братья младше по возрасту – башкиры, казахи, кумыки, узбеки, азербайджанцы, таджики, удмурты, мари, чуваша и якуты⁷⁹ – с восхищением смотрели на этого старшего из всех младших братьев. Прежде всего, такое переплетение отношений, когда Тукай выступал в качестве посредника между «старшим» и «младшими», и сделало его интернационалистом. Какой из этих двух пунктов преобладал в период с 1938 по 1986 г., зависело от актуальных политических событий и идеологических требований. Функция, которую выполнял Тукай в советской литературе, подробнее будет освещена ниже.

В годы после Второй мировой войны Габдулла Тукай превратился «в одного из лучших и непоколебимых патриотов татарского народа». И хотя весной 1942 г. это было понятно и без этой констатации, Адель Кутуй, реабилитированный член группы «Жидегэн», добавил: «Творчество Тукая особенно в условиях настоящего времени является исключительно сильным патриотическим творчеством». Патриотизм Тукая формировался и рос в «борьбе против мировой реакции, в любви ко всему прогрессивному человечеству, (...) в любви к своему народу, к своей родине и ко всем народам, проживающим в ней, (...) в глубоком оптимизме»⁸⁰.

«Советская родина», «советская отчизна», «советский патриотизм», «дружба народов СССР» – все эти понятия и представления, введенные в оборот Сталиным в середине 1930-х гг. и совмещенные с социализмом, были перенесены на творчество Тукая, и он представлялся как их активный поборник. Имелось два высказывания Тукая, с помощью которых «доказывалось», что поэт стремился к цели, которая впоследствии превратилась в советскую реальность. Первое – это строки из стихотворения «Китмибез!»⁸¹: «Наша самая великая цель – свободное государство, свободная Россия». Для

Аделя Кутуя это означало: «Габдулла Тукай видит своей священной родиной не только Татарстан⁸², но и всю Россию»⁸³. Аналогия была ясной: для настоящего времени вместо «России» следовало читать «Советский Союз». В 1942 г. это выразил Латыф Заляй. Указанные слова Тукай для него подтверждали, что «мы все больше своей жизни ценим свою родную страну, советскую страну, созданную великими Лениным и Сталиным»⁸⁴. Если первое высказывание использовалось для доказательства «советского патриотизма» и любви к «советской родине», то во второй цитате «со всей глубиной отражалась непобедимая сила сталинской дружбы между народами СССР»⁸⁵. «Вместе с русскими мы жили душа в душу, обмениваясь языком, обычаями и традициями (...) Кончится ли когда-нибудь это историческое единство? Нанизаны мы на единую нить. В войне мы сильнее льва, а в мирной жизни работаем больше лошади»⁸⁶. Эти стихотворные строки очень хорошо подходили под концепцию советских татарских критиков, поскольку в них содержались основные «ценности»: русский образец, которому следовало подражать⁸⁷; «историческое единство», которое в стихотворении затрагивает лишь отношения русских и татар, но в советской интерпретации представало как «социалистическая дружба народов»; героизм в борьбе и «лошадиное» трудолюбие. Элементы, которые не подходили под эту концепцию, критики просто выбрасывали – полное название цитированного стихотворения не приводилось никогда. А оно, как известно, звучало: «Олуг юбилей мөнэсэбәте илә халык өмидләре». Если название приводилось, то только его последняя часть: «Халык өмидләре». Причина понятна: из полного названия видно, по какому поводу написано стихотворение – 300-летие династии Романовых, отмечавшееся в 1913 г.⁸⁸ Советская критика, за исключением «ультралевых», не упоминала этого факта никогда. Она никогда не цитировала и других строчек

из стихотворения, как например, первые строки, в которых царь характеризуется как «белее снега, белее молока, белее всего белого»⁸⁹. И она также никогда не упоминала, что в марте 1913 г. в короткой статье поэт откровенно дистанцировался от этого стихотворения: «Два месяца назад, как будто весь народ призвал меня к молитве, а я же, будто вскочил и, не разбирая то ли полуденный намаз, то ли вечерний, что-то прочитал. Простите меня!»⁹⁰.

Но на такие «мелочи» в годы войны критики не обращали особого внимания. Для них было намного важнее иметь показательную и интеграционную фигуру, которая известна и любима в народе. И для функций, которая должна была исполнять эта фигура, не играло особой роли, имел ли «народ» такое же понимание об этой фигуре, что и политическое руководство. Важно было максимально широкое одобрение. То, что был в качестве такой фигуры выбран именно Габдулла Тукай, на мой взгляд, ясно показывает, что и спустя 30 лет после своей смерти Тукай был самым любимым поэтом татарского народа, или, по меньшей мере, было принято считать, что он был таковым. Такое обстоятельство вновь ставит под серьезное сомнение постоянное повторявшееся с 1920-х гг. утверждение о больших успехах и прогрессе татарской советской литературы. Совершенно очевидно, что даже для верных партии литературных функционеров и критиков была невозможна презентация поэта или писателя, который лучше бы подходил в качестве воплощения советского патриота, сторонника социалистической дружбы народов, чем Габдулла Тукай, скончавшийся за четыре года до Октябрьской революции.

Такое представление о Тукае сохранялось вплоть до конца Второй мировой войны. С 1945 г. и до самой кончины Сталина в 1953 г. советская культурная политика определялась Андреем Ждановым. «Погром против культурной и интеллектуальной жизни»,

инициированный кампанией против журналов «Звезда» и «Ленинград» в конце лета 1946 г. и в русской культуре и литературе направленный против «космополитизма» и «формализма», в нерусских республиках проводился как «крестовый поход против «буржуазного национализма»⁹¹. Отмечалось, что в годы войны в написании истории и в литературе у многих нерусских национальностей проявились «вредные» тенденции, имевшие только одну цель: идеализация феодального прошлого, которое представлялось как «золотая эпоха»⁹². В татарской литературе, прежде всего, критиковались две пьесы Наки Исанбета, который еще в начале 1930-х гг. был раскрыт и осужден как член группы «Жидегән» – «Идегэй» и «Жирән чичән»⁹³. Увлечение прошлым, по мнению А.Фадеева, который в середине 1947 г. являлся председателем Союза писателей СССР, не должно быть полностью отвергнуто, но при этом следует помнить о том, что «имелись две России»: плохая Россия царей, эксплуатации, произвола и хорошая Россия декабристов, демократов, революционеров, Россия Пушкина, Чехова и Горького⁹⁴. К этой «хорошей» России относились и «хорошие националы»: в Казахстане – Абай Кунанбаев, в Азербайджане – Мирза Фатали Ахундов, в Татарстане – Габдулла Тукай⁹⁵.

Поляризованная картина мира, имевшаяся в современности, – ясное различие между добром и злом, между другом и врагом – могла быть перенесена и на прошлое. При этом Тукаю приписывалась функция освещения современности из прошлого. Это было не только дальнейшим возвеличиванием Тукая, но и обострением критики современных авторов и интеллектуалов: взгляды, к которым Тукай пришел еще до Октябрьской революции, в несравнимо более сложных условиях, некоторые личности все еще не могли воспринять и спустя 40 лет.

И во время так называемой «дискуссии об эпосах» в начале 1950-х гг.⁹⁶

Тукай послужил блестящим образцом. В этой кампании, продолжавшейся с весны 1951 г. до лета 1952 г., эпосы всех тюркских народов были осуждены как носители националистических идей и им было отказано в существовании в Советском Союзе, который являлся оплотом социалистической дружбы народов⁹⁷. Салих Батыев, тогда заместитель Председателя Совета Министров ТАССР, в феврале 1953 г. признал наличие «национализма» в татарской культуре и литературе и завершил свои высказывания по этому поводу мастерской формулировкой: «Национализм – это космополитизм, уничтожающий национальную гордость народа и пропагандирующий антипатриотизм»⁹⁸. И чтобы избежать подобных ошибок, все современные авторы должны опираться на пример Габдуллы Тукая, который стал «классиком татарской национальной поэзии» и «поэтом-новатором», который «обучался у своего собственного народа и у русских классиков»⁹⁹.

Итак, и после Второй мировой войны «нация» и «народ» приравнивались друг к другу. И опять-таки постоянно внушалось, что «прогрессивная» часть нации переросла в социалистический народ. Однако, в отличие от конца 30-х гг. и военных лет, после 1945 г. ни разу не была предпринята попытка представить Тукая как борца за (советский) патриотизм и социалистическую дружбу народов с помощью цитат из его произведений. Декламация заменила последние остатки приводимой в оправдание аргументации. Полное единство Тукая, коммунистической партии и советской родины очень ясно продемонстрировало сообщение 1962 г. по поводу 76-й годовщины со дня рождения поэта. Рядом с памятником Тукаю в Казани был организован митинг, на котором «многие татарские поэты прочитали свои стихи, посвященные Тукаю, партии и [советской] родине»¹⁰⁰.

С 1960-х гг. диалектическое отношение между любовью к родине и интернационализмом все более выдвигает

лось на первый план. В 1961 г. педагог Ю.Туишев подчеркнул, что родина (туган як) для Тукая не только место, в котором он провел свое детство, а «родная сторона трудящихся»¹⁰¹. «Только тот, кто любит свой народ, может стать настоящим интернационалистом» — эта основополагающая истина, по мнению Х.Хайри, полностью и во всем подтверждается творчеством Габдуллы Тукая¹⁰². Правда, никаких примеров из Габдуллы Тукая Х.Хайри не привел, точно так же, как и Р.Нафиков, который в 1966 г. заявил, что борьба Тукая против панисламистов и пантюркистов имела интернациональное значение, потому что она была направлена против международных реакционных сил¹⁰³. Десять лет спустя появилось еще одно ничем не подтверждаемое высказывание — на этот раз отметился Наки Исанбет, который приравнял выступление Тукая за «национальную свободу» к борьбе против «колониального рабства»¹⁰⁴. В 1986 г., когда отмечалось 100-летие со дня рождения поэта, Наип Лаисов сделал примечательный вывод: «Тукай — это национальный поэт, рожденный на национальной почве и до конца своей жизни остававшийся национальным поэтом¹⁰⁵(...). Но Тукай был и поэтом-интернационалистом¹⁰⁶. (...) Для него национальное и интернациональное были понятиями, которые обогащали и дополняли друг друга»¹⁰⁷. Как в сталинское время, так и позднее никто, правда, не отрицал такой оценки, и в ее банальной простоте она не потеряет своей действенности и в будущем.

3.2.1. Тукай, русская литература, советские литературы и мировая литература

До смерти Габдуллы Тукая в апреле 1913 г. его творчество рассматривалось в более широких рамках, выходящих за пределы татарского мира. Если не называть языкового влияния со стороны османско-турецкого языка, ни-

кто не отмечал влияния на его творчество классической (чагатайской) литературы Средней Азии, русской или же западной литературы или же обращал внимание на отношения между ними.

Смерть поэта, как было показано выше, стала огромным событием в татарском мире. Поэтому неудивительно, что в статьях, появившихся в татарской прессе по этому поводу, впервые была предпринята попытка поставить Габдуллу Тукая во внетатарский контекст и сравнить его с известными русскими или западноевропейскими поэтами. Эти сравнения не преследовали какие-либо мировоззренческие или идеологические цели, и речь не шла о том, чтобы показать зависимость Тукая от определенного духовного течения или школы или же чтобы вообще «доказать» это. До конца 1910-х гг. сравнения Тукая с известными русскими или «международными» поэтами имело лишь намерение подчеркнуть значение и величие татарского поэта Габдуллы Тукая.

Первым, с кем сравнивали Тукая, был не кто иной, как Александр Пушкин (1799–1837). Шариф Ахметзянов, знакомый Тукая по Санкт-Петербургу, в своих воспоминаниях о поэте приводит эпизод, произошедший во время пребывания Тукая в столице Российской империи. Когда они вдвоем ехали на извозчике по Невскому проспекту, Шариф обратился к гуляющим по проспекту «шикарно одетым» дамам и господам со следующими словами: «Господа, какими бы вы ни были важными, никто из вас еще не разъезжал вместе с Пушкиным, а я вот еду рядом с Тукаем!»¹⁰⁸. К сожалению, читатель не узнает ничего о реакции петербуржцев на подобную декламацию. Параллели между Тукаем и Пушкиным относительно их взглядов на жизнь проводил и Г.Рафики. В качестве доказательства он цитировал две строки из стихотворения Тукая «Шагыйрь»: «Мое сердце всегда останется молодым, никогда не постареет. И душа моя останется сильной, не устанет...»¹⁰⁹. С.Рахманкулый

считал, что через Пушкина можно установить связь Тукая с английским поэтом Байроном (1788–1824), потому что в творчестве Тукая чувствуется «дух байронизма»¹¹⁰. Галимджан Ибрагимов подтвердил, что Пушкин был для Тукая идеалом поэта, что он расположил его «на седьмом небе», что Тукай сам стремился к тому, чтобы подняться на эту высоту. Но Г. Ибрагимов дал понять, что никогда не поддерживал мнения о том, что Тукай этой высоты достиг¹¹¹. И Фатых Амирхан, один из выдающихся татарских интеллектуалов того времени и близкий знакомый Тукая, достаточно скептически относился к сравнению Тукая с Пушкиным. Об этом он писал в 1918 г. в одной из статей, посвященных 5-й годовщине со дня смерти поэта: «Правильно, я не из тех, кто считает Тукая «Пушкиным» нации. Я из тех, кто не ищет «Пушкина» нации в прошлом, а ожидает его в будущем»¹¹².

В первые годы после смерти Тукая, кроме Пушкина, охотно сравнивали с Михаилом Лермонтовым (1814–1841). По мнению Джамалетдина Валиди, высказанному через четыре дня после смерти Тукая, Пушкин и Лермонтов были теми русскими поэтами, которые ближе всего стояли к душе скончавшегося Тукая – то, что двигало ими, то и двигало Тукаем¹¹³. Такое же мнение поддерживали и Гильмутдин Шафарф, и Марьям Мухаэтдиния¹¹⁴.

В одной из статей, опубликованных в газете «Ил» 2 апреля 1914 г., на мой взгляд, впервые была предпринята попытка оценить Тукая в мировом масштабе. Неназванный автор писал: «Тукай подарил [кому? Нам? России? Миру?] ценные стихи, которые ничем не уступают стихотворениям самых первостепенных поэтов мира». Более конкретно выразился Шакир Мухаммедьяров: «Поэт, который умер, не достигнув 26 лет¹¹⁵, сумел оставить татарской нации наследие, которое подобно огромному наследию, оставленному Шекспиром английской нации»¹¹⁶. Кроме того, Ш. Мухаммедьяров срав-

нил Тукая с английским поэтом Томасом Муром (1779–1852)¹¹⁷. Через пять лет, в 1923 г., Джамалетдин Валиди, правда, сделал предупреждение от таких, на его взгляд, преувеличенных сравнений: «Когда оцениваешь Тукая, приходится измерять не с помощью Лондона или Нью-Йорка. Иначе, если забраться на небо и смотреть со звезд, Тукай и вовсе можно не увидеть»¹¹⁸.

В 1920-е – начале 1930-х гг. Тукай также сравнивали с известными русскими поэтами. Так же, как и до того, в первую очередь упоминались Пушкин и Лермонтов¹¹⁹. Но встречались и отдельные сравнения с Алексеем Кольцовым (1809–1842), Николаем Никитиным (1895–1963) и Николаем Некрасовым (1821–1878)¹²⁰.

Единственное сравнение, сделанное в те годы с нерусским представителем мировой литературы, было сделано Фатыхом Сайфи-Казанлы, который в 1931 г. сравнил поэму Тукая «Печән базары яхуд яңа Кисекбаш» с «Дон Кихотом» Сервантеса (1547–1616), подчеркнув, правда, относительность этого сравнения (үз масштабында) с выдающимся произведением испанского поэта¹²¹.

Если сравнивать с предыдущим, а особенно с последующим временем, примерно между 1923 и 1934–1935 гг. Тукай довольно редко сравнивали с представителями нетатарской литературы. Возможно, что объяснение здесь можно видеть в том, что в этот период личность, мировоззрение и творчество Тукая сами являлись предметом частых дискуссий и противоречий. Споры о том, как должны оцениваться Тукай и вся дореволюционная татарская история, культура и литература, остающийся без ответа вопрос, какой путь будет избран для дальнейшего развития общества и культуры в Советском Союзе – вот что находилось в центре внимания. Неясность, которая господствовала при обсуждении этих вопросов, на мой взгляд, и препятствовала формированию единого мнения о том, каковы же были отношения Тукая, с

одной стороны, и русских или «международных» поэтов – с другой.

Упомянутое сравнение Тукая с Некрасовым показывает, что с конца 1920-х гг. меняющиеся литературные отношения инструментализировались для политико-идеологических дискуссий. Джамалетдин Валиди, который в 1932 г. был осужден как «буржуазный националист» и впоследствии погиб в одном из лагерей на Белом море, в 1923 г. положительно высказался о том, что Тукай похож на Некрасова в том, что его общественная позиция и его сознание исходят из общественных проблем. И для них обоих подходит оценка в качестве «поэта-гражданина».¹²² Гумар Галиев, один из представителей «ультралевого» критиков второй половины 1920-х гг., в 1926 г. увидел это уже совершенно иначе. Единственное, что было общего между Тукаем и Некрасовым, на его взгляд, было то, что в стихах обоих поэтов имелся пессимистический тон¹²³. Если же посмотреть на основу творчества, на «общественную платформу поэтов», то между ними видна фундаментальная разница. Некрасов, по мнению Г. Галиева, являлся «поэтом-революционером», настоящим борцом за дело народа, духовным вождем и организатором движения народников. Тукай же, напротив, никогда не имел своего идеала (кыйбла), за который он бы боролся, он лишь следовал за разными меняющимися течениями своего времени¹²⁴. И поэтому сравнение с Некрасовым не имеет никаких оснований. И те, кто все-таки проводит подобное сравнение, тем самым пытаются затушевать и замолчать ошибки и недостатки Тукая, а значит, и свои собственные.

Во второй половине 1930-х гг. все существовавшие до того «неясности» были устранены. Это затронуло и те отношения, которые сложились между Тукаем и по-новому признанными старыми «добрыми» русскими классиками. После того, как Сталин отошел от ленинской концепции национальностей, и становилось все очевид-

нее, что «советизация» будет достигаться через русификацию¹²⁵, критики все чаще стали обращаться к теме «Тукай и русская культура/литература». В отличие от 1910-х гг., статьи и монографии, написанные на эту тему с 1935 до 1970-х гг., подчинены ясной политико-идеологической цели. Их задача состояла в том, чтобы показать тесную связь между Габдуллой Тукаем и признанными партией выдающимися русскими литераторами. Роль, которую нерусский Тукай должен был играть при этом, была предельно ясна: он был способным учеником русских учителей, он способствовал распространению «великой» русской культуры и литературы среди татар, а с конца 1950-х гг. больше заявлялось – и среди других нерусских народов Российской империи, и, конечно же, вследствие этого являлся провозвестником «советского патриотизма» и социалистической дружбы народов, т.е. он был «интернационалистом». Теперь уже Тукай не определялся как «эхо татарской жизни, татарского сердца», как это было сделано в 1918 г.¹²⁶ Из публикаций о нем, которые увидели свет со второй половины 1930-х гг., создается впечатление, что он, скорее, был «эхом» великих русских поэтов и мыслителей в татарской среде.

«Тукай был поэтом, который много и с удовольствием пил из родника русской поэзии»¹²⁷ – это основополагающее высказывание, сделанное в 1938 г., часто повторялось и варьировалось в последующие десятилетия. При сравнении Тукая с Пушкиным обязательно подчеркивалось общее: оба они любили народ и придавали огромное значение его литературному творчеству.¹²⁸ Напрямую из этого вытекал и следующий пункт, в котором Тукай следовал своему великому образцу: они оба отмечали, что язык народа должен быть языковой основой литературы. Их старания, чтобы очистить язык от чужого влияния, привели к тому, что они стали основателями соответствующих литературных

языков¹²⁹. По меньшей мере, для Тукая понятно, что такое утверждение связано с идеологическими пожеланиями и довольно трудно доказуемо на примере его реального творчества (см. глава II.3).

Не только мировоззрение и отношение к языку объединяли Пушкина и Тукая. И личная судьба обоих поэтов была схожей, как отмечалось в редакционной статье в газете «Кызыл Татарстан» 15 апреля 1938 г., посвященной 25-й годовщине со дня смерти поэта: «Так же, как и гибель великого Пушкина, застреленного царскими наемниками, смерть молодого Тукая связана с эксплуатацией, давлением и издевательствами со стороны татарской буржуазии, духовенства, националистов»¹³⁰. Из такой схожести Гали Халит в 1949 г. вывел следующее: «Если невозможно представить татарскую поэзию без Тукая, то невозможно и понимание Тукая без Пушкина»¹³¹. Сомнительно или нет, этим высказыванием Гали Халит сделал Пушкина основателем и татарской поэзии – так что он отвечал всем требованиям своего времени, когда все «хорошее» приписывалось русскому влиянию.

После 1938 г. Тукая, кроме Пушкина, сравнивали прежде всего с Лермонтовым, Некрасовым и Горьким (1868–1936). Схожесть с этими писателями была в целом в том же, что и в случае с Пушкиным: любовь к народу, борьба против абсолютизма и эксплуатации, борьба за свободу, огромное значение, которое они все придавали народной литературе. В статьях, в которых Тукай сравнивался с тремя названными писателями, Лермонтов и Некрасов чаще всего упоминались вместе¹³², а Горький, напротив, отмечался отдельно¹³³. Хочу отметить и один курьезный момент: при сравнении Габдуллы Тукая с Михаилом Лермонтовым критики даже не забывали упомянуть тот факт, что оба поэта ушли из жизни в возрасте 27 лет, чтобы подчеркнуть их значительную схожесть¹³⁴.

Сравнения Тукая проводились, однако, не только с русским поэтическим пантеоном, подходившим под советскую схему. С середины 1940-х гг. он превозносился также как литературный критик и общественный деятель. В 1946 г. Мухаммед Гайнуллин выразил это следующим образом: «В области критики он широко использовал и взгляды гениальных мыслителей 19 в. Белинского, Добролюбова (...)»¹³⁵. Два года спустя М.Гайнуллин прибавил к упомянутым двоим еще Герцена и Чернышевского¹³⁶. Исторические факты при этом сравнении не играли никакой роли: например, М.Гайнуллин даже не упомянул об острой критике, которую обрушил Добролюбов на Герцена¹³⁷. Если подтверждения для сравнения Тукая с Пушкиным у критиков достаточно скудны, то утверждение о том, что Тукай учился у предшественников социалистической литературной критике и пытался им подражать, вообще не доказывается текстами из Тукая. Это утверждение выступает на сцену без какой-либо опоры. Что предопределяло сравнение Тукая с представителями молодой, левой интеллигенции в последней четверти 19 в. – это то, что он в своем творчестве оказывал должное уважение повседневной политической жизни. И к Тукаю может быть применено то, что Чернышевский с гордостью замечал в своем основном романе «Что делать?»: «У меня нет ни проблеска художественного таланта. Я не знаю поэтического языка. Но ничего страшного!» Потому что, продолжает он: «Читай, уважаемая публика! Ты прочитаешь меня не без пользы. Истина – очень ценная вещь, она прощает за недостатки писателя, который ей служит – и ты теперь знаешь, что повествование всю свою ценность черпает из своей правдивости»¹³⁸. Так что Чернышевский планировал предложить читателям не поэзию, а правду. Для него литература должна была служить некой политической идее. Он считал, что литературные произведения без идеоло-

гических целей «не должны читаться, и вообще не должны существовать»¹³⁹. Именно этот пункт применялся татарскими критиками после 1945 г. и в отношении Тукая. М.Гайнуллин, рассуждая о вопросе партийности литературы, провел связь между Тукаем и самым известным русским этого столетия – Лениным. М.Гайнуллин заявил, что ему неизвестно, читал ли Тукай статью Ленина «Партийная организация и партийная литература» (1905 г.) или же только знал о ней, и продолжил: «Однако очевидно следующее: в статье Тукая «Тәнкыйть – кирәкле шәйдер», появившейся в 1907 г., очень сильно чувствуется отражение основных мыслей Владимира Ильича Ленина»¹⁴⁰. Это наблюдение М.Гайнуллина, вне зависимости от того, куда оно было направлено, было весьма выигрышным для Тукая: если он знал статью Ленина, то в своей публикации показал себя его старательным учеником, если не знал, то представал еще в более выгодном свете. Потому что в таком случае содержательная схожесть должна была означать, что Тукай сам по себе пришел к таким же взглядам, если не сказать – к «истине», что и Ленин. Тем самым критика Тукая становилась невозможной, так как, если рассуждать последовательно, – она приравнивалась бы к критике Ленина. Но не только для Тукая был близок Ленин, но и для Ленина был близок Тукай. Даже если он его не знал лично, все же вождь Советского Союза знал о значении татарского поэта. Владимир Бахметьев, в начале 1920-х гг. главный редактор казанского издания газеты «Известия», в 1957 г. сообщал о том, что после гражданской войны, встречаясь с представителями Казани, Ленин спросил: «Кстати, как у вас с литературой татарской? Имеются ли достойные преемники этого... как его? Сын муллы, поэт, перевел на свой язык Пушкина, Лермонтова... Абдулла, Абдулла...», Бахметьев, присутствовавший при этом, ответил: «Тукаев!»¹⁴¹. Этот случай постоянно упоминался в

татарской прессе и в 1960-е гг. в качестве «доказательства» того, как высоко Ленин оценивал Тукай¹⁴².

Целью кампании против космополитизма, начавшейся в 1946 г., был показ преимуществ русской культуры по сравнению с западной, европейской. Отмечалось при этом, что Россия имела великую культуру и не должна была ничему учиться у Запада. Для нерусских национальностей Советского Союза это означало, что они еще сильнее, чем раньше, должны привязаться к вышестоящей русской культуре¹⁴³. Многонациональная советская критика показывала величие и преимущество русской культуры также и с помощью высказываний канонизированных «национальных» личностей из прошлого и тем самым пыталась представить советский постулат как исторический факт. Так, например, всегда цитировался казахский поэт и просветитель Абай Кунанбаев: «Учитесь у русских – это ключ к жизни»¹⁴⁴. И о Тукае было заявлено: «Тукай показал, что для татарского народа как воздух и вода необходима великая русская культура, русская литература»¹⁴⁵. О функции таких «национальных просветителей» Лоуэлл Тиллет писал: «Просветитель исключительно необходим, чтобы подтвердить концепцию дружбы народов в дореволюционные времена. Он является живой связью между русской интеллигенцией и нерусским народом, ассимилятором, переводчиком и посредником русской культуры, катализатором исторического развития»¹⁴⁶.

Следующие нерусские «просветители» и поэты принадлежали к канонизированным советской критикой «good natives»¹⁴⁷ (добрые туземцы): Чокан Валиханов (1835–1865), Абай Кунанбаев (1845–1904) и Ибрагим Алтынсарин (1841–1889) у казахов, Мирза Фатали Ахундов (1812–1878) у азербайджанцев, Микаэл Налбандян (1829–1866) и Хачатур Абовян (1805–1848) у армян, Коста Хетагуров (1859–1906) у осетин и, конечно, Габдулла Тукай у татар¹⁴⁸.

Так же, как и канон «национальных просветителей» в советском представлении был установлен и канон их русских образцов. Постоянно назывались в качестве таковых: Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Горький¹⁴⁹, Толстой¹⁵⁰, Чехов, Писарев, Белинский, Добролюбов, Чернышевский, короче говоря, «Россия декабристов, революционных демократов, народников, марксистов-ленинистов»¹⁵¹.

Тукай был единственным татаринном, который был включен в этот самый канон «good natives». Правда, его принадлежность к этому кругу была установлена татарскими советскими критиками без обоснования и просто прокламировалась. Мне известна лишь одна статья, в которой его произведения называются как «доказательство» его высокой оценки России и русской культуры. Эта статья появилась летом 1947 г., когда на повестке дня в нерусских областях СССР вновь встала борьба против «националистического уклона». Автором этой статьи был Александр Фадеев, председатель Союза писателей СССР, а приведенные им произведения Тукая – это стихи, которые в этой связи всегда упоминались «Китмибез!» и «Халык өмидләре»¹⁵².

До второй половины 1950-х гг. в представлении «дружбы народов Советского Союза» показывались почти исключительно отношения между отдельными нерусскими народами и «великим» русским народом. Положение изменилось в конце 1950-х гг.: теперь показывались и отношения между разными нерусскими народами. Они также связывались с традициями, уходящими далеко в прошлое, и при этом различия их в религии, языках, историко-культурном развитии оставались не затронутыми¹⁵³.

Такая внутрисоветская «интернационализация» с конца 1950-х, но особенно в 1960-е гг. обогатила портрет Тукая новыми гранями. Впервые «национальные» писатели, поэты, представители интеллигенции очень много начали говорить на тему о Тукае. Это

были, прежде всего, представители этнически родственных татарам тюркских народов Советского Союза, а также проживающих по соседству с татарами финно-угорских народов Среднего Поволжья, но также и таджиков, белорусов, украинцев, которые заявляли о влиянии Тукая на тот или иной народ. Все они подчеркивали то огромное значение, которое имело творчество татарского поэта из прошлого для становления их собственной культуры, и то огромное уважение, которое в настоящее время проявляется ими к Габдулле Тукаю. Важнейшую заслугу Тукая они видели в том, что он стал посредником между передовой русской культурой и литературой и национальными культурами. Эта точка зрения представлялась на различных конференциях и заседаниях, собравшихся, например, в Казани в 1961 и 1966 гг. по поводу 75-й и 80-й годовщин со дня рождения поэта, а также в большом количестве чаще всего коротких статей и сообщениях, которые увидели свет по данным поводам¹⁵⁴. Немалое число тех, кто выступил с докладами или статьями, принадлежало к признанным в Советском Союзе «национальным» литераторам, как, например, узбек Гафур Гулам (1903–1966), туркмен Берды Кербабаяев (1894–1974) и казах Сабит Муканов (1900–1973). Поскольку они представляли себя учениками Тукая, они придавали историческую легитимность себе как советским «национальным поэтам».

Большое влияние, которое Тукай оказал на выдающихся представителей разных народов в прошлом, и большая популярность, которой он пользовался у этих народов в современности, – все это только заявлялось. Исторические источники, которые подтверждали бы это, отсутствуют полностью, в чем же состояло это влияние конкретно, не поясняется. Поэтому я не хотел бы приводить здесь эти стереотипные высказывания по отдельности, а, разделив всех по национальности, только упомянуть личности, которые явля-

лись их авторами, а если имеются, называть тех поэтов прошлого, на которых они делали ссылки. Большое влияние Тукая на башкирскую литературу рекламировали Сагит Агиш, Резеда Ганиева и Баязит Бикбай¹⁵⁵. То, что Тукай был важен для казахов, как и собственный национальный поэт Абай, подчеркивали А.Гумар, Габид Мусрепов и Чакан Сыздыков¹⁵⁶. В Киргизстане, по мнению Камчы Джунусова, Габдулла Тукай был известен и очень высоко почитался повсюду.¹⁵⁷ О значении Габдуллы Тукая для развития уйгурской литературы в целом, и уйгурского поэта Лутпуллы Муталлипа (1922–1945), в частности, говорили Гази Кашшаф и Г.Сагдевакказов¹⁵⁸. Влияние Тукая на узбекских поэтов Мукуми (1850–1903) [!] и Абдурауфа Фитрата (1886–1938(?)) и на себя самого отмечал Гафур Гулам¹⁵⁹. Кроме того, по мнению Шерали Турдыева, сильно повлиял Тукай и на узбекского просветителя Абдуллу Авлани (1878–1934) и поэта Хакимзада Хамза Ниязи (1889–1929).¹⁶⁰ Как объяснял туркменский советский поэт Берды Кербабаяев, Тукай был для него самого очень важен, и из чувства благодарности к татарскому поэту он перевел его стихи на туркменский язык¹⁶¹. Как современник Мирзы Алиакбара Сабира (1862–1911), Тукай, по словам азербайджанского национально-го поэта Сулеймана Рустама и профессора Азиза Шарифа, неразрывно связан с азербайджанской литературой¹⁶². Основатель кумыкской литературы Нухай Батырмурзаев (1897–1919), как считал Султанмурат Акбиев, многим обязан Габдулле Тукаю, точно так же, как и современные кумыкские поэты Адым Аткай и Анвар Аджиев¹⁶³. «Великий просветитель таджикского народа» Ахмад Дониш (1826–1897) многими своими чертами очень похож на Габдуллу Тукая¹⁶⁴, а Садриддин Айни (1878–1954), основатель таджикской литературы, сам говорил, что он узнал о Пушкине и русской литературе через Габдуллу Тукая¹⁶⁵. И для основате-

лей якутской литературы Алексея Кулаковского (1877–1926), Анемподиста Софронова (1886–1935) и Николая Неустроева (1895–1929) Тукай сыграл немаловажную роль, они очень высоко ценили его – это отмечал якутский писатель Семен Данилов¹⁶⁶. Важное значение имел Габдулла Тукай для развития чувашской литературы, подчеркивал чувашский национальный поэт Педер Хузангай (1907–1970)¹⁶⁷, а финно-угорские народы мари и удмурты видели в Тукае своего собственного поэта, если верить высказыванию мари-йского национального поэта Миклая Казакова¹⁶⁸.

В статьях, появившихся в татарской прессе по поводу 90-й и 100-й годовщин со дня рождения Тукая (в 1976 и 1986 гг.), в выступлениях на конференциях в Казани, посвященных этой дате, тема «Тукай и (советские) национальные литературы» играла очень большую роль. Правда, не было высказано никаких новых мнений. Фактически все свелось к повторению, уже говорившегося в 1960-е гг., ничем конкретно не подтверждаемого заявления о том, что татарскому поэту Габдулле Тукаю и его творчеству принадлежит решающая роль в формировании и развитии других «национальных» литератур. Была ли этническая, историческая, культурная или языковая база этих «национальных литератур» близка татарской или же нет – это было не так уж и важно для советских авторов разных национальностей, потому что для них, быть может, чуть в более мягкой форме, похоже, все еще оставалось актуальным сталинское изречение, согласно которому речь должна идти о социалистическом или, по меньшей мере, «прогрессивном» содержании. Национальная форма, в которую облекается это содержание, могла быть разной, поэтому ей принадлежало только подчиненное значение.

Габдулла Тукай многими был представлен как великий образец из-за того содержания, которое приписывалось его творчеству. Тот факт, что он был

татарским поэтом, никакой особой роли не играл. И в этом смысле Тукай занял место носителя определенного мировоззрения. Потенциально это место могло быть занято и другой личностью, если бы ей приписывалось то же мировоззрение. Габдулле Тукаю, чья жизнь, по словам Сибгата Хакима, «являлась одной из самых драматичных биографий в истории мировой литературы»¹⁶⁹, в 1986 г., когда отмечалась 100-летняя годовщина со дня его рождения, задним числом была оказана большая честь. Теперь не только советские критики связывали его с великими поэтами мировой литературы¹⁷⁰. Габдулла Тукай был включен в календарь ЮНЕСКО, в котором отмечаются «события и личности, оставившие глубокий след в истории человечества»¹⁷¹.

В этой записи читаем: «Габдулла Тукай. Татарский национальный поэт»¹⁷². Публицист, основатель новой реалистической татарской литературы и современного татарского литературного языка»¹⁷³.

Этот раздел и свою работу я хотел бы завершить комментарием, который сопровождает указанное сообщение: «Праздник Г.Тукай выходит на международную арену через страны ЮНЕСКО, он превращается в общий праздник разных стран и народов мира»¹⁷⁴.

Татарский юноша из маленькой деревни Кушлавич в лесистом районе Заказанья превратился в поэта мирового уровня, в часть культурной истории человечества. «Маленький Апуш» превратился в «великого Тукая»¹⁷⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Правда, еще в 1923 г. в своей статье по поводу 10-летия со дня кончины Тукая Галимджан Нигмати заметил, что с конца 1907 г. «поэт поддался мистике и влиянию религии» (Нигъмәти Г. Габдулла Тукаев: Үлүенә ун ел тулу мөнәсәбәте белән // Юлдаш. – 1923. – № 3 (12). – 81 б.). Мне не известна ни одна другая публикация начала 20-х годов, в которой рассматривалось бы отношение Тукая к религии.

² *Бурнаш Ф.* Тукай шигырьләренә караш. Татар вакытлы матбугатынын 20 еллыгына багышлана // Габдулла Тукай шигырьләре /Ред. Ф.Бурнаш – Казан, 1926. – XXVII–LVII б.

³ *Шунда ук.* – XXVII б.

⁴ Первое стихотворение было опубликовано в «Фикер» (03.06.1906. – № 20), второе – в «Аң» (15.04.1906. – № 4).

⁵ Здесь непереведенным остается один абзац, в котором автор объясняет возможности перевода на немецкий язык и смысл таких понятий, как «дин», «динчелек» и «динчелек» (прим. переводчика).

⁶ Сәях-Кәкүк. Дингә каршы көрәштә, фронтны динчеләргә каршы да кискенләштерергә кирәк! // Фән һәм дин. – 01.11.1929. – № 21 (84). – 18 б.

⁷ *Галиев Г.* Г.Тукай шигырьләре //Кызыл Татарстан. – 29.08.1926. – № 195 (1658). Возможно, что в данном случае «либеральный религиозник» является синонимом понятия «джадидист».

⁸ Магис (Максут М.). Сынган кылычлар һәм каргалар белән былбыллар турында // Безнең юл. – 1928. – № 5. – 20 б.

⁹ Сәях-Кәкүк. Дингә каршы көрәштә, фронтны динчеләргә каршы да кискенләштерергә кирәк! – 18–19 б.; Магис (=Максут М.). Сынган кылычлар һәм каргалар белән былбыллар турында. – 18 б.

¹⁰ Насколько мне известно, первым, кто высказался в таком духе, был Габдрахман Сагди. В своей истории татарской литературы, появившейся в 1926 г., он писал о Тукае периода после 1907 г.: «Он на все сто процентов вернулся к религии, к Аллаху, национализму, и все его стихи были пропитаны религиозностью» (Сәгъди Г. Татар әдәбияты тарихы: Дәрәслек-кулланма. – Казан, 1926. – 218 б.).

¹¹ Магис (=Максут М.). Сынган кылычлар һәм каргалар белән былбыллар турында. – 21 б. Такого же мнения придерживался и Г.Чыгтай, главный редактор «Фән һәм

дин» (Чыгтай Г. Бөтен ислам дине «гыйлемлекләре» бары да «Иман шарты» рамкасында // Фән һәм дин. – 1929. – № 22 (85). – 7 б.).

¹² *Мортазин С.* Иске мирастан файдалану мәсьәләсе // Кызыл Татарстан – 08.12.1929. – № 280 (2650). Позволю себе следующее замечание: собственно, не обязательно быть знакомым с марксизмом, чтобы заметить, что Тукай не был атеистом.

¹³ *Сәйфи-Казанлы Ф.* Г.Тукай әсәрләрендә пародия, сатира, ирония һәм юмор // Г.Тукай әсәрләре. – Т.3. – Казан, 1931. – XXXII б.

¹⁴ *Бакиров Г.* Татар балалар әдәбияты турында // Яңалиф 1932. – №1/2. – 73 б.

¹⁵ Мне незнакомо это слово, и неизвестно стихотворение Г.Тукая с таким названием.

¹⁶ Стихотворение с таким названием не встречалось мне ни в одном из изданий произведений Г. Тукая.

¹⁷ *Сәйфи-Казанлы Ф.* Габдулла Тукай әсәрләренен ижтимагый һәм сәяси йөзе // Габдулла Тукай әсәрләре. Икенче том. – Казан, 1930. – XXIII б.

¹⁸ Одним из тех, кто считал, что одним из таких критиков являлся Ф.Бурнаш, как уже упоминалось, был автор, писавший под псевдонимом Саях-Какук (Сәях-Кәкүк. Дингә каршы көрәштә, фронтны динчеләргә каршы да кискенләштерергә кирәк! – 18 б.)

¹⁹ *Чыгтай Г.* Бөтен ислам дине «гыйлемлекләре» бары да «Иман шарты» рамкасында // Фән һәм дин. – 1929. – № 22 (85). – 6 б.

²⁰ Сәях-Кәкүк. Дингә каршы көрәштә, фронтны динчеләргә каршы да кискенләштерергә кирәк! – 18 б.

²¹ *Гыймадиев М.* Тукай ижатында атеизм моментлары // Социалистик Татарстан. – 12.04.1938. – № 84 (5285).

²² Цит. по: Максут М. Бер дәрәслекнең житешсез яклары // СӘ. – 1949. – № 10. – 117 б..

²³ *Гайнуллин М.* Татар әдәбиятында атеизм мәсьәләләре // СӘ. – 1950. – № 9. – 88 б.

²⁴ *Халит Г.* Габдулла Тукай: Тууына 65 ел тулуга карата // Кызыл Татарстан. – 27.04.1951. – № 83 (8876).

²⁵ *Ишмөхәммәтов З.* XX йөз башындагы татар әдәбиятында дингә каршы көрәшнең чагылышы // СӘ. – 1956. – № 1. – 68, 70 б.

²⁶ *Ишмөхәммәтов З.* Шагыйрь динне камчылый // Социалистик Татарстан. – 25.05.1961. – № 122 (12699).

²⁷ В этой главе речь идет о стихотворениях Тукая, в которых выступают духи и сказочные персонажи, как например, шурале или водяная. В начале 30-х годов «ультралевые» критики оценивали, прежде всего, эти произведения как «вредные» и остро критиковали их, поскольку поэт в своем творчестве изображал сверхъестественное. См., например: Саматов С. Балалар әдәбияты начар хәлдә // Эшче. – 16.03.1930. – № 33 (1604); Кәрим Ф. Балалар әдәбияты турында // СӘ. – 1934. – № 8. – 62–67 б.

²⁸ Кроме этих глав, в книге имеется и введение (с. 3–4), и заключение (с.66–71).

²⁹ *Ишмөхәммәтов З.* Тукай атеизмы. – Казан, 1971. – 3–4, 23, 31, 44, 58 б. О последнем пункте подробнее он уже высказался в 1956 г. (Ишмөхәммәтов З. XX йөз башындагы татар әдәбиятында дингә каршы көрәшнең чагылышы. – 69 б.).

³⁰ Подобное говорил, например, Ф.Карим еще в 1934 г. (Кәрим Ф. Балалар әдәбияты турында. – 62 б.)

³¹ См., например: Әхмәров З. Әдәбият дәрәсләрендә атеистик тәрбия // Совет мәктәбе. – 1959. – № 11. – 42–46 б.; Сәмигуллин Г. V класста Г.Тукай шигърьләрен өйрәнгәндә атеистик тәрбия // Совет мәктәбе. – 1960. – № 5. – 32–33 б.

³² *Ишмөхәммәтов З.* Тукай атеизмы. – 46 б.

³³ «Очень красивое стихотворение Габдуллы Тукая, представляющее первую молитву ученика школы и выражающее искреннюю веру детского сердца в Аллаха» (Binark, Naila: Abdulla Tukaj'yn šiirlerinde çoğuk temasy, in: Kazan 1973 (10), S. 52.)

³⁴ Подзаголовок этой публикации гласит: «Татар язучыларының дингә каршы әсәрләре». Тукай является одним из авторов, творчество которых представлено наибольшим числом произведений (с. 28–65).

³⁵ В том же 1991 г. впервые после Октябрьской революции было издано и одно из «серьезных» религиозных стихотворений Г.Тукая, которые полностью замалчивались советской татарской критикой (вплоть до «ультралевых») «Кадер кич» (Гайнетдинов М. Тукайның «адашкан» шигърьләре // КУ. – 1991. – № 4. – 146–148 б.)

³⁶ Подробнее см. главу II.2.2.

³⁷ Используя здесь слово «песня» (жыр), автор как бы стремится подчеркнуть народность стихотворений Тукая.

³⁸ Сәгъди Г. Габдулла Тукаев // Вақыты. – 03.02.1909. – № 427.

³⁹ Примечательно, что Г.Сагди говорит не об «османской», а о «турецкой» литературе (төрөк әдәбияты).

⁴⁰ Ибраһимов Г. Татар шагыйрьләре. – Оренбург, 1913. – 62 б.

⁴¹ Впервые это стихотворение было опубликовано в «Әлгасрел-жәдит» 15 ноября 1906 г. (№ 11). Сам Тукай определил его как «подражание маленькому стихотворению Пушкина». Имеется в виду стихотворение Пушкина «Про себя», написанное между 1817 и 1820 гг.

⁴² Ибраһимов Г. Татар шагыйрьләре. – 62–67 б.

⁴³ Мөхәммәдъяров Ш. Тукай кем?. – М., 1918. – 22 б.

⁴⁴ См., например, стихотворения: «Сорыкортларга» (20 июля 1906 г.); «Милләтчеләр» (1908 г.), а также статьи «Милләтче» (24 июня 1909 г.); «Милләткә файда урнына зарар» (15 сентября 1910 г.).

⁴⁵ Нигъмәти Г. Габдулла Тукаев: Үлүенә ун ел тулу мөнәсәбәте белән // Юлдаш. – 1923. – № 3(12). – 1923. – 68 б.

⁴⁶ Сәгадеев А. Солтангалиев һәм Советлар Россиясенең милли сәясәте // КУ. – 1991. – № 4. – 158–173 б.; Солтанбеков Б.; Шәрәфетдинов Д. Фажигале язмыш // КУ. – 1992. – № 2. – 139–140 б.; Simon, Gerhard: Nationalism and Policy Toward the Nationalities in the Soviet Union. From Totalitarian Dictatorship to Post-Stalinist Society, Boulder, San Francisco, Oxford 1991, S. 24, 73–77.

⁴⁷ Речь, которую М.Султангалиев произнес в свою защиту 27 февраля 1929 г., впервые была опубликована в 1992 г.: Мин ялгыштыммы? // КУ. – 1992. – № 2. – 140–148 б.

⁴⁸ Simon, Gerhard: Nationalism and Policy Toward the Nationalities in the Soviet Union, S. 79. Здесь же (S. 79–82) приводятся сведения об акциях против «националистов» в Крыму, Казахстане и Средней Азии. См. также: Allworth, Edward: Uzbek Literary Politics, London, The Hague, Paris 1964, S. 78, 124.

⁴⁹ Bennigsen, Alexandre; Enders Wimbush, S.: Muslim National Communism in the Soviet Union. A Revolutionary Strategy for the Colonial World, Chicago, London 1979, S. 91.

⁵⁰ Simon, Gerhard: Nationalism and Policy Toward the Nationalities in the Soviet Union, S. 79.

⁵¹ Гали З. Татар пролетариат әдәбиятының үсеш шартлары // Яңалиф. – 1930. – № 4. – 67 б.

⁵² Сәйфи-Казанлы Ф. Сарайлар, ханнар, кенәзләр, морзалар шагыйре Фәтхи Борнаш // Матур әдәбиятта буржуаз милләтчеләге / Ред. Ф. Сәйфи-Казанлы. – Казан, 1930. – 4–5 б. См. также: Гали Г. Солтангалиевчылыккы каршы көрәшкәндә // Безнең юл. – 1929. – № 11. – 22 б.

⁵³ Гали Г. Солтангалиевчылыккы каршы көрәшкәндә. – 22 б.; Матур әдәбиятта буржуаз милләтчеләге / Ред. Ф. Сәйфи-Казанлы. – Казан, 1930.

⁵⁴ Это определение в середине 1927 г. впервые в положительном смысле использовал поэт Хасан Туфан и при этом, возможно, проводил параллель с русской «Могучей кучкой». Х.Туфан высказался по поводу статьи Г.Нигмати, опубликованной в журнале «Безнең юл» (1927 г., № 6/7), в которой упоминались «пять звезд на небосклоне татарской литературы» (Хади Такташ, Гадел Кутуй, Кави Наджи, Гумар Тулумбайский и Хасан Туфан). Х.Туфан же считал, что звезд было не пять, а семь (Гадел Кутуй турында истәлекләр / Ред. Р.Нуруллина. – Казан, 1984. – 175, 179 б.). К сожалению, не упоминается, каких двух писателей еще добавил Х.Туфан к списку Г.Нигмати.

⁵⁵ «Җидегән» турында // Атака. – 1930. – № 6/7. – 7 б.

⁵⁶ Намного реже упоминались еще два имени: Сагит Агиш (Атака. – 1930. – № 3. – 2 б.) и Садри Джалал (Нәжми К. Большевизм уты астында // Атака. – 1930. – № 4/5. – 2 б.). По-видимому, эти двое считались принадлежащими к основному ядру организации.

⁵⁷ «они чуждые для пролетарской и советской литературы элементы, вражеские элементы (...) – ликвидировать (Атака. – 1930. – № 3. – 2 б.)

⁵⁸ *Давитов М.* Милләтче кодалар һәм аларның партбилетлы кодагыйлары // Эшче. – 24.08.1930. – № 101 (1672).

⁵⁹ Пояснения, как эти две диктатуры подходят друг другу, М.Давитов не дал.

⁶⁰ *Кутуева Г.* Гаилә истәлеге // Гадел Кутуй турында истәлекләр / Ред. Р.Нурулли-на. – Казан, 1984. – 13–20 б. Но и после освобождения для этих писателей продолжались тяжелые времена, потому что и Г.Кутуй, и его коллеги не могли найти постоянной работы и всеми были отвергнуты. В статьях, написанных после XX съезда КПСС, вся эта афера с организацией «Жидегән» была названа выдумкой. В тогдашней же татарской прессе сообщалось лишь о «раскрытии» группы и аресте ее участников. Сообщений о суде, осуждении, а также освобождении не было опубликовано вообще.

⁶¹ *Абдуллин Г.* Татар совет әдәбиятын большевиклаштыру өчен! // СӘ. – 1933. – № 2/3. – 72–73 б.; Нәжми К. Татар матур әдәбияты // СӘ. – 1934. – № 10. – 48 б.

⁶² *Бурнаш Ф.* Тукай шигырьләренә караш // Габдулла Тукай шигырьләре. Тукай тормышы һәм ижаты турында кереш сүз белән / Ред. Ф.Бурнаш. – Казан, 1926. – XXXI б.

⁶³ Впервые опубликовано в Казани в 1908 г. в сборнике «Г.Тукаев диваны».

⁶⁴ Последние три слова в цитате Ф.Бурнаша опущены.

⁶⁵ *Сәйфи-Казанлы Ф.* Габдулла Тукай әсәрләренәң ижтимагый һәм сәяси йөзе // Габдулла Тукай әсәрләре. Икенче том. – Казан, 1930. – XVIII б.

⁶⁶ *Шунда ук.* – XVIII– XIX б.

⁶⁷ Толымбайский Г. Тукай һәм халык әдәбияты (Тукайның «Халык әдәбияты» һәм «Халык моннары» әсәре белән). – Казан, 1930. – 8-9 б. См. также: *Шамов А.* Фольклор мәсьәләләре // Яңалиф. – 1931. – № 8/9. – 58 б.

⁶⁸ Ибрагимов Г. Татар шагыйрьләре. – Оренбург, 1913. Здесь особенно часть 3 «Габдулла Тукаев» (49–102 б.)

⁶⁹ Особенно острой критике подвергся его доклад «Татар мәдәнияте нинди юл белән барачак?», сделанный 25 января 1927 г. в Казани (опубликован в: «Казан утлары. – 1992. – № 3. – 157–162 б.). См. также: Bennigsen, Alexandre; Enders Wimbush, S.: Muslim National Communism in the Soviet Union, S. 89.

⁷⁰ См., например: Ибрагимов Г. Әдәби програм турында // Атака. – 1931. – № 3. – 65–68 б.

⁷¹ Их оценка одних и тех же результатов анализа была, конечно, разной: Г.Ибрагимов критиковал избыток «политики» и актуальных событий в творчестве Тукая, а «ультра-левые», наоборот, что их было слишком мало.

⁷² «Татар әдәбияты классигы» (СӘ. – 1956. – № 6. – 126 б.)

⁷³ Tillett, Lowell: The Great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities, Chapel Hill 1969, S. 373.

⁷⁴ *Халит Г.* Тукай – халык шагыйре // СӘ. – 1938. – № 1. – 81 б.

⁷⁵ *Шунда ук.*

⁷⁶ *Шунда ук.* – 83 б.

⁷⁷ См., например: *Баян Н.* Татарстан совет язучылары союзының эше турында // СӘ. – 1938. – № 6. – 84 б. Эта статья является изложением доклада, сделанного Нуром Баяном на заседании Союза писателей Татарстана 20 июня 1938 г.

⁷⁸ «Враждебность Тукая по отношению к националистам – не случайное явление, она отражает то, что в своих взглядах на мир и творчество он является глубоким [!] интернационалистом. Верный сын своего народа, Тукай всей своей душой любит татарский народ, (...) он любит наряду со своим народом и другие народы, а в первую очередь, великий русский народ. (...)» (Фәйзи Ә. Габдулла Тукай. Атаклы кешеләрнең Казандагы тормышы. – 2 китап. – Казан, 1940. – 22 б.).

⁷⁹ Этот список «младших» братьев может быть, конечно, продолжен – киргизы, туркмены, уйгуры, дунгане, хакасы и т.д. и т.п.

⁸⁰ *Кутуй Г.; Хисмәтуллин Х.* Патриот Тукай. Үлүенә 29 ел тулу уңае белән // Кызыл Татарстан. – 15.04.1942. – № 89(6503).

⁸¹ Это стихотворение впервые было опубликовано в 1907 г. во втором сборнике стихов Г.Тукая (Габдулла Тукаев шигырьләре (Шигырьләр көтепханәсеннән 4-нче дәфтәр). – Казан, 1908. Об этом: Тукай Г. Әсәрләр. – Т. 1. – 259 б.). Во второй тираж сборника, в 1909 г., стихотворение включено не было.

⁸² Этот анахронизм – до Октябрьской революции не было никакого Татарстана – явно демонстрирует, как советская действительность проецировалась на прошлое и что в прошлом, собственно, не было никакого татарского определения для территорий, на которых проживали татары. Словообразование вроде «татар иле», которое вполне могло бы подойти, в советское время не принималось, потому что звучало слишком «националистически».

⁸³ *Кутуй Г.; Хисмәтуллин Х.* Патриот Тукай. Үлүенә 29 ел тулу уңае белән.

⁸⁴ *Жәләй Л.* Ватан сугышы чорында татар совет әдәбияты // СӘ. – 1942. – № 9/10. – 95 б.

⁸⁵ Фронтовик татарларга татар халкыннан сәлам хаты // СӘ. – 1943. – № 3. – 17 б.

⁸⁶ *Шунда ук.*

⁸⁷ О языковом обмене между татарским и русским языками вряд ли можно говорить: заимствования имелись почти исключительно только в татарском языке, в другом направлении же их практически не было. То, что внушаемое русское культурное влияние носило исключительно положительный характер, по меньшей мере, спорно: во многих произведениях татарской литературы конца 19 в. в качестве наиболее яркого и «важнейшего» примера русского влияния упоминается лишь растущее употребление алкоголя.

⁸⁸ Впервые стихотворение было опубликовано в: Мәктәп. – № 1. – 21.02.1913.

⁸⁹ *Тукай Г.* Әсәрләр. – Т. 2. – 243 б. «Белый», конечно, не означает здесь идеологическую метафору (как например, в годы гражданской войны), это лишь синоним «чистоты».

⁹⁰ *Тукай Г.* Ике ихтар // Ялт-Йолт. – 15.03.1913. – № 53. Этот номер журнала оказался мне не доступен, поэтому цитата приводится из издания: Сәйфи-Казанлы Ф. Габдулла Тукай әсәрләренәң ижтимагый һәм сәяси йөзә // Габдулла Тукай әсәрләре. Икенче том. – Казан, 1930. – XVII б. В издании сочинений Г.Тукая 1955–1956 гг. это сообщение также опубликовано, но с важным различием: если Ф.Сайфи-Казанлы привел последнее предложение как «Мине гафу итегез!», то в собрании сочинений вместо этого стоит фраза: «Һәр нә исә ниятем гүзәл бит!» (Тукай Г.Әсәрләр. – Т. 4. – 184 б.). Поскольку в целом «ультралевые» критики правильнее цитировали Тукая, чем позднейшие советские критики, я отдал предпочтение варианту Ф.Сайфи-Казанлы.

⁹¹ Simon, Gerhard: Nationalism and Policy Toward the Nationalities in the Soviet Union. From Totalitarian Dictatorship to Post-Stalinist Society, Boulder, San Francisco, Oxford 1991, S.204.

⁹² *Фадеев А.* Совет әдәбияты күтәрелештә // СӘ. – 1947. – № 7. – 80–81 б. Резко осуждены были, например, торжества, проведенные по поводу юбилея Низами в Азербайджане, а также история казахской советской литературы / под ред. Е. Исмаилова. См. также: Simon, Gerhard: Nationalism and Policy Toward the Nationalities in the Soviet Union, S. 183, 204 ff.

⁹³ Едигей – это имя героя эпоса, широко распространенного среди татар (История татарской советской литературы / Ред. Л.И.Залесская, В.Г.Воздвиженский. – М., 1965. – С. 352–353. В библиографии татарской литературы, подготовленной Абраром Каримуллиным, две эти пьесы не упоминаются (Татар матур әдәбияты библиографиясе (1917–1960) / Ред. Ә.Г.Каримуллин. – Казан, 1964). Возможно, они не были опубликованы.

⁹⁴ *Фадеев А.* Совет әдәбияты күтәрелештә. – 80–81 б.

⁹⁵ Там же. Для Фадеева, похоже, не представлялось анахронизмом, говоря о прошлом, использовать определения территорий, которые появились только в советское время. О подобной форме «интернационализма», инспирированного русскими, см. в следующем разделе.

⁹⁶ Bennigsen, A.: The Crisi of the Turkic national Epics, 1951–1952: Local Nationalism or Internationalism?, in: Canadian Slavonic Papers 1975 (17), S. 463–474; Lipkin, Semjon: Bucharin, Stalin und der Manas. Skandal um ein kirgisches Epos, in: Neue Rundschau 1994 (3), S. 95–109.

⁹⁷ Критике подверглись следующие эпосы (в хронологическом порядке): «Деде Коркут» (Азербайджан и Кавказ, весна 1951 г.), «Коркут-Ата» (Туркменистан, август 1951 г.), «Алпамыш» (Узбекистан, март-апрель 1952 г.), «Кобланды-Батыр» (Казахстан), «Ер-Сайын» (ногайцы), «Шора Батыр» (Татарстан) (все весной 1952 г.), «Манас» (Киргизстан, лето 1952 г.).

⁹⁸ Батыев С. Югары таләпчәнлек өчен // СӘ. – 1953. – № 2. – 106 б. В 1955 г. Гали Халит даже создал выражение «националистический космополитизм» (Халит Г. Габдулла Тукай (1886–1913) // Тукай Г. Әсәрләр. – Т. 1. /Ред. Х.Хисмәтуллин; Я.Агисhev. – Казан. 1955. – XXVI б.)

⁹⁹ Батыев С. Югары таләпчәнлек өчен. – 107 б.

¹⁰⁰ СӘ. – 1962. – № 5. – 158 б.

¹⁰¹ Тушиев Ю. Г.Тукайның кайбер педагогик карашлары : Тууына 75 ел тулу унае белән // Совет мәктәбе. – 1961. – № 4. – 7 б. См. также: Исхак Ә. Азатлык һәм дуслык жырчысы // Ялкын. – 1961. – № 4. – 12 б.

¹⁰² Хәйри Х. Олы йөрәкле россиян // Социалистик Татарстан. – 25.04.1961. – № 98 (12675).

¹⁰³ Нәфиков Р. Габдулла Тукай биографиясен өйрәнүнең кайбер мәсьәләләре // КУ. – 1966. – № 8. – 123 б.

¹⁰⁴ Исәнбәт Н. Г. Тукайның мәгълүм булмаган бер шигыре һәм Мәхмүт дәүләт Али хакында // КУ. – 1976. – № 4. – 133 б.

¹⁰⁵ В качестве «доказательства» Н.Лаисов приводит стихотворение Г.Тукая «Үз-үзем» (15 ноября 1906 г.), которое еще в 1913 г. отмечалось Галимджаном Ибрагимовым, а в 1923 г. – Галимджаном Нигмати как стихотворение, в котором впервые проявились национальные взгляды и образ мыслей Тукая.

¹⁰⁶ Н. Лаисов не подтверждает это ни одним примером.

¹⁰⁷ Лаисов Н. Габдулла Тукай. – Казан, 1985. – 62 б.

¹⁰⁸ Әхмәтҗанов Ш. Искә төшерү: Габдулла Тукаев Петербуртта // Сибиря. – 26.05.1913. – № 112.

¹⁰⁹ Рәфикый Г. Тукайны тәхәттүр // Аң. – 1914. – № 7. – 143 б. Это стихотворение Г.Тукая впервые было опубликовано в «Әл-ислах» 17 марта 1908 г.

¹¹⁰ Рәхманколы С. Тукай // Ялт-Йолт. – 10.06.1913. – № 55. – 11 б.

¹¹¹ Ибраһимов Г. Татар шагыйрьләре. – Оренбург, 1913. – 97 б.

¹¹² Әмирхан Ф. Тукай вә хатын-кыз // Шәрәкь кызы. – 1918. – № 2. – 39 б.

¹¹³ Жәләй (Вәлиди Ж.) Габдулла Тукаев // Вақыт. – 06.04.1913. – № 1172.

¹¹⁴ Тукаев сүзләре / Ред. Г.Шәрәф. – Казан, 1913. – 3 б.; Мөхәтдиния М. Габдулла Тукаев әдәбияты: Вафаты өч ел тулу мөнәсәбәте илә // Аң. – 20.04.1916. – № 7. – 104 б.

¹¹⁵ Похоже, что Ш.Мухаммедьяров плохо подсчитал: как известно, Г.Тукай родился 26 апреля 1886 г. и умер 2 апреля 1913 г.

¹¹⁶ Мөхәммәдьяров Ш. Тукай кем? – М., 1918. – 7 б.

¹¹⁷ Там же. – 15–16 б.

¹¹⁸ Вәлиди Ж. Тукайның шагыйрьлеге // Мәгариф. – 1923. – № 3/4. – 3–8 б.

¹¹⁹ Сәгъди Г. Татар шагыйрьләре арасында Тукай (Үлүенә ун ел тулу мөнәсәбәте белән) // Безнең юл. – 1923. – № 8/9. – 3 б.; Коган П.С. Татар әдәбияты турында // Безнең юл. – 1927. – № 9. – 21 б.; Кутуй Г. Рус әдәбиятының Г.Тукайга тәэсире // Безнең юл. – 1928. – № 3/4. – 20 б.; Толымбайский Г. Тукай һәм әдәби фольклорыбыз // Безнең юл. – 1928. – № 6/7. – 21 б.; Толымбайский Г. Тукай һәм халык әдәбияты (Тукайның «Халык әдәбияты» һәм «Халык моңнары» әсәре белән). – Казан, 1930. – 7 б.

¹²⁰ Сравнение Тукая с первыми названными поэтами см.: Гаффар Ә. Урыс матбугатында Тукай // Татарстан. – 15.04.1923. – № 77 (742); сравнение с Некрасовым см.: Вәлиди Ж. Тукайның шагыйрьлеге. – 8 б.; Бурнаш Ф. Тукай шигырьләренә караш // Габдулла Тукай шигырьләре. Тукай тормышы һәм ижаты турында кереш сүз белән / Ред. Ф.Бурнаш. – Казан, 1926. – ЛП б.

¹²¹ *Сәйфи-Казанлы Ф.* Г.Тукай әсәрләрендә пародия, сатира, ирония һәм юмор // Г.Тукай әсәрләре. – Т.3. – Казан, 1931. – XVII б.

¹²² *Вәлиди Ж.* Тукайның шагыйрьлеге // Мәгариф. – 1923. – № 3/4. – 3–8 б.

¹²³ *Галиев Г.* Г.Тукай шигырьләре // Кызыл Татарстан. – 29.08.1926. – № 195 (1658).

¹²⁴ И в этом пункте заметно, насколько совпадал анализ «ультралевых» и дореволюционного, «буржуазного» Галимджана Ибрагимова.

¹²⁵ См. введение Генри Хаттенбаха в изданной под его редакцией книге: Soviet Nationality Policies. Ruling Ethnic Groups in the USSR. Ed. Henry R. Huttenbach, London 1990, S. 5.

¹²⁶ *Мөхәммәдъяров Ш.* Тукай кем? – М., 1918. – 16 б.

¹²⁷ *Гази И.* Рус поэзиясе һәм Тукай // СӘ. – 1938. – № 4. – 54 б.

¹²⁸ См.: Габдрахманов Ф. Тукай һәм фольклор мәсьәләсе // СӘ. – 1938. – № 4. – 39 б.; Гарифуллин М. Татар телендә урын һәм хәбәр жөмлөләре // Совет мәктәбе. – 1940. – № 1. – 57 б.; Гайнуллин М. Тукай һәм халык ижаты // СӘ. – 1945. – № 12. – 58; Пехтелев И. Пушкин һәм Тукай // СӘ. – 1949. – № 6. – 109 б.; Агиш С. Г.Тукай – безнең замандашыбыз // Кызыл таң. – 26.04.1956. – № 98 (7719).

¹²⁹ См.: Тукай Г. Сайланма әсәрләр / Ред. М.Жәлил. – Казан, 1938. – III б.; Дәүләтшин Н. Безнең дустаныбыз // Яшь сталинчы. – 12.04.1939. – № 56; Халит Г. Татар халкының бөек шагыйре // СӘ. – 1946. – № 3. – 86 б.; Рождественский В. Халык улы // СӘ. – 1961. – № 4. – 36 б.; Лансов Н. Габдулла Тукай. – Казан, 1985. – 46 б.

¹³⁰ Статья озаглавлена: «Халыкның мактаулы шагыйре».

¹³¹ *Халит Г.* Рус халкының бөек шагыйре // СӘ. – 1949. – № 6. – 108 б.

¹³² Насколько правомерно такое совмещение, я не могу оценить полностью. Мне оно представляется, по меньшей мере, спорным.

¹³³ См. сравнения с Лермонтовым и Некрасовым: Кутуй Г.; Хисмәтуллин Х. Патриот Тукай. Үлүенә 29 ел тулу унае белән // Кызыл Татарстан. – 15.04.1942. – № 89(6503); Сайганов А. Рус поэзиясе һәм татар шагыйре Г.Тукай // СӘ. – 1946. – № 4. – 88–94 б.; Нәжми К. Татар әдәбиятының кояшы // СӘ. – 1946. – № 4. – 37 б.; Пехтелев И. Габдулла Тукай поэзиясендә эстетик карашлар // СӘ. – 1946. – № 4. – 63 б.; Пехтелев И. Пушкин һәм Тукай // СӘ. – 1949. – № 6. – 109 б.; Пехтелев И. Некрасов һәм Тукай // Совет Татарстаны. – 19.12.1951. – № 97 (9042); Халит Г. Бәхәссез һәм бәхәсле хакыйкатчыл // КУ. – 1966. – № 4. – 77 б. Сравнение Тукая с Горьким см.: Габдрахманов Ф. Тукай һәм фольклор мәсьәләсе // СӘ. – 1938. – № 4. – 39–40 б.; Гайнуллин М. Татар классик әдәбиятында патриотизм мотивлары // СӘ. – 1943. – № 9/10. – 94 б.; Гайнуллин М. Тукай һәм халык ижаты // СӘ. – 1945. – № 12. – 59 б.; Гайнуллин М. Габдулла Тукай һәм әдәби тәнкыйть // СӘ. – 1946. – № 4. – 53 б.; Халит Г. Тукай. Лирик герой. Жән диалектикасы // КУ. – 1976. – № 4. – 79 б.

¹³⁴ См., например: Сайганов А. Рус поэзиясе һәм татар шагыйре Г.Тукай. – 88–89 б.

¹³⁵ *Гайнуллин М.* Габдулла Тукай һәм әдәби тәнкыйть. – 57 б.

¹³⁶ *Гайнуллин М.* Чынлык көче. Татар әдәбиятының реализм сызыгында үсүенә бөек рус язучыларының һәм революцион-демократик тәнкыйтьчеләрнең йогынтысы // СӘ. – 1948. – № 7. – 70 б.

¹³⁷ Gleason, Abbot: Young Russia. The Genesis of Russian Radicalism in the 1860s, Chicago/London 1980, S. 105.

¹³⁸ Tschernyschewski, Nikolai G.: Was tun?, Reinbeck, 1988, S. 22.

¹³⁹ Цит. по: Nahirny, Vladimir: The Russian Intelligentsia. From Torment to Silence, New Brunswick/London 1983, S. 90

¹⁴⁰ *Гайнуллин М.* Габдулла Тукай һәм әдәби тәнкыйть. – 57 б.

¹⁴¹ *Бахметьев В.* Оныгылмас очрашу // СӘ. – 1957. – № 8. – 61 б.

¹⁴² См., например: Г.Тукай турында В.И.Ленин, А.М.Горький, А.Фадеев, Луи Арагон // СӘ. – 1961. – № 4. – 9-10 б.; Ялкын. – 1966. – № 4. – 1 б.

¹⁴³ Tillett, Lowell: The Great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities, Chapel Hill 1969, S. 86-87.

¹⁴⁴ Цитата приведена в книге: Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. – М., 1957. – С. 239 (цит. по: Tillett, Lowell: The Great Friendship, S. 382).

¹⁴⁵ *Кәшишаф Г.* Татар совет әдәбиятының утыз еллыгы // СӘ. – 1947. – № 11. – 79 б. Г.Кашшаф не привел для подтверждения своих слов ни одной цитаты из Тукая.

¹⁴⁶ Tillett, Lowell: The Great Friendship, S. 388.

¹⁴⁷ Выражение «good natives», под которым подразумеваются «друзья русского народа и его достижений», я позаимствовал у Эдварда Лаззерини, который этими словами определил казахского «просветителя» Ибрагима Алтынсарина (Lazzerini, Edward: Ismail Bey Gasprinski (Gaspirali). The Discourse of Modernism and the Russians, in: *Tatars of the Crimea. Their Struggle for Survival*, ed. Edward Allworth, Durham/London 1988, S. 157.

¹⁴⁸ См., например: Фадеев А. Совет әдәбияты күтәрелештә // СӘ. – 1947. – № 7. – 80 б.; Гайнуллин М. Пушкин һәм татар әдәбияты // СӘ. – 1949. – № 5. – 103 б.; СӘ. – 1958. – № 11. – 125 б. См. также: Tillett, Lowell: The Great Friendship, S. 388; Zenkovsky, Serge: *Pan-Turkism and Islam in Russia*, Cambridge, Mass. 1960, S. 60–64.

¹⁴⁹ Горький еще только родился, когда многие из названных «национальных просветителей» уже умерли. Тем не менее он мог служить в качестве образца, потому что представляемые ими идеи достигли своей настоящей зрелости только у русского писателя Горького.

¹⁵⁰ О сравнении между Тукаем и Толстым см.: Гайнуллин М. Татар классик әдәбиятында патриотизм мотивлары // СӘ. – 1943. – № 9/10. – 94 б.; Бәширов Г. Даһи Тукай, остаз Тукай // СӘ. – 1961. – № 4. – 34 б.

¹⁵¹ *Фадеев А.* Совет әдәбияты күтәрелештә // СӘ. – 1947. – № 7. – 80 б. Похоже, что советским критикам вовсе не казалось анахронизмом говорить о «национальных просветителях» середины 19 в. в связи с «Россией марксистов-ленинистов».

¹⁵² *Фадеев А.* Совет әдәбияты күтәрелештә // СӘ. – 1947. – № 7. – 81 б. А.Фадеев не упоминает ни полного названия второго стихотворения, ни повода, по которому оно было написано (см. выше: глава III.3.2).

¹⁵³ Tillett, Lowell: The Great Friendship, S. 404f.

¹⁵⁴ Уже в годы Второй мировой войны высказывались мнения о том, что Тукай имел большое значение для развития культуры и литературы других народов. Так, например, в апреле 1943 г. Карим Гаманаклы писал о том большом влиянии, которое Тукай оказал на крымско-татарского национального поэта Шамиля Туктаргази (*Гаманаклы К.* Тукай шигърият йолдызы ул // СӘ. – 1943. – № 4. – 25–29 б.).

¹⁵⁵ *Агши С.* Г.Тукай – безнең замандашыбыз // Кызыл таң. – 26.04.1956. – № 98 (7719); Ганиева Р. Уртақ кояшыбыз // КУ. – 1966. – № 4; Бикбай Б. Беренче укыган шагыйрем // КУ. – 1959. – № 4. – 147–148 б.

¹⁵⁶ *Гомәр А.* «Абай» романы татар телендә // СӘ. – 1957. – № 12. – 93–96 б.; СӘ. – 1957. – № 11. – 125 б.; Сыздыков Ч. Габдулла Тукайга // СӘ. – 1959. – № 4. – 25 б.; Сыздыков Ч. Минем остазым // СӘ. – 1961. № 4. – 46–48 б.

¹⁵⁷ *Джунусов К.* Тукай яши // СӘ. – 1961. – № 4. – 44–45 б.

¹⁵⁸ *Кәшишаф Г.* Безнең кояш // СӘ. – 1961. – № 4. – 58–50 б.; Сәгъдевакказов Г. Уйгур әдәбиятына Г.Тукайның тәэсире // КУ. – 1966. – № 4. – 93–94 б.

¹⁵⁹ *Гулам Г.* Г.Тукай безнең дә шагыйребез // СӘ. – 1961. – № 4. – 37–40 б.

¹⁶⁰ *Турдыев Ш.* Рухи туганлык // КУ. – 1976. – № 4. – 136–139 б.

¹⁶¹ *Кербабаев Б.* Чын күңелемнән рәхмәт // СӘ. – 1961. – № 4. – 55–56 б.

¹⁶² *Рөстәм С.* Йөрәк сүзе // СӘ. – 1961. – № 4. – 45–46 б.; Шәриф А. Тукай һәм әзербайжан әдәбияты // КУ. – 1968. – № 4. – 110–114 б.

¹⁶³ *Акбиев С.* Мәдәни бергәлек: Татар һәм кумык мәдәниятләренең үзара бәйләнеше карата // КУ. – 1972. – № 6. – 140–147 б.; Акбиев С. Габдулла Тукай һәм кумык әдәбияты // КУ. – 1976. – № 4. – 140–144 б.

- ¹⁶⁴ *Икрами Ж.* Зур мэхэббэт чэчэкләре // СӘ. – 1961. – № 4. – 55–56 б.
- ¹⁶⁵ *Башкуров Р.* Воздвиженский В. Һәрвакыт халык йөрәгендә. Габдулла Тукайның тормыш һәм ижат юлы. – Казан, 1966. – 29 б.
- ¹⁶⁶ Социалистик Татарстан. – 17.04.1966. – № 93 (13729).
- ¹⁶⁷ Там же.
- ¹⁶⁸ *Казиков М.* Безнең Тукай // СӘ. – 1961. – № 4. – 54 б. См. также мнение удмуртского писателя Аркадия Клабукова: Клабуков А. Халыклар дуслыгы жырчысы // СӘ. – 1961. – № 4. – 55 б.
- ¹⁶⁹ *Хәким С.* Габдулла Тукай – Шагыйрьгә 90 яшь тулу уңае белән. – Казан, 1975. – 6 б.
- ¹⁷⁰ В 1961 г. Хасан Туфан сравнил Тукая с Хафизом, Рудаки, Хайямом, Руставели, Навои, Данте, Гете, Гейне, Байроном и Пушкиным (Туфан Х. Киләчәктә яшәүче // СӘ. – 1961. – № 4. – 48 б.).
- ¹⁷¹ КУ. – 1986. – № 6. – 188 б.
- ¹⁷² «Халык шагыйре» – мне представляется более правильным перевод «национальный поэт» вместо дословного «народный поэт». В советском Татарстане не было такого определения, как «милли шагыйрь», поскольку оно критиковалось как носящее явственно «националистический» оттенок (о понятиях «милләт» и «халык» см. выше: глава III.3.2).
- ¹⁷³ КУ. – 1986. – № 6. – 188 б.
- ¹⁷⁴ *Шунда ук.*
- ¹⁷⁵ «Нигә мин кечкенә Апуш түгел, зур-зур Тукай булдым» – из стихотворения Г. Тукая «Гомер юлына керүчеләргә» (Йолдыз. – 16.05.1910. – № 540).

Аннотация

Данная публикация – перевод одной из глав книги немецкого ученого-тюрколога Михаэля Фридериха «Габдулла Тукай – высокопочтимый поэт на службе татарской нации и советского социализма», изданной в Висбадене в 1998 г. Автор поставил себе целью выяснить, как интерпретировались сам поэт и его творчество в разное время, как он «использовался» в разной политической и идеологической ситуации, как его творчество и личность фактически были поставлены на службу самым различным политическим воззрениям. При этом реально получалось так, что сам поэт как бы оставался на втором плане. Проанализировав многочисленные публикации ученых и журналистов, М.Фридерих сделал достаточно оригинальные наблюдения и выводы.

Ключевые слова: Тукай и мировая литература, Тукай и русская литература, мировоззрение Тукая, идеологическая интерпретация Тукая.

Summary

This publication represents the translation of the chapter from the book “Gabdoullah Tukay – highly honoured poet in service of the Tatar nation and Soviet socialism” by the German turkologist Michael Friederich which was published in Wiesbaden in 1998. The aim of the author was to find out how the poet and his creative activity were interpreted in different periods and used in political and ideological situations and finally how his creative activity and personality were put in service of various political views. However, it turned out that the poet was left in the background. Having analyzed numerous publications of scientists and journalists, Friderikh made original observations and conclusions.

Key words: Tukay and world literature, Tukay and Russian literature, Tukay’s worldview, ideological interpretation of Tukay.

УДК 82.0 (091)

ДИАЛОГ МЕЖДУ ТАТАРСКОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУРАМИ КАК ОСНОВА ТВОРЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ РУСТЕМА КУТУЯ

М.В. Небольсина, кандидат филологических наук

В истории национальных литератур России значительный интерес представляет творчество русскоязычных писателей. В современных исследованиях, посвященных русскоязычной литературе, определяются ее место и роль в истории национальных литератур, идет поиск новых, отличных от сформировавшихся в советский период, методологических подходов к ее изучению. В большинстве работ используется основывающийся на идеях М. Бахтина диалогический подход, в соответствии с которым феномены русскоязычной литературы рассматриваются как явления, возникающие на границе литератур (культур), в диалоге между ними.

На протяжении многих лет литературоведы разных стран задавались вопросом, что заставляет образы и темы разных культур взаимодействовать друг с другом, но не обедняя, а взаимообогащая друг друга.

Создание литературы, которая формирует образы иного национального мира, началось еще в XIX в., но особое развитие она получила в годы Советской власти. Позже возник и термин: «русскоязычная литература».

Писатели разных национальностей заговорили о себе, истории и традициях своего народа на русском языке. Сложнее всего было тем национальностям, которые не имели своей письменности, и им приходилось средствами чужого языка – русского в данном случае – передавать мироощущение героя, фольклорный уровень его мышления, предметно-чувственный мир

другой культуры (например, народы Севера).

Как отмечает А.В.Подобрий¹, при анализе диалоговых национально-культурных отношений в литературе 20-х гг. XX в. можно отметить практически полную доминанту одной культуры (русской) над другой, когда различные элементы (предметы быта, оружие, наряды и пр.) играли незначительную роль, создавали национальный колорит, становились лишь внешней приметой национальности персонажа. Автор сознательно вводил в произведении в один национальный мир героя другой национальности и средствами русского языка рисовал мир другой культуры. Это говорит о том, что писатели уже в то время использовали все возможности различных культур, чтобы установить диалог между ними и сделать национальные миры достоянием русского читателя на основе взаимодостоинства всех наций и равного взаимоуважения между народами.

В середине XX в. в Советском Союзе усиленно проводилась государственная политика, направленная на поддержание национальных писательских кадров, пишущих на русском языке. Благодаря этому в нашей стране признанными поэтами и писателями были авторы, создававшие образ своей национальной культуры на русском языке, что способствовало ее адекватному восприятию носителями русской культуры, а произведения их издавались большими тиражами. Примеров здесь можно привести множество:

киргиз Чингиз Айтматов, казах Олжас Сулейменов, белорусы Василь Быков и Алесь Адамович, молдаванин Ион Друцэ, башкир Анатолий Генатуллин, осетин Гайто Газданов, чуваш Геннадий Айги, узбек Тимур Пулатов, украинец Виталий Коротич, таджик Тимур Зульфикаров, чукча Юрий Рэтхэу, нивх Владимир Санги и многие, многие другие.

Современная русскоязычная литература Республики Татарстан имеет собственные литературные традиции и корни и занимает сегодня особое место в художественной литературе республики, ежегодно пополняясь новыми яркими литературными именами, порождая талантливые произведения поэзии и прозы, драматургии и публицистики.

Самобытные произведения литературы и искусства, созданные русскоязычными татарами, такими как М. Львов (Рафкат Маликов), А. Мифтахетдинов, Р. Мустафин, Д. Валеев, Р. Мирхайдаров, Р. Солнцев (Ринат Сутиев), Р. Нуриев, И. Мухамедов, Р. Сабиров, А. Мушинский и другие, принадлежат российской и мировой культуре. И пусть они не владеют татарским языком, но зато активно интересуются прошлым, настоящим и будущим татарского народа и отражают его историю в своих произведениях.

Так, Альберт Лиханов, указывая на диалог русской и татарской литератур в творчестве Рустема Кутуя, в предисловии к его книге «И слезы первые любви...» отмечал, что Р. Кутуй соединил в себе кровь отца с литературным языком И. Бунина и Ю. Казакова и образно сравнил его творчество с прививкой черенка из поросли иной литературы к могучему дереву русской литературы, который не только прижился, но и дал необычайные плоды, «имеющие особый вкус и аромат и способные обогатить новыми качествами само это могучее дерево»².

В ноябре 2011 г. Институтом языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Та-

тарстан была проведена научная конференция, посвященная феномену русскоязычной литературы и приуроченная к 75-летию со дня рождения Р. Кутуя, «Актуальные проблемы и перспективы развития русскоязычной литературы в контексте национальных литератур». В изданных по ее итогам материалах определены круг проблем изучения творчества Р. Кутуя и возможные теоретико-методологические подходы к исследованию русскоязычной литературы³.

Еще в 1960-е гг. поэт начал искать свое «Я» в далеком прошлом своего народа. Он проявлял глубокий, кровный интерес к его истории, написал цикл исторических баллад, которые были посчитаны крамольными и появились в печати лишь через двадцать с лишним лет. Так, в «Балладе о казанской сироте», опубликованной только в 1988 г. в сборнике «Зажги свечу», поэт остро переживает историческую трагедию татарского народа:

*Всех,
Кто выше тележной чеки,
К аллаху!..
И ложилось тепло щеки
На плаху.
Борода к бороде,
Ухо к уху.
Глухо.
О хрящи хруст топора...⁴*

Интерес Кутуя к истории – не легковесное любопытство – его интерес глубоко личный, кровный. Ведь лишь лирика, в отличие от эпоса, способна выразить глубокие душевные переживания: в стихах автор как бы погружается в бездонную пучину прошлого, становится невольным участником событий минувших лет.

В русскоязычных произведениях Р. Кутуя часто встречаются татарские языковые единицы, актуализирующие межлитературный диалог. В большинстве случаев они выступают как предмет ценностного отношения: для лирического героя татарская речь выступа-

ет как припоминание о генетической связи с татарской культурой.

Связь Р. Кутуя с традициями национальной культуры обнаруживается также и на уровне отдельных образов. К таковым, в частности, относится образ коня – неотъемлемый в национальной картине мира татар.

Р. Кутуй относится к числу авторов, создавших неповторимый образ Казани. Лирический герой стихов, посвященных Казани, выступает как человек пограничья: ему равно близки и дороги ценности русской и татарской культур: «Казань входила в меня исподволь, полегоньку-потихоньку, как настойчивая нежность матерей запечатляется в характере сына – впечатывалась в сетчатку глаз ажурной решеткой, знаком летучего змея на камне, отдавалась в ступнях булыжной мостовой, заговаривала притаенностью девичьего монастыря, теплым ожерельем минарета Азимовской мечети... И, наконец, как задержанный вздох, белый силуэт Кремля...»⁵.

В творческой индивидуальности Р. Кутуя диалогически соединяются начала, восходящие к традициям русской и татарской культур. Будучи русскоязычным писателем, Р. Кутуй выступает в литературе как носитель такого ценностного отношения к культуре, в котором ценности одной культуры (татарской) осмысливаются в контексте другой (русской).

Свою неразрывную связь с татарской культурой Р. Кутуй подчеркивал и через обращение к творчеству татарских поэтов. В их числе Тукай, Дәр-

менд, Джалиль, которым поэт посвятил несколько своих стихотворений. Так, в 1960-е гг. Кутуй пишет стихотворение «Последняя ночь», посвященное Мусе Джалилю, вдохновившее впоследствии композитора Анатолия Луппова на создание музыкальной поэмы.

Дружеские отношения связывали Рустема Кутуя с Хасаном Туфаном, который хорошо знал его отца – Аделя Кутуя.

Переводы на русский язык произведений татарских поэтов и прозаиков: Сибгата Хакима, Салиха Баттала, Нури Арсланова, Равиля Файзуллина, Мударриса Аглымова, Аделя Кутуя, Амирхана Еники, Вакифа Нуруллина, Магсума Насыбуллина и других современных ему авторов были формой диалога с татарской литературой.

Через переводческую деятельность поэт приобщался к традициям татарской литературы. Не владея в совершенстве татарским литературным языком, но обладая поэтическим слухом и интуицией, поэт улавливал ритмические особенности переводимых стихотворений, а хорошее знание русского стиха позволяло ему находить формы, релевантные поэтике оригинала. Этим во многом объясняется высокий авторитет Р. Кутуя-переводчика у татарских поэтов.

В том, что произведения татарских литераторов, переведенные им ярко, мастерски, и вместе с тем бережно и точно, стали не только доступны русскому читателю, но и являются всеобщим достоянием, велика заслуга Рустема Кутуя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Подобрий А.В.* Диалог национальных культур в русской прозе 20-х годов XX века /А.В. Подобрий//Автореферат диссертации на соиск. уч. степ. док. фил. наук. – Екатеринбург, 2008. – С. 10.

² *Кутуй Р.* И слезы первые любви.../Р. Кутуй // Москва: Молодая гвардия. – 1985. – С.5.

³ Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы и перспективы развития русскоязычной литературы в контексте национальных литератур», посвященной 75-летию со дня рождения Р.А. Кутуя. – Казань, 2011.

⁴ *Кутуй Р.* Песня вечерняя / Р. Кутуй. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. – С.27.

⁵ *Кутуй.* Моя Казань, мой Татарстан / Р. Кутуй// Татарстан. – 1991. – № 1. – С.7–10.

Аннотация

Русскоязычная литература Татарстана (на примере творчества Рустема Кутуя).

Ключевые слова: Рустем Кутуй, русскоязычная литература, национальный, диалог культур.

Summary

Russian literature of Tatarstan (on the example of the creativity of Rustem Kutuy).

Keywords: Rustem Kutuy, Russian literature, national, cultural dialogue.

УДК 574:626.814

УРОВЕННЫЙ РЕЖИМ КУЙБЫШЕВСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА: ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

*В.З. Латыпова, доктор химических наук, профессор,
член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан*

Куйбышевское водохранилище, созданное перекрытием р. Волги 55 лет назад (31 октября 1955 г.), является водоемом сезонного регулирования и многоцелевого назначения; используется в интересах целого ряда отраслей народного хозяйства: промышленность и энергетика, питьевое и хозяйственно-бытовое водоснабжение, здравоохранение, сельское, рыбное, лесное и охотничье хозяйство, добыча полезных ископаемых, транспорт, лесосплав, рекреация, строительство, пожарная безопасность и т.д.

Акватория Куйбышевского водохранилища расположена в пределах территорий пяти субъектов федерации (Чувашской Республики, Республики Марий Эл, Республики Татарстан, Самарской и Ульяновской обл.), причем 50,7% (или 3,12 тыс. км²) площади водного зеркала приходится на территорию Республики Татарстан.

В настоящее время в бассейне и непосредственно на акватории Куйбышевского водохранилища ведется интенсивная хозяйственная деятельность, это неизбежно влечет деградацию водных и биологических ресурсов, ландшафтов, снижение стабильности водных экосистем и может повлечь за собой необратимые и трудно предсказуемые экологические, экономические и социальные последствия.

Проблемы Куйбышевского водохранилища всегда были в центре внимания ученых и специалистов Республики Татарстан¹⁻⁴. В настоящее время

научная общественность озабочена понижением уровня воды в реке Волге и предпринимает попытки оценить современные и отдаленные последствия этого.

Данная статья обобщает итоги широкого обсуждения разных аспектов проблемы, связанной с последствиями понижения уровня воды в р. Волге, ведущими учеными, специалистами и представителями бизнес-сообщества Татарстана на круглых столах, организованных факультетом географии и экологии КФУ (1.11.2010) и Торгово-промышленной палатой Республики Татарстан (12.11.2010) совместно с Академией наук Республики Татарстан, Общественной палатой Республики Татарстан и Казанским федеральным университетом.

Основные экологические требования к режиму использования воды водохранилища сводятся к обеспечению расходов воды, гарантирующих качество водных, биологических ресурсов, бесперебойную работу питьевых водозаборов, благоприятные условия для культурно-бытового водопользования населения, сохранность биоценозов и их способности к поддержанию процессов естественного саморегулирования.

По результатам комплексных исследований ученых и специалистов факультета географии и экологии КФУ, показано, что на современной стадии развития водохранилище находится в состоянии экологического регресса и

повышенного уровня экологического риска^{5,6}. Снижение уровня воды не может не сказаться на качестве водных ресурсов^{1, 4-6}. Это проявляется, прежде всего, в понижении полезного объема водохранилища и разбавляющей способности воды. Так, при проектном нормальном подпорном уровне (НПУ) 53 м он составляет 57,3 км³, а при понижении уровня до отметки 49,22 м – сокращается на 41% (на 23,5 км³). Это понижение полезного объема воды в водохранилище снижает разбавляющую способность воды, что ведет к повышению концентрации загрязняющих веществ, поступающих со сточными водами. В этих условиях ухудшается санитарно-экологическое состояние водоема, концентрация загрязняющих веществ повышается до двух раз, угнетаются биоценозы и снижается способность к саморегуляции и самоочищению.

Снижение уровня воды КВ изменяет положение базиса дренирования рек, впадающих в КВ, – это 79 рек длиной более 10 км и 260 – длиной менее 10 км¹. В свою очередь, это приводит к активизации процессов эрозии на водосборе (рост оврагов, смыв плодородного слоя почвы). Поверхностный сток биогенных элементов способствует развитию фитопланктона, цветению воды сине-зелеными водорослями, особенно в условиях жаркого лета, в маловодные годы. В этих условиях ухудшается санитарно-экологическое состояние водоема, концентрация загрязняющих веществ повышается до двух раз, снижается способность к саморегуляции и самоочищению.

Понижение полезного объема водохранилища и рост загрязнения воды усугубляются также климатическими факторами и особенностями атмосферной циркуляции в регионе, определяющими тенденцию снижения снегозапасов и уровня весеннего половодья⁷.

Рост уровня загрязнения воды приводит к накоплению их организмами по трофической цепи и оказывает негативное воздействие на здоровье че-

ловека; могут возникнуть условия для вторичного загрязнения воды за счет перехода загрязняющих веществ, ежегодно откладывающихся в донных отложениях, в водную толщу.

В бассейне Куйбышевского водохранилища расположены особо охраняемые природные территории (ООПТ) федерального значения, всемирно известный Волжско-Камский государственный природный биосферный резерват, серьезные проблемы возникают с сокращением популяций редких видов животных и растений, в т.ч. занесенных в Красные книги Республики Татарстан и Российской Федерации. Режим использования водных ресурсов водохранилища способствует проникновению и распространению чужеродных видов в Куйбышевское водохранилище. Эта серьезная проблема изучается учеными экологами и биологами КФУ и рассматривается с точки зрения сохранения биоразнообразия, санитарно-эпидемиологической опасности и угрозы устойчивого эколого-экономического и социального развития региона^{8, 9}.

На водосборе расположены крупные населенные пункты с высокой плотностью населения. Акваторию водохранилища пересекают множество инженерных коммуникаций, в т.ч. газопроводы, нефтепроводы, продуктопроводы, требующие к себе особого внимания с точки зрения возможных аварий. Рост амплитуды колебания уровня воды, который зависит от ведомственного регулирования пропусков воды во время паводка, влияет на скорость переработки берегов водохранилища, создавая угрозу населенным пунктам, а также безопасности множества инженерных коммуникаций в акватории водохранилища^{1,3}. Обмеление больших площадей приводит к выветриванию обнажаемых загрязненных донных наносов, что создает прямую угрозу здоровью населения¹.

Негативное влияние понижения уровня воды в водохранилище уже се-

годня сказывается на результатах хозяйственной деятельности и экономической эффективности таких отраслей народного хозяйства, как водоподготовка, судоходство, сельское и рыбное хозяйство, строительство и др.^{1,3}.

Рост уровня загрязнения воды водохранилища увеличивает нагрузку на водозаборные сооружения. Так, забор воды может осуществляться и при уровне воды 46 м, поскольку сооружения готовы к работе в разных режимах. Однако в этих условиях на водоподготовку будет поступать вода с более высокой концентрацией загрязняющих веществ, что повлечет за собой не только удорожание водоподготовки, но и снижение качества питьевой воды, подаваемой населению.

Режим использования водных ресурсов водохранилища оказывает значительное влияние на биологические ресурсы, в частности, на рыбопродуктивность и кормовую базу рыб¹⁰. В результате резкого сброса уровня воды обсыхают нерестилища, гибнет отложенная в них икра. По данным ученых и специалистов Тат.отделения ГосНИОРХ, масштабы воспроизводства основных видов рыб оказались в последние 5 лет неудовлетворительными, в частности 50% леща в популяции была неотнерестившейся, а более 40% плотвы – с резорбирующей икрой. Через 3-4 года прогнозируется снижение уловов промысловых рыб, а совокупный ущерб биологическим ресурсам Куйбышевского водохранилища составит не менее 300 млн руб.

Понижение навигационных уровней воды ухудшает условия судоходства и наносит ущерб в период зимнего отстоя судов. Вследствие ухудшения условий судоходства прогнозируются перебои в поставках и удорожание строительных материалов. В краткосрочной перспективе это может привести также к проблемам добычи и доставки песка, песчано-гравийных пород и нарушению сроков строительства объектов всемирной летней Универсиады-2013 в г. Казани¹. Пониже-

ние уровня воды и рост степени загрязнения воды водохранилища противоречат также интересам рекреационного использования водохранилища, нормальным условиям проведения спортивных мероприятий, туризму.

В принципе, определить оптимальный уровень, который бы удовлетворял всех водопользователей, довольно сложно, поскольку требования документов различных ведомств, регламентирующих размеры санитарных допусков, не всегда совпадают. В связи с этим следует вести речь об оптимальном и компромиссном использовании вод водохранилища³. Наиболее целесообразно находить компромиссы энергетикам и транспортникам в период предполоводной сработки, энергетикам и рыбному хозяйству в период половодья, рыбному хозяйству и сельскому хозяйству по использованию мелководий. Как показал анализ проблемы учеными-экологами республики с учетом требований всех компонентов водохозяйственной системы к уровенному режиму, наиболее оптимальным представляется поддержание уровня воды в Куйбышевском водохранилище на отметке не ниже 50 м¹¹.

Таким образом, накопившиеся проблемы Куйбышевского водохранилища представляют собой концентрированное выражение противоречий между целью их создания и стратегическими негативными последствиями в природе и обществе.

Отсутствует должное привлечение научно-технических разработок ученых и специалистов: при проектировании и эксплуатации водохранилища не были учтены многие отрицательные экологические и экономические последствия, что в дальнейшем породило множество проблем.

Все это вызывает обоснованную озабоченность научной экологической общественности и представителей бизнес-сообщества Республики Татарстан состоянием водохозяйственной и экологической обстановки в водохранилище и несоблюдением требований

компонентов водохозяйственной системы к уровенному режиму Куйбышевского водохранилища. По мнению научного экологического сообщества республики, отмеченные возможные стратегические негативные последствия понижения уровня воды в водохранилище для природы и общества следует избежать во что бы то ни стало.

В принципе современная концепция хозяйственного использования водохранилищ¹² допускает осуществление всех видов хозяйственной деятельности, в т.ч. и регулирование уровня воды, но лишь в тех пределах, которые позволяют водной экосистеме сохранять способность к восстановлению и саморегулированию, в пределах, не нарушающих нормального функционирования водных экосистем, аквараирования, планировки и обустройства водохранилищ как аквагеосистем, внедрение научно обоснованного и организационно целенаправленного использования отдельных участков акватории и береговых зон в соответствии с природными особенностями, харак-

тером и перспективами хозяйственного освоения, направленностью и интенсивностью антропогенных воздействий.

Этот принцип положен в основу Федерального закона «Об охране окружающей среды», нового Водного кодекса и Экологической Доктрины Российской Федерации. Именно этот принцип положен и в основу Концепции экологической безопасности РТ на период до 2015 г., разработанной нами совместно с Министерством экологии и природных ресурсов Республики Татарстан и принятой Кабинетом Министров Республики Татарстан в 2007 г.

Таким образом, обеспечение ответственного водопользования на крупнейшем из водохранилищ Волжско-Камского каскада является наиболее приоритетной задачей в области рационального использования водных ресурсов России и важнейшим условием устойчивого эколого-экономического развития крупного региона Среднего Поволжья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Куйбышевское водохранилище: экологические аспекты водохозяйственной деятельности /Под науч. ред. В.З. Латыповой, О.П. Ермолаева, Н.П. Торсуева и др. – Казань: Фолиантъ, 2007. – 320 с.

² Составление эколого-водохозяйственной карты Куйбышевского водохранилища / Отчет КГУ, рук. В.З. Латыпова. – Казань, 2002. В 3-х кн.: Кн.1 (Текстовая часть). – 512 с. Кн. 2 (Картографические приложения) – 60 с. Кн.3 (Табличные приложения).

³ Черезов А.Н., Трофимов А.М. Уровневый режим Куйбышевского водохранилища как фактор модификации окружающей природной среды //Актуальные экологические проблемы Республики Татарстан. – Казань, 2003. – С. 273.

⁴ Шагидуллин Р.Р. Основные этапы и факторы формирования качества воды Куйбышевского водохранилища в условиях интенсивной водохозяйственной деятельности /Р.Р. Шагидуллин, В.З. Латыпова, О.Г. Яковлева и др. //Современные фундаментальные проблемы гидрохимии и мониторинга качества поверхностных вод России // Материалы науч.-практ. конф. (с международным участием) г. Азов, 8–10 июня 2009 г. (Часть 1). – С. 258–262.

⁵ Степанова Н.Ю. Факторы и критерии оценки экологического риска для устойчивого функционирования Куйбышевского водохранилища: дис. ... д-ра биол. наук: 03.00.16, Ульяновск, 2008. – 436 с.

⁶ Степанова Н.Ю. Механизмы детоксикации тяжелых металлов в компонентах водной экосистемы Куйбышевского водохранилища / Н.Ю. Степанова, В.З. Латыпова // Ученые записки КГУ. – 2005. – № 3. – С.18–26.

⁷ Переведенцев Ю.П. Теория климата.– Казань: Изд-во КГУ, 2009. – 503 с.

⁸ Шакирова Ф.М. Влияние уровня режима водохранилищ на формирование запасов рыб /Ф.М. Шакирова, Р.Г. Таиров, В.А. Шашуловский и др. // Тр. Тат.отделения ФГНУ «ГосНИОРХ», 2010. – № 13.

⁹ Yakovleva A., Yakovlev V. Modern fauna and quantitative parameters of the invasive invertebrates in zoobenthos of the upper reaches of Kuibyshev Reservoir, Russia // Russian Journal of Biological Invasions. – 2010. – Vol. 1, №3. – P. 232–241.

¹⁰ Шакирова Ф.М. Виды-вселенцы как угроза биоразнообразию Куйбышевского водохранилища / Ф.М. Шакирова, Р.Г. Таиров, В.З. Латыпова // Ученые записки КГУ. – 2005. – №1. – С. 14–20.

¹¹ Хроника жизни Академии наук Республики Татарстан//Научный Татарстан, 2010, № 4. – С.222.

¹² Водохранилища и их воздействие на окружающую среду. – М.: Наука, 1986. – 367 с.

Аннотация

В статье обобщены итоги широкого обсуждения разных аспектов проблемы, связанной с последствиями понижения уровня воды в р. Волге, ведущими учеными, специалистами и представителями бизнес-сообщества Татарстана. Снижение уровня воды в Куйбышевском водохранилище противоречит основным экологическим требованиям к режиму водопользования. Негативное влияние понижения уровня воды в водохранилище сказывается также на результатах хозяйственной деятельности и экономической эффективности таких отраслей народного хозяйства, как водоподготовка, судоходство, сельское и рыбное хозяйство, строительство и др. Рассматриваются пути решения проблемы.

Ключевые слова: Куйбышевское водохранилище, уровень режим, экология, хозяйственная деятельность.

Summary

The paper presents generalization of the results of the extensive discussion of consequences of water level falling in the Volga river which was led by leading scientists, experts and representatives of business community of Tatarstan. Decreasing of water level in the Kuibyshev water basin contradicts the basic ecological requirements to water management. Negative influence of water level falling in the water basin has impact on the results of economic activities and efficiency of such branches of a national economy as water preparation, navigation, agriculture, fishing, building, etc. The ways of this problem solving are considered.

Keywords: Kuibyshev water basin, level regime, ecology, economic activity.

УДК 712.3/7

ПРОБЛЕМЫ ЗОНИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИЙ ГОРОДОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Э.Ф. Нигматуллина, кандидат юридических наук, доцент

Наращивание промышленного производства, рост автопарков, активная жилая застройка городской территории, научно-технический прогресс и усиление антропогенного влияния неизбежно приводят к загрязнению природной среды городов. Существует два естественных фактора, способных значительно снизить загрязняющую нагрузку на городскую атмосферу – это ветер и зеленые насаждения. Между тем современная градостроительная политика местных властей не только не увеличивает внутригородские озелененные территории, а напротив, сокращает территории существующих зеленых зон.

К примеру, обеспеченность граждан г. Казани в зеленых насаждениях составляла в 2005 г. 16,6 м², или 66,4% от нормы (социальная норма для городов с населением более 1 млн человек – 25 м²). Дефицит озеленения, и как следствие этого загрязнение воздуха, приводит к увеличению роста за-

болеваний, связанных с дыхательными путями¹.

По данным статистики, соотношение площади зеленых насаждений к площади крупных городов Поволжья, Урала и Сибири является следующим² (см. табл.).

Как видно, города Пермь и Сургут по количеству зеленых насаждений занимают лидирующее положение, благодаря активно проводимым городским экологическим программам.

Сохранение в городах природных территорий – лесных массивов, лугов, болот и водоемов, увеличение экологически эффективных площадей, сохранение и восстановление биологического разнообразия во многих странах мира признается одной из важных задач городского развития. Особенно большие достижения в области сохранения и восстановления в городах «дикой природы», или «природного наследия», имеются в странах Западной и Центральной Европы (Гер-

Город	Площадь города (кв. км)	Площадь зеленых насаждений (кв. км)	% зеленых насаждений по отношению к площади города
Нижний Новгород	410	70	17,07
Казань	425	98	23,06
Уфа	754	226	29,97
Пермь	800	405	50,63
Екатеринбург	490	125	25,51
Челябинск	530	122	23,02
Тюмень	235	33	14,04
Курган	390	63	16,15
Сургут	210	98	46,67
Иркутск	776	62	7,99

мания, Австрия, Великобритания, Чехия и др.). К примеру, в Варшаве наиболее популярны лесные резерваты. Очень развита и разнообразна сеть особо охраняемых природных территорий и объектов в городах Германии. Ландшафтные парки, или ландшафтные охраняемые территории в Берлине создавались с целью сохранения или восстановления функционирования природных экосистем, ценность которых заключена в их биоразнообразии.

В начале XXI в. начались глубокие исследования и разработки по экологизации поселений путем создания и осуществления двух проектов: строительство нового города или экологичная реконструкция существующего города.

Впервые в мировой практике в Китае, недалеко от г. Чунцина, спроектирован реальный экологичный город на 500 тыс. жителей. Этот город с максимальным сохранением ландшафта, созданием зеленого пояса, экологизацией зданий. Город расположен между двумя крупными лесными массивами, пронизан зелеными коридорами. Строительство экологичного города рассчитано на 20 лет.

Согласно Градостроительному кодексу Российской Федерации развитие и застройка городской территории осуществляются в соответствии с документами территориального планирования и градостроительного зонирования. Под градостроительным зонированием понимается зонирование территорий муниципальных образований в целях определения территориальных зон и установления градостроительных регламентов, а территориальное планирование – планирование развития территорий, в том числе для установления функциональных зон, зон планируемого размещения объектов капитального строительства для государственных или муниципальных нужд, зон с особыми условиями использования территории (ст.1 Градостроительного кодекса Российской Федерации).

В результате градостроительного зонирования выделяют жилые, общественно-деловые, производственные зоны, зоны инженерной и транспортной инфраструктур, зоны сельскохозяйственного использования, зоны рекреационного назначения, зоны особо охраняемых территорий, зоны специального назначения, зоны размещения военных объектов и иные виды территориальных зон. Для земельных участков, расположенных в границах одной территориальной зоны, устанавливается единый градостроительный регламент, который определяет основу правового режима земельных участков.

В соответствии с частью 11 ст.35 Градостроительного кодекса Российской Федерации к рекреационным зонам относятся зоны в границах территорий, занятых городскими лесами, скверами, парками, городскими садами, прудами, озерами, водохранилищами, пляжами, а также иные территории, предназначенные для отдыха, туризма, занятий физической культурой и спортом, которые в силу п.12 ст.85 Земельного кодекса Российской Федерации относятся к земельным участкам общего пользования.

Однако следует отметить, что градостроительные регламенты не распространяются на земельные участки: в границах территорий памятников и ансамблей, включенных в единый Государственный реестр объектов культурного наследия народов РФ, в границах территорий общего пользования, занятые линейными объектами, предоставленные для добычи полезных ископаемых (часть 4 ст. 36 Градостроительного кодекса Российской Федерации).

Следовательно, на озелененные территории общего пользования – территории, используемые для рекреации всего населения города и озелененные территории специального назначения: санитарно-защитные, водоохраные, защитно-мелиоративные зоны, кладбища, насаждения вдоль автомобиль-

ных и железных дорог, питомники, цветочно-оранжерейные хозяйства, не распространяются градостроительные регламенты и застраивать их не представляется возможным.

Согласно п.3 ст.209 Гражданского кодекса Российской Федерации владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами допускаются в той мере, в какой их оборот определен законом, и осуществляется их собственником свободно, если это не наносит вреда окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов других лиц.

Конституционный суд Российской Федерации в постановлении от 9 января 1998 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности Лесного кодекса Российской Федерации»³ подтвердил возможность нахождения публичных объектов зеленого фонда городских и сельских поселений в муниципальной собственности.

Однако территории, занятые городскими лесами, скверами, парками, городскими садами, прудами, озерами, водохранилищами, пляжами, а также иные территории, предназначенные для отдыха, туризма, занятий физической культурой и спортом, в большинстве своем относятся к числу неразграниченных земель.

В соответствии со ст.3 п.10 Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» распоряжение земельными участками, государственная собственность на которые не разграничена, осуществляется органами местного самоуправления муниципальных районов, городских округов, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности.

Территориальное планирование, определение границ функциональных зон в границах населенных пунктов, установление или изменение видов разрешенного использования земельных участков в соответствии с уста-

новленным зонированием в границах населенного пункта относятся к вопросам, подлежащим рассмотрению и решению соответствующими органами местного самоуправления.

Органом местного самоуправления на основании генеральных планов разрабатываются и утверждаются Правила землепользования и застройки, которые содержат в том числе градостроительные регламенты, карты градостроительного зонирования с отражением границ территориальных зон (ст. ст. 30, 32 Градостроительного кодекса Российской Федерации). Правила землепользования и застройки включают в себя и положения об изменении видов разрешенного использования земельных участков и объектов капитального строительства.

На основе изложенного органы местного самоуправления вправе осуществлять «перезонирование» городской территории путем внесения изменений в Правила землепользования и застройки.

Так, в городе Томске границы территориальных зон Р-1 (зона городских парков, скверов, бульваров, садов) и Р-2 (зона лесопарков и городских лесов, лугопарков и зон отдыха) изменены на Ж-3 (зона застройки индивидуальными жилыми домами)⁴. В Воронеже территориальная зона Р-1 (зеленые насаждения общего пользования), изменена на индекс территориальной зоны Ж-15 (зона нового жилищного строительства на свободных территориях, в том числе перспективные площадки)⁵. В Самаре часть зоны Р-2 изменена на зону Ц-2 (зона деловых и коммерческих предприятий общегородского и регионального значения), часть зоны Р-5 изменена на зону Ц-3 (зона предприятий обслуживания населения местного (районного) значения)⁶. В Кургане зона Р.1 «Зона природного ландшафта» (микрорайон Черемухово) изменена на территориальную зону Ж.1 «Зона застройки индивидуальными и малоэтажными жилыми домами»⁷. В Казани зона парков (Р-2)

и коммерческой и деловой активности (Д-1) изменена на зону многоэтажной жилой застройки в 6–20 этажей (Ж-5)⁸ и в других городах.

Между тем Правилами создания, охраны и содержания зеленых насаждений в городах Российской Федерации, утвержденными приказом Госстроя РФ от 15 декабря 1999 г. № 153, зеленый фонд города является составной частью природного комплекса города и включает в себя озелененные и лесные территории всех категорий и видов, образующие систему городского озеленения в пределах городской черты, а также озелененные лесные территории за пределами городской черты, если эти территории решениями федеральных органов управления или органов управления субъектов федерации переданы в ведение местного городского самоуправления для экологической защиты и организации рекреации городского населения.

Кроме того, в Правилах выделяют три основные категории озелененных территорий, каждая из которых имеет свои особенности по отношению к гражданскому обороту, режимам пользования и способам хозяйствования:

- озелененные территории общего пользования – территории, используемые для рекреации всего населения города;

- озелененные территории ограниченного пользования. Это территории в пределах жилой, гражданской, промышленной застройки, территорий и организаций обслуживания населения и здравоохранения, науки, образования, рассчитанные на пользование определенными группами населения;

- озелененные территории специального назначения: санитарно-защитные, водоохранные, защитно-мелиоративные зоны, кладбища, насаждения вдоль автомобильных и железных дорог, питомники, цветочно-оранжерейные хозяйства, территории, подпадающие под действие Федерального закона «Об особо охраняемых территориях». Расчет потребно-

сти в озелененных территориях данной категории ведется с учетом их функционального назначения.

Из Правил следует также то, что на генеральный план поселения наносятся все деревья и кустарники, которые подпадают под пятно застройки и по трассам инженерных сетей и нуждаются в удалении, при этом проектной организацией определяются, исходя из возраста и состояния насаждений, возможность их пересадки или необходимость вырубки с учетом дендроплана и перечетной ведомости на вырубаемые и пересаживаемые деревья и кустарники.

В Республике Татарстан контроль за использованием территории муниципальных образований производится путем введения обязательного согласования с уполномоченными органами исполнительной власти субъектов РФ проектов генеральных планов поселений, городских округов Республики Татарстан в случае, если предложения, содержащиеся в указанных проектах, предполагают изменение существующих или в соответствии со схемой территориального планирования Республики Татарстан планируемых границ земель сельскохозяйственного назначения, границ земель особо охраняемых природных территорий регионального значения, границ земельных участков, находящихся в собственности Республики Татарстан, границ территорий объектов культурного наследия, границ зон планируемого размещения объектов капитального строительства регионального значения, размещение объектов капитального строительства местного значения, которые могут оказать негативное воздействие на окружающую среду на территории Республики Татарстан⁹.

Исходя из изложенного, необходимо ввести экологичную корректировку генеральных планов населенных пунктов путем разработки зонирования городских биотопов как в центральной части города, так и на его периферии, с зелеными коридорами и их картографирования.

Весьма важным элементом правового регулирования отношений, связанных с «перезонированием» земель населенных пунктов, является, по нашему мнению, принятие закона субъекта Российской Федерации об охране озелененных территорий городов, в соответствии с которым охрана природы распространяется не только на конкретные виды растений и животных, но прежде всего на их жизненные пространства, экологические сообщества. Этим законом должен быть определен также перечень особо охраняемых биотопов, которые запрещено на-

рушать любым способом, в том числе и «перезонированием».

Кроме того, в целях повышения биологического разнообразия в городе, которое должно происходить за счет исключительно местных видов растений и животных, рекомендуется формирование участков «дикой природы» даже на существующих озелененных территориях (в парках, садах, скверах). Для этого на таких «заповедных» участках необходимы целенаправленное содействие возникновению древесно-кустарниковой растительности и стимулирование ее развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Постановление Главы администрации г. Казани от 17 февраля 2005 г. № 238 О ходе выполнения Программы «Охрана здоровья горожан» // www.garant.ru.

² www.megansk.ru.

³ Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 9 января 1998 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности Лесного кодекса Российской Федерации».

⁴ Решение Думы города Томска от 23.06.09 г. № 1231 «О внесении изменений в правила землепользования и застройки муниципального образования города Томска», утвержденного решением Думы города Томска от 27.11.2007 г. № 687//Сб. официальных материалов муниципального образования «Города Томск». – 2009 – № 26.1.

⁵ Решение Воронежской городской думы от 28.05.2008г. № 155-II «О внесении изменений в решение Воронежской городской думы от 06.12.2006г. № 259-II «Об утверждении карты градостроительного зонирования территорий городского округа город Воронеж» // Воронежский курьер. – 2008. – № 139.

⁶ Постановление Самарской городской думы от 25 декабря 2003 г. № 285 «О приведении нормативных правовых актов Самарской городской думы в соответствие с действующим законодательством» // Самарская газета. – 2003. – № 253–258.

⁷ Постановление от 7 ноября 2008 г. № 6912 администрации города Кургана «О внесении изменений в часть II карты градостроительного зонирования «Правил землепользования и застройки города Кургана» // Документ официально не был опубликован. См. СПС «Гарант» (<http://www.garant.ru>).

⁸ Решение Казанской городской думы от 17 августа 2009 г. № 5-42 «О внесении изменений в карту зон градостроительных регламентов Правил землепользования и застройки и землепользования г.Казани» // Сб. документов и правовых актов муниципального образования города Казани. – 2009. – № 12. – С.40.

⁹ Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 15 января 2009 г. № 17 «Об утверждении положения о порядке рассмотрения проектов схем территориального планирования субъектов РФ, имеющих общую границу с Республикой Татарстан, проектов территориального планирования муниципальных образований и подготовки на них заключений» // Сб. постановлений и распоряжений Кабинета Министров Республики Татарстан и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти. – 2009. – № 8. – Ст. 0284.

Аннотация

В статье затронуты актуальные вопросы правового регулирования зеленого фонда города, который является составной частью природного комплекса города и вклю-

чает в себя озелененные и лесные территории, образующие систему городского озеленения в пределах городской черты. На примере Республики Татарстан проанализирована возможность установления контроля за использованием территорий муниципальных образований.

Ключевые слова: зеленая зона, градостроительное зонирование, генеральный план, территориальная зона, населенный пункт.

Summary

The article deals with the urgent issues of legal control of the green fund of the city which is the constituent of the city's natural complex and includes green and forest land forming the system of urban gardening within the limits of the city. The possibility of setting control over the use of territories of municipal establishments is analysed by the example of the Republic of Tatarstan.

Keywords: green zone, zoning, master plan, territorial zone, settlement.

КРИТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ КАК ДИАЛОГ С ЧИТАТЕЛЕМ

(отклик на книгу Ю.Г. Нигматуллиной «Татавангард
и современный цивилизационный процесс»)

Елена Ретфалви, художник, искусствовед, Барселона, Испания

Это далеко не секрет, что множество публикуемых научных трудов, особенно в гуманитарной области, обречено на довольно унылое существование, когда после инициального всплеска вежливых рецензий все погружается в относительную летаргию, нарушаемую в лучшем случае эхом цитат и аргументов в работах узкого круга специалистов. Какова реальная альтернатива этому? В каких условиях результат исследовательской работы способен вызвать живой отклик в широких междисциплинарных кругах, даже больше – способен генерировать интерес в неакадемической среде? Конечно, существует тип популярности, которой пользуется, например, американский академик Камил Палиа, кто пытается любой ценой достичь в рамках академии того, чего Дэмиен Хёрст, с истинной элегантностью Остапа Бендера, добился в области современного искусства. Как «идейный борец за денежные знаки», Великий Комбинатор, несомненно, оценил бы тот факт, что недостаточно забальзамированная и, в прямом смысле слова, загнивающая четырехметровая акула Хёрста была куплена за 12 миллионов долларов, почтила своим формалиновым присутствием ведущие музеи и галереи мира и была воспета с религиозным жаром хором кураторов и критиков как воплощение британского концептуального искусства. И хотя Мисс Палиа отстает от Хёрста в плане материального накопления, ее книги вызы-

вают массовый ажиотаж, и ее имя входит в список 100 самых важных мыслителей современности. И самое главное: она вкладывает столько сил в шоковый аспект ее работ и их популяризации, что превращает академическую работу в шоу-бизнес, и, к сожалению одних и к восторгу других, в шоу-бизнес самой вульгарной разновидности – по типу знаменитого шоу Джерри Спрингера.

Эти примеры популярности гротескны, но они являются тем не менее серьезной симптоматикой определенных негативных тенденций в современной культуре и имеют важное отношение к формированию механизмов критического осмысления культуры. Сейчас же этот контраст особо акцентирует, насколько ценными являются те серьезные научно-исследовательские труды, которые, как новая книга Ю.Г. Нигматуллиной «Татавангард и современный цивилизационный процесс», способны вызвать подлинный интерес самого широкого круга читателя как внутри академии, так и за ее пределами. Что делает это возможным и какие факторы играют в этом доминирующую роль?

Конечно же, ответ на этот вопрос не может быть сведен к какому-либо единственному фактору, это, скорее всего, синтез нескольких.

Один из них – это сильнейший эмоциональный резонанс, обусловленный остротой и актуальностью проблемы и глубоко гуманистической позицией

автора. Изумительно видеть, как безупречная кристаллизация концептуальной «структуры» и методологии обогащена через интонационный контраст утонченной поэтичностью эпиграфов.

Другой фактор – это четко выраженные как в теоретическом, так и прикладном плане необходимость и возможность междисциплинарного исследования, которое имеет потенциал превратиться в довольно уникальный проект благодаря масштабности, систематизации и методологической координации.

И, наконец, главный детерминирующий фактор, с нашей точки зрения, это фундаментальное качество, присущее не только последней книге, но и всем, без исключения, предыдущим трудам Ю.Г.Нигматуллиной. Каждая ее работа зарождена и воплощена как открытая саморазвивающаяся система, функционирование которой осуществляется на концептуальном и методологическом уровнях. Бесспорно, в книгах Ю.Г.Нигматуллиной анализ богатейшего эмпирического материала всегда был важным моментом в исследовании, но никогда не был конечной целью его. Вдумчивый и систематичный анализ эмпирического материала – это необходимая форма, в которую воплощается концептуальный элемент. Именно это выделяет Ю.Г.Нигматуллину как исследователя, ученого и теоретика, и именно это качество детерминирует «жизнеспособность» ее книг.

Если академическая работа, в свою очередь, не выходит на некий методологический уровень, если изучаемый культурологический (искусствоведческий) литературоведческий процесс не абстрагируется, не включается в более высокую по уровню систему, то это неизменно ведет к своеобразной изоляции данной работы от более широкого научно-исследовательского процесса. Что предстает перед читателем – это часто впечатляющее, но тем не менее стерильное упражнение в академической эрудиции, фрагментирован-

ное по своей тематике и описательное по своему характеру. Такая работа несет в самой себе те фундаментальные ограничения, которые породят позже «постпубликационную» летаргию: полное и частичное отсутствие внешних функциональных связей.

Как полный контраст к этому, *Таттавангард и современный цивилизационный процесс*, фокусирующийся на адаптивных, защитных механизмах культуры в эпоху глобализации и понятии «срединной культуры», органично вливается в исследовательский процесс как в ретроспекции (как эволюционный вариант, вписывающийся в траекторию предыдущих исследований), так и в плане предложенного будущего проекта. Автор рассматривает свою работу как «эскиз к будущей панорамной картине», которая должна быть результатом междисциплинарного исследования.

Вне сомнения, междисциплинарный подход способен породить синергетический эффект. Изобразительное искусство, в частности работы художников Татарстана, послужило эмпирическим материалом не только для новой книги Ю.Г.Нигматуллиной, но также для двух ее предыдущих книг: *«Запоздалый модернизм» в татарской литературе и изобразительном искусстве»* (2002) и *«Синергетический аспект в исследовании художественного творчества»* (2008). В каждой из этих книг изобразительное творчество не только анализируется с утонченной деликатностью, интуицией и впечатляющей эрудицией, но также происходит слияние новой для искусствоведения методики с новым для литературоведения эмпирическим материалом. Это самый ценный момент – момент возникновения нового качества. Научно-исследовательские работы – это тоже часть нашей культуры, и лучшие из их числа, самые жизнеспособные должны точно так же, как произведения искусства, формировать «ядро культуры», «срединную культуру», превращаясь в катализаторы для

новых линий исследования, стимулируя поиск, генерируя качественные изменения.

Проблема «срединной культуры» является ключевым моментом книги Ю.Г.Нигматуллиной. И попытка проследить на конкретных примерах возникновение феномена эмерджентности может привести к интересным наблюдениям в разных областях искусства. При каких условиях возникает или не возникает этот феномен? В кон-

тексте междисциплинарного исследования нам хотелось бы предложить анализ современного танца, в частности, анализ буюто, одну из форм японского театра танца, представляющих собой синтез азиатских и европейских элементов. Буюто – авангардная форма танца, появившаяся в один из самых кризисных моментов японской истории. С нашей точки зрения, буюто – это явный пример возникновения феномена эмерджентности.

ХРОНИКА ЖИЗНИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

12 мая на сцене Большого концертного зала им. С. Сайдашева состоялась премьера оратории Розы Мухитдиновой на стихи Сулеймана (академика АН РТ Д.Ш.Сулейманова) «Ветры Булгар» для солистов, хора, оркестра и чтеца.

* * *

14 мая в Академии наук Республики Татарстан открылись Четвертые Махмутовские чтения по теме «Актуальные философские и психолого-педагогические подходы в современном российском и зарубежном образовании: конструктивизм, компетентностный подход, проблемно-развивающее обучение». В рамках конференции состоялась презентация виртуального музея-библиотеки академика М.И. Махмутова, а также открытие музейной комнаты М.И. Махмутова в НИИ педагогики и психологии профессионального образования Российской академии образования (ул.Исаева, 12).

Четвертые Махмутовские чтения впервые прошли в формате Интернет -конференции через тестовый вариант виртуального музея-библиотеки академика Мирзы Исмагиловича Махмутова. Здесь можно познакомиться с трудами ученого, фотографиями, отображающими его научные и личные интересы, видеоматериалами, библиографией и биографией М.И. Махмутова. В дальнейшем в этой виртуальной библиотеке планируется размещать работы учеников Мирзы Исмагиловича, труды всех Махмутовских чтений. Виртуальный музей-библиотека открывает цикл «Научные школы Республики Татарстан».

Формат Интернет-конференции позволит также произвести «прогулку» по музейной комнате, которая создана в Научно-исследовательском институте педагогики и психологии профессионального образования Российской академии образования, основателем и руководителем которого на протяжении 18 лет являлся Мирза Исмагилович Махмутов. Музей был создан при содействии и материальной поддержке генерального директора ЗАО «Зарница» Артура Рашидовича Мухаметзянова.

* * *

15 мая Академию наук Республики Татарстан посетили члены официальной делегации Туркменистана, приехавшей с рабочим визитом в Татарстан, – заместитель Председателя Кабинета Министров Туркменистана Сапардурды Тойлыев, директор Института химии Академии наук Туркменистана Отузбай Гельдыев, ученый секретарь Академии наук Туркменистана Юсуп Хекимов и директор Института истории Академии наук Туркменистана Гульшат Оразмухамедова. Гостей принял президент АН РТ Ахмет Мазгаров.

Поездка в Татарстан предусмотрена в рамках рабочего визита Президента Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедова в Российскую Федерацию (14–16 мая 2012 г.). На казанской земле, как сообщает ИА «Татар-информ», в аэропорту гостей встречали Премьер-министр Республики Татарстан Ильдар Халиков, министр промышленности и торговли РТ Равиль Зарипов, министр образования и науки РТ Альберт Гильмутдинов и другие.

В Академии наук Татарстана по случаю визита членов делегации Туркменистана был организован официальный прием. В нем приняли участие: президент АН РТ А.М.Мазгаров, вице-президент А.Л.Абдуллин, советник президиума А.Ш.Зиятдинов, главный ученый секретарь Д.Ф.Загидуллина, заместитель президента АН РТ А.М.Гумеров, заместитель директора Института истории АН РТ Р.Р.Салихов и др. Кроме того, на встречу был приглашен заместитель председателя КазНЦ РАН, член-корреспондент РАН Е.Е.Никольский.

После обстоятельного рассказа президента АН РТ А.М.Мазгарова о структуре и особенностях формирования состава Президиума Академии наук Татарстана, о приоритетных научных направлениях, об основных достижениях татарстанских ученых – гости поделились своим взглядом на возможное сотрудничество ученых Туркменистана и Татарстана. Академия наук Туркменистана, хотя и имеет давнюю историю, но существует в современном автономном статусе всего три года. Она состоит из трех отделений – гуманитарного, медицинского и технического, из 10 научно-исследовательских институтов. Академия находится полностью на государственном бюджете, более того, финансирование научных работ не ограничено. Так, в прошлом году правительство выделило Академии наук Туркменистана 10 млн долларов, из которых учеными было освоено только 50%.

Заместитель Председателя Кабинета Министров Туркменистана Сапардурды Тойлыев обратил внимание собравшихся на то, что в настоящее время Республика Туркменистан постепенно превращается из государства сырьевого в индустриальное и, судя по приоритетным научным направлениям Татарстана (нефтехимия, машиностроение и др.) «сотрудничество ученых наших республик могло бы быть очень полезным». «Добро пожаловать в Туркменистан!» – радушно пригласил татарстанских ученых господин Тойлыев.

Более подробно о деятельности самой Академии Туркменистана и ее институтов рассказали ученый секретарь Академии наук Туркменистана Юсуп Хекимов, директор Института химии Академии наук Туркменистана Отузбай Гельдыев и директор Института истории Академии наук Туркменистана Гульшат Оразмухамедова, которая в прошлом уже посещала Академию наук Татарстана в составе участников Археологического конгресса.

В результате встречи, состоявшейся в Академии наук Татарстана, достигнута устная договоренность о сотрудничестве двух академий. Представители АН РТ приглашены на День науки Туркменистана с целью проведения более детальных переговоров о возможности совместных научных проектов и разработок, а также реализации некоторых технологий ученых Татарстана на промышленных площадках Туркменистана. После посещения АН РТ гости направились в Инновационный технопарк «Идея».

В программе членов делегации Туркменистана также посещение промышленных предприятий Нижнекамского и Елабужского муниципальных районов. Так, туркменским коллегам презентуют производственные мощности ОАО «ТАНЕКО», а также предприятия, размещенные на территории особой экономической зоны промышленно-производственного типа (ОЭЗ) «Алабуга» – ООО «П-Д Татнефть-Алабуга Стекловолокно», ООО «Роквул-Волга», ООО «Форд Соллерс Елабуга». А также во второй половине дня запланировано посещение ОАО «КАМАЗ» (автомобильный завод и Научно-технический центр ОАО «КАМАЗ») и ОАО «Казанский вертолетный завод».

* * *

16 мая 2012 г. в Академии наук Республики Татарстан прошел второй круглый стол на тему: «Муфтии Оренбургского Мухаммеданского Духовного Собрания – Габдессалям Габдеррахимов и Габделвахит Сулейманов:

страницы истории», в котором приняли участие ведущие историки Татарстана, Москвы, Уфы и других регионов, общественные деятели, представители религиозных организаций и органов власти. Открыл работу круглого стола президент АН РТ Ахмет Мазгаров.

Организаторы мероприятия – Московский муфтият ЦДУМ России – Духовное управление мусульман г. Москвы и Центрального региона России, Комиссия Общественной палаты Российской Федерации по международным отношениям и свободе совести, Исполком Всемирного конгресса татар, Духовное управление мусульман Республики Татарстан, Российский исламский университет.

Научные круглые столы общего тематического направления «ОМДС- Центральное Духовное Управление мусульман и его лидеры в жизни России: история и современность» проводятся в связи с приближающейся юбилейной датой – 225-летием ОМДС.

* * *

17 мая в Академии наук РТ состоялся финал IV Республиканского конкурса «Эрудит Татарстана 2012». В церемонии открытия конкурса приняли участие заместитель министра образования и науки РТ А.К. Зиннуров, академик РАН и АН РТ, директор Казанского физико-технического института им. Е.К. Завойского К.М. Салихов, академик АН РТ, зав. кафедрой астрономии и космической геодезии К(П)ФУ Н.А. Сахибуллин, академик МПА И.Ю. Никитин, председатель жюри конкурса – профессор, заслуженный археолог Татарстана, член-корреспондент АН РТ Ф.Ш. Хузин.

От имени победителей и лауреатов конкурса «Эрудит 2011» выступил учащийся 10 класса МБОУ «Лицей № 35» г. Нижнекамска Георгий Ризаев. Участники конкурса поздравили академика К.М. Салихова с присуждением ему одной из самых престижных наград – Брукеровской премии Королевского общества Великобритании «За выдающиеся и продолжающиеся достижения в области электронного парамагнитного резонанса (ЭПР)».

Выдающиеся ученые, представляющие академическую науку нашей республики, еще раз подчеркнули, какие огромные перспективы открываются для молодого поколения в свете последних достижений, научных открытий, благодаря высокотехнологическому оборудованию лабораторий научно-исследовательских центров.

Практически все вопросы, подготовленные учеными Академии наук РТ и Казанского (Приволжского) федерального университета, выходили за рамки школьной программы, что требовало от участников не только конкретных знаний, но и нестандартного мышления. Традиционно на конкурсе были представлены две дополнительные дисциплины – астрономия и философия, что подчеркивает огромную значимость в будущем интегрированного знания и еще раз убеждает в том, что эрудиция – самый надежный и верный ключ к ответам на вопросы и к разрешению глобальных проблем, стоящих перед человечеством.

Третий год партнером конкурса выступает Инновационный технопарк Республики Татарстан «Идея». Сотрудниками технопарка была учреждена отдельная номинация «Нано IQ». Приятно отметить, что в этом году учащиеся гораздо увереннее отвечали на сложные вопросы и были отмечены ценными памятными подарками от руководства технопарка в лице генерального директора С.В. Юшко.

Генеральный спонсор конкурса – группа компаний «Центр микрофинансирования». Генеральный директор Центра П.А. Сигал вручил победителям конкурса подарки. Электронными книгами были награждены участники, удостоенные звания «Юный академик»:

среди 7–9 классов –

Хабибрахманов Алмаз (9 кл., МБОУ У «Лицей им. А.М. Булатова», Кукморский р-н РТ),

среди 10–11 классов –

Заманов Айну́р (11 кл., МБОУ «Гимназия № 54», г. Набережные Челны РТ).

Лауреатами конкурса стали:

среди 7–9 классов –

Ларичкин Егор, 8 кл., МБОУ «Лицей № 35», г. Нижнекамск,

Янбеков Артур, 7 кл., СОШ № 39, г. Казань,

Камаров Мурат, 9 кл., МБОУ «Гимназия № 122», г. Казань,

среди 10–11 классов

Ризаев Георгий, 10 кл., МБОУ «Лицей № 35», г. Нижнекамск,

Сафронов Константин, 11 кл., Гимназия № 3, г. Зеленодольск,

Сулейманов Айрат, 11 кл. МБОУ «КСОШ № 2», Камские поляны, Нижнекамский р-н РТ.

За достигнутые высокие результаты все финалисты конкурса были награждены почетными грамотами МО и Н РТ и АН РТ. Благодарственным письмом президента АН РТ А.М. Мазгарова был отмечен Виктор Николаевич Белоусов за успешную работу по подготовке команды учащихся, по праву ставшей лидером конкурса. Особую признательность организаторам конкурса НОУ «Академический Лицей им.Н.И. Лобачевского» в лице директора Т.В.Беспаловой, сопредседателю оргкомитета конкурса начальнику отдела по связям с общественностью и СМИ АН РТ Р.В. Даутовой выразил председатель жюри Ф.Ш. Хузин.

* * *

17 мая в малом зале Академии наук Республики Татарстан прошла конференция молодых ученых АН РТ. Председателем совета молодых ученых Академии наук Республики Татарстан избрана Аида Нурутдинова – ученый секретарь Научно-исследовательского центра семьи и демографии АН РТ.

На конференции молодых ученых АН РТ, в которой приняли участие 32 делегата, были выдвинуты два кандидата на пост председателя совета молодых ученых – Низамутдинов Ирек Камильевич (аспирант Центра перспективных экономических исследований АН РТ) и Нурутдинова Аида Наильевна (ученый секретарь Научно-исследовательского центра семьи и демографии АН РТ). После обсуждения предложенных кандидатами программ большинством голосов избрана А.Н.Нурутдинова.

Кроме того, участники конференции решили:

- утвердить Положение о совете молодых ученых АН РТ с внесенными изменениями;
- объявить конкурс символики совета молодых ученых;
- план работы совета молодых ученых АН РТ на 2012–2013 гг. принять за основу.

* * *

18 мая в Музее истории КФУ состоялась демонстрация персональной коллекции академика РАН и АН РТ Камиля Ахметовича Валиева, являвшегося выпускником Казанского университета. В презентации приняли участие президент АН РТ А.М.Мазгаров и советник президиума АН РТ А.В.Ильясов. Мероприятие прошло в рамках Международного Дня музеев.

В заключение мероприятия выступила жена Камиля Валиева – поэт, переводчик Венера Валиева. Она работала над биографией мужа и поделилась некоторыми ее страницами со всеми пришедшими. Интересна была часть, которую она посвятила Казанскому университету: «Казанский университет Камиль любил как свою колыбель, благоговел перед его историей, он видел себя его историей. Это не могло быть случайным: войти в этот храм, подпираемый высокими колоннами, пройти по его гулким коридорам и, как свободный римский гражда-

нин, занять место в амфитеатре Первой аудитории физмата... С чем сравнить это чувство, когда ему все понятно, все находит отзвук, вызывает трепет в душе, когда он чувствует в себе огромную силу и благодарность?».

* * *

21 мая 2012 г. делегация ученых Академии наук Республики Татарстан посетила Комплекс нефтеперерабатывающих и нефтехимических заводов в Нижнекамске. Целью визита в ТАНЕКО было знакомство с развитием научной составляющей в деятельности компании, а также обсуждение совместных проектов и привлечение талантливой молодежи в специальные программы Академии наук РТ.

В состав делегации академии входили вице-президент А.Л.Абдуллин, главный ученый секретарь Д.Ф.Загидуллина, советники президиума А.В.Ильясов, А.Ш.Зиятдинов и Ф.Г.Хамидуллин, академики-секретари Н.А.Сахибуллин (Отделение физики, энергетики, наук о Земле) и В.И.Галкин (Отделение химии и химической технологии). Прием, оказанный на высоком уровне генеральным директором ОАО «ТАНЕКО» Х.А.Багмановым, вселил в представителей АН РТ уверенность в необходимости более тесного сотрудничества с нефтепереработчиками. Ученые получили возможность увидеть своими глазами новый нефтеперерабатывающий завод, который является частью масштабного проекта, реализуемого ОАО «Татнефть».

Посещение центральной операторной, очистных сооружений, лаборатории производственного экологического мониторинга, общение с руководством и специалистами ОАО «ТАНЕКО» произвели на академиков огромное впечатление. Ученые высказали единодушное мнение о том, что большое внимание к охране окружающей среды, исключительная культура производства, как и то внимание, которое уделяет руководство ОАО «ТАНЕКО» решению социальных вопросов, – все это стало важным стимулом для привлечения на работу в компанию талантливой и амбициозной молодежи.

* * *

22–23 мая 2012 г. в столице Республики Казахстан Астане прошел Симпозиум Академии наук исламского мира «Наука и технологии в мусульманском мире: достижения и перспективы». В работе симпозиума приняли участие президент Академии наук РТ А.М.Мазгаров и начальник отдела внешних связей Б.Р.Ногманов.

Симпозиум состоял из 6 сессий, каждая из которых посвящалась определенной теме. Сначала заслушивались два основных доклада, затем разворачивалась научная дискуссия. Так, на пленарном заседании выступил министр образования и науки Республики Казахстан Б.Т.Жумагулов на тему «Казахстанская наука: достижения и перспективы» и экс-Премьер-министр Иордании, президент Университета Петра профессор Аднан Бадран на тему «Наука, технологии и развитие человеческого капитала». На второй сессии одним из основных докладчиков являлся президент Академии наук Татарстана, член Академии наук исламского мира А.Мазгаров. Доклад Ахмета Мазгаровича на тему «Наука и техника – будущее нефтяной промышленности» вызвал большой интерес присутствовавших, особенно та его часть, в которой были представлены достижения ученых АН РТ в области очистки нефтей от сернистых соединений и переработки тяжелых битумных нефтей.

Темы, затронутые на симпозиуме, поднимали самые актуальные проблемы современности, над которыми работают ученые исламского мира. В заключение была принята Астанинская декларация «Наука и технологии в мусульманском мире: достижения и перспективы».

* * *

25 мая в Академии наук Республики Татарстан состоялось расширенное заседание Оргкомитета Британско-Российского симпозиума «Горизонты науки». В нем принимали участие представители Британского Королевского общества, приехавшие в Казань для переговоров о предстоящем мероприятии, – вице-президент по международным вопросам, профессор Мартин Поляков, старший советник по политике госпожа Рут Купер и сотрудник Королевского общества госпожа Хелен Джонс, которая отвечает за финансовую реализацию данного проекта.

Татарстанскую сторону представляла большая делегация представителей руководства Академии наук РТ во главе с президентом А.М. Мазгаровым, а также члены молодежного оргкомитета симпозиума в лице молодых ученых.

Сначала с вводным словом выступил президент АН РТ Ахмет Мазгарович Мазгаров. Он вкратце познакомил британских гостей с историей Академии наук Татарстана, структурой и основными направлениями деятельности. «Для нашей молодой академии, – подчеркнул он, – большая честь проводить совместный симпозиум со старейшим Королевским обществом Британии, членами которой были такие выдающиеся ученые, как Исаак Ньютон, Резерфорд и др.»

В своем ответном выступлении вице-президент Британского Королевского общества Мартин Поляков обратил внимание на то, что Королевское общество старается поддерживать связи со многими академиями мира. Всего насчитывается в мире 112 академий наук, самая молодая из которых – академия Эфиопии, которой исполнилось два года. Большой интерес татарстанской стороны вызвали некоторые детали истории и структуры Британского Королевского общества, о которых поведал вице-президент М.Поляков. Господин Мартин Поляков говорил на русском языке. Его отец родился в Москве, и семья Поляковых переехала в Англию, когда Мартину Полякову было 14 лет.

Общество создано в 1660 г., и в нем действительно состояло и состоит много всемирно известных ученых. Так, Россию представлял в свое время выдающийся химик Д.Менделеев, который в то же время не являлся членом Российской академии наук. На сегодняшний день в Королевском обществе Британии состоят 1400 членов, которые работают в разных странах мира, кроме того, 160 иностранных членов, в том числе 80 нобелевских лауреатов. Королевское общество объединяет ученых только естественных наук, не имеет собственных институтов, не выплачивает своим членам никаких жалований и стипендий, более того, члены Общества сами должны вносить определенные взносы в его фонд, как это делают в джентльменских клубах.

На заседании оргкомитета шла речь об организационных вопросах предстоящего Британско-Российского симпозиума «Горизонты науки». Симпозиум Британское Королевское общество проводит уже много лет. Всего состоялось 12 таких конференций в разных странах мира. Главная идея конференции – дать возможность перспективным молодым ученым (до 45 лет) выступить с докладом о своих научных достижениях, познакомиться с коллегами из Англии, принять участие в междисциплинарных дискуссиях и в дальнейшем продолжить совместное сотрудничество. В конференции должны принять участие 35 человек из России и 35 – из Англии. Всего должно будет состояться 8 или 9 сессий, в работе которых задействованы все участники. Необходимо отметить, что процедура отбора докладов и участников, как и работа над программой, тщательно продумана и уже неоднократно апробирована Королевским обществом.

Симпозиум «Горизонты науки» состоится в Казани в марте 2013 г. Как сказал в завершение заседания господин Мартин Поляков: «Мы надеемся, что это будет перспективный «Горизонт»».

* * *

31 мая прошло очередное заседание президиума Академии наук Республики Татарстан.

Повестка дня включала два главных вопроса:

1. О допуске работ к участию в конкурсе на соискание Государственных премий в области науки и техники РТ 2012 г.;
2. О деятельности аспирантуры АН РТ.

* * *

31 мая в библиотеке Академии наук Республики Татарстан состоялся круглый стол «Выдающиеся имена Татарстана (Безнең шәхесләребез)», посвященный памяти доктора исторических наук, профессора, академика АН РТ Миркасыма Абдулахатовича Усманова. Круглый стол прошел в рамках года, объявленного в России как год историко-культурного наследия. Местом этой встречи ученых, литераторов и общественных деятелей не случайно была выбрана Академия наук Республики Татарстан – в ее деятельности покойный ученый принимал самое активное участие.

Вокруг круглого стола в читальном зале собрались коллеги, друзья, ученики и члены семьи академика М.А.Усманова. Воспоминаниями об ученом поделились профессор Института истории Казанского федерального университета академик АН РТ И.Р.Тагиров, Р.К.Валеев, член-корреспондент И.А.Гилязов, Д.М.Усманова, З.С.Миннуллин, главный ученый секретарь АН РТ, академик Д.Ф.Загидуллина, главный редактор журнала «Казан утлары» Р.Г.Файзуллин, директор Национальной библиотеки Н.А.Камбеев и др. «Учитель, ученый, коллега, друг с большой буквы...» – эти слова звучали рефреном практически в каждом выступлении ораторов. Завершился вечер трогательной речью вдовы Миркасыма Абдулахатовича Салисы Зайнулловны Усмановой. «Атмосфера круглого стола была удивительно теплой, проникнутой уважением к памяти нашего отца», – такую запись, полную благодарности, оставили в книге отзывов библиотеки дочери ученого.

Сотрудниками библиотеки Академии наук Республики Татарстан была организована выставка, посвященная жизни и деятельности ученого, на которой нашли свое место его научные и публицистические труды, книги, в издании которых он участвовал как редактор, труды его учеников, беседы и интервью с ним. Здесь же можно было увидеть новинки, изданные фондом «Жиен» в серии «Шәхесләребез», инициатором издания которой и редактором также являлся М.А.Усманов.

Круглый стол и выставка, посвященные памяти Миркасыма Абдулахатовича Усманова, были подготовлены усилиями коллектива библиотеки под руководством Т.К.Валиахметовой.

* * *

8 июня 2012 г. победители и лауреаты конкурса приглашены руководством IT парка на встречу, в ходе которой будет проведена ознакомительная экскурсия и круглый стол «Перспективы развития IT парка в Республике Татарстан».

* * *

11 июня 2012 г. в Академии наук Республики Татарстан состоялось открытие V Международного симпозиума «Исламская культура в Волго-Уральском регионе». На конференцию в столицу Татарстана прибыли генеральный секретарь Организации Исламского сотрудничества Экмеледин Ихсаноглу и генеральный директор научно-исследовательского центра исламской истории, искусства и культуры (IRCICA) при ОИС (ОИК) Халит

Эрен. С приветственным словом к участникам симпозиума обратился президент АН РТ А.М.Мазгаров.

Организаторы конференции – Центр исламоведческих исследований АН РТ, Институт истории им.Ш.Марджани АН РТ, IRCICA, Российский исламский университет (Казань).

У Международный симпозиум «Исламская культура в Волго-Уральском регионе» проходит с 9 по 12 июня. 10 июня ученые приняли участие в ежегодном торжестве, приуроченном к годовщине принятия ислама в качестве государственной религии в государстве Волжская Булгария в 922 году – Изге Болгар Джыены.

География участников симпозиума довольно обширна – в Казань приехали историки, филологи и теологи из Турции, Нидерландов, Индии, Москвы, Уфы и т.д.

На открытии симпозиума выступили генеральный директор научно-исследовательского центра исламской истории, искусства и культуры (IRCICA) при ОИС (ОИК) Халит Эрен, председатель комитета по культуре, науке, образованию и национальным вопросам Государственного Совета РТ Р.И.Валеев, директор Института истории АН РТ Р.С.Хакимов и др.

Работа конференции проходила по секциям:

11 июня – «Религия», «Культура – Цивилизация – Архитектура», «Язык и литература», «Реформаторство – Религиозное обновление»;

12 июня – «Издательское дело – Политика – Путешествия», «Экономика и право», «Образование», «Суфизм».

Большой интерес у собравшихся вызвали первые же темы секции «Религия». «Ислам и проблемы независимости в первом тюркском исламском государстве Волжская Булгария» – так назывался доклад профессора факультета теологии Университета Анкары Несими Языджи. Доктор наук кафедры истории Университета Гази Алпер Алп выступил на тему «Роль и значение ОМДС с точки зрения российских мусульман в начале XX века», профессор Университета Хаджеттепе Дурсун Йылдырым посвятил свой доклад казанскому ученому Халиму Сабиту. Также в программе первого дня симпозиума – доклады казанских ученых Л.В.Сагитовой, И.Миннуллина, Л.Алмазовой, Р.Набиева, Д.Шагавиева, Р.Хайрутдинова, Г.Нугмановой и др.

Напомним, первые два симпозиума «Исламская культура в Волго-Уральском регионе» прошли в Казани в 2000 и 2005 гг., третий (2008) и четвертый (2010) – в Уфе.

* * *

14–15 июня 2012 г. президент Академии наук Республики Татарстан А.М.Мазгаров и председатель Казанского научного центра РАН О.Г.Синяшин приняли участие в работе расширенного заседания Совета РАН по координации деятельности региональных отделений и региональных научных центров РАН, которое состоялось в г.Перми. Заседание проходило совместно с выездным заседанием президиума УРО, посвященным 25-летию Пермского научного центра РАН.

На заседании Совета РАН по координации деятельности региональных отделений и региональных научных центров РАН были рассмотрены перспективы развития и особенности научной, научно-организационной и финансово-хозяйственной деятельности региональных научных центров РАН, а также предложены рекомендации по принципам оценки эффективности их деятельности.

* * *

20 июня в Казани состоялось общее собрание Академии наук РТ, в работе которого приняли участие Председатель Государственного Совета РТ Фа-

рид Мухаметшин, первый заместитель Премьер-министра РТ Равиль Муратов, президент Академии наук Татарстана Ахмет Мазгаров, председатель КазНЦ РАН Олег Синяшин и другие.

В начале собрания все присутствующие минутой молчания почтили память ушедших из жизни с момента последнего общего собрания, состоявшегося в мае прошлого года, среди которых член-корреспондент Ильдар Салихов, академик Султан Валеев, почетные члены Файзрахман Юнусов, Туфан Миннуллин, Шаукат Биктемиров.

С приветственным словом к участникам общего собрания обратился Председатель Госсовета РТ Фарид Мухаметшин. В своем выступлении он напомнил, что сегодняшнее собрание является юбилейным – указ Президента РТ о создании Академии наук был подписан 30 сентября 1991 года, но началом работы базового научного института стало первое общее собрание, которое состоялось 24 января 1992 года.

«Академия, без преувеличения, – один из крупнейших системообразующих центров науки в стране. В значительной степени благодаря вам мы сумели сохранить и преумножить научный потенциал Татарстана за последние 2 десятилетия», – обратился глава Госсовета республики к присутствующим. Также Ф.Мухаметшин отметил наиболее важные достижения татарстанских ученых, которые вызвали большой резонанс в обществе и внесли значительный вклад в его сохранение и развитие.

В качестве одной из важных проблем Председатель Госсовета РТ отметил «утечку мозгов» и слабое привлечение молодых квалифицированных кадров. Также он подчеркнул, что уже сейчас необходимо расставить исследовательские приоритеты и тщательно организовать работу с талантливой молодежью.

Далее с отчетным докладом о деятельности Академии наук РТ за 2011 год выступил президент АН РТ академик Ахмет Мазгаров. В его докладе были перечислены основные достижения ученых за прошедший год и озвучены задачи на ближайший период.

В продолжение к докладу А.Мазгарова выступили директор Института истории им. Ш.Марджани, академик Рафаиль Хакимов, директор Института проблем информатики АН РТ Фарид Аблаев, директор Института языка, литературы и искусства им.Г.Ибрагимова АН РТ, член-корреспондент Ким Миннуллин, председатель КазНЦ РАН, академик РАН Олег Синяшин, которые не только дополнили выступление президента Академии наук Татарстана, но и рассказали о проблемах, которые на сегодняшний день существуют в современном научном обществе. По их мнению, в современном обществе научная и коммерческая деятельности должны существовать параллельно друг другу – ученый должен заниматься только наукой, а коммерческой деятельностью должен заниматься другой специалист. При этом ученым необходимо создавать все условия, которые бы позволили не отвлекаться на поиск дополнительных денежных средств для жизни.

С презентацией оборудования для выявления различных радиоактивных загрязнений в воздухе, в покупке которого на сегодняшний день заинтересованы различные зарубежные страны, выступил иностранный член Академии наук РТ, преподаватель Дрезденского университета (Германия) Томас Штрайль.

Деятельность немецкого коллеги отметил первый заместитель Премьер-министра РТ, член президиума АН РТ Равиль Муратов. «Когда говорят, что не надо академиком заниматься коммерцией или коммерциализировать свои проекты – не верьте. До меня выступал профессор, который трудится в одном из лучших университетов мира, он говорил о коммерциализации своих идей, реализованных в оборудовании. Оборудование может быть реализовано на территории

России. Невольно задаешься вопросом – почему не мы», – с таких слов начал он свое выступление.

По мнению Равиля Муратова, научное общество может превратиться в людей, которые стремятся удовлетворить свое любопытство за счет бюджетных денег. При этом желающих давать денег на такие цели с каждым разом становится все меньше и меньше. Финансирование всех проектов должно строиться на грантовой системе – необходимо знать, на что будут направлены денежные средства.

В качестве примера заместитель Премьер-министра Татарстана привел деятельность коммерческих и государственных вузов. По его словам, государственные вузы получают финансирование из бюджета, поэтому многие из них «поплеывают в потолок», в то время как негосударственные вузы борются за выживание. Стремясь выжить, они занимаются поиском и разработкой актуальных тем для современного производства и предприятий и создают на своей базе малые инновационные предприятия, тем самым зарабатывая деньги, улучшая условия деятельности своих сотрудников и материально-техническую базу.

В своем выступлении Равиль Муратов подчеркнул, что в научную деятельность нужно больше привлекать студентов – они более любознательны и амбициозны. «Студенты в большинстве случаев пишут дипломы ни о чем. Нужно давать специальные актуальные темы и учредить гранты за лучший диплом», – сказал он. В завершение выступления Равиль Муратов вручил ученым государственные и правительственные награды.

После перерыва на обед председатель Уставной комиссии АН РТ академик К.М.Салихов познакомил участников собрания с новым вариантом Устава Академии наук Республики Татарстан. После дискуссии и предложений, прозвучавших с мест, Общее годовичное собрание АН РТ решило взять за основу предложенный проект новой редакции Устава АН РТ.

В июне 2012 года истекает срок полномочий вице-президентов АН РТ, главного ученого секретаря, 51% из состава президиума АН РТ. Согласно уставным документам АН РТ должны были быть проведены выборы на Общем отчетно-выборном собрании АН РТ сроком на пять лет (по Уставу АН РТ п.37). В соответствии с Положением о выборах в Академии наук РТ, накануне Общего собрания академии в отделениях АН РТ также прошли общие собрания. Были заслушаны отчеты академиков-секретарей за 2007–2012 годы, выбраны руководящие органы отделений: академики-секретари, заместители академиков-секретарей, члены бюро отделений и утверждены ученые секретари отделений.

После обсуждения новой редакции Устава АН РТ участники Общего собрания провели путем тайного голосования выборы вице-президентов, главного ученого секретаря, членов президиума Академии наук Республики Татарстан, а также утвердили академиков-секретарей отделений АН РТ.

По итогам тайного голосования в состав президиума Академии наук РТ вошли:

1. Мазгаров Ахмет Мазгарович – президент АН РТ,
2. Абдуллин Айрат Лесталевич – вице-президент АН РТ,
3. Дьяконов Герман Сергеевич – вице-президент АН РТ,
3. Салихов Кев Минуллинович – вице-президент АН РТ,
4. Сафиуллин Марат Рашитович – вице-президент АН РТ,
5. Сулейманов Джавдет Шевкетович – вице-президент АН РТ,
6. Загидуллина Дания Фатиховна – главный ученый секретарь АН РТ,
7. Галкин Владимир Иванович – академик-секретарь Отделения химии и химической технологии АН РТ,
8. Гортышов Юрий Федорович – академик-секретарь Отделения математики, механики и машиноведения АН РТ,

9. Ильинская Ольга Николаевна – академик-секретарь Отделения медицинских и биологических наук АН РТ,

10. Валеев Наиль Мансурович – академик-секретарь Отделения гуманитарных наук АН РТ,

11. Салахов Мякзюм Хамимуллович – академик-секретарь Отделения физики, энергетики, наук о Земле АН РТ,

12. Файзрахманов Джаудат Ибрагимович – академик-секретарь Отделения сельскохозяйственных наук АН РТ,

13. Щелкунов Михаил Дмитриевич – академик-секретарь Отделения социально-экономических наук АН РТ,

14. Дегтярев Геннадий Лукич – академик АН РТ, координатор Совета по научно-технической и инновационной политике,

15. Сахибуллин Наиль Абдуллович – академик АН РТ, председатель комиссии по работе с молодежью.

16. Хакимов Рафаиль Сибгатович – академик АН РТ, директор Института истории АН РТ.

* * *

XX международный симпозиум «Наноструктуры: физика и технология» проходит с 24 по 30 июня на борту теплохода «Федор Шляпин» с остановками в таких волжских городах, как Нижний Новгород, Казань, Саратов и Самара. 26 июня состоялся визит в Академию наук Республики Татарстан одного из председателей симпозиума – Ж.И.Алферова с супругой. Здесь выдающемуся физику вручен диплом Почетного члена Академии наук Татарстана.

Ежегодный международный симпозиум по наноструктурам традиционно организуется двумя крупнейшими научными центрами России – Физико-техническим институтом имени А.Ф.Иоффе РАН и Санкт-Петербургским академическим университетом – научно-образовательным центром нанотехнологий РАН (Академический университет), начиная с 1993 года.

XX симпозиум пройдет под председательством двух лауреатов Нобелевской премии – профессора Жореса Алферова (Россия) и профессора Лео Есаки (Япония) и станет площадкой для интенсивного обмена информацией и обсуждения результатов работ, проводимых в одной из наиболее быстро развивающихся и перспективных областей современной физики – физики полупроводниковых наноструктур.

Ученые из ведущих научных центров России, Германии, Франции, Израиля, Швеции, Великобритании, США сделают доклады по новейшим достижениям в области исследования наноструктур, представят сообщения по их электрическим и оптическим свойствам, характеристикам на атомарном уровне, самоорганизации и технологии, покажут, что углеродные нанотрубки и наноструктуры – многофункциональный материал для эмиссионной электроники.

* * *

Медалью имени А.Д.Сперанского награжден почетный академик АН РТ, профессор Ренад Ибрагимович Жданов за большой вклад в развитие физико-химической биологии и фундаментальной медицины. Медаль учреждена Научно-исследовательским институтом общей патологии и патофизиологии Российской академии медицинских наук. Награда названа именем выдающегося советского ученого-медика в области физиологии и патологии, академика АН СССР (1939) и АМН СССР (1944) Алексея Дмитриевича Сперанского, который в свое время закончил с отличием медицинский факультет Казанского университета.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ, ПОСТУПИВШИХ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН»

§ 1. Организация рецензирования

1.1. Все научные статьи, поступившие в редакцию (с учетом всех *требований к авторам*, включая наличие одной рецензии), подлежат обязательному дополнительному рецензированию.

1.2. Ответственный секретарь определяет соответствие поступившей рукописи статьи профилю журнала, требованиям к ее оформлению.

1.3. Член редколлегии, курирующий одно из научных направлений (07.00.00; 10.00.00; 12.00.00), направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

1.4. Ответственность за качество рецензий и своевременность проведения рецензирования рукописей статей возлагается на члена редколлегии, курирующего одно из научных направлений (07.00.00; 10.00.00; 12.00.00).

1.5. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются заместителем главного редактора или членом редколлегии, курирующим одно из научных направлений.

1.6. Требования к содержанию рецензии: см. § 2.

1.7. Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент.

1.8. Рецензирование проводится конфиденциально. Рецензенты обязаны знать о том, что направленные им рукописи являются интеллектуальной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в рукописи статьи.

1.9. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, заместитель главного редактора направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование тому же рецензенту, который сделал критические замечания.

1.10. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

1.11. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается главным редактором, заместителем главного редактора или ответственным секретарем. Не допускаются к публикации: а) статьи, не оформленные в соответствии с требованиями, авторы которых отказываются от технической доработки статей; б) статьи, авторы которых не выполняют конструктивные замечания рецензента или аргументированно не опровергают их.

1.12. Оригиналы рецензий хранятся в редакции «Научного Татарстана» в течение трех лет.

§ 2. Требования к содержанию рецензии

2.1. Рецензия должна содержать квалифицированный анализ материала статьи, объективную, аргументированную его оценку и четко обоснованные рекомендации.

2.2. В рецензии особое внимание необходимо уделить освещению следующих вопросов.

- Анализ актуальности темы и научного уровня статьи.
- Соответствие содержания статьи ее названию.
- Оценка подготовленности статьи к публикации в отношении языка и стиля, соответствия установленным требованиям по оформлению материалов статьи.
- Научность изложения, соответствие использованных автором методов, методик, рекомендаций и результатов исследований современным достижениям науки.
- Адекватность и рациональность объема статьи в целом и отдельных ее элементов (текста, иллюстративного материала, библиографических ссылок). Целесообразность помещения в статье иллюстративного материала и его соответствие излагаемой теме.
- Место рецензируемой рукописи в историографии: не дублирует ли она работы других авторов или ранее напечатанные труды данного автора (как в целом, так и частично).
- Допущенные автором фактологические неточности и ошибки.

2.3. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного уровня рукописи.

2.4. В заключительной части рецензии должны содержаться обоснованные выводы о статье в целом и четкая, недвусмысленная рекомендация о целесообразности либо нецелесообразности ее публикации.

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Журнал «Научный Татарстан» ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 10.00.00 (филологические науки), 12.00.00 (юридические науки). При подаче материалов в редакцию вы должны учесть следующие наши требования (в противном случае статьи будут отклонены без рассмотрения):

– необходимо наличие распечатанного на бумаге текста (2 экз.) и его электронного варианта (шрифт Times New Roman, размер шрифта 14-й, междустрочный пробел полуторный, одно из полей – не менее 2 см, обязательная нумерация страниц) объемом не более 1 авторского листа (40 тысяч знаков), без иллюстраций, с указанием УДК, ключевых слов на русском и английском языках и короткой аннотацией на русском и английском языках, примечаниями (ссылки необходимо указывать в тексте сплошной надстрочной нумерацией «1, 2, 3 и т.д.», а сами примечания размещать в конце текста; Ф.И.О. авторов цитируемых материалов выделяются курсивом) или списком литературы (в конце текста строго в алфавитном порядке, Ф.И.О. авторов выделяются курсивом), сведениями об авторе/авторах (Ф.И.О. полностью, год рождения, данные об окончании вузе, ученая степень и занимаемая должность, тематика и общее число опубликованных работ, контактная информация);

– необходима наличие одной рецензии на статью доктора либо кандидата наук (научные направления 07.00.00, 10.00.00, 12.00.00);

– необходима ксерокопия квитанции о подписке на журнал.

При соблюдении вами указанных требований редакция журнала в обязательном порядке направит поступившие материалы на дополнительное независимое рецензирование, после чего будет принято решение об их публикации или отказе в публикации.

Адрес редакции: 420111, Казань, ул. Баумана, 20

Телефоны: 292-40-34 (гл. редактор), 292-84-82 (зам. гл. редактора),
292-15-64 (ответ. секретарь)

Факс: 292-02-72 (обязательно указать – «для редакции «НТ»)

e-mail: anrt@rambler.ru (обязательно указать – «для редакции «НТ»)

С наилучшими пожеланиями
и с надеждой на плодотворное сотрудничество

Редакция журнала «Научный Татарстан»

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА!

ПОДПИСКА НА «НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН» ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПО КАТАЛОГУ «ПОЧТА РОССИИ», ИНДЕКС 15615.

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ ОБЛЕГЧИТ ВАШЕ ОБЩЕНИЕ С РЕДАКЦИЕЙ НА ПРЕДМЕТ ПУБЛИКАЦИИ ВАШИХ МАТЕРИАЛОВ!